Annotation

В городе, окруженном высокой стеной, за которую никого не выпускают, живет девушка по имени Ромашка. Она любит ходить в музей и смотреть на картины, где изображено море, а по вечерам рисует кусочек неба, что виден в просвете меж соседних домов из ее окна. И слишком много думает о том, что находится за стеной...

Но даже в будничной суете есть место чудесам, если только распознать это чудо, помочь ему не исчезнуть в жестоком мире, впустить в сердце.

Городской Ромашке придется пройти через многое, узнать, что такое настоящая дружба, верность и любовь, но испытания ждут не только ее, потому что неотвратимо меняется мир, и всем живущим предстоит стать свидетелями удивительных и страшных событий.

Вышла в бумаге! Подробности здесь.

- Кай Ольга
  -
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16

- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Глава 33
- Глава 34
- Глава 35
- Глава 36
- Глава 37

Кай Ольга

Городская Ромашка

Глава 1

Дождь лил с ночи, не переставая. И, хотя время зажигать фонари еще не подошло, на улице было темно, и прохожие старались выбирать освещенные витринами улицы, спеша домой после очередного трудового дня. Под окнами проплывали разноцветные зонтики, казавшиеся одинаково серыми, с шелестом проносились автомобили. А из плотно занавешенных окон лились смягченные тканью отсветы, в которых изредка можно было угадать силуэты хозяев. Но чаще окна полностью закрывали жалюзи, и невозможно становилось понять - есть там кто, в доме, или хозяева еще не вернулись с работы.

Крайняя улица, которую называли Кольцевой, не считалась престижным местом для проживания - совсем близко к городской стене, а от центра города со всеми его развлечениями - далековато. Пешком не дойдешь. Но ведь те, кто жил в центре, пешком ходили разве только по квартире и, надо сказать, правильно делали: за свою жизнь приходилось опасаться не только тем, у кого есть, что взять. Потому-то все жители города, если была возможность, старались проехать хотя бы на метро.

Однако девушка, сидевшая в окне седьмого этажа старого дома на Кольцевой, считала, что ей повезло: в проем между зданиями на другой стороне улицы она видела небо. Небо начиналось от городской стены и уходило ввысь. Оно словно бы накрывало город своим куполом. Чаще всего небо имело грязно-серый цвет, но даже тогда можно было разглядеть над самым краем стены переливы невиданных красок, особенно вечером, когда садилось солнце. Тогда небо над стеной становилось ярко-алым, а иногда огненно-рыжим, и, постепенно темнея, меняло оттенки. Солнце уходило туда раскаленным докрасна кругом, опутывая закатными лучами клочья удивительных фиолетовых облаков.

Но сегодня буйства красок было не дождаться. Дождь заполнил собой все пространство до самой стены, и бесполезными оказывались попытки рассмотреть хоть что-нибудь за серо-бурой пеленой воды. Капли летели мимо окна, как всегда грязные, неприятные, после

которых на одежде вполне могли остаться желтоватые пятна. Подозревая, что эта грязь вовсе не безвредна, люди старались под льющуюся с неба воду не попадать, а если уж случалось такое - тщательно мылись под горячим душем.

Девушка переменила позу, устраиваясь на подоконнике поудобнее. Одна створка окна оставалась открытой, и шум воды наполнил комнату, в которой нескоро еще включат свет. Очень приятно сидеть в темноте, когда ничто не отвлекает от грез, рождающихся под спокойную песню дождя. Девушка сидела на подоконнике, глядя поблескивающими глазами куда-то вдаль, и видела она, наверное, не только это хмурое небо, а еще что-то, ведомое ей одной.

Дверь вдруг отворилась, полоса света перерезала комнату на две части, и в проем просунулась курчавая женская головка.

- Не спишь?

- Не сплю, - нехотя отозвалась девушка.

- Ну, тогда иди поужинай!

Дверь снова прикрыли, но не плотно. Девушка сидела еще некоторое время неподвижно, но пробивавшаяся из гостиной полоска света мешала вновь отгородиться от окружающего мира, и потому ничего не оставалось, как спрыгнуть с подоконника выйти туда, где горел свет.

Кухонька, служившая одновременно и прихожей, и гостиной, обходилась без окон. Здесь постоянно горели электрические светильники, вернее постоянно с тех пор, как небольшое семейство тетушки Полианы приехало погостить у своей племянницы. Постоянно с тех пор, как в городском крематории сгорело тело последнего близкого и любимого человека.

- Ну-ка, Машка-Ромашка, кушай быстрее, пока не остыло!

Тетя весело хлопотала на кухне, ее муж и маленький сын уютно устроились на угловом диванчике, доедая десерт. Девушка села за стол и взяла ложку.

Вообще-то ее звали Ромашкой. Странное имя очень ей досаждало, потому что легко рифмовалось с чем угодно, чаще всего обидным. Отец рассказывал ей, что имя это означает "прекрасный цветок, подобный солнцу", но отец был романтиком, а долгие и упорные

поиски в архивах электронных библиотек дали свои результаты, и теперь Ромашка твердо знала, что назвали ее в честь какой-то сорной травы, которую еще в давние времена изгоняли с пастбищ, чтобы не давала молоку неприятного запаха.

Длинное имя пытались заменить в обиходе на привычные, но давно уже немодные имена, кликая девочку то Ромкой, то Машкой - не прижилось. Машкой-Ромашкой звала ее, правда, не только тетя, а вот просто Машей - никогда.

Часто Ромашка завидовала своим знакомым, имена которых были куда более благозвучны. Новая волна моды принесла имена, означавшие названия диковинных цветов, растений и животных, которых редко кто видел даже на картинке. Так, например, бывший одноклассник Ромашки, задавака и хулиган, носил имя Рысь, которое, по мнению девочки, ему вовсе не подходило, ведь рысь - это мягкий, пушистый зверь с кисточками на ушах, пусть и хищный, но внушающий уважение, желание любоваться собой. А лучшую подругу Ромашки звали Дельфиной. Ромашкин папа когда-то, очень давно, рассказывал, что дельфинами называли прекрасных и очень умных морских существ. И тут он не ошибался - дотошная доченька все проверила, и когда показала подруге картинку с дельфином, той очень понравилось. Ну, ясное дело, всем достались имена красивые не только по звучанию, но и по значению. Ромашка чувствовала бы себя несправедливо обиженной, если бы не знала наверняка - имя для нее выбирала бабушка.

О, бабушка Ромашки была почти легендой! Поговаривали, что родилась она не в городе, а на хуторе, да только существовал ли этот таинственный хутор на самом деле - никто толком не знал. Бабушка умерла почти сразу после рождения внучки, поэтому Ромашка ее совсем не помнила, зато ее сына, а своего отца, помнила очень хорошо: невысокий, с добродушным лицом и басистым голосом, он казался ей большим и очень-очень надежным. Его Ромашка вспоминала куда чаще, чем мать, хотя и сожалела порой, что природа не наделила ее маминой внешностью. Мама была очень красивая, высокая и тоненькая, темноволосая, с большими синими глазами, и невероятно хрупкая. Мама часто болела, и Ромашка слышала, что только бабушкино лечение помогало маме надолго. А не стало бабушки - и мама не вылезала из постели. Денег на лечение давно уже не хватало, а

надежного друга-врача, который мог бы, не считаясь с запретами, помогать маме на дому, так и не нашлось. Да только болезни не суждено было забрать ее. Все случилось по-другому, разом оставив и Ромашку, и ее старшего брата круглыми сиротами.

После того, как девушка послушно вычерпала, ложка за ложкой, жидкий суп, тетушка Полиана поставила перед нею тарелку с картофельным пюре, минуту назад разведенным из порошка горячей водой. Тратить деньги на более разнообразную еду, с точки зрения тети, было неразумно.

- Кушай!

Ромашка ела. Пережевывать почти безвкусную массу не было необходимости, и девушка медленно отправляла в рот очередную порцию, глотала и долго ковыряла ложкой в тарелке, прежде чем снова зачерпнуть. Тетя, еще молодая и красивая женщина, с крашенными огненно-красными локонами вокруг маленького доброго личика, присела напротив, с беспокойством глядя на племянницу. Ромашка знала, что тетя жалеет ее, дурнушку и неудачницу, все еще не пришедшую в себя после постигшего ее горя, и очень удивляется, потому что ни разу за это время не видела, чтобы Ромашка плакала.

Все слезы девушка выплакала еще тогда, четыре недели назад, в самую страшную ночь - ночь после похорон брата. Сейчас Ромашка знала, что жизнь продолжается, что никакое горе не избавит ее от повседневных забот, которыми она сначала по-привычке, а после уже сознательно заполняла свое время. Но только что-то в этой жизни потерялось безвозвратно и навсегда, а что именно - Ромашка полностью осознала лишь недавно. Не было больше цели, не было смысла жить.

Изменилось что-то в ней самой. Тогда, четыре недели назад, она впервые, прослушав сводку новостей, поняла, что за каждой цифрой статистики преступлений, совершенных в городе за прошедший день, стоит чья-то жизнь, чья-то судьба. И в тот момент, когда эти цифры перестали быть для нее просто цифрами, она вдруг ощутила, насколько же эта жизнь жестока и несправедлива. И, что самое обидное, не чувствовала в себе сил как-то это изменить. А еще больше ужаснулась, когда поняла: почти никто из ее знакомых не считает все происходящее чем-то неправильным, просто каждый надеется, что в

сводке криминальных новостей за истекший день еще не скоро появится цифра, означающая конец именно его жизни...

Однако, несмотря на то, что Ромашка в последнее время часто чувствовала себя чужой, не такой как все, может даже и особенной, она оставалась во многом похожей на большинство девушек ее возраста, когда зрелые размышления вполне сочетаются с такими, что свойственны скорее ребенку, нежели взрослому человеку. Вот и сегодня в душе засела глухая обида на парней, потешавшихся над ее малым ростом и нескладной фигурой. Поэтому, когда тетя Полиана попыталась подсунуть ей добавки, уговаривая съесть еще хоть немного, Ромашка отказалась, а про себя подумала невесело, что скоро ее начнут дразнить толстухой. Кто ж виноват, что и лицом, и фигурой она пошла не в красавицу-мать? Слабо утешало и то, что, возможно, всему причиной гены бабушкиных родичей, проживавших на таинственном хуторе.

А дождь все лил и лил...

После ужина Ромашка вновь вернулась в свою комнату и села на подоконник. Наутро небольшое семейство тетушки уедет домой, на другой конец города, а пока Полиана болтала с мужем и переключала каналы телевизора, попадая то на новости, то на рекламу, то на развлекательное шоу. Шум телевизора не мешал Ромашке, к тому же дождь приглушал все звуки.

Осень поливала город дождем уже два месяца, когда кому-то из бывших одноклассниц пришло на ум организовать встречу выпускников. Парни слабо поддержали затею, не понимая, для чего куда-то идти, если можно узнать все новости по сети, а заодно и поболтать. Поэтому встреча не удалась, но Ромашка вскоре опять получила приглашение от одной из активисток. На этот раз планировали собраться только женским коллективом и вдоволь посплетничать о недостатках сильного пола.

Девичник, как бывало и раньше, собрали у Дельфины. Среди рослых красивых подруг Ромашка чувствовала себя едва ли не карликом. Девушки весело щебетали, обсуждая кого-то из знаменитостей. Ромашка не совсем понимала, что интересного остальные находят в обсуждении подробностей личной жизни ведущих телешоу и героев бесконечных сериалов, и удивлялась про

себя поведению подруг Дельфины. Именно подруг Дельфины, но не своих. Зная, как все эти красавицы перешептываются у нее за спиной, Ромашка пришла сюда только ради Дельфины, и грела себя одной мыслью - что сегодня останется у подруги ночевать, и уж тогда никто не помешает им вдвоем вдоволь поговорить о том, что действительно интересно.

Ромашка отошла от остальных к окну, спряталась за плотную штору и прильнула к стеклу.

Дельфине не повезло так, как ей: из этого окна неба было видно лишь чуток - где-то высоко, между крышами стоящих рядом домов, виднелась серая полоска. Впрочем, сегодня небо отливало синевой, и Ромашка долго смотрела на эту полоску, а потом, когда на город опустились первые сумерки, принялась разглядывать свое отражение в стекле.

Ее русые волосы были пепельного оттенка, почти серые. И глаза серые. Мягкий овал лица, простые, неприметные черты. И что-то, по-видимому, отталкивающее в выражении глаз, из-за чего многие не могли выдержать ее взгляда. Это "что-то" появилось совсем недавно, после похорон брата, и часто делало взгляд молодой девушки тяжелым. Однако это не мешало обидчикам бросать насмешки и в спину, и в лицо - за Ромашку теперь некому было заступиться.

- Чего тут стоишь?

Сзади тихо подошла Дельфина и встала за ее спиной. Ромашка видела лицо подруги в оконном стекле - Дельфина была почти на целую голову выше.

- Пошли к нам.

Ромашка молча кивнула и вернулась на диван.

- Чего это ты пряталась за шторой? - высокий голос принадлежал красивой длинноногой девушке с шикарными золотыми волосами. Она сидела, скрестив ноги, и короткое синее платье почти не прикрывало бедер. - В прятки, что ли, играла?

- Ты, Ромашка, в следующий раз так не прячься! - подхватила другая. - А-то придется нам просить Дельфину микроскоп с работы принести!

Девушки захихикали. Все, кроме Дельфины, которая прошептала:

- Лолла, не надо.

Ромашка беспокойно заерзала на диване. Ее маленький рост давно уже стал причиной постоянных подковырок, но каждый раз девушка не могла придумать достойного ответа, а огрызаться считала бесполезным.

- Да ладно, Ромашка, ты ведь не обижаешься, правда! - голос Лоллы словно сочился сладкой патокой, заставляя Ромашку ожидать подвоха. - Ты ведь не виновата, что ростом не вышла. Зато ты у нас самая умная. Так что не сердись, мы ведь по-доброму, любя...

Конечно, Ромашка не верила, что любя, но старалась не лезть на рожон - не хотела портить настроение Дельфине, которая сидела словно на иголках, беспокойно наблюдая за происходящим. Но вот разговор зашел о парнях, и Дельфина расслабилась. А Ромашка сначала слушала болтовню своих бывших одноклассниц, потом задумалась о своем.

Нельзя сказать, чтобы она была настолько ниже всех ростом, что казалась карликом. Нет. Всего-то сантиметров десять-пятнадцать. Однако ко всему прочему от природы ей досталась еще и фигура совершенно нестандартная, из-за чего Ромашка постоянно казалась себе безобразно-толстой. Когда-то она думала, что сможет исправить этот недостаток, занимаясь спортом, но ничего не вышло: бедра никак не становились уже, а живот - площе. Разве только от постоянных упражнений резче обозначились мышцы.

Лолла первой вынула длинную сигарету. Зная, что большинство девушек сейчас сделают то же самое, Ромашка сперва отошла к окну, а потом, ощутив вдруг приступ голода, тихонько двинулась к кухонной стенке. Сначала она очень стеснялась, опасаясь вызвать новые насмешки, но желудок требовательно заурчал, и Ромашка, не оглядываясь на остальных, занялась поисками съестного. За спиной тут же послышался осуждающий шепоток.

- Эй, Ромашка! - окликнула ее темноволосая Лиса, - Забыла поговорку? "Ужин отдай врагу"!

- Я сегодня не обедала, и даже почти не завтракала, - отозвалась Ромашка, разводя горячей водой остатки лапши.

Девушки смотрели на нее с недоумением.

- Не понимаю, как можно такое есть! - пожала плечами Лиса.

Когда-то Дельфина под большим секретом поведала Ромашке, что Лиса сидит на таблетках. Теперь это не было тайной ни для кого, к

тому же многие девчонки следовали примеру Лисы, практически отказываясь от еды.

- Разве это безопасно? - спросила тогда Ромашка свою подругу-медсестру.

- Да как сказать, - Дельфина пожала плечами и улыбнулась: - Красота требует жертв. А у Лисы бедра широковаты, вот ей и кажется, что она толстая.

Сейчас, вспоминая этот разговор, Ромашка смотрела на Лису и видела пред собой невероятно истощенное существо, у которого кости едва ли не просвечивали сквозь кожу. И все же она немного завидовала Лисе: вот уж у кого действительно есть сила воли!

Гостьи ушли, когда на улицах уже включилось освещение.

- Ты не обижайся на них, - сказала Дельфина подруге, когда они остались вдвоем.

- Да я и не обижаюсь. Привыкла...

Разложив диван и отодвинув закрывающие окно тяжелые шторы, Дельфина и Ромашка улеглись рядом, глядя на отсветы огней и прямоугольники окон соседнего дома. Они еще не знали, что красавица Лолла не вернется сегодня домой, пополнив собой статистику происшествий в уголовной хронике, а через две недели, несмотря на все усилия врачей, в больнице скончается от чрезмерного истощения так весело смеявшаяся сегодня Лиса.

Глава 2

Ромашка шла знакомой улицей. Она уже давно не бросала недоуменного взгляда на щит-вывеску больницы скорой помощи. Раньше девушку всегда удивляло, почему на этом щите крест нарисован зеленый, а не красный. "Словно дальтоники рисовали" - возмущалась она про себя. "Они там не людей лечат, а зеленых человечков, - шутил когда-то брат. - Вот и крест зеленый нарисовали, потому что кровь у них не красная, как у людей, а зеленая". Но Ромашка, конечно, не верила, и все равно удивлялась.

Однако тот период удивления давно прошел. В своем городе она видела две таких больницы, и на вывеске второй из них крест был синим. И машины скорой помощи также были разукрашены согласно этим знакам: автомобили с зелеными крестами ехали в эту больницу, а с синими - в другую. Возможно, где-то встречались и автомобили с красными крестами, но Ромашка таких не видела.

А вот сегодня почему-то давние размышления о дальтониках, нарисовавших зеленый крест вместо красного, вновь пришли ей на ум. И, похоже, не только ей. Человек, который вышел, а вернее выпал из дверей больницы, тоже с недоумением покосился на эту вывеску. И устало привалился к перилам. Выглядел этот человек, мягко говоря, неважно. Лицо, наполовину заросшее светлой бородой, носило следы недавних побоев. Волосы обрезаны неаккуратно чуть выше плеч, одежда местами рваная. Левую руку он прижимал к груди, и, Ромашке показалось, под его пальцами расплывалось бурое пятно.

Беспомощно оглянувшись на белоснежные двери больницы, незнакомец скукожился и, придерживаясь правой рукой за перила, начал неуверенными шагами спускаться по ступенькам.

Сердце Ромашки болезненно сжалось. Она, конечно, успела повидать немало за свои двадцать два года, как, впрочем, и любая горожанка, а потому доподлинно знала, что человека этого не пустят даже на порог. Ведь перестал же доктор приходить к маме, когда в семье закончились деньги. К тому же по незнакомцу видно было сразу, что платить ему нечем. И оказаться он мог кем угодно, даже опасным

преступником: к чему в таком случае еще и неприятности с полицией? Однако что-то в этом человеке, а может и в ней самой, заставило ее остановиться в двух шагах от широкого крыльца.

Незнакомец с большим трудом опустился на нижнюю ступеньку, поднял голову и еще раз оглянулся на дверь. Потом на вывеску и снова на дверь. И на лице его была какая-то почти детская обида, искреннее непонимание происходящего. Некоторое время он смотрел прямо перед собой, потом заметил подошедшую Ромашку.

- Девушка, - она услышала слабый, срывающийся голос, - скажи, пожалуйста, это больница?

- Больница, - выдохнула Ромашка.

Незнакомец отвел взгляд и снова замер. Вид у него был потрясенный. И девушке показалось, что куда больше этого странного человека беспокоил не тот факт, что он, по-видимому, ранен, а тот, что это действительно больница...

Что произойдет в ближайшие несколько минут, Ромашка знала наверняка: сначала из-за белоснежной двери выглянет охранник и очень настоятельно попросит незнакомца убраться с крыльца и не пачкать ступени, потом вызовут полицию. И уж совсем неожиданно для самой себя она подошла еще ближе и произнесла:

- Вы сможете встать? Давайте, я вам помогу.

Незнакомец удивленно встрепенулся, но от помощи не отказался. Он послушно поднялся, поддерживаемый девушкой, и оперся о ее плечо.

Хорошо, что до дома было недалеко.

- Постарайтесь притвориться, что вы не больны. Что все хорошо, - бубнила Ромашка по дороге. - Вы же не хотите попасть в тюрьму, правда?

Кажется, последние слова до него дошли. Незнакомец сделал над собой усилие и выпрямился, стараясь ступать тверже. Ромашка вздохнула с некоторым облегчением, хотя, конечно, радоваться было еще ох как рано! Бдительные соседи обязательно заинтересуются подозрительным типом, которого ведет к себе девушка, и если вдруг что заподозрят - через две минуты полиция будет уже у подъезда. Странно, но обо всем этом Ромашка подумала как-то отвлеченно, да, в принципе, и не в ее силах было предусмотреть все случайности.

Ромашка сочла поистине чудом то, что ей удалось беспрепятственно добраться до подъезда и даже войти в квартиру. Закрывая за собой дверь, она запоздало подумала, что поступает весьма опрометчиво, приводя абсолютно незнакомого человека с внешностью бродяги к себе в дом.

Она усадила незнакомца на диван. Тот по-прежнему держался рукой за грудь, и Ромашка содрогнулась при мысли, что ей придется осматривать рану. И все же, поборов неожиданный страх, сказала:

- Покажите, что у вас там...

Под старой вязаной кофтой, явно с чужого плеча, на нем была полотняная рубаха. Задрав промоченную кровью ткань, Ромашка увидела рану, очень большую, как ей показалось, и сильно кровоточащую. В первый момент ее замутило, но девушка тут же взяла себя в руки. В медицине она понимала очень мало, но и ей стало ясно, что без врача здесь не обойтись.

- Сейчас, подождите минутку, - пробормотала она. - У меня подруга - медсестра, я ей позвоню.

Дельфина сняла трубку почти сразу и тут же услышала взволнованный голос подруги:

- Это я. Слушай, ты можешь прямо сейчас ко мне прийти? Это очень срочно!

Услышав утвердительный ответ, Ромашка добавила:

- И возьми с собой все что нужно... чтобы рану зашить... Только, пожалуйста, как можно быстрее!

Положив трубку, Ромашка обернулась к сидящему на ее диване человеку:

- Сейчас она придет. Вы только потерпите немного. Дельфина еще не стала врачом, но она очень хорошо все делает, я знаю.

Ромашка не стала объяснять, что настоящий врач не пришел бы лечить такого подозрительного больного, да еще и совершенно бесплатно. А, вздумай она все же обратиться за помощью, тут же настучал бы в полицию.

Дельфина влетела в распахнувшуюся перед нею дверь и тут же уперлась взглядом в странного и на ее взгляд совершенно неприятного типа.

- Где ты его подобрала?

- На улице, - откровенно ответила Ромашка. - Он пытался в больницу зайти.

- А-а-а, - протянула Дельфина. И вздохнула: по ее мнению, подруга совершенно зря притащила этого человека в дом. Но уже минуту спустя они вместе с Ромашкой помогали раненому лечь на стол - теперь он был всего лишь пациентом, а молодая медсестра почувствовала себя настоящим врачом и быстро освоилась в этой роли.

Дельфина командовала уверенным голосом, и Ромашка спешно исполняла все ее поручения. Рану промыли и продезинфицировали, и теперь на отощавшем теле был хорошо виден разрез с левой стороны груди, пониже сердца. "Не слишком глубокий" - сказала Дельфина, и Ромашка наполовину успокоилась. Правда, когда пришло время зашивать рану, оказалось, что обезболивающего у Дельфины нет. Молодая медсестра честно предупредила своего пациента, что будет больно. Тот едва заметно кивнул и пальцами крепко вцепился в края стола.

- Удивляюсь я тебе, подруга! - шепотом сказала Дельфина, когда дело было сделано, и ее пациент, как следует перебинтованный, лежал на столе с закрытыми глазами, понемногу приходя в себя. - Притащила домой неизвестно кого! Да разве так можно? А вдруг это какой-нибудь преступник!

Ромашка молча пожала плечами. Она и сама не могла объяснить, почему поступила именно так, а не иначе, почему не прошла мимо. Почему не только сама пошла на риск, а еще и вынудила лучшую, вернее единственную подругу рисковать карьерой и профессиональной репутацией, оказывая помощь непонятно кому в неположенном месте, да еще и без разрешения начальства.

На улице завыла сирена. Девушки вздрогнули.

- Этого следовало ждать, - проговорила Дельфина. Голос ее дрожал.

Незнакомец, все еще лежавший на столе почти неподвижно, обернулся. В этот момент Ромашка поняла, почему не побоялась привести его домой: в смотревших на нее светло-серых глазах было нечто такое, что сразу вызывало доверие. И сочувствие.

Он нахмурился, потом с трудом поднялся и сел. Девушки запоздало подскочили к нему, когда он уже пытался встать на ноги.

- Вы еще слишком слабы, - неуверенно произнесла Дельфина. Она-то прекрасно понимала, что для ее пациента сейчас лучшее - уносить ноги со всей возможной быстротой. Даже если он действительно не преступник.

- Ничего, я как-нибудь... Не хочу, чтобы у вас были неприятности из-за меня.

Отстранив поддерживающие его руки, он сделал несколько нетвердых шагов по направлению к двери, остановился, прикрыл глаза на секунду, глубоко вздохнул.

- Спасибо вам, Дельфина, Ромашка...

Когда дверь за ним закрылась, девушки еще стояли некоторое время неподвижно, слушая, как подъезжают к дому полицейские автомобили. Потом отошли от двери и опустились на диван.

- Надеюсь, он не умрет, - пробормотала Дельфина. - И еще я очень надеюсь, что его не поймают.

Ромашка молчала, но она тоже надеялась.

Когда в квартиру ворвались полицейские, Дельфина первая пришла в себя.

- Он угрожал нам оружием! - воскликнула девушка. - Сначала заставил подругу привести его сюда, потом - позвонить мне! И мне тоже угрожал, заставил лечить!

Глава 3

Зима в этом году не отличалась от всех прошлых зим, которые Ромашка могла вспомнить. Изредка лужи на тротуарах подергивались тоненькой корочкой льда, а однажды, когда было совсем холодно, Ромашка к изумлению своему увидела на поверхности одной такой лужицы удивительнейшие узоры. К полудню узор растаял, но Ромашка еще долго вызывала в памяти ледяную картинку, на которой, словно живые, переплетались ветви невиданных растений, нарисованных морозом. Очень похожие растения Ромашка как-то видела на картинах. Вообще на картинах можно было увидеть много чего такого, что казалось невероятным: высокие горы с белоснежными вершинами, таинственные лесные озера, необъятные просторы моря... Городской жительнице все это могло бы показаться плодом фантазии художника, если б она не знала доподлинно - все это где-то существует. И не беда, что никогда раньше Ромашка не видела подобного: ходили ведь слухи про таинственный хутор, где живут люди, совсем не похожие на городских. А где еще мог находиться этот хутор, если не в таком загадочном и прекрасном лесу, как на старинных картинах? "Когда-нибудь я уйду из города и увижу все это своими глазами" - говорила себе Ромашка, в то же время понимая, что, скорее всего, это так и останется ее несбывшейся мечтой.

Мелкие, холодные капли вновь повисли в воздухе, и прохожие принялись раскрывать зонты. "А когда-то вместо дождя зимой был снег", - вздохнула Ромашка, раскладывая старый зонт. Она как раз проходила мимо крыльца больницы, той самой, с зеленым крестом на вывеске...

Благодаря удачной выдумке Дельфины, для двух подруг все закончилось без особых последствий. Им поверили сразу. Долго спрашивали, как выглядел тот человек, какие особые приметы, и девушки не врали, прекрасно понимая, что все их показания будут сопоставлены с описанием, которое дадут соседи. Пару раз их "приглашали" в отделение, и Ромашка тихо радовалась про себя, зная, что странного незнакомца так и не поймали. Позже, когда девушка

вспоминала его, она видела перед собой бородатое лицо с удивленными светло-серыми глазами. Возраст своего нечаянного гостя девушка так и не определила для себя. Лицом он казался значительно старше ее, но вот странное выражение, застывшее в глазах незнакомца, когда он сидел на ступенях больницы, по убеждению Ромашки, могло быть только у ребенка. Или у не по годам наивного человека.

Тускло блестящие под моросящим дождиком ступени вели к белоснежным дверям, по обе стороны от которых на стене располагались ряды аккуратных окон, плотно закрытых белыми жалюзи. Здание больницы всегда казалось Ромашке каким-то негостеприимным, а после того случая месяц назад - и подавно. "И ведь странно, - думала она. - Если бы тот человек не удивился, что его не впустили в больницу, я бы и сейчас думала, что все происходит так, как должно".

Из раздумья девушку вывел негромкий возглас. Она сначала и не поняла, что обращались к ней, но возглас повторился:

- Ромашка!

Парня, стоявшего в нескольких шагах от нее, девушка узнала не сразу. Несмотря на то, что Рысь был ее одноклассником все двенадцать лет, Ромашка не водила с ним дружбы, и даже наоборот, недолюбливала, в основном потому, что Рысь постоянно ее дразнил. Но сейчас ей показалось, что парень рад нечаянной встрече.

- Здравствуй, Рысь, - ответила девушка.

- Узнала? - он засмеялся. - А ты совсем не изменилась со школы!

Некоторое время он просто смотрел и улыбался, потом спросил:

- Как дела? Где работаешь?

- Учусь.

- Ого! - Рысь искренне удивился, и даже присвистнул: поступить в ВУЗ поистине было непросто, а учитывая, что у Ромашки не было богатых родственников - так и подавно. - Ну, ты молодец! Всегда знал, что ты очень умная! Еще бы, училась лучше всех!

- А ты как?

Ромашка спросила не столько из интереса, сколько желая прекратить поток восхищений, а возможно и вопросов, отвечать на которые не хотелось.

- Работаю, - сказал Рысь. - Угадай, где!

Девушка пожала плечами, тогда бывший хулиган и забияка прищурился и произнес заговорщицким тоном:

- В музее.

- Да ладно! - удивилась Ромашка, вспомнив большое серое здание, уходящее, как говорили, еще и на много этажей под землю. - А кем?

- Вообще-то сторожем, - ответил Рысь, немного смущаясь. Нет, не то, чтобы это было зазорным, да только Ромашка, кажется, ожидала другого. И верно разочарование девушки не укрылось от него.

- Только я работаю днем, - тут же добавил он. - Хожу по залу, смотрю, чтобы никто ничего не трогал.

- Трудно, наверное, - хмыкнула девушка. Она довольно часто, почти каждый год, ходила в музей посмотреть на картины, а потому знала: многие посетители не понимали, что все выставленные в залах предметы бесценны, и смотрителям приходится очень внимательно следить за тем, чтобы кто-нибудь не отколупнул кусочек от шедевра или не попортил его маркером.

- Не трудно, - ответил с улыбкой парень. - Людей ходит все меньше и меньше.

- Ясно, - кивнула Ромашка, и заметила вдруг, что Рысь смотрит на нее с какой-то странной задумчивостью.

- Знаешь, - произнес он негромко, - я вот увидел тебя и понял, кого они мне все время напоминают...

Ромашка так удивилась странной фразе, что даже забыла спросить, кто это - "они".

- Слушай, - снова заговорил Рысь, - у нас открыли новую экспозицию. Недавно, всего месяц назад. Не хочешь ли пойти посмотреть?

- А что там? - поинтересовалась девушка, хотя про себя тут же решила, что пойдет обязательно.

- Не скажу, - улыбнулся парень, - пусть это будет сюрпризом. Когда ты сможешь?

Девушка задумалась на минутку.

- Давай послезавтра, - предложила она.

- Давай! - обрадовался Рысь. - Я, правда, не смогу встретить тебя у входа... Ты сразу спускайся на этаж ниже и иди от лифта налево. Там, в самом конце коридора, будет поворот. Найдешь?

- Конечно.

- Ну, тогда договорились! Только ты обязательно приходи.
- Приду, - улыбнулась девушка.
Довольный Рысь попрощался, а Ромашка пошла дальше.

В назначенный день Ромашка встала рано и была у входа едва ли не к моменту открытия. Сказать, что Рысь ее заинтриговал, значило бы не сказать ничего. Мало того, что ей обещали показать нечто особенное, так кто обещал - тот самый хулиган, так досаждавший ей во время учебы в школе! А ко всему прочему это означало еще одну долгожданную прогулку по полюбившимся с детства просторным залам с чудесными картинами. Чудесными потому, что на каждой из них было изображено какое-то чудо: снег, искрящийся под лучами восходящего солнца, бурный поток воды, низвергающийся со скал в живописное ущелье, пушистые медвежата в светлом сосновом лесу... Были еще портреты людей, но Ромашка редко задерживалась подле них, потому как люди на портретах казались ей какими-то сказочными существами, еще более невероятными, чем резвящиеся у поваленного дерева медвежата, и имеющими куда меньшее отношение к реальному миру.

Неторопливо девушка пересекла огромный холл и остановилась у лифта. Почти сливающиеся со стенами створки тут же разъехались в разные стороны, пропуская Ромашку внутрь. Через несколько секунд девушка вышла этажом ниже, прежде чем свернуть в коридор, остановилась полюбоваться морем...

Море было огромным, почти во всю стену. Высокие волны переливались малахитом и бирюзой, склонившееся к горизонту солнце подсвечивало вздыбившуюся воду, делая картину еще более яркой и выразительной. На переднем плане барахтались люди, цепляясь за какие-то обломки, но Ромашка почему-то никогда не обращала на них внимания.

С трудом оторвав взгляд от картины, девушка повернулась: и перед ее глазами снова было море. Таинственные громады черных скал поднимались из воды, по которой, искрясь, бежала дорожка закатных лучей. Рядом, чуть левее, - снова море. Приветливая лазурь под ясным небом, на ней - невероятные, кажущиеся скорее порождением волн, чем творением человеческих рук, корабли с белоснежными парусами... В этом зале кругом было море. Ромашка всегда подолгу стояла здесь,

среди картин. Она любила море, можно сказать, заочно, потому что никогда не видела его своими глазами. Где-то, ближе к югу, располагался город-курорт. Он стоял на самом берегу моря, и, казалось Ромашке, был не слишком далеко от ее родного города, но очень мало кто из Ромашкиных знакомых мог позволить себе отдых на побережье. Однако такое все же случалось изредка, и тогда счастливец по возвращении собирал всех знакомых и весь вечер рассказывал и показывал фотографии. Или пересылал письма и фото по сети. Несколько раз такие фотографии попадали к Ромашке, и она с жадностью принималась их рассматривать в надежде увидеть наконец, какое оно на самом деле - море. Но ее каждый раз ожидало разочарование: почему-то на фотографиях море лишь изредка показывалось бледно-голубой полосой где-то на горизонте, едва проглядывая между стен зданий и ветвями диковинных растений. Чаще всего на снимках был запечатлен крупным планом сам счастливец, отдыхавший в приморском городе: на фоне отеля, в аквапарке или в красиво обставленном номере, в выложенном мозаикой бассейне или в ресторане. Иногда Ромашка думала: "А что, если море нельзя фотографировать?", и тут же отбрасывала эту мысль - ну кому и зачем может понадобиться запретить фотографировать море! Но, так или иначе, а моря на снимках действительно не было.

Ромашка нехотя покинула зал и направилась по коридору. Нужный поворот девушка нашла сразу, и, едва зайдя за угол, остановилась как вкопанная. Первый подземный этаж имел окна почти под самым потолком. Обычно они давали мало света, но сегодня день был необычно ясный и солнечный, поэтому слабые лучи все же проникали в зал, и в их таинственном свете Ромашка увидела вдруг множество людей: они стояли вдоль стен, замерев в разнообразных позах, величественные, изящные и прекрасные...

Девушка моргнула, и наваждение прошло. Теперь она видела, что это не люди, но в неверном свете белый мрамор, казалось, дышал, статуи жили своей собственной жизнью и только и ждали, чтобы Ромашка отвернулась. Она сделала шаг вперед, и негромкий стук каблуков разнесся эхом, едва не напугав. А хотелось ступать тихо-тихо, чтобы подслушать почудившийся вдруг тихий шепот. Но в этот миг тишину прорезал новый звук:

- Ромашка, привет!

От неожиданности девушка вздрогнула всем телом и, обернувшись, увидела Рыся, спешащего к ней из дальнего угла зала.

- Привет, - ответила она почти шепотом.

Парень, видимо, понял, что зрелище Ромашку потрясло, и удовлетворенно хмыкнул:

- Нравится?

Она медленно кивнула.

- Их совсем недавно подняли из хранилищ, - принялся рассказывать Рысь. - Как я слышал, эти статуи очень древние. Ну, конечно, их вряд ли создали еще до Большого Ледника, но уж точно задолго до Каменного Дождя!

Ромашка слушала молча, но Рысь правильно рассудил: это вовсе не потому, что ей неинтересно, - просто девушка все еще не оправилась от потрясения.

- Так вот, когда я впервые их увидел, я подумал, - тут Рысь понизил голос, оглянулся, и продолжил уже едва слышным шепотом, - я подумал, что если хутор в лесах существует на самом деле, то тамошние люди должны быть похожи на них. И еще я подумал о тебе...

Ромашка шла, стараясь ступать как можно мягче. Робко, словно опасаясь обидеть мраморное изваяние, и в то же время внимательно, девушка разглядывала фигуры и лица людей, в первый момент показавшихся ей живыми. На портретах, созданных художниками до Каменного Дождя, люди тоже были непохожи на современников Ромашки, и оттого девушка почти не воспринимала их, как изображения реальных, когда-то живших людей. Здесь же все было по-другому: недаром в первый момент статуи показались ей живыми.

Она переходила от одной фигуры к другой. Чаще всего они были ниже ее ростом, хотя, стоя на постаментах, и казались выше. А еще они совсем не были похожи на людей, вернее, на тех людей, которых Ромашка знала. Мужчины в городе редко занимались работой, где требовалась физическая сила - всё делали роботы, потому-то Ромашкин отец смотрелся против них богатырем, хотя ростом часто оказывался ниже остальных на целую голову. Многие, правда, пытались усовершенствовать свое тело, занимаясь в спортзалах или глотая специальные таблетки, и их сила, так явно выпяченная напоказ широченными - не обхватишь и двумя руками - буграми мышц под одеждой, вселяла страх. Но, глядя на мраморные фигуры, Ромашка

думала почему-то, что вздумай ожить один из замерших у стены воинов - и никто из местных хулиганов не выстоит против него в честном поединке. Правда, честного поединка такому воину вряд ли следовало ожидать.

А женщины! Они казались Ромашке уж совсем странными: широкие бедра, небольшие груди, плавные линии тела - модели, с которых ваяли скульпторы свои шедевры, сейчас обязательно получили бы обидные прозвища и считались бы если и не уродинами, то уж во всяком случае дурнушками. Хотя... может, как раз такой и была ее бабушка?

- Я так и знал, что тебе понравится, - раздался за спиной довольный голос Рыся. - Другим они почему-то не нравятся. Вчера приходили несколько человек, - он умолк на секунду, а когда Ромашка обернулась, опустил глаза и сказал: - Ржали как ненормальные!

Ромашка отвернулась, и на лице ее появилась недоверчивая улыбка. Вот как, значит, отпетый хулиган так проникся искусством, что ему обидным и неприятным показалось поведение вчерашних посетителей. Да что показалось - так оно и было! Но вот уж от кого-кого, а от Рыся девушка меньше всего ожидала подобной реакции. Наверное, что-то в этом здании есть такое, что может поселить чувство прекрасного даже в самую черствую душу. А может, дело в самом Рысе, который оказался лучше, чем она, Ромашка, думала?

Рысь провел ее только до выхода в коридор.

- Слушай, Ромашка, а у тебя есть уже какие-то планы на вечер?

Вопрос застал девушку врасплох, и потому она едва вспомнила, что сегодня у нее много дел, особенно после полудня, и домой она вернется поздно, к тому же, скорее всего, уставшая.

- Сегодня я буду занята, - пробормотала она.

- А завтра?

- Завтра? Наверное, свободна... А что?

- Давай встретимся завтра вечером, - предложил Рысь.

- Давай, - нерешительно ответила девушка.

- Договорились! - воскликнул Рысь. - Завтра вечером в пять на перекрестке Кольцевой и Музейной. Идет?

- Идет.

Домой Ромашка вернулась уже затемно. На Кольцевой освещение включали всегда вовремя, потому что этот район города считался очень неспокойным. Девушка старалась держаться как можно ближе к обочине, опасаясь, что из какого-нибудь подъезда или арки вдруг выскочит темная тень и на нее набросится. Однажды она была свидетелем того, как черная тень кинулась из-под арки на прохожего и уволокла куда-то в темноту. До той арки было далеко, и девушка, понимая, что сама не сможет помочь, подняла крик. Как и следовало ожидать, ее просто проигнорировали. Бросившись назад, к перекрестку, Ромашка наткнулась на полицейского, но уговорить его сдвинуться с места не смогла, да еще и сама едва не угодила в отделение за нарушение общественного порядка.

Услышав позади резкий визг тормозов, девушка метнулась от тротуара к стене дома и едва ли не побежала. Уже удалившись на приличное расстояние, Ромашка поняла, что никто за ней не гонится, и машина, скорее всего, просто привезла домой своего хозяина. На Кольцевой мало кто имел свой автомобиль, потому девушка всегда подозрительно относилась к машинам, останавливающимся на этой улице, да еще так резко. Один раз такая подозрительность, а также быстрые ноги спасли ей жизнь.

Закрыв за собой дверь квартиры, Ромашка облегченно выдохнула и, разувшись, сразу двинулась к кухонной стенке. Наскоро приготовив себе еду, она взобралась на широкий подоконник в комнате. Полоса неба над стеной была, как всегда, ярче, и Ромашка по-привычке устремила усталый взгляд именно туда. В следующее мгновение забыта была и едва, и все волнения сегодняшнего дня: над самой стеной мерцали два огонька. И девушка долго неподвижно сидела, вглядываясь в них, пока не устали глаза, потому что на небе даже в ясную погоду нечасто можно увидеть звезды.

На следующий день без десяти минут пять Ромашка уже подходила к перекрестку. Ей почему-то было важно, чтобы Рысь пришел раньше нее. Дойдя до перекрестка, девушка выглянула на Музейную и тотчас заметила бегущего со всех ног Рыся. Решив, что в

таком случае можно и показаться, Ромашка вышла на середину тротуара и с улыбкой ждала, пока парень подбежит к ней.

В этот вечер они долго гуляли по тротуарам близлежащих улиц. В основном разговаривали о музее. Рысь работал там недавно, но успел обойти, наверное, все доступные залы. Когда включили освещение, Ромашка сказала, что ей пора домой. Рысь засмеялся.

- Ну, пойдем, - сказал он. - Я тебя провожу.

Уже возле подъезда парень остановился, немного смущенно глядя на Ромашку.

- Тебе понравилось гулять? - вдруг спросил он.

Девушка кивнула, и лицо Рыся расцвело улыбкой.

- Слушай, а запишешь мне свой телефон!

- Рысь? Это тот самый хулиган?

Удивленный возглас Дельфины заставил Ромашку рассмеяться.

- Да, тот самый.

В наушниках раздалось недоверчивое хмыканье.

- Ну, я не знаю, может, он и исправился сейчас, - произнесла Дельфина. Старый телефон Ромашка уже не раз самостоятельно ремонтировала, но все равно голос подруги, доносившийся из динамиков, постоянно прерывался шипением и треском. - Помнишь Нарциссу? Мы с ней как-то виделись, и она рассказывала, что Рысь пытался за ней ухаживать.

- Ну и что? - тут же отозвалась Ромашка.

- А то, что ухажер из него оказался никудышный! Нарцисса его бросила, потому что он зануда и совершенно не умеет себя вести!

- Нарцисса его бросила, потому что он, наверное, предложил ей погулять по улицам, вместо того, чтобы повести в ресторан или кафе! - резко ответила Ромашка.

Сначала в наушниках раздавалось только шипение, потом Дельфина хихикнула:

- А ведь ты права! - она вздохнула и добавила: - За Нарциссой, я слышала, сейчас какой-то богач ухаживает. Она даже пешком перестала ходить - все на его машине катается.

- Ну и пусть катается, - буркнула Ромашка.

- Ты только смотри, - в голосе Дельфины прозвучали покровительственные нотки, - не позволяй ему слишком многого. Кто

знает, что у него на уме?

Вскоре девушки попрощались. От разговора с подругой у Ромашки остался неприятный осадок: почему-то ей казалось, что если б Рысь был богачом или хотя бы просто обеспеченным человеком, Дельфина посоветовала бы ей наплевать на все чувства и держаться за такого ухажера руками и ногами. А правильно это или нет - Ромашка не знала. Наверное, правильно, да только родители воспитали ее по-другому, и жизни никак не удавалось вытряхнуть из нее это никому ненужное и такое непрактичное воспитание.

Рысь позвонил через два дня, и они снова встретились. И снова гуляли по улице, благо, темы для разговоров как-то сами находились. Провожая девушку домой, Рысь задержался на пороге подъезда и неуверенно предложил:

- Может, пригласишь меня?

Разочарование отразилось на ее лице в ту же секунду, что сначала удивило парня, потом глаза его подозрительно сузились.

- Что-то не так? - с вызовом спросил он.

"Наверное, все так, - думала Ромашка, - просто мне почему-то не хочется тебя приглашать". Она смотрела на Рыся и молчала. Своего лица в этот момент девушка, естественно, видеть не могла, но Рысь прекрасно его видел. Грусть, появившаяся в ее серых глазах, не осталась незамеченной.

- А ты как думала? - зло бросил Рысь. - Если я тебе не нравлюсь, то чего приходишь на встречи?

"Нравишься", - хотела было возразить Ромашка, но не нашла в себе сил ответить.

- Или ты так же, как остальные, ждешь, что какой-нибудь богач поведет тебя в ресторан и накупит дорогих шмоток? Тогда зачем морочила мне голову?

- Ты говоришь глупости и гадости, - медленно, чеканя каждое слово, ответила Ромашка.

- Глупости?

Девушка решительно не понимала, чем она могла так разозлить Рыся, а тем более обидеть настолько, чтобы парень сказал ей то, что сказал. Но сказанного не воротишь, и потому, понимая даже, что со злости всякого можно наговорить, Ромашка почувствовала, как

болезненно сжалось сердце. То же самое она чувствовала, когда, еще в детстве, они с мамой купили цветущее растение в горшке и несли его домой, а какой-то хулиган толкнул ее, и горшок упал на асфальт, да так неудачно, что весь стебель изломался. Правда, тогда мама подсказала Ромашке, что можно взять кусочек стебля и поставить его в воду, а потом посадить в новый горшочек - и вырастет цветок даже лучше, чем был.

Но Рысь злился. Может, припомнил неудачу с Нарциссой? Ромашка вздохнула.

- Я пойду, - прошептала она и, отвернувшись, взялась за ручку двери.

- Иди, иди! - прозвучало в спину.

Девушка уже закрывала за собой дверь подъезда, когда до нее донеслось:

- А те статуи действительно безобразные. Уродливые. Как и ты!

Ромашка замерла, перевела дыхание и выглянула наружу. Рысь, кажется, и сам испугался своих слов, и теперь смотрел на нее даже растерянно.

- Мне и правда было с тобой интересно, - сказала девушка. - Ты просто дурак! - и закрыла дверь.

Она провалялась все утро в постели. Благо, спешить было некуда. Хотя, с распространением сети, понятие выходного дня несколько размылось, потому что выполнять работу можно было и на дому, не стесняя себя рамками рабочего дня. Но все-таки сегодня был выходной. Девушка сладко потянулась и долго лежала с открытыми глазами, глядя то в окно, то в потолок. Вспомнив вчерашний вечер, Ромашка подумала, что, может быть, Рысь не зря на нее обиделся: он все же попросился в гости не на первом свидании. Терпеливей оказался...

Вместе с Дельфиной они погуляли в центре, прошлись даже по магазинам. Правда, их пускали не везде, а в иных местах продавцы явно выказывали неудовольствие от того, что две девушки бесцельно разглядывают витрины, не собираясь ничего покупать. Но подруги уже привыкли к этому и не обращали внимания. В парке, несмотря на зимнюю сырость и прохладу, было людно. Какофония звуков, смешавшая в себе и громкую музыку, и надоедливые рекламные

лозунги, и выкрики лоточников, необъяснимым образом поднимала настроение. В такой шумной толпе легче всего затеряться среди самого разного люда, половина из которых, хотя и не могли себе позволить прокатиться на аттракционе "Крутые виражи", но зато получали возможность вдоволь насладиться визгами тех, кому такое развлечение было по карману.

Правда, случались и неприятные моменты. Какой-то парень в толпе принялся лапать Дельфину, и девушкам пришлось удирать от него, лавируя в пестрой массе народа. К их огромному облегчению, верзила вскоре потерял подруг из виду. Это было обычным делом, и девушки уже давно усвоили, что в подобных случаях нечего обращаться за помощью или пытаться вразумить приставучих парней. Лучше всего - быстренько скрыться. Правда, однажды к Дельфине привязался человек в форме полицейского. Неизвестно, чем бы все кончилось, если б Ромашка не изловчилась пнуть его как следует. После того случая девушки еще месяц не показывались в парке, опасаясь, что их узнают.

Сегодня же все обошлось лишь одним неприятным моментом, и под вечер подруги, довольные, разошлись по домам.

А закат этим вечером выдался на удивление красочный. Ромашка долго смотрела в окно, потом открыла ящик стола, достала краски, кисточку, папку с бумагой. Набрала в чашечку воды и обмакнула кисть. Она не рисовала уже очень давно, не вынимала краски и кисть с тех пор, как погиб ее брат. А вот сегодня отчего-то захотелось рисовать.

В том же ящике, откуда девушка достала краски, лежала еще одна папка - с рисунками. Эти рисунки были все одинаковы: два дома по бокам, между ними, на треть высоты листа, стена, - это нарисовано черной акварелью. А над стеной - разноцветное небо. Каждый раз небо получалось у Ромашки другим, но все-таки ее рисунки были очень похожи друг на друга. Когда Дельфина увидела их, то посоветовала Ромашке никому не показывать. И Ромашка так и не поняла, почему: то ли потому, что одинаковые - явный повод для какого-нибудь психиатра усомниться в здравости рассудка художницы, а может по той причине, что, хотя Ромашка сама за городскую стену не выходила, небо, видимое ею из окна, было не городским. А, как известно, каждый, кто проявляет чрезмерный интерес к тому, что находится за городом, за

стеной, рано или поздно оказывается зарезанным под темной аркой или пропадает без вести.

Телефон пиликал так громко и надоедливо, что Ромашка оторвалась от своего занятия и включила связь.

- Ромашка... Привет, это я.

Девушка с легким удивлением узнала голос Рыся. Она слушала, но не собиралась пока отвечать.

- Слушай, я это... Я действительно глупость сказал, извини.

Ромашка все еще молчала.

- Ты это... Ты прости меня, ладно? Я сам не знаю, чего это вдруг.

Рысь тоже замолчал, и девушка вдруг подумала: "интересно, кто кого перемолчит?". Но парень снова заговорил:

- Мне поговорить с тобой надо. Давай встретимся, а?

Девушка сомневалась, буквально разрываясь между желанием сказать высокомерным тоном: "Я подумаю" и просто согласиться: "Хорошо, давай". В конце концов она, наверное, согласилась бы, но голос Рыся в наушниках произнес:

- Не хочешь, значит?

- Не хочу, - спокойно сказала Ромашка и отключила телефон.

- Ромашка! Ромашка, постой, подожди!

Девушка не оглядывалась. Она спешила домой. Было пасмурно, а освещение еще включат не скоро, так что минут через десять-двадцать станет совсем темно, и к этому времени лучше быть уже дома, в своей квартире, за запертой дверью. К тому же Ромашка сразу узнала голос Рыся.

Парень все-таки догнал ее и забежал вперед. Пришлось остановиться.

- Ромашка, пожалуйста, не уходи, - произнес он, силясь побороть отдышку. - Послушай, я не хотел тебя обидеть, оно само как-то вырвалось. Честное слово, не хотел. Давай завтра встретимся. Я больше не буду напрашиваться в гости, пока сама не позовешь. Ты мне веришь? Ну, так как? Ты согласна.

Девушка ответила честно:

- Я подумаю.

Рысь улыбнулся с явным облегчением, но улыбка тут же стерлась с его лица: из темного проулка вышли двое парней примерно одного с ним роста, такие же мускулистые, да ко всему прочему у одного из них была металлическая дубинка.

- Что Рысь, девчонку клеишь? - поинтересовался один, с лицом отчаянного головореза и в шапке до бровей, а второй, лысый, неприятно осклабился, оглядывая Ромашку с ног до головы.

- Вижу, у тебя дела совсем плохи, раз ни на что поприличнее денег не нашлось, - сказал он и, выругавшись, сплюнул.

- Что вам надо? - встрепенулся Рысь, да только девушка сразу почувствовала его страх: еще бы ему не бояться.

- Ты нам должен, забыл?

Лысый схватил Рыся за курточку и поволок в сторону проулка. Тут бы Ромашке и дать деру, но девушка замешкалась, и в следующий миг тот, что в шапке, сгреб ее за плечо и потащил туда же.

- Я все верну. Совсем скоро, - оправдывался Рысь. - Я уже нашел покупателей и, думаю, дело выгорит. Обещаю, что скоро...

Лысый с силой тряхнул Рыся, и Ромашка услышала, как голова парня глухо ударилась о стенку.

- Смотри! Если не вернешь, мы тебя живого наизнанку вывернем, - процедил лысый сквозь зубы.

Рысь закивал, видимо полагая, что разговор окончен и на сей раз ему суждено отделаться только испугом, но второй головорез, который держал Ромашку, вдруг выпустил ее плечо, оттолкнув вглубь проулка, а сам подошел к Рысю.

- Только деньги нам нужны через три дня, запомнил?

Рысь опять закивал.

- А чтобы ты получше об этом помнил...

Он не договорил, а вместо этого ударил Рыся кулаком в челюсть. Что происходило с Рысем дальше, Ромашка не видела, потому что две широкие спины заслонили парня от ее взгляда, только мелькали руки и ноги бандитов, и слышались стоны и крики. И Ромашка тоже закричала:

- Помогите! Помогите!

До этого в некоторых обращенных в проулок окнах горел свет. Как по команде, все окна погасли, но Ромашка не заметила этого. Она бросилась мимо бандитов на улицу, чтобы позвать на помощь там, но

ее схватили за шиворот и швырнули на мокрый и грязный асфальт. Она видела, как приближается к ней огромная тень, но прежде, чем лысый схватил ее, девушка взвизгнула, вскочила на ноги и побежала. Только бежала она теперь не к Кольцевой, а вглубь темного проулка. Новые попытки позвать на помощь вызвали лишь смешки у невидимых теней, что прятались в этой темноте. Несколько силуэтов отделились от стен домов и тоже двинулись следом за нею. Однако Ромашка еще надеялась убежать, надеялась вплоть до того момента, как перед нею внезапно выросли, словно из-под земли, три человека. Шаги лысого, все еще преследовавшего Ромашку, приближались стремительно и вот остановились прямо у нее за спиной.

- Чего орешь, дура! - прошипел бандит.

Ромашка была с ним совершенно согласна: конечно, какая же она дура! Надо было тихонько бежать, пока оставалась такая возможность, и не орать. Все равно ведь никто не рискнет вступиться ни за нее, ни за Рыся. Но разве можно было бросить Рыся одного на расправу этим головорезам?

Чьи-то руки ощупали ее. Один из бандитов присвистнул и усмехнулся:

- Странная же подружка у этого Рыся!

Ромашка попыталась вырваться, но в ответ получила кулаком в живот. От удара ее скрутило, и какое-то время девушке казалось, что она вот-вот задохнется. Вокруг злорадно захохотали.

- Не дергайся лучше, - посоветовал кто-то.

Девушка снова предприняла попытку вырваться, более слабую, так как после удара еще не пришла в себя. Решив, что ее силы уже на исходе, лысый бандит ослабил хватку, и тогда она изловчилась и изо всех сил выбросила вперед колено. Нападающий согнулся пополам и отпустил девушку, зато его товарищ подоспел и, пока бандит, отчаянно ругаясь, приходил в себя, держал девушку за руки.

Наконец лысый выпрямился.

- Ты об этом пожалеешь, - прорычал он. - Очень сильно пожалеешь!

Огромные пальцы сгребли ворот Ромашкиной куртки. Теперь ее никто не держал, кроме лысого. Наверное, остальные собирались спокойно посмотреть, как бандит будет расправляться с девчонкой. И верно: от предчувствия того, что ей, рыча и плюясь, пообещал лысый,

девушка почти потеряла остатки рассудка. Сил хватило на одну, последнюю отчаянную попытку, но ее рука лишь бесцельно трепыхнулась в воздухе.

- Ах, так! - лысый проревел еще что-то нечленораздельное, а потом повернулся к стене дома и с силой приложил свою жертву головой о бетонную плиту.

На короткий миг Ромашка увидела звезды, много звезд. Потом во мраке вновь всплыли силуэты приближающихся бандитов, но тут в глазах вдруг сделалось совсем темно, а в ушах зашумело. Девушка успела понять, что теряет сознание, и еще услышать, как где-то неподалеку раздался голос:

- Остановитесь!

Глава 4

Как же болела голова! Боль была первым, что почувствовала Ромашка, когда сознание вернулось к ней. И тут же испуганно встрепенулось сердце: девушка не знала ни что с ней произошло, ни где она находится. Чувствовала только, что лежит на чем-то мягком, прикрытая одеялом. И, кажется, без курточки. Рядом вдруг послышался негромкий звук, словно хлюпнула вода, тогда девушка, наконец, решилась открыть глаза.

Это оказалось непросто сделать. Будто налитые свинцом веки не хотели подниматься, но все же Ромашка пересилила боль и усталость. Перед глазами все расплывалось, и девушка увидела только склоненную над нею фигуру, но кто это - рассмотреть не могла. Со стоном Ромашка опять закрыла глаза. Голова болела пуще прежнего, но девушке необходимо было узнать, где же она находится и что происходит. Глаза щипало от подступающих к ним слез, и Ромашка во второй раз подняла мокрые ресницы.

- Болит? - прозвучало у нее над ухом.

Голос был мужской. Ромашка отчаянно заморгала, пытаясь смахнуть слезы и разглядеть, кто же это. Силуэт все еще расплывался перед глазами, когда девушка увидела занесенную над собой руку...

Неизвестно, что они сделали с Рысем, а вот ее, видно, решили привести в чувство только лишь затем, чтобы мучить дальше. Ромашка вскрикнула и попыталась отстраниться, однако движение причинило новую боль, и девушка замерла, выставив перед лицом руки.

Ее никто не тронул, но Ромашка дрожала, ожидая удара если не сейчас, то в следующую секунду. Удара не последовало. Силуэт перед нею тоже замер, и когда девушке удалось сфокусировать зрение, она увидела перед собой незнакомое лицо, с которого удивленно смотрели большие светло-серые глаза.

- Ты что? - человек чуть наклонил голову вбок и нахмурился недоуменно. - Ты меня боишься?

Он снова протянул к ней руку, и девушка дернулась и зажмурилась, но вместо все еще ожидаемого удара ощутила, как на

лоб ей легло что-то мокрое. Ромашка замерла, и тут же почувствовала, как от смоченной водой ткани поползли по вискам холодные капли.

Компресс приятно охлаждал кожу, отодвигая даже боль, от которой еще минуту назад хотелось плакать. Еще не вполне веря в то, что ей не причинят вреда, Ромашка снова осторожно открыла глаза. Человек смотрел на нее, слегка хмурясь. Потом неуверенно улыбнулся:

- Ты меня не узнала, - сказал он.

"Не узнала? Почему я должна была его узнать?"

На вид он был если и не ровесником самой Ромашки, то ненамного ее старше. Ромашка могла бы поклясться, что не знает этого человека, если бы не глаза, которые теперь показались смутно знакомыми.

- А вот я тебя сразу узнал, Ромашка, - голос был мягкий, тихий. Почему-то девушке не захотелось сейчас выяснять, откуда этот человек ее знает. Он, по-видимому, действительно не собирался причинять ей вреда. Но один вопрос ей все же хотелось выяснить.

- Где они?.. - пробормотала Ромашка, удивляясь, насколько плохо язык ее слушается.

Незнакомец приложил палец к губам, призывая ее помолчать.

- Не бойся, - сказал он. - Здесь никого больше нет.

Но Ромашку подобный ответ не устраивал.

- Где те... которые...

Он пожал плечами:

- Не знаю. Наверное, уже пришли в себя и разошлись по домам. Ты помолчи лучше.

- А где Рысь? - не унималась девушка.

Он снова пожал плечами.

- Не знаю. Извини.

Девушка вздохнула и попыталась оглядеться. Бетонные стены уходили вверх и смыкались над головой. Вдоль трех стен стояли картонные коробки рядами почти до потолка, две старые табуретки, столик и одно кресло, видимо, до того изорванное, что хозяину этого непритязательного жилища пришлось укрыть его какими-то покрывалами, тоже неновыми. У четвертой стены располагался маленький, неожиданно приличный диванчик, на котором лежала она сама.

- А... где мы?

- Под землей. Под городом.

- Под городом? - удивилась Ромашка.

Ей вдруг стало жутко, но голос, в котором ей поначалу даже почудилась насмешка, успокоил:

- Не бойся. Здесь неопасно. Во всяком случае, не опаснее, чем наверху.

Мысленно Ромашка тут же с ним согласилась, а также сообразила, что незнакомец и не думал насмехаться над ней. И вновь прикрыла глаза, почувствовав облегчение от того, что не надо больше напрягать зрение. Сквозь непрекращающийся шум в ушах она услышала неясный гул, но решила пока не обращать на него внимания. Возможно, где-то рядом проходит ветка метро.

Пальцы незнакомца осторожно коснулись ее лба, подхватив высохший платок. Снова тихо плеснула вода, и девушка замерла, зная, что сейчас мокрая, холодная ткань ляжет на лоб. Боль утихала, а Ромашка вновь стала задумываться о личности своего спасителя - в том, что он ее спас, Ромашка не сомневалась, хотя на вид он был худощав и казался намного слабее тех, с кем ему пришлось, по всей видимости, иметь дело.

- Кто ты? - спросила Ромашка.

Теперь, когда она вопросительно смотрела в светло-серые глаза, девушка уже твердо знала, что видела эти глаза раньше. Но вот когда?

- Не узнала? - на губах незнакомца появилась улыбка, спокойная и немного печальная. - Понимаю, с бородой я, наверное, выглядел по-другому...

И вот тут-то Ромашка его узнала. Словно вспышка озарения осветила вдруг ее сознание, и она вспомнила, где и когда видела эти глаза: ну, конечно же! Тот самый человек, которого не впустили в больницу, и которому Дельфина зашивала рану прямо у Ромашки в квартире. Теперь девушка всматривалась в черты его лица и понемногу находила сходство с тем, изможденным и посеревшим, заросшим светлой бородой.

- Хорошо, что тебя не поймали, - прошептала она. Боль потихоньку уходила, и Ромашка почувствовала себя несколько уверенней. Ей, конечно, было очень непривычно и даже неловко принимать помощь от постороннего мужчины, который, помимо всего

прочего, еще и следил за тем, чтобы не высыхал на ее лбу платок. Чтобы прогнать смущение, Ромашка тихонько спросила:

- Как же ты ушел от них тогда? Ты ведь ранен был.

- Да как... Через крышу. Сначала на вашу выбрался, а там - на соседнюю. Так и ушел.

Ромашка представила себе человека с только что зашитой, свежей еще раной, скачущего по крышам, и на лице ее отразилось недоверие. Угадав, что девушка сейчас опять что-нибудь спросит, ее собеседник снова приложил палец к губам.

- Твоя подруга меня хорошо зашила. Не разошлось.

- И все же не представляю, как ты смог от них сбежать...

- Смог. Очень уж не хотелось снова к ним попасть.

Ромашка удивленно вскинула ресницы, и уже приоткрыла рот, но...

- Тихо, тихо, - прошептал человек, глядя на нее с легким упреком. - Закрой глаза и не разговаривай. Ты очень сильно ударилась, как бы сотрясения мозга не было.

Ромашка послушно закрыла глаза. И вздохнула. Тишина ее не то, чтобы пугала, просто сердце беспокойно трепыхалось, да еще нечему было отвлечь ее от ноющей боли в затылке. И к тому же Ромашка очень хотела спросить, как же он оказался в полиции? А, может, он сидел в тюрьме? Нет, девушку это нисколько не напугало бы. Брат когда-то говорил, что в некоторых тюрьмах собирают самое интеллигентное общество, и точно так же в больницах для душевнобольных зачастую можно встретить среди пациентов людей вполне здравомыслящих.

Наверное, человек, который находился рядом, понял, что, не ответив на вопросы девушки, в том числе и невысказанные, он не убедит ее помолчать.

- Когда я только попал в ваш город, то, честно говоря, вел себя очень неосторожно. Боюсь, во мне было просто разгадать чужака, только не знаю почему. - Голос его был тихим, но не настолько, чтобы возникала необходимость прислушиваться к словам, и убаюкивал, словно колыбельная. - Скорее всего, я плохо изучил ваши законы. Однажды вечером я шел по улице и услышал крики. Кричала женщина. Естественно, я побежал туда. Оказалось, двое каких-то нелюдей напали на нее в темной арке. Тогда я был уверен, что

поступаю правильно, и, честно говоря, тем двоим еще мало досталось. Женщина убежала сразу, кажется, она меня испугалась. А потом меня догнала на улице полицейская машина. В ней сидел один из тех, кто был под аркой. Как я понял, меня обвинили в том, что я напал на него и его сотоварища.

Голос, в котором послышалась обида, умолк на минутку. Но Ромашка хотела услышать продолжение истории, хотя знала уже заранее почти все, что должно было случиться дальше.

- Я рассказал им все, как было, но мне не поверили. И еще мне сказали, что нашли ту женщину, и что она тоже говорит, будто это я напал... Наверное, соврали.

Ромашка не в силах была сдержать грустной улыбки. Вероятнее всего, один из тех двоих был сыном какого-нибудь серьезного и богатого человека, и ему поверили бы даже, если б он нес откровенную чушь. А женщина... да и ее припугнули! Не станет же она рисковать жизнью из-за незнакомца, которого и видела-то всего один раз, пусть даже он и заступился за нее.

- Вот так все и получилось, - Ромашка услышала тихий вздох. - Потом и вовсе что-то странное происходило. Знаешь, я подумал, наверное, ваши полицейские - не совсем люди.

Ромашка уж и не знала, плакать ей или смеяться над наивностью этого человека. "Не совсем люди? Да такие же, как все, только в форме!" - подумала она, но вслух не сказала. Человек помолчал, потом снова заговорил:

- У меня все отобрали, поэтому я слегка зарос. Нечем было побриться. В камере я просидел больше месяца, они все выясняли кто я да откуда. Как-то сразу поняли, что нездешний. Я догадался притвориться, что ничего не помню, и мне поверили. Перед тем как спрашивать, они колют какую-то жидкость... Наверное, ваши люди под ее воздействием не могут обманывать, а у меня получилось. Потом мне удалось сбежать. Ночью меня приняли к себе люди, что живут в подвалах небольшими общинами. Я не знаю, что случилось, но на вторую ночь один из тех, кто разделял со мной пищу и кров, решил меня убить. Я, естественно, этого не ждал, и был ранен. А остальное ты знаешь.

Он хмыкнул, и Ромашка, таки открыв глаза, увидела улыбку, такую, как если б он собирался посмеяться над самим собой.

- Кстати, - сказал человек, заметив, что девушка смотрит на него во все глаза. - После того случая я, как только пришел в себя, решил проверить остальные больницы в вашем городе. И знаешь, что?

Он, кажется, собирался ее удивить. Ромашка вздохнула:

- Знаю.

Он растерянно моргнул, потом нахмурился и отвернулся. Девушка теперь только заметила, что русые волосы его спускаются почти до лопаток и стянуты ремешком на затылке.

- Ты, наверное, и впрямь издалека приехал, - прошептала она.

- Да, издалека, - коротко ответил он, вновь оборачиваясь и протягивая ей кружку с какой-то жидкостью.

Ромашке вдруг стало неловко. Она как-то почувствовала: этот человек понял, что она считает его наивным и едва ли не сумасшедшим. Еще бы! Мало того, что его так удивляют в принципе обычные вещи, так и теперь он спокойно рассказывает о себе почти незнакомой девушке. И, ко всему прочему, стал бы нормальный человек лезть выручать ее после того, как уже обжегся один раз и даже просидел почти два месяца, в общем-то, ни за что?

Девушка сделала глоток из кружки и скривилась - фу, кислятина! Но все-таки глотнула еще раз.

- А зачем ты к нам приехал?

- Я должен прожить здесь год. Так надо, - ответил он и добавил. - Только не спрашивай, зачем. Я не хочу врать, а рассказать все как есть не могу... пока.

- Хорошо, - согласилась Ромашка.

И снова услышала далекий гул. "Метро, это точно" - решила Ромашка. Вручив пустую кружку своему собеседнику, она расслабилась, веки снова отяжелели и опустились. Боль почти совсем прошла, и теперь Ромашке хотелось одного - спать. Вот только перед тем, как провалиться в дремоту, девушка желала непременно задать еще один вопрос.

- А зовут тебя как?

- Мирослав.

- Мирослав? - даже сквозь подступающий сон удивилась Ромашка. - Какое странное имя...

Проснувшись, Ромашка поначалу не сразу сообразила, где она. Но, собравшись с мыслями, успокоилась, а так как чувствовала она себя уже достаточно хорошо, да и голова вроде не болела, девушка попыталась подняться. Мирослав сидел на корточках, глядя на пар, поднимающийся из носа закипающего чайника. От двери, сооруженной из картона и досок, тянулся по полу провод, а у стены заканчивался самодельной розеткой. К розетке была подключена маленькая, в одну конфорку, плитка, на которой и стоял чайник. Вода в нем закипела, и Мирослав повернул ручку, а заодно и снял с раскаленной конфорки чайник и наклонил его над кружкой. Вода полилась с шипением и бульканьем, и тут же из кружки пошел пар. Теперь только Ромашка разобрала, что запах был не обычный, какой исходит от залитого кипятком чайного пакетика.

- Тебе лучше? - спросил Мирослав, осторожно передавая кружку из своих рук в ее.

- Да, - ответила девушка.

Она пила чай медленно, наслаждаясь необычным вкусом, растягивая удовольствие, и думала о том, что там, снаружи, вернее, наверху, сейчас уже день. Или даже вечер. Ромашка не знала точно, сколько она проспала, но чувствовала себя отдохнувшей. По телу разливалось приятное тепло, а напиток странным образом бодрил.

- Идти сможешь?

Ромашка ответила утвердительно. Неизвестно, как долго она была здесь: вдруг кто-нибудь хватится? Хотя кто мог о ней беспокоиться, кроме Дельфины. А все же не стоило стеснять человека, которому она и так обязана жизнью.

- Не сердись на меня, Ромашка, что я не предлагаю тебе подольше отдохнуть здесь, - сказал вдруг Мирослав. - Дома тебе будет удобнее, да и сюда могут нагрянуть ваши полицейские. На этот раз я, кажется, неплохо спрятался, но лучше тебе тут не задерживаться.

И Ромашка с ним согласилась.

Они вышли через подвальную дверь ничем не примечательного снаружи старого дома, а, пройдя всего каких-то четыре квартала, оказались прямо перед серым зданием музея. Ромашка даже удивилась, потому что не заметила, как они сюда пришли - всю дорогу украдкой наблюдала за спутником. Одетый в нелепую старую курточку, он

шагал, свободно расправив плечи, причем выглядело это так естественно, что Ромашка подумала: в нем не заподозрит чужака лишь слепой! Да только люди почему-то не обращали на Мирослава никакого внимания: ссутулившись, глядя себе под ноги, они спешили поскорее добраться до дома, пока сумерки не сгустились окончательно, чтобы не оказаться на улице в самое страшное и темное время - когда уже темно, а освещение еще не включили. Пройдет полчаса, и эти люди на улицах начнут опасливо жаться к краю тротуаров, шарахаясь от каждой тени, пугаясь визга тормозов за спиной. Тогда-то Ромашка и подумала спросить Мирослава, не боится ли он вот так ходить по улице - а вдруг полиция? На это Мирослав ответил, что если кто и ищет его, чужака, то это не касается обычных уличных полицейских, которые просто за порядком следят, а не выискивают преступников.

Мирослав попрощался с девушкой, не дойдя до ее дома пару кварталов, но Ромашка сегодня шла, не опасаясь негаданного нападения. Она не успела расспросить, как он расправился с бандитами, но раз уж сумел, значит... Значит можно идти спокойно по улице, пока серые глаза прислонившегося к стене дома человека смотрят ей в спину. А, войдя в квартиру и заперев за собой входную дверь, Ромашка первым делом, как и обещала, включила свет в комнате. Как только окно ее загорелось желтоватым светом, человек в потрепанной курточке, русоволосый и сероглазый, удовлетворенно кивнул и, развернувшись, пошел прочь.

Утро занималось серое, как всегда. Рассеянный свет прокрался в окошко, осветив лицо сидящей на диване девушки. Она почти не спала, лишь ближе к рассвету вздремнула немного: ей было о чем подумать этой ночью, но мысли путались, и потому девушка чаще сидела, будто в оцепенении, а мысли текли медленно, словно бы нехотя. На Ромашкиной ладони лежал небольшой ключик. Вчера, когда они вышли из подвала, Мирослав закрыл ведущую в подвал дверь этим ключом и положил его на ладошку девушки.

- Если вдруг я тебе понадоблюсь или случится что-нибудь - приходи, - сказал он и, предупреждая вопрос, для которого Ромашка уже приоткрыла рот, добавил с улыбкой: - У меня есть второй ключ.

Теперь Ромашка думала, что хотя Мирослав и очень странный человек, но, возможно, это оттого, что он привык к другой жизни, и хотя находится в этом городе уже, наверное, полгода, если не больше, а все никак не приспособится. Даже живет где - под землей! Под городом! На поверхности для него места, видать, не нашлось.

Потом Ромашка мысленно вернулась к страшному происшествию, которое без вмешательства неожиданного заступника, могло окончиться весьма плачевно, и тут же вспомнила про Рыся. Его-то ведь некому было спасать! Небось, избили так, что теперь и на работу пойти не сможет, или вовсе убили. Перепуганная Ромашка кинулась было к телефону, но сообразила, что не знает номера Рыся. Тогда девушка решила, что пойдет прямо к зданию музея и будет ждать парня там.

Было сыро и зябко. Ромашка стояла недалеко от широкого крыльца, поджидая Рыся. Мимо нее проходили люди совершенно разные, но после вчерашнего девушка почему-то подумала: как же они все похоже ходят! Теперь ей бросались в глаза и ссутуленные спины музейных работников, и озабоченные выражения лиц. Это были люди в основном среднего возраста, а то и вовсе пожилые, и Ромашка пожалела их: наверное, зарплаты у них совсем маленькие, почти как ее стипендия, ведь в музей сейчас мало кто ходит, даже не смотря на то, что билеты все дешевеют и дешевеют. А ведь у этих людей семьи... Что Ромашке? Она одна, и у нее все есть: и квартира, и одежда, и в еде она непритязательна - как-нибудь да проживет.

Рысь появился за пять минут до открытия. Вид у него был очень и очень помятый. Парень смотрел в асфальт, и потому не заметил поджидавшую его девушку, пока она не встала прямо перед ним.

- Ты? - удивился он. - Я тебе звонил вчера. Где ты была?

- Тебе сильно досталось? - спросила Ромашка.

- Да так, прилично. Но, благодаря тебе, я дешево отделался. Кастет услышал шум и пошел за Лысым. Ну, я и убежал потихоньку.

Сначала девушка удивленно моргнула, услышав, как назвал Рысь своих "дружков", но сначала сообразила, что это все же не имена, а клички, а потом поняла, что удивляться ей надо было не этому.

- Убежал, значит, - пробормотала она.

- Ну да, убежал. Тебе спасибо, - хмыкнул парень.

Ромашка вдруг улыбнулась, а потом неожиданно расхохоталась, да так громко, что прохожие начали оборачиваться.

- Ты что, с ума сошла! - шикнул на нее Рысь. Он обошел девушку и направился к дверям. А Ромашка все смеялась, не обращая внимания на косые взгляды, потом притихла. Еще чего доброго полицию вызовут - объясняй потом, чего ведешь себя так, будто совсем мозги потеряла. С неестественно застывшей на лице улыбкой Ромашка медленно пошла домой.

"Чужака-Мирослава сочла наивным, а сама-то, дурочка! Кого защищала или пыталась защитить? Человека, который при первой же возможности убрался восвояси, радуясь, что бандиты переключились на тебя?"

И еще Ромашка жалела, что не сможет рассказать обо всем подруге, ведь тогда придется объяснять, как она спаслась из рук головорезов, а Ромашка нутром чувствовала, что про странного человека по имени Мирослав лучше пока помалкивать.

Сегодня на улице было неспокойно. Ромашка, заслышав выстрелы, отошла от окна подальше: маловероятно, конечно, что в ее окно попадет случайный снаряд или пуля, но кто знает? Район между Кольцевой улицей и городской стеной считался особенно неблагополучным, и потому там часто устраивали облавы. Каких преступников там ловили - Ромашка не знала. Говорили, что за стеной - пустыня, что человек там не выживет, что ядовитые испарения оттуда иногда переползают стену, прикинувшись безобидным туманом, и сводят людей с ума. Потому полиция часто ловила в том районе сумасшедших, которые все стремились пробраться за стену, навстречу своей погибели.

А за стену, как известно, вел только один путь - тоннель, по которому скорые поезда возили богатых горожан отдохнуть под южным солнцем. Тоннель тщательно охранялся, но желающие выйти из города этим путем находились всегда - так брат говорил. А еще он рассказывал, что, даже если и пройти незаметно в тоннель, то все равно живым из него выбраться нельзя. Или просто еще не придумали как. И что есть еще ворота в стене, но к ним подобраться и вовсе невозможно. Ромашка слушала рассказы брата, словно страшные

сказки, и только теперь начала задумываться: а что, если брат сам искал пути наружу? Но стена охранялась, это знали все. А за стеной была ядовитая пустыня, и это тоже все знали. А потому, рассуждала Ромашка, вряд ли было разумным предпринимать попытки к бегству...

"Бегству"? Само это слово, мысленно произнесенное, заставило девушку насторожиться и задуматься: странно, но о выходе из города она думала теперь как о побеге. Наверное, так думают о побеге заключенные в городских тюрьмах. Так может город - это и есть тюрьма? Одна большая тюрьма на миллионы людей?

От таких мыслей Ромашке стало жутко, и она постаралась быстрее прогнать их из головы. Но все же девушка дала себе зарок обязательно выпытать у Мирослава, что находится там, за стеной. Если, конечно, представится им еще случай свидеться.

Что-то прогрохотало совсем рядом, заставив девушку вздрогнуть и прикрыть руками голову. Зазвенели стекла, и перепуганной Ромашке показалось, что стены тоже задрожали и вот-вот обвалятся. Но ничего такого не случилось. "Что ж это я все не привыкну", - с досадой подумала девушка, и тут заметила, что на стекле ее окна появилась трещина. Она спускалась блестящим шрамом от левого верхнего угла по диагонали, и, пройдя лишь треть пути к центру, резко поворачивала вверх. Ромашка долго смотрела на эту трещину, и лицо ее не меняло выражения, потом девушка вынула из стола краски, кисть и положила перед собой чистый лист бумаги.

Глава 5

Почему-то Ромашке снова захотелось сходить в музей. Благо, в последнее время цены на билеты все снижали и снижали. На сей раз девушка позвала с собой подругу. В выходные Дельфина любила поспать до обеда, но Ромашка долго убеждала ее, что лучше всего прийти в музей пораньше утром. Хорошо бы как раз к открытию. Тогда они договорились, что Ромашка позвонит подруге и разбудит. Но погода наутро была отвратительной, и Ромашка сама проспала. А когда открыла глаза - было уже десять, и под баюкающий шелест дождя хотелось еще нежиться в постели. Пересилив себя, девушка встала, выпила горький-прегорький кофе и принялась звонить Дельфине.

Около двенадцати часов дня подруги купили по билету и вошли в просторный холл первого этажа музея. Путеводителей и услуг экскурсовода им не требовалось - Ромашка могла рассказать все, что рассказывали экскурсантам, и даже, наверное, больше. Дельфина же была здесь впервые за всю свою сознательную жизнь. То есть когда-то, в детстве, родители водили ее сюда, но это же было так давно!

Предвкушая, как будет показывать Дельфине сначала море, а потом статуи, Ромашка вместе с подругой прошла по холлу, в котором висело всего несколько картин, а потом повела Дельфину к лифту. Кабинка почти мгновенно опустилась на один этаж, и двери бесшумно разъехались в стороны. Ромашка вышла первой и замерла с широко открытыми глазами - моря не было.

То есть были, конечно, картины на боковых стенах, но самого главного, огромного, во всю стену - не было. Ромашка растерянно моргала, глядя на пустую белую стену, и не сразу заметила табличку, надпись на которой гласила: "картина на реставрации". Девушка перечитала надпись несколько раз, не понимая, почему по ее спине вдруг поползли мурашки. Но вот рядом раздался приглушенный возглас Дельфины, разглядывавшей ясное море с белыми крыльями парусов над водой:

- Какая красота!

И Ромашка повернулась к подруге.

Дельфина долго как завороженная смотрела на море.

- Ты знаешь, - сказала она, наконец, - я ведь его тоже никогда не видела...

Статуи, так поразившие Ромашку, смотрелись в электрическом освещении совершенно по-другому, но Дельфина все равно заинтересовалась ими и долго ходила от одной фигуры к другой, разглядывая их внимательно и с искренним удивлением на лице.

- Мужчины красивые, - вынесла она свой приговор. - Странные немного, но красивые. Если бы вот этого, - она указала на мраморную фигуру обнаженного спортсмена, - сделать повыше ростом и оживить, да еще дать ему не самый скверный характер, я бы не отказалась стать его девушкой!

- А женщины тоже странные, - задумчиво продолжила Дельфина. - Я не знаю, можно ли назвать их красивыми... Наверное да, но они такие другие!

И тут Ромашка вдруг вспомнила, что в этом зале должен бы находиться Рысь. Она быстро огляделась по сторонам, но парня нигде не было. Вроде бы строило обрадоваться такому стечению обстоятельств, потому как встречаться с Рысем у девушки не было никакого желания, но что-то ее беспокоило. "Может, он дежурит в другом зале? - подумала Ромашка. - Тогда сегодня мы его, наверное, увидим".

Девушки ходили по этажам и залам до тех пор, пока голос в динамиках, прервав негромкую музыку, попросил посетителей заканчивать осмотр и направляться к выходу. Рыся Ромашка так и не увидела.

Подруги вышли последними. Уже темнело, и девушки заспешили домой. Когда они оказались на Кольцевой, Дельфина сказала:

- Ты знаешь, недавно нас всем потоком водили в музей современного искусства. Мне там не очень понравилось.

- Да, мне тоже, - ответила Ромашка. Она была там всего один раз, и впечатления после этого остались не самые приятные.

- Мне кажется, - задумчиво произнесла Ромашка, - что в тех картинах и статуях, которые создали после Каменного Дождя, не хватает чего-то очень важного.

Дельфина согласилась. А Ромашка еще очень долго думала, чего же именно не хватает и почему.

Вечером Ромашка сидела у окна, как делала всегда, когда у нее появлялось свободное время. Она все смотрела на полоску неба над стеной и гадала, появятся ли там сегодня звезды. День был пасмурный, но к вечеру небо прояснилось и стало приятного синего цвета. Конечно не везде над городом, а только там, над стеной. Вдруг тишину прорезал громкий крик, и волна ледяного холода пробежала по всему телу девушки от макушки и до пяток: кто-то кричал почти так же, как недавно, в темном проулке, кричала она сама. Крики быстро оборвались. Ромашка замерла, прислушиваясь, но на улице теперь было тихо - до слуха доносился лишь привычный шорох колес по дороге. И все же руки Ромашки дрожали, а по коже словно гулял холодный ветер. "А вдруг Мирослав там? Ведь с него станется ввязаться", - подумала со страхом девушка, и тут же отругала себя за эту мысль: если б этот человек не был тем, кем был, что тогда стало бы с нею самой в ту ночь?

Дрожь не проходила, и девушка, стараясь стряхнуть испуг, вышла в гостиную. Свет включился сразу же, среагировав на движение - это тетушка Полиана так настроила включатель, а Ромашка с тех пор ничего не меняла. Пульт от телевизора валялся на диване, и девушка, подхватив его все еще дрожащей рукой, наугад нажала какую-то кнопку.

Экран на стене напротив мгновенно загорелся, и Ромашка села, приготовившись переключать каналы. Лицо дикторши, появившееся в центре экрана, было очень красивым и приятным. Молодая женщина рассказывала что-то о политике, об экономике, и Ромашка слушала, не особо вникая, но тут на экране появилось сначала здание музея, а потом большой холл, картины на стенах... вот в кадр попала табличка "картина на реставрации", и девушка прислушалась.

А минуту спустя в квартире Дельфины запиликал телефон.

- Привет, это я! - взволнованный голос Ромашки донесся из динамика на стене - наушники лежали далеко, и Дельфина включила громкую связь. - Слушай, мне срочно нужно найти Рыся. Ты не знаешь, у кого из наших можно узнать телефон или адрес?

Рысь жил в высотном доме на одной из улиц, что лучиками расходились от центра города к его окраинам, упираясь в Кольцевую. Квартира, которую он делил с родителями и братом, находилась на первом этаже, а потому в ней почти всегда было холодно и немного сыро. Зато в этой квартире, кроме кухни-гостиной, было еще две комнаты, и в каждой из них - по окну. Когда-то здесь жил еще дедушка Рыся и его тетя с дочкой, но потом дедушка умер, а тетя вышла замуж и уехала, и вся квартира осталась в распоряжении семьи из четырех человек. Правда, платить за эту квартиру приходилось немало, но родители Рыся решили, что уж лучше они будут экономить, спать на старых диванчиках и не покупать новой мебели, чем переберутся в однокомнатную. Экономить приходилось практически на всем - и на одежде, и на еде, но ради привольной жизни в двух комнатах семья готова была на подобные неудобства.

В прошлом году случилось несчастье: отец Рыся вдруг заболел. Никто не знал, что с ним, подозревали, правда, что он отравился испарениями на химическом заводе, когда за добавку к ежемесячной зарплате выполнял какую-то работу. Добавку он все-таки получил, но на завод больше не пошел - не смог. Теперь отец Рыся редко вставал с постели. С завода его уволили сразу же, и денег в семье стало куда меньше. Мать и старший брат работали теперь с утра до ночи, Рысь поначалу тоже работал, но платили ему мало, и парень решил придумать какой-нибудь другой способ раздобыть денег, иначе скоро не то, что лекарства для отца покупать, а и жить станет не на что.

В один из первых весенних дней, ничем не отличающихся от предыдущих зимних, Рысь пришел домой под утро вымотанный и уставший, разминувшись с ушедшими на работу матерью и братом всего на две минуты. Сегодня он собирался отоспаться как следует. Не позарившись на оставшуюся с вечера лапшу, Рысь повалился на старый диван, жалобно скрипнувший под ним, и попросту отключился. Надоедливая трель дверного звонка долго не могла разбудить его, и Рысь, услышав сквозь сон громкие, разносящиеся по квартире, звуки, ворочался, не понимая, во сне ли он это слышит или наяву. Но в какой-то миг до него дошло, что кто-то стоит под входной дверью и трезвонит. Рысь вскочил. "Полиция!" - пронеслось у него в голове. Он осторожно подошел к двери и прислушался. "Если б полиция, они бы уже дверь выломали" - в конце концов решил Рысь, и

глянул в глазок. В следующий миг он отпер замки и зло рванул дверь на себя.

- Ты! - прорычал он. - Ты чего пришла!

- Ты хочешь, чтоб я ответила на твой вопрос прямо сейчас? - строго спросила Ромашка. - Хорошо. Я знаю, что ты украл из музея картину и продал...

Она не договорила. Рысь схватил ее за курточку и буквально втащил внутрь.

- Ты что несешь! - зашипел он, закрыв сначала входную дверь, а потом и дверь комнаты родителей.

- Я не несу! Я знаю! - ответила девушка, понижая голос и переходя на шепот. - Те двое, которые на нас напали, говорили, что ты им денег должен. А ты сказал, что уже нашел покупателя! А вчера в новостях передали, что из музея похитили картину, ту большую, с морем!

Все это девушка выпалила на одном дыхании и теперь стояла, ожидая реакции Рыся. Тот сначала молча смотрел на нее, потом тихо выругался.

- Я не брал картину, - сказал он. - Ее украл другой человек, а я действительно нашел для него покупателя, и получил за это свой процент.

Ромашка, уверенная в своей правоте, все же до последнего надеялась, что Рысь окажется здесь не при чем. Потому его спокойное признание повергло-таки девушку в шок.

- Все равно, Рысь, ты соучастник! Ты хоть понимаешь, что ты сделал?

- А еще, - спокойно продолжал Рысь, - я нашел и скопировал не только подробные планы этажей музея с сигнализацией, со всеми служебными лестницами, а еще и план хранилища. И продал их за хорошие деньги.

Плечи Ромашки поникли.

- Зачем? - прошептала она.

- Глупый вопрос, - огрызнулся Рысь.

В этот момент из-за закрытой двери в родительскую комнату раздался стон, и парень быстро метнулся туда. Дверь за собою он прикрыл, но не плотно. Ромашка слышала, как Рысь тихо разговаривал

с кем-то, потом парень вернулся в гостиную. Вид у него был мрачный и уставший.

- Кто там? - тихо спросила Ромашка, запоздало сообразив, что лезет не в свое дело.

- Отец, - ответил Рысь.

Девушка смущенно опустила глаза. Как она помнила, отец у Рыся был еще совсем не старый, а если так, то есть только одна причина, почему он сейчас дома, а не на работе.

- Давно болеет? - вопрос прозвучал едва слышно.

- Уже почти год, - Рысь вздохнул. - Последний месяц вообще на ноги не встает.

Ромашка украдкой посмотрела на закрытую дверь и почувствовала себя неловко. Она, конечно, не могла себе полностью представить, насколько тяжело ухаживать за прикованным к постели больным человеком, но понимала теперь, почему Рысь отважился на преступление. И почему нисколечко в нем не раскаивается. Наверное, на самом деле этот парень не так уж плох, просто обстоятельства вынудили поступить против совести. Так смеет ли она осуждать его?

Ромашка вспомнила ту страшную ночь, когда за ней гнались бандиты, и то, как спокойно Рысь признался, что убежал сразу, как только смог, не заботясь о судьбе девушки... и окончательно запуталась. Она повернулась, намереваясь уйти, но перед самой дверью обернулась и спросила:

- Скажи, а зачем ты встречался со мной, приглашал в музей, а потом на прогулки?

Рысь отчего-то смутился и не стал отвечать, тогда Ромашка ответила вместо него:

- У тебя сейчас трудности с деньгами, и поэтому тебе нужна была девчонка, которая не попросила бы тебя повести ее в ресторан, а согласилась бродить по улицам. И которая, в благодарность за то, что ее слушали и поддакивали, пригласила бы к себе на ночь. Так? Никаких растрат, сплошная экономия! Можно сказать, бесплатное удовольствие!

Ромашка чувствовала, что говорит чушь, что от своих слов сейчас расплачется сама, но остановиться не могла. А потому, договорив, быстро отвернулась и вышла из квартиры. Рысь не сразу закрыл за ней дверь.

- Ты себя в зеркало видела! Какое удовольствие? Такое только даром и предлагать! - бросил он ей вслед. Ромашка услышала грохот с силой захлопнутой двери и ускорила шаг.

Горькая обида жгла изнутри, и перед полными слез глазами все расплывалось. Девушка подумала еще о том, что теперь, наверное, никогда больше не увидит ту картину, и никогда не сможет показать ее Дельфине. Но, тем не менее, она точно знала, что как ни гадко поступил с нею Рысь, она его все-таки не выдаст.

Дельфина с удивлением увидела Ромашку у себя на пороге - обычно подруга не приходила без предупреждения.

- Можно к тебе? - спросила Ромашка.

- Можно, - растерянно пробормотала Дельфина.

Ромашка зашла внутрь, разулась, повесила курточку на вешалку у двери, а сама примостилась на диване. Дельфина села рядом с ней.

- Что случилось?

Вместо ответа Ромашка вдруг уткнулась в плечо подруги и громко зарыдала.

Глава 6

Первый ясный день после нескольких недель непрекращающегося дождя был так прекрасен и радостен, что даже к вечеру, когда солнце спряталось за темными громадами домов, хорошее настроение Ромашки не улетучилось. Она беспечно задержалась в центральном здании университета, а после еще и отправилась домой пешком. Сегодня все плохое, могущее огорчить ее, словно ускользало от взгляда - не видать было и сгущающейся тени под арками домов, ни мусорных куч, зловоние от которых выползало из подворотен, ни озабоченных лиц прохожих, оглядывающихся по сторонам. Наверное то, что Ромашка, находясь в таком мечтательно-рассеянном состоянии, благополучно дошла почти до Кольцевой, можно было назвать чудом, но это были не все чудеса, которыми собирался удивить ее сегодняшний день.

- Здравствуй, Ромашка, - услышала вдруг девушка знакомый голос. - Поздно ты нынче.

Ромашка обернулась, мгновенно ощутив, как сердце в груди кувыркнулось, но не от испуга - от радости. А она-то уже почти перестала надеяться на встречу! И вот теперь у нее даже не нашлось слов, чтобы поприветствовать Мирослава, так неожиданно появившегося и спокойно идущего рядом с нею широкими, уверенными шагами.

- Вечером у вас небезопасно, - сказал он, словно сообщил ей не абы-какую новость, и тут же добавил: - За тобой парень идет какой-то. Мне он не понравился - глаза нехорошие.

Ромашка тут же захотела обернуться, но Мирослав предупредил: "не надо".

- Ростом с меня. Волосы темные, вьющиеся. Курточка коричневая.

- Не знаю, - прошептала Ромашка. - Наверное, Рысь.

- А что ему нужно? Как думаешь?

- Не знаю, - растерянно пробормотала девушка.

- Вот и я не знаю. - Мирослав смотрел прямо перед собой, потом глянул на девушку, улыбнулся, и тут же нахмурился: - Но глаза у него

нехорошие. Кабы не обидел.

Вспыхнули фонари. Тени под арками и в проулках теперь казались еще резче, еще чернее, но Ромашка, вопреки обыкновению, не бросала в них опасливые взгляды. Она глядела на лицо своего спутника, а когда серые глаза из-под нахмуренных бровей посмотрели в ее сторону, смутилась, сама не зная отчего. Они свернули за угол.

- Лучше все-таки выяснить, что ему от тебя нужно. Если сейчас не узнаем - и в другой раз за тобой увяжется.

Еще один поворот.

Мирослав вдруг остановился.

- Постой здесь и подожди, пока он подойдет.

- Как это? - не поняла Ромашка.

Серые глаза Мирослава посмотрели на нее не то с удивлением, не то с жалостью.

- Не бойся. Я здесь буду, совсем рядом.

Он отступил буквально на пару шагов в тень, что тут же сделало его невидимым, а Ромашка осталась стоять посреди тротуара, поджидая, пока из-за поворота выйдет Рысь. И действительно: парень вскоре показался на улице и оторопело замер, увидев, что Ромашка стоит и смотрит прямо на него. Деваться было некуда, и Рысь пошел к ней.

- Ты зачем за мной шел? - грозно спросила Ромашка, когда Рысь остановился в двух шагах от нее.

Рысь молчал. Ромашке казалось, что он хочет что-то сказать, но не может решиться. Парень, однако, колебался недолго, - он сунул руку под курточку и... и вдруг закрыл глаза и мягко осел на руки мгновенно появившегося за его спиной Мирослава. Что-то звякнуло об асфальт - это из разжавшихся пальцев Рыся выпал и блеснул узким лезвием нож.

Они сидели в арке. Было темно, и редкие прохожие, спешащие по улице, не замечали их. Глаза Ромашки понемногу привыкали к темноте, и она уже смутно различала лицо Мирослава, который, как обычно, хмурил брови, а также неподвижно лежащего с закрытыми глазами Рыся, и у нее никак не укладывалось в голове, что Рысь, бывший одноклассник и несостоявшийся ухажер, только что собирался ее убить.

Поначалу ей показалось, что Рысь умер, но Мирослав объяснил, что парень просто спит. И молча ждал, пока девушка придет в себя, думая о чем-то своем.

- Не понимаю, как же так...

- А мне казалось, я один здесь чего-то не понимаю, - хмыкнул ее спаситель.

Девушка поежилась, и Мирослав это заметил. Он снял куртку и протянул ей.

- Нет-нет, - поспешно отказалась Ромашка. - Это не от холода.

- А отчего же?

- От страха, наверное, - робко призналась она. - Пожалуйста, надень куртку. Сейчас ведь холодно, и... и мне как-то неловко.

- В вашем городе не бывает по-настоящему холодно, - возразил Мирослав и, несмотря на протесты, накинул-таки свою куртку на плечи Ромашки. - Согреешься - отдашь.

Смущенная и согретая не столько старенькой курточкой, сколько позабытым уже ощущением искренней заботы о себе, Ромашка смотрела, как Мирослав вновь садится, а его рука поднимается, чтобы убрать со лба выбившуюся светлую прядь. Ромашка вздохнула: она вдруг поняла, отчего Мирослав постоянно хмурится: не оттого, что сердится, а потому что все время пытается что-то понять и никак понять не может. "Неужели их жизнь настолько отличается от нашей?" - удивленно подумала она. Потом взгляд ее упал на все еще неподвижного Рыся.

- Это, наверное, потому, что я узнала о его соучастии в краже, - сказала девушка, и, в ответ на вопросительный взгляд Мирослава, объяснила: - У нас из музея украли картину. Рысь в этом участвовал. Он, правда, сам не воровал, но нашел покупателя, а еще планы этажей кому-то продал. Я узнала об этом, и поэтому Рысь решил меня убить. Чтобы не выдала.

- Интересно, кому и зачем могло понадобиться красть картину? - задумчиво пробормотал Мирослав, и Ромашка отчего-то вдруг рассердилась: да как же можно быть таким непонятливым?

- Она же дорогая!

Мирослав смотрел на нее с недоумением.

- Она очень дорогая! За нее дадут кучу денег! Ну, как ты не понимаешь? Какой-нибудь богач ее купит и повесит у себя дома или

где-нибудь еще, я не знаю...

Ромашка замолчала, услышав тихий смех, и вспылила еще больше. Она решительно не понимала, над чем смеялся Мирослав.

- Прости меня, Ромашка, - сказал он, наконец. - Я не над тобой смеюсь, а над собой. Я в свое время изучал психологию людей, живущих в обществе, подобном вашему. Никогда не думал, что эти познания так сложно применять на практике.

- Значит, вы еще и специальную психологию про нас придумали! - прошипела Ромашка. - Ну-ну...

- Пожалуйста, не обижайся, - попросил Мирослав, - я не хотел тебя обидеть. И... и тут, у вас, действительно все по-другому.

Ромашка хотела еще что-то сказать, но как-то сникла. Потом тихо сказала:

- Спасибо. Ты опять меня спас.

- Не за что, - пожал плечами Мирослав.

- Нет, очень даже есть за что. Если б не ты, и тогда, и сейчас, мне бы никто не помог.

- Этого не может быть. Просто я оказался рядом - и помог. Не я, так кто-нибудь другой.

- Нет. Пойми, у нас, как ты сам сказал, все по-другому. Сколько бы я не звала на помощь - никто бы не пришел! - она вздохнула и, видя, что Мирослав вновь собирается ей возразить, добавила едва слышно: - Вспомни лучше эту свою специальную психологию.

После этих слов он не стал отвечать. Ромашка тоже помолчала, а потом встала и протянула Мирославу его куртку:

- Я уже согрелась, правда. Возьми.

Он не стал спорить. Ромашка вновь присела, облокотившись о стену. Непроглядная темнота двора, куда вела эта арка, пугала ее, и вскоре девушка осмелилась спросить:

- А ты не боишься, что какие-нибудь хулиганы увидят нас здесь?

- Обычно они меня не трогают, - ответил Мирослав.

Ромашка с сомнением окинула взглядом худощавую фигуру своего собеседника, и тут же вспомнила бандитов, которые напали на нее и Рыся. Против них Мирослав смотрелся как-то маловнушительно, но ведь смог с ними справиться... Да только спросить как, Ромашка не решилась. Вместо этого она подумала о другом.

У них обычно предпочитали короткие имена, а длинные всегда сокращали. Так, еще в школе, многие Нарциссу называли Цисси, а Дельфину - Дилли. Ромашке это не нравилось - чаще всего имена теряли при сокращении и красоту, и смысл. Но она попыталась по-привычке сократить имя своего нового знакомого, и к своему удивлению получила слово простое и понятное.

- Мир, - прошептала Ромашка.

Мирослав удивленно поднял голову.

- Мир, - повторила Ромашка. - Ты знаешь, у нас принято сокращать длинные имена.

- А у нас обычно не сокращают, - ответил Мирослав.

- Слушай, - попросила вдруг Ромашка, - а расскажи мне, что находится там, за стеной?

- Не сегодня, Ромашка.

Девушка огорченно вздохнула.

- Ты знаешь, где живет этот Рысь? - неожиданно спросила Мирослав. - Скажи мне адрес. Когда он придет в себя, я с ним поговорю немного и, может быть, придется его еще домой вести. А пока... - Он поднялся на ноги, выпрямился и протянул руку Ромашке, помогая ей встать с корточек, - пойдем, я провожу тебя.

Перед тем, как попрощаться, Ромашка наконец решилась и спросила робко:

- А когда я снова тебя увижу?

- Не знаю, Ромашка, - ответил Мирослав. - Пока не знаю. И все-таки, думаю, скоро.

Сидя на широком подоконнике, Ромашка смотрела на небо, уже потемневшее и, как обычно, беззвездное. "Интересно, - думала она, - а что находится там, за стеной?" Девушка ненадолго прикрыла глаза, пытаясь представить себе, что же там может быть. Перед ее мысленным взором вставали виденные в музее картины, но почему-то девушка точно была уверена, что таких чудес, как на старинных полотнах, она не увидит за стеной. Вряд ли сразу, за городом, начнутся вековые леса с тенистыми озерами и веселыми ручейками, вряд ли встанут величественные пики горных вершин, укрытые сияющими невероятной белизной снегами. Вряд ли... Но все-таки там обязательно

должно быть что-то интересное, и очень необычное, разительно отличающееся от всего того, что она видела в жизни. Ведь мир - он такой огромный! Неизвестно, правду ли говорят о сплошной ядовитой пустыне. А вдруг нет? Ведь пришел же откуда-то из-за стены чужак-Мирослав?

Ромашка встала, подошла к столу и вынула из ящика коробку с красками. Еще через минуту на столе стояла чашка с водой, рядом белел чистый лист. Ромашка окунула кисточку в воду и взяла немного черной краски: и вот на листе появились зловещие прямоугольники домов, между которыми Ромашка каждый день видела стену и небо. Да только сегодня девушка не стала рисовать стену, а представила себе, будто ее и вовсе нет. Тогда сразу, за домами, желтой краской, постепенно переходящей в свежую зелень, обозначились небольшой пустырь и луг, тянущийся до самого горизонта. Более темной зеленой краской Ромашка нарисовала лес, а за лесом - холмы. И над холмами, на фоне яркого голубого неба, сияло солнце.

Глава 7

А жизнь между тем текла своим чередом. Дни стали теплее и ярче, прохожие сбросили куртки и все чаще забывали дома зонтики. Лужи наконец-то исчезли с тротуаров, а темнело вечером теперь куда позже, и потому можно было дольше гулять на улице, чаще ходить пешком и вообще не слишком спешить домой.

Сколько раз во время таких прогулок Ромашка намеревалась свернуть с Музейной, пройти квартала четыре до старого дома, на первый взгляд ничем не выделяющегося из серого ряда точно таких же домов, пробраться в подъезд и отпереть подвальную дверь... Но ключ так и лежал в тайнике за плинтусом, а Ромашка каждый раз проходила мимо. Не то, чтобы ей не хотелось увидеть Мирослава, - напротив, очень хотелось, но девушка знала, что ключ он ей дал на случай, если произойдет что-то из ряда вон выходящее, а пока ничего такого не случалось. "И хорошо", - убеждала себя Ромашка, вернее пыталась убедить, потому как скучала. И, может быть, не столько по самому Мирославу, сколько по всему, что он собой олицетворял - искреннюю заботу, доброту, надежду на что-то очень-очень светлое и почти несбыточное. И, может быть, Ромашка отважилась бы все-таки прийти к нему, но не пускал страх, боязнь того, что она, сама того не зная, может кого-то привести к нему. А вдруг за нею следят, а она просто этого не замечает? Маловероятно, конечно, но вдруг? Как же она сможет посмотреть в глаза Мирослава, если из пустого каприза приведет кого-то туда, где он прячется от всего города.

Весна подходила к концу, и в центральном парке зацвели деревья. Это были хилые, из последних сил тянущиеся к солнцу стволы с редкими ветвями ближе к верхушке. Такие тонкие, что Ромашка могла едва ли не каждое дерево обхватить ладонями. Но они цвели, и в эту пору казались Ромашке самым прекрасным, что может быть на свете. На них хотелось смотреть и смотреть бесконечно долго, и принюхиваться, силясь уловить в невероятном сплетении запахов тонкую нить пряно-сладкого цветочного аромата.

И Ромашка смотрела и принюхивалась, стоя у столба на аллее центрального парка. Дельфина со своим новым парнем по имени Кит сейчас каталась на аттракционе. Они предлагали и Ромашке, но та отказалась. Понаблюдав немного, как кружатся и переворачиваются вверх ногами Дельфина, Кит и еще человек четырнадцать счастливцев, нашедших деньги на билет, Ромашка отошла в сторонку и замерла, глядя на цветущие ветви. Возможно, со стороны ее поведение могло показаться странным: обычно никто не приходил в парк лишь затем, чтобы поглазеть на цветущие деревья. Люди вообще редко смотрели вверх, куда чаще - себе под ноги, но сегодня Ромашка не думала об этом. Ей хотелось прикрыть глаза, но вот этого делать не следовало ни в коем случае: мигом обворуют, либо пристанет кто-нибудь, поэтому девушка смотрела и смотрела вверх, не забывая изредка окидывать взглядом окружающую ее толпу. Впрочем, делала она это несколько небрежно, а потому не заметила сразу, что рядом с нею остановился человек и тоже прислонился к столбу. Почувствовав же, что кто-то стоит совсем близко справа от нее, Ромашка ощутила лишь досаду: ее символическое уединение было прервано.

- Здравствуй, Ромашка.

Ноги вдруг стали ватными: вот уж поистине, когда она и не думала, не гадала о встрече... Ромашка очень медленно и осторожно повернула голову.

- Ты! - выдохнула она.

Мирослав, чуть щурясь, смотрел на нее своими светлыми глазами. Лицо его было очень бледным, щеки ввалились, резче обозначив скулы, на лбу, у переносицы, залегла морщина, которой Ромашка не помнила. В остальном же он не изменился: глаза все те же, все так же собраны ремешком на затылке гладкие, светло-русые волосы. Ромашка разглядывала его, смущаясь и опасаясь хоть на минуту отвести взгляд: кто знает, может это всего лишь мираж, который, только она моргнет, тут же исчезнет. Но все сомнения в реальности происходящего рассеялись, когда сильные пальцы уверенно сжали ее ладонь.

- Пойдем. Я знаю тут место...

Как они шли - Ромашка почти не помнила. По дороге она позвонила Дельфине, предупредив, чтоб не искали ее, и подругу не так-то легко оказалось убедить, что Ромашка действительно спокойно

погуляет сама. Потом была какая-то улица, дверь дома, подъезд, лифт и скрип решетчатой двери, ведущей на чердак. Все это время Ромашка боялась, как бы Мирослав не выпустил ее ладонь и не потерялся в толпе. В лифте она стояла рядом с ним напряженная, словно натянутая струна, а стоило им оказаться наверху, в высоком чердаке, где постоянно жутко скрипели и гудели механизмы лифтов, вдруг почувствовала слабость в ногах.

- Здесь никого нет, - начал Мирослав, - можно спокойно поговорить. Ты знаешь, Ромашка... Ромашка? Ты что, плачешь?

Она действительно плакала. Наверное, это было очень некрасиво с ее стороны и неправильно, но она плакала, улыбаясь сквозь слезы.

Они устроились на ступеньке перед самым выходом на крышу. Ромашка уже почти успокоилась, только, глядя на Мирослава, не в силах была сдержать улыбку, которая то и дело озаряла ее лицо.

- Ты знаешь, Ромашка, - рассказывал тем временем Мирослав, - у вас, оказывается, есть люди, которые хотят сделать подкоп под стеной. Я узнал об этом случайно и все пытаюсь выйти на них. Пока безуспешно, к сожалению.

- Ты им помочь хочешь? - спросила девушка.

- Нет. Отговорить.

- Отговорить? Но почему?

- Потому что ничего у них не выйдет.

- Почему же обязательно не выйдет? - Ромашка даже почувствовала обиду за неизвестных ей заговорщиков. - Я, конечно, понимаю, что мы кажемся тебе странными. Но ведь не тупыми же?

Сказала и подумала, что зря вспылила. Мирослав, к счастью, не обиделся, и Ромашка, хоть и вздохнула с облегчением, начала уж подумывать: а можно ли его вообще хоть чем-то обидеть?

- Смотри сюда, - улыбнулся он и пальцем начертил на верхней, покрытой слоем пыли ступеньке круг, а внутри него - еще один.

- Вот ваш город, - объяснял он, - а вот - ров у подножья стены. Он достаточно глубокий, к тому же сейчас в нем вместо воды ядовитая смесь. И еще: стена очень толстая, без техники они ее не пройдут, а с техникой - их быстро заметят. Стена уходит глубоко под землю и нижней частью упирается в скальные породы, так что затея с подкопом

обречена. Можно, конечно, взорвать какой-то участок стены, но, опять же, ров, а за ним - километров восемь мертвой земли.

Мирослав очертил свой рисунок еще одним кругом, и края этого круга не поместились на ступеньке.

- В жаркие дни над мертвой землей поднимаются ядовитые испарения, а сейчас уже почти лето. К тому же воздух там плохой и зимой, и если человек будет бежать по мертвой земле, а значит интенсивно дышать, он долго не продержится. Разве что в противогазе... Ну и беглецов, я думаю, будут ловить те, кто оснащен гораздо лучше. Так что уйти им не дадут. Поймают, да еще и в тюрьму посадят.

"А то и просто расстреляют на месте" - додумала про себя Ромашка.

- Но они ведь не могут вообще не знать, что ждет их за стеной! - возразила она вслух. - Наверное, уже увидели с какой-нибудь крыши, что там пустыня, или...

- А ты когда-нибудь была не крыше? - тихо спросил Мирослав. Ромашка отрицательно покачала головой, сама не только удивившись, а и ужаснувшись тому, что ни разу за свою жизнь не удосужилась забраться на крышу и посмотреть оттуда на город, на то, что за городом... Ей просто не пришла бы в голову такая идея.

- Если мы сейчас поднимемся по этим ступеням на крышу, - услышала она, - то увидим только множество таких же крыш. Ты разве не знала, что самые высокие дома располагаются сразу возле стены, а все остальные ниже, и к центру города постепенно высота домов уменьшается. Не намного, но этого хватает, чтобы с крайних зданий видеть весь город как на ладони, и крыши домов в том числе. Есть в центре, правда, несколько домов, возвышающихся над остальными, но...

- Здание правительства, - подсказала Ромашка.

- Да-да, и тому подобное.

- А крайние?

Мирослав вдруг улыбнулся:

- Крайние? А у этого чуда архитекторской мысли вообще нет окон со стороны стены. У большинства из них окна только в стене, что выходит на вашу Кольцевую.

Ромашка молча обдумывала полученную информацию. Как странно, она столько лет жила в городе и не знала всего того, что только что сообщил ей чужак, проведший здесь меньше года.

- Да... - произнесла она вслух. - Значит, у них действительно не получится сделать подкоп. Жалко. Мне бы тоже очень хотелось побывать там... за стеной.

Мирослав некоторое время смотрел на свой рисунок, потом вдруг сказал тихо:

- Как только я выполню свое задание, я смогу забрать тебя отсюда. Хочешь?

- Хочу! - тут же ответила девушка. - А когда это будет?

- Мне осталось жить здесь всего два месяца. Даже меньше - всего-то семь недель.

- И ты правда меня заберешь? - недоверчиво переспросила Ромашка. Она не привыкла все же настолько доверять людям, хотя чужаку-Мирославу верить хотелось.

- Да. Но не сразу. Сначала мне надо вернуться домой и довести дело до конца, а потом я обязательно за тобой вернусь.

- А-а-а, - разочарованно протянула девушка и неторопливо поднялась на ноги, отряхнула одежду. Теперь-то уж она и вовсе не верила. Конечно, станет он возвращаться сюда неизвестно ради кого и чего! Но Мирослав словно прочитал ее мысли, и глянул с легким укором... Ромашка опустила глаза.

- А что у тебя за задание?

Он помедлил с ответом, и девушка, невесело усмехнувшись, сказала:

- Ладно. Не надо, не отвечай, если это тайна. Выполняй задание и уходи из города. Тебе ведь здесь не нравится? Да? И порядки странные, и люди странные. У тебя дома, наверное, лучше.

"Теперь-то он точно обиделся", - подумала Ромашка с непонятным ей самой злорадством. Только что она рада была, что Мирослав, наконец, объявился, но теперь он обещает, как это делают все, то, чего не собирается выполнять... И кто его, спрашивается, тянул за язык? Зачем говорил, что заберет ее из города?

- Наверное, вы слишком часто друг друга обманываете, поэтому ты, Ромашка, привыкла кругом видеть обман и никому не доверять, - услышала девушка глухой голос. - Может, так оно и лучше. В вашем

городе я встретил очень мало хороших людей, но достаточно тех, кого и людьми-то назвать язык не поворачивается. Одно слово - нелюди.

- А ты знаешь, зачем я сюда ехал? - продолжил он после небольшой паузы. - Наверное это звучит смешно, но я должен доказать, что вы не такие страшные как про вас рассказывают.

- Это как? - не поняла Ромашка. Смешно ей не было, наоборот, девушка как раз размышляла, стоит ли ей еще и на это обидеться.

- Да как угодно. Во-первых, я должен был прожить у вас год и вернуться. Я только здесь понял, что смысл задачи - хотя бы просто выжить. Надеюсь, у остальных дела получше или хотя бы не хуже, чем у меня.

- У остальных? - воскликнула Ромашка. - Так вас тут много?

- Кроме меня еще семь человек в других городах. И наша задача, прожив год в городе, вернуться и доказать на Совете, что... - Мирослав замолчал, посмотрел на Ромашку почти виновато, и закончил, - что нет необходимости уничтожать город.

Гулкие щелчки лифтового механизма отражались эхом от бетонных стен. Где-то, очень далеко, шумели автомобили.

- Что? - тихо спросила Ромашка.

Мирослав молчал.

- Вот как! Значит вы, живущие там, за стеной, будете решать, стоит нам жить или нет?

Он все еще молчал. А Ромашка вдруг ощутила себя так, будто ее вытолкнули из окна, и она летит и летит куда-то вниз... Действительно, голова закружилась, и девушка схватилась рукой за поручень. Как-то пусто стало вдруг в душе. Злости не было, только какое-то непонятное отупение. Ноги подкосились, и Ромашка вновь опустилась на ступеньку, одновременно пытаясь отодвинуть от себя придерживающие ее руки.

- Не... не надо! Не надо! - заикаясь, пробормотала она. Мирослав убрал руки, потом отошел. Ромашка не смотрела на него - она пыталась осмыслить то, что услышала, но как-то не получалось. Потом девушка услышала тихий голос и поневоле прислушалась.

- Мы пытаемся договориться с вашими правителями уже более ста лет. За это время границы мертвой земли вокруг города расширились, кроме того, вода в реках вокруг больше непригодна для

питья. После Каменного Дождя уцелело не так много городов, но они разрастаются, и со временем, я уверен, ваши правители решат, что могут угрожать нам. Поэтому Совет вынес на обсуждение решение об окончательном уничтожении городов.

- Но ведь тут же мы... тут же люди! - едва слышно возразила Ромашка.

- Люди... - словно эхо повторил за ней Мирослав. - Люди... У нас многие не были готовы принять предложение Совета, и тогда, сообща, вынесли решение: отправить по одному человеку в восемь разных городов, чтобы они прожили там один год, а потом вернулись и рассказали о том, как живут здесь люди, можно ли обратиться к ним, можно ли дать им еще время исправить ситуацию. А время это ограничено, потому что мертвые воды скоро заразят собою великие реки, и тогда будет настоящая катастрофа. Ты понимаешь, Ромашка? Сейчас вокруг города большая пустыня, и если ничего не делать, она будет расти и дальше, и расти очень быстро, с каждым годом все быстрее. Разве ты не замечаешь? Вы почти не видите солнца и звезд, у вас круглый год тепло и не бывает ветра.

- Мы привыкли...

- Вы привыкли! - Мирослав усмехнулся, и Ромашка, наконец, подняла глаза. - В городе у вас действительно страшно, а то, что происходит за стеной из-за вас - еще страшнее. Но вы привыкли, и вам не хочется ничего менять. Вами, как марионетками, управляет жалкая кучка нелюдей, а вы...

Он встал и стер носком ботинка рисунок с пыльной ступени.

- Через семь недель, - сказал Мирослав, - я должен вернуться домой и рассказать на совете обо всем, что здесь видел, и попытаться доказать, что у нас с вами еще есть шанс все изменить. Понимаешь, Ромашка?

Ромашка не сразу смогла ответить.

- Понимаю, - пробормотала она вдруг осипшим голосом. - Понимаю... Нелегко тебе придется на совете. Будешь доказывать, что черное - это белое?

Голос Мирослава был грустным.

- И, тем не менее, я не изменил решения. Я сделаю все возможное, чтобы Совет принял нашу сторону. Я пока еще верю, что в городе есть люди, которым небезразлично то, что происходит.

- Все еще веришь?
- Да, Ромашка, пока верю. Хотя я все еще многого не понимаю...

Уже смеркалось, когда Ромашка и Мирослав вышли из подъезда. Серое небо, как обычно, без звезд, накрывало город, словно купол. Навстречу попадались и одинокие, спешащие домой, прохожие, и группки по нескольку человек. Ромашка очень надеялась, что сегодня они доберутся до ее дома без приключений - а-то вдруг Мирослав все-таки разочаруется в людях. Жизнь в городе почти излечила его от излишней доверчивости и научила осторожничать, ожидая опасности, но вера в людей, в то, что до души каждого человека можно-таки достучаться, осталась неизменной.

В этот вечер Ромашка стояла на коленях пред распахнутым окном. Лист бумаги и баночка с водой - на подоконнике. Сначала девушка нарисовала два дома, два черных дома, а потом... потом скомкала рисунок и бросила на пол промоченный акварелью, комок. Взяла новый лист. Она все еще сомневалась, с чего начать, и выходило, что без этих двух домов она никак обойтись не могла, потому что хоть что-то на ее рисунке должно быть привычным, реальным. Вздохнув, Ромашка снова обмакнула кисть в черную краску и нарисовала эти два дома, но на сей раз уделила им на листе намного меньше места. "Это как будто я забралась на крышу своего дома, или даже еще выше" - решила Ромашка. Стену она рисовать не стала, вместо нее обозначила край города рвом. Ромашка не знала, как должна выглядеть ядовитая вода, но уж явно голубой краской ее рисовать не стоило, и поэтому жидкость во рву получилась желто-зелено-бурой, а за рвом Ромашка нарисовала мертвую землю. Мертвую, думала она, это значит без зелени, то есть пустыню, но не такую, где песок... Поэтому мертвая земля была у нее на рисунке красно-желтая, с темными трещинами, которые паутиной уходили к горизонту. А за мертвой землей - тут уж Ромашка не удержалась - высился зеленый холм с густым лесом у самого подножия, и все это освещало застывшее высоко в небе яркое, лучистое солнце.

На третий день после встречи с Мирославом случилось, в общем-то, самое обычное: вечером где-то в городе сначала раздался

неимоверный грохот, потом, несколько минут спустя, послышались выстрелы. Ромашка бы и не обратила на это никакого внимания, если б наутро в новостях дикторша с милым лицом не сообщила, что вчера проводились ремонтные работы возле стены, из-за чего граждане могли слышать грохот. Диктор очень старалась успокоить людей и уверить, что ничего особенного в тот вечер не произошло, и вот это как раз показалось Ромашке подозрительным. Когда, через некоторое время, стали рассказывать о нападении каких-то бандитов на патрульных полицейских, девушка, сопоставив звук взрыва и выстрелов с представленной в новостях информацией, решила про себя, что на самом деле все было по-другому: ведь говорил же Мирослав, что пытается отговорить каких-то людей делать подкоп или взрывать стену. Наверное, они так и не послушались. Ромашка пожалела про себя смельчаков, которых, скорее всего, сейчас уже допрашивали в отделении. "Наверное, в новостях больше ничего не скажут" - подумала она, но рука ее задержалась до того, как пальцы нажали кнопку переключения на пульте.

- Во время вчерашнего нападения, - говорила диктор, - были зверски убиты пять человек. После опроса свидетелей полиции удалось составить фото-робот преступника. Если вы обладаете информацией о возможном местонахождении этого человека или...

С экрана смотрело с трудом, но все же узнаваемое лицо чужака-Мирослава.

Глава 8

- Этого не может быть!

С такой мыслью Ромашка ложилась спать и просыпалась уже несколько дней. От Мирослава вестей не было, но девушка точно знала, что его пока не нашли - в каждом выпуске новостей сначала показывали его фото-робот, а потом и фотографию. Увидев ее впервые, девушка испугалась, но потом вспомнила, что Мирославу уже довелось познакомиться с полицией. Наверное, его фото, сделанное при аресте, нашли в базе данных.

- Он просто не мог этого сделать, - повторяла Ромашка сама себе каждый раз, когда видела его лицо на экране. Для такого, как этот чужак, убить человека, наверное, было чем-то невообразимо страшным. Ромашка верила, что он так и не пересилил в себе внутренний запрет на жестокость, хотя обстоятельства, без сомнения, часто его к этому вынуждали.

Через день к списку злодеяний всюду разыскиваемого чужака прибавили еще четыре убийства, а потом еще два. О преступнике, покушавшемся на жизнь горожан, теперь говорили даже в университете, куда девушка забежала побеседовать с преподавателем насчет своего дипломного проекта. Неизвестный человек, которого каждое утро, день и вечер, показывали по телевизору, внушал страх. Но, тем не менее, когда в присутствии Ромашки преподаватели принялись обсуждать последние новости, ее руководитель только посмеялся тихо.

- Я не знаю, кто на самом деле этот человек, - сказал он Ромашке, - но думаю, что, несомненно, положительный.

Когда девушка посмотрела на преподавателя огромными от удивления глазами, тот лишь приложил к губам палец и хитро подмигнул.

- Множество преступлений происходит каждый день, и ведь не об одном из них не трубят на всех каналах, хотя сколько достойных людей гибнет просто по дороге домой! Вспомнить хотя бы декана нашего -

замечательнейший был человек! - пожилой преподаватель вздохнул, - Неспроста это все, неспроста...

По дороге домой Ромашка едва не столкнулась с Рысем. Парень брел, опустив голову, по той же стороне улицы, и сначала не видел ее, потом поднял глаза и остановился. Похоже, желания встречаться с нею у Рыся было еще меньше, чем у самой Ромашки, потому что, едва дойдя до перехода, парень поспешил перебраться на другую сторону улицы. Ромашка не провожала его взглядом, хотя ей и было любопытно - обернется Рысь или нет, но еще больше девушку занимал вопрос: что же такого сказал Рысю Мирослав, что несостоявшийся убийца боялся теперь встречаться со своей предполагаемой жертвой. А еще девушка надеялась, что Мирослав не позволил Рысю увидеть своего лица, иначе теперь ее бывший ухажер быстренько настучит в полицию. А может и не настучит - побоится стать следующей жертвой маньяка?

Было еще совсем светло, когда Ромашка вернулась домой и набрала номер Дельфины.

- Я сейчас в метро! - раздался голос ее подруги. - Ты знаешь, Кит пригласил меня сегодня в ресторан. Было так хорошо! Жаль только, что у него дела вечером, и он не мог задержаться дольше.

- Так ты домой едешь? - спросила Ромашка.

- Да. Еду домой, - было слышно, что Дельфина улыбается. - А хочешь, я к тебе зайду?

Первым побуждением было сказать: "Да, конечно хочу!", но почему-то Ромашка сказала совсем не то, что хотела:

- Ты, наверное, устала, так что иди домой, отдыхай.

- Ничего я не устала! - возразила Дельфина. - Но если ты не хочешь меня видеть или занята...

Кажется, подруга обиделась. Ромашка сказала, что занята, и они с Дельфиной попрощались. Небо все больше серело, и, хотя погода стояла ясная, а вскоре небо над стеной должно было расцвести всеми красками заката, Ромашка ушла в гостиную и включила телевизор. На одном из каналов девушка нашла новости и теперь напряженно смотрела на экран: покажут или нет фотографию Мирослава? Если да, то, значит, он все еще на свободе...

Зазвонил телефон.

- Ромашка! - раздался довольный голос Дельфины. - Хоть ты и бука, но все-таки я к тебе зайду! У меня такое настроение, такое настроение, что я просто обязана поделиться с тобой! Ты слышишь?

Представив себе, как откроет дверь и впустит Дельфину, как они вместе будут сидеть на диванчике и болтать, как Дельфина будет рассказывать ей о своем парне, Ромашка почувствовала себя почти счастливой. "И с чего это я вдруг?.. - подумала она, вспоминая свой отказ. - Я ведь так соскучилась по Дельфине, и очень хочу ее видеть!"

- Прости меня, Дельфина, я действительно бука, - улыбнулась Ромашка, отключая звук телевизора, чтобы не мешал разговаривать. - Конечно, приходи!

- Я уже вышла из метро и иду к тебе, - сообщила Дельфина. - Ждешь?

"Жду" - хотела ответить Ромашка, но не успела. В уши ей вдруг ударил громкий, высокий звук. Одновременно с этим эхо донесло до окна ее квартиры отголосок женского крика.

- Дельфина! - заорала Ромашка в микрофон, но в наушниках теперь слышалось лишь шипение и треск - то ли помехи, то ли, как обычно, отошли контакты. То ли телефон Дельфины больше не работал.

Лифт опускался бесконечно долго. Стремглав выскочившая из квартиры Ромашка нервно застыла перед закрытыми створками, сжав кулаки, а едва двери лифта открылись, вылетела из подъезда и помчалась по улице.

Ближайшая станция метро находилась на перекрестке Кольцевой и Музейной. Ромашка знала, что Дельфина должна была идти оттуда, и бежала по тротуару, заглядывая в каждую арку, в каждый проулок. Время от времени Ромашка звала подругу:

- Дельфина!

Но ответа не было.

Она была уже недалеко от Музейной, когда, заглянув в проем между домами, увидела там каких-то людей. Сумерки еще только-только легли на город, и тень не стала такой непроглядной, какой бывала ближе к ночи, поэтому фигуры в темной одежде вырисовывались довольно отчетливо. Ромашке было страшно, очень

страшно, но тут ее слуха достиг приглушенный вскрик, и Ромашка узнала голос Дельфины. Отбросив разом и страх и сомнения, девушка истошно завопила и бросилась в проулок.

Наверное, ее вопль вызвал секундное замешательство среди тех, кто скрывался в тени. Ромашка успела ударить кого-то, но ощутимого урона бандитам ее стремительная атака не нанесла. И все-таки она дралась, отчаянно дралась, лупя всех, кто оказывался рядом, руками и ногами, пытаясь даже укусить. Когда ее швырнули на асфальт, Ромашка вскочила и ринулась в бой. Она почти не чувствовала ударов, не ощущала жжения исцарапанной шершавым асфальтом кожи, потому что где-то совсем рядом пыталась кричать и вырываться Дельфина.

Словно маленький хищный зверек, Ромашка раз за разом бросалась на бандитов, почти не переставая кричать. Где-то в подсознании билась надежда на то, что кто-нибудь не только услышит ее крики, а еще и попытается помочь, или что полиция, привлеченная шумом, приедет вовремя. Наконец, бандитам стало понятно, что просто так от надоедливой девчонки не отделаться, и Ромашку, брыкающуюся и извивающуюся всем телом, подхватили под мышки. Ноги девушки оторвались от земли, и в этот миг Ромашке показалось, что она увидела лицо Дельфины, но тут же вместо подруги перед нею оказались рослые головорезы, и девушка поняла, что пропала. Что они обе - и она, и Дельфина, - останутся сегодня ночью лежать в темном проулке, глядя стекленеющими глазами в ночное беззвездное небо. Что на следующий день к уголовной статистике прибавятся еще две единички. Поняла и закричала еще громче, черпая силы из той самой последней надежды, что, как водится, умирает только вместе с человеком.

Из-за собственного крика она не услышала приближающийся топот ног, а поняла, что ситуация изменилась, только тогда, когда ее вдруг отпустили, и Ромашка упала на асфальт. Ей показалось, что громоздкие фигуры головорезов сами собой разлетелись в разные стороны, и девушка в глубине души точно знала, кто пришел ей на помощь, но сейчас она не думала ни об этом, ни о том, почему еще четыре человека, появившиеся в проулке вслед за Мирославом, не нападают на него. Ромашка смотрела вперед. Прямо перед ней, возле

кучи картонных ящиков, которые жители дома разбросали у мусорного бака, лежала Дельфина: тоненькая, длинноногая, в изящных босоножках на высоком каблуке и нарядном летнем платье. Платье девушки было разорвано на груди, и по светлой ткани расползалось зловещее темное пятно.

- Дельфина!

Крик Ромашки прозвучал в полнейшей тишине. Она бросилась к подруге, заглянула ей в лицо и с ужасом отпрянула - синие глаза Дельфины безжизненно смотрели куда-то вверх, и хотя живая кровь все еще вытекала из раны, а пальцы сжимали ремешок сумочки, Ромашка как-то сразу поняла, что уже все кончено. И все-таки позвала тихо-тихо:

- Дельфина!..

Она не видела, как замер с огромными от ужаса глазами Мирослав, и как затем обернулся к поднимающимся на ноги бандитам. И уж тем более Ромашка не знала, что на самом деле именно сегодня ему впервые пришлось убивать. Те четверо, что пришли вслед за Мирославом, не подходили к нему, не помогали и не мешали.

Ромашка не плакала. Горе оказалось настолько велико и неосознаваемо сразу, что слезы не просились на глаза. Бережно и осторожно Ромашка погладила темные волосы подруги и подтянула разорванную ткань платья, прикрывая ей грудь. Потом спокойно, словно ей уже приходилось делать это не раз в своей жизни, протянула руку и закрыла безжизненные глаза. И сразу вдруг стало легче. Теперь, когда не было этого пугающего взгляда мертвых глаз, Ромашке казалось, что Дельфина просто спит. Ну и что, что платье порвано и все в крови?

- Дельфина, - прошептала Ромашка, изо всех сил надеясь, что сейчас случится чудо, и подруга вдруг откроет глаза и улыбнется. - Дельфина!

Но Дельфина не открывала глаз.

На плечо Ромашки тяжело опустилась рука, и девушка, сделав над собой усилие, оторвала взгляд от лица подруги и обернулась. Наверное, Мирослав тоже долго смотрел на Дельфину, и теперь глаза его вдруг показались Ромашке такими же безжизненными, как и у подруги. Девушка моргнула, и попыталась позвать его по имени, но у нее ничего не получилось - что-то сжимало горло и мешало говорить,

выпуская наружу лишь невнятный шелест. Мирослав среагировал на этот звук и посмотрел на нее. Четыре темные фигуры стояли чуть поодаль, и голос одного из этих незнакомцев заставил, наконец, Ромашку очнуться.

- Полиция едет.

Девушка прислушалась: где-то еще очень далеко выла сирена.

Они не выходили на Кольцевую, а побежали темными дворами. Ромашка почему-то не могла двигаться, и поэтому ее подхватили на руки. Ей было уже безразлично, куда ее несут, она не смотрела по сторонам, а прятала лицо на груди человека, чьи руки так легко и бережно несли ее через темноту.

И неожиданно Ромашка поняла, что принесли ее не куда-нибудь, а домой. В ее квартиру. Спустились через крышу на этаж, помогли открыть дверь и уложили на диван. Ей что-то еще говорили, но Ромашка не слушала до тех пор, пока ее самым бессовестным образом не облили холодной водой. Словно проснувшись, Ромашка заморгала, стряхивая воду с длинных ресниц, а потом вдруг с рыком бросилась на Мирослава, неосознанно вымещая на нем всю кипевшую в душе злобу, и притом почему-то больше всего обижаясь именно на неожиданный холодный душ. Мирослав не сразу схватил ее за руки, позволив девушке некоторое время лупить себя твердыми кулачками. Сил у Ромашки оставалось все меньше и меньше, и, в конце концов, девушка уткнулась лицом в его рубашку и зарыдала.

Солнце в этот день показалось Ромашке нестерпимо ярким. Во время похоронной церемонии девушка стояла рядом с матерью Дельфины. Молодая, красивая женщина почти полностью закрывала платком покрасневшее от слез лицо, а Ромашке порой казалось, что это возле нее стоит сама Дельфина - до того мать и дочь были похожи.

После похорон Ромашка вернулась домой, в свою квартиру, но не пошла к окну, не села на подоконник, как делала это обычно, а упала на старый диванчик в гостиной. Девушка не ощущала больше себя живым человеком, а скорее бессмысленной оболочкой, из которой смотрит на мир перепуганными и бесконечно удивленными глазами душа. А ведь ей казалось, что после смерти брата ее жизнь опустела настолько, что уже ничто не сможет ранить ее больнее. Как же так?

Она не понимала. Вернее, душа ее не понимала, сердце не понимало, а разум, функционирующий словно сам по себе, ехидно подсказывал: почти каждый день случается что-то подобное, и твоя подруга, Дельфина - всего лишь одна из многих, из очень многих.

Вечером, проходя мимо зеркала, Ромашка вдруг замерла и присмотрелась, не вполне осознавая, что именно ее встревожило: серые глаза собственного отражения смотрели на нее из-за стекла взглядом Мирослава.

Полиция, кажется, сразу причислила дело об убийстве молодой симпатичной девушки к разряду самых заурядных уличных убийств, совершаемых похотливыми головорезами едва ли не каждый день, поэтому ни родных, ни знакомых Дельфины особо не расспрашивали. Ромашка тогда впервые подумала, что Мирослав, наверное, правильно поступил, не взяв ее с собой. Мирослава разыскивал едва ли не весь город, его лицо каждый день смотрело с экрана телевизора, наводя непонятный самой Ромашке ужас на мирных жителей, подземное убежище чужака вот-вот могли обнаружить... Нет, взять с собой Ромашку он определенно не мог. Но после смерти подруги одиночество стало настолько невыносимым, что порой хотелось выть, глядя на затухающее пламя заката. Сейчас Ромашка согласилась бы разделить любую опасность вместе с человеком-чужаком, мысль о котором была теперь единственной соломинкой, не дающей Ромашке полностью раствориться в своем горе.

Ромашка почти не выходила на улицу. Если раньше ей невыносимо было целый день просидеть дома, то теперь выходить из квартиры попросту не хотелось, но уже буквально через день Ромашка вдруг обнаружила, что у нее совсем нечего есть, и выйти-таки пришлось.

Солнечный свет резал глаза, и хотя раньше Ромашка обязательно обрадовалась бы такому ясному дню, то сегодня яркое солнце казалось ей насмешкой над бесконечным, еще даже неосознанным до конца горем. И к тому же со всех сторон, со стен домов и со столбов на нее смотрели лица, в которых Ромашка узнавала Мирослава. Еще в день похорон Ромашка видела, как расклеивают плакаты, но тогда не обратила внимания, что, вернее кто на них изображен. Теперь же девушка испугалась не на шутку. Ей было отчего-то страшно

возвращаться домой. Одетая в легкое летнее платье и босоножки, девушка долго ходила по магазину, выбирая покупки, потом стояла в очереди в кассу, а, оказавшись на улице с небольшим продуктовым пакетом в руках, робко озиралась по сторонам. Ноги, словно на автомате, несли ее к дому, а Ромашка в это время думала, что уж чего ей больше всего не хочется, так это снова запереть себя в квартире. Однако она поднялась на этаж, открыла, а потом закрыла за собой входную дверь и... и забилась в чужих руках, которые обхватили ее за туловище, закрыли рот, а потом что-то кольнуло в шею и ни сил, ни воли к сопротивлению не осталось.

Глава 9

Ее мутило, в голове шумело так, как, наверное, шумит море в очень ветреный день, и еще будто кто-то кричал, звал ее издалека, но до слуха доносились лишь отголоски эха. Потом странные звуки утихли, и Ромашка нашла в себе силы поднять веки.

Сначала она ничего не увидела, но внезапно по глазам резанул яркий свет, заполнивший собой все вокруг, и девушка резко зажмурилась и отвернулась. Свет жег глаза даже сквозь веки, и она хотела поднять руку, попытаться закрыть лицо, но обнаружила, что рука не двигается. А потом до сознания дошло, что руку просто держат жесткие ремешки, крепко прижимая запястье к подлокотнику кресла. На другой руке Ромашка тоже ощутила ремни. Тогда она попыталась хоть чуть-чуть приоткрыть глаза и поглядеть, есть ли кто рядом. Она не сомневалась, что есть, но было что-то особенно унизительное в таком вот беспомощном состоянии, когда невозможно даже поднять на своих пленителей глаза.

Ромашка никого не увидела. Яркий свет, направленный прямо в лицо, делал невидимыми тех, кто стоял перед нею. Она слышала их движения, их дыхание, но увидеть никак не могла. Тогда девушка решила пока не дергаться и, отвернувшись, насколько это было возможно, от лампы, попыталась успокоить участившееся дыхание.

На нее смотрели. Она чувствовала это кожей. Короткое легкое платьице открывало коленки, и от этого девушка ощущала себя еще более беззащитной, проклиная в душе летнюю жару, из-за которой сегодня была так непрактично одета. Люди вокруг ходили, шептались, и Ромашка силилась расслышать, что они говорят, но тут негромкий, но отчетливый голос обратился прямо к ней:

- Открой глаза.

Девушка исполнила прозвучавший приказ с трудом. Перед ее слезившимися глазами чья-то рука, вынырнувшая из темноты, держала фотографию Мирослава.

- Ты знаешь этого человека?

Ромашка не колебалась:

- Нет.

И тут же пощечина обожгла ей щеку, и голова мотнулась в сторону.

- Врешь!

Чьи-то пальцы больно впились в подбородок и заставили повернуть голову.

- Смотри сюда!

Девушка вновь приоткрыла глаза и, несмотря на страх, почувствовала в первую очередь удивление - ей показывали ее рисунок. Два черных дома, в просвете между ними - черная стена, над стеной - разноцветное небо заката. Это был один из давних ее рисунков, и девушка не поняла, чем простые картинки могли кого-то заинтересовать. Она хотела снова закрыть глаза - они все еще болели, но удовольствовалась тем, что прикрыла правый глаз, глядя перед собой прищуренным левым. Лампа все еще светила ей в правую щеку, и вместе с ярким светом источала тепло, вернее, жар, ощутимо обжигающий кожу.

Рисунок перед ее глазами поменяли, но он был почти такой же, как предыдущий - разве что небо в других оттенках. Потом - следующий рисунок, на котором, движимая непонятным порывом, Ромашка запечатлела трещину в оконном стекле. Ромашка смотрела на него недолго - всего несколько секунд, но когда лист перед нею пропал в темноте, чтобы смениться другим, она вдруг все поняла, и в отчаянии подумала, что очень зря не выкинула краски и кисточку еще в детстве... Перед нею возник тот самый рисунок, где Ромашка впервые не нарисовала стену.

- Что это значит?

Пришлось отвечать, правда, ей не пришлось что-нибудь придумывать или врать.

- Это просто... фантазии, - произнесла она, прекрасно зная, что, когда ей покажут следующий рисунок, так просто она уже не отговорится.

Но ее похитителей почему-то не устроил такой ответ.

- Почему ты не нарисовала стену?

- Я... я просто подумала, *что* может быть там, за стеной, - пролепетала девушка. - Просто придумала и нарисовала.

- Но почему ты не нарисовала стену? Ты представляла, что ее нет?

Отнекиваться было бесполезно, и Ромашка лихорадочно соображая, что еще может сказать в свое оправдание, решила прикинуться дурочкой:

- Но ведь когда-нибудь стены не будет! Когда там, снаружи, станет безопасно, то, наверное, стена будет уже не нужна...

Некоторое время вокруг было тихо, и девушка поспешила порадоваться, что ее уловка удалась, но не тут-то было.

- Значит, ты хочешь, чтобы стены не было.

Еще одна пощечина, не такая сильная, как предыдущая - ей просто давали понять, что ответом недовольны. Зажмурившаяся было Ромашка совсем не спешила открывать глаза, потому что знала, что увидит, а вот что будет говорить - не придумала. Но приказ прозвучал:

- Смотри!

И Ромашка посмотрела. Теперь она проклинала себя за то, что, под впечатлением от рассказанного Мирославом, взялась за кисть.

- Откуда ты знаешь, что находится за стеной?

- Я просто придумала.

Снова пощечина. На этот раз Ромашка ощутила привкус крови из разбитой губы. Вопрос повторили:

- Откуда ты знаешь, что находится за стеной?

- Все знают, что там ядовитая пустыня, - проговорила она, - а ров я придумала. Раньше, в древности, города окружила не только стенами, но и рвами, вот я и нарисовала...

- Врешь!

Из темноты вынырнула еще одна рука, и Ромашка даже различила силуэт человека. Этот человек взял ее за подбородок и приподнял лицо, как если бы собирался заглянуть ей в глаза. Но поединка взглядов не состоялось: мало того, что Ромашка не видела даже лица неизвестного, но и не могла гордо глядеть в темноту, потому как свет от лампы все еще слепил глаза, и они слезились и болели, и просто-таки не желали полностью открываться.

- Тебе рассказал об этом чужак, не так ли? - раздался голос из тени.

- Я не знаю никакого чужака!

- Врешь!

Девушка снова ожидала удара, но пальцы отпустили ее подбородок, а удара не последовало. Безликий снова заговорил:

- После того, как вы с подругой зашили чужака, мы провели обыск и у тебя и у нее в квартире. У твоей подруги ничего интересного не обнаружилось, но твои рисунки нам не понравились, и мы решили держать тебя на примете. Ты знаешь, как была убита твоя подруга?

Ромашка отрицательно качнула головой, продолжая сидеть с зажмуренными глазами:

- Нет.

- А ты знаешь, что возле ее тела нашли еще пять трупов?

- Нет.

На этот раз ее схватили за горло, и на какое-то время Ромашка потеряла не только способность дышать, но и соображать.

- Ты понимаешь, кого выгораживаешь? Чужака, зверски убившего пятерых человек!

Ромашка ничего не смогла ответить, и пальцы разжались. Девушка с трудом перевела дух. "Зверски, значит, убившего? - пронеслась в ее голове мысль. - А Дельфина? Ее, значит, не зверски?" Мысль была какая-то злая и бесполезная, и вскоре злость уступила место более здравым рассуждениям, тоже, в принципе, бесполезным. "Они разговаривают со мной так, словно уверены, что я все знаю про Мирослава. И не упомянули всех тех преступлений, которые ему приписывали в уголовной хронике и новостях. Значит... Значит, тех преступлений и правда не было."

- Нам нужна вся информация о чужаке.

Ромашка промолчала. Что она могла ответить? Ей не верили, да и не поверят.

- Я повторяю, - прогремел голос почти над самым ее ухом, - нам нужна вся информация о чужаке. И будет лучше, если ты дашь ее добровольно. Ты будешь говорить?

Она упрямо молчала. Следующая пощечина вновь заставила ее голову дернуться в сторону, и девушка больно ударилась о спинку стула. Ей было плохо, голова гудела, яркий свет немилосердно жег глаза, а крови во рту стало больше. Ромашка глотнула, но это стало последней каплей, и тошнота тут же подступила к горлу. Силясь справиться с дурнотой, Ромашка попыталась успокоиться, выровнять дыхание, но отчего-то к тошноте прибавилось еще противное чувство, будто голова ее поплыла куда-то отдельно от тела. Девушка тихо застонала. Головокружение не проходило, и было плохо так, что

хотелось плакать. Голос, показавшийся ей очень громким вначале, теперь доносился словно из глубокого колодца, и Ромашка даже успела со стыдом подумать, что теряет сознание, причем не от боли, нет, - от самого обыкновенного страха. А еще решила, что это, возможно, и к лучшему...

Но уйти в беспамятство ей не дали. Холодная вода плеснула в лицо, заставив мигом прийти в себя. "Выключили бы лампу", - подумала она, но лампа, по-видимому, была немаловажным фактором воздействия, и поэтому ее никто не выключал. А может, неизвестные просто прятали лица, желая и в дальнейшем остаться безликими.

- Ну что ж, если не хочешь по-хорошему - будем по-плохому.

В голосе прозвучала угроза, и Ромашка напряженно прислушалась. Кто-то подошел к ней почти вплотную, а лампа, кажется, еще больше приблизилась к лицу. И в то же время кто-то, как показалось Ромашке, вышел из помещения - негромко хлопнула дверь. Но и сейчас девушка слышала дыхание нескольких человек или, скорее, она просто ощущала их присутствие рядом с собой.

На ее колено легла тяжелая ладонь и поползла выше. Девушка дернулась, пытаясь отстраниться, но ее бедра уперлись в спинку кресла, а чужая рука поднималась и бесцеремонно шарила под подолом платья. Это оказалось настолько неприятно и мерзко, что Ромашка не удержалась и всхлипнула, а потом попыталась закричать, хотя и знала точно, что это бесполезно. Чужая рука оставалась на месте, но теперь рот девушки был закрыт второй пятерней. Тогда Ромашка принялась пинать ногами наугад.

Неизвестно, чем бы это закончилось, если б дверь вновь не открылась. Рука, наконец, выбралась из-под платья и оставила девушку в покое. Что-то звякнуло, как если бы на стол поставили металлический поднос с инструментами. О том, что там могли быть за инструменты, девушке думать не хотелось, но страх поднялся неудержимой волной, и теперь ее действительно трясло мелкой дрожью. Девушка крепко сжала зубы, потому что они порывались отбивать дробь.

Ее страх не остался незамеченным.

- Ну что? Будешь говорить? - это был уже другой голос, злорадный, ехидный. - Нет? Ну тогда... Смотри-ка, что у нас тут есть!

Ромашка, естественно, так и не смогла посмотреть - мешала ненавистная лампа - да и не больно-то хотелось.

- Не хочешь? Боишься? - голос продолжал насмехаться над ней, и от насмешки этой кровь постепенно превращалась в лед. - Ну что ж, тогда не подскажешь ли, с чего начать? Может, выколоть глаза? Или повыдирать ногти?

К своему неописуемому ужасу Ромашка ощутила, как кто-то взял в руку ее кисть и принялся перебирать пальцы, вертеть их, будто разглядывать. Теперь девушка окончательно поняла, что сейчас начнется самое страшное, и самым постыдным образом тряслась уже, как в лихорадке. Но вместе с этим почему-то появилась твердая уверенность в том, что безликие ничего от нее не добьются. Она не выдаст Мирослава. Она ничего им не скажет. Никогда. Чем бы они ей не угрожали, и чего бы не сделали. Потому что жизнь чужака-Мирослава бесконечно дороже и ценнее ее собственной никчемной жизни, потому что, если не будет Мирослава - не будет и надежды, свет которой уже успел озарить существование города, отгороженного от всего живого, всего настоящего высокой стеной. Потому что, если Мирослав не выполнит свое задание, никакого города не будет. Не будет всех тех людей, что окружали Ромашку ее двадцать с лишним лет - ни тети Полианы, ни матери Дельфины, ни даже Рыся, никого...

Решимость придала ей хладнокровия, и Ромашка с некоторым удивлением почувствовала облегчение. Виски словно бы обдало прохладой, и девушка подумала, что теперь готова ко всему. Что выдержит любое издевательство. Должна выдержать. И только не понимала, почему медлят ее палачи. Что-то звякнуло о поднос. Ромашка, разом потеряв свое хладнокровие, вцепилась в подлокотники кресла и напряженно ожидала чего-то. Только бы не закричать, только бы сразу не закричать!..

Действительность оказалась еще страшнее.

- Хватит, - сказал первый голос, предоставив Ромашке целых несколько секунд, чтобы осознать короткое слово и обмякнуть в кресле, чувствуя невероятное облегчение. - Давай, делай ей укол. Сейчас она нам все расскажет сама, без принуждения.

- Нет! - Ромашка не сразу поняла, что выкрикнула это вслух. - Нет!

Она готова была терпеть любые мучения, но оказалось, этой жертвы от нее не требовалось. Все будет намного проще: сейчас ей вколют "сыворотку правды", и она расскажет все, что знает про чужака-Мирослава, да еще и укажет дорогу в его убежище.

- Нет! - снова закричала Ромашка, отчаянно и безнадежно пытаясь высвободить запястье. Жесткие ремни врезались в кожу, но девушка почти не ощущала боли. Ей было безразлично, что будет с нею, но становиться предательницей Ромашка не хотела. Ни за что!

Ее левый локоть внезапно словно оказался в железных тисках, и чей-то шершавый палец провел по коже там, где чуть ниже сгиба голубела вена. В следующий миг Ромашка почувствовала укол. Напряженно замерев, она беспомощно смотрела, как из шприца уходит в ее тело мутновато-белая жидкость. Когда шприц опустел, иглу вынули и быстро заклеили маленькую ранку, из которой уже показались капельки крови.

Ромашка ждала. Пока она не чувствовала ничего необычного, кроме вновь подступившей дурноты, и надеялась, что, возможно, препарат на нее не подействует. Безликие стояли прямо перед нею, но Ромашка по-прежнему не могла их видеть. Она прикрыла глаза и сосредоточилась, стараясь выровнять дыхание, успокоить бешеное биение сердца.

- Все хорошо, хорошо, - мысленно говорила она себе.

Далеко не сразу Ромашка поняла, что уже теряет контроль не только над телом, но и над собственным сознанием. Девушка пыталась сопротивляться, но голова вдруг показалась какой-то тяжелой, а мысли потекли медленно и лениво, и когда Ромашка попыталась сжать подлокотники кресла, пальцы не послушались ее.

- Ромашка!

Девушка увидела Мирослава. Он склонился над нею, прядь его светлых волос, выбившаяся из-под ремешка, почти касалась ее лица. В руке Мирослава был мокрый платок, который он собирался положить Ромашке на лоб. Они находились в его подземном убежище, и Ромашка вспомнила, что теперь об этом убежище знает полиция.

- Нам нужно уходить отсюда! - зашептала она, с удивлением слыша свою неразборчивую речь. Кажется, Мирослав не понял, что она хочет сказать.

- Нам нужно уходить! - повторила Ромашка. - Сейчас сюда придут. Мирослав, нам нужно уходить.

Он молчал. Неужели, он не слышит, не понимает?

- Мирослав! - из последних сил выкрикнула Ромашка. - Я предала тебя, Мирослав, я все рассказала. Я нечаянно. Я не хотела!..

Мирослав смотрел на нее своими светлыми глазами, очень грустными, не то с жалостью, не то с сочувствием.

Где-то недалеко послышался шум.

- Уходи! Уходи скорей! - крикнула Ромашка, но в эту минуту за спиной Мирослава раздались выстрелы, и девушка, хоть и не видела крови, вдруг поняла, что он ранен и сейчас упадет.

- Нет! - закричала она...

...и проснулась.

Она лежала возле стены дома в проулке. Вокруг сгущались сумерки. Ромашка попыталась оглядеться, но повернуть голову ей удалось лишь с огромным трудом. Было холодно. Прямо перед нею, на куче пустых коробок, что-то белело, и Ромашка хотела было подойти и посмотреть, что там, но не смогла встать на ноги. Тогда она поползла на четвереньках.

Сначала девушка увидела ноги, обутые в изящные босоножки на каблучке, потом - подол летнего платья. А, подняв голову, встретилась взглядом с синими глазами Дельфины.

- Ромашка! - Дельфина улыбнулась, и Ромашка хотела ответить ей, но тут только заметила, что платье подруги разорвано и все в крови. Ромашка с воплем отскочила в сторону и...

...и снова проснулась. На этот раз окончательно.

Сначала она ничего не видела, и глаза ее, огромные от пережитого во сне ужаса, смотрели пустым взглядом словно бы не наружу, а куда-то вглубь ее самой. Потом девушка глубоко вздохнула, взгляд ее стал осмысленным, хотя тень кошмара все еще отражалась в черной глубине зрачков.

Скудный свет висящей у потолка, забранной в решетку лампы щадил уставшие, с покрасневшими белками глаза Ромашки, в которых до сих пор ощущалась сильная резь. Как следует сфокусировать взгляд не получалось - контуры предметов то и дело расплывались, а еще смотреть мешали темные пятна, пляшущие перед глазами.

- Да что же это такое, - прошептала она.

Девушка приподнялась на руках, села и принялась тереть глаза, но лучше от этого не становилось - наоборот. Тогда Ромашка прикрыла веки и посидела немного так. Потом снова открыла.

Черные пятна стали вроде бы меньше, и уже не так мешали смотреть. Теперь Ромашка видела, что находится в тесном помещении с тяжелой, железной дверью, в которой имелось маленькое зарешеченное окошко. У одной из стен помещения крепились двухъярусные нары. Девушка сидела на нижнем ярусе и находилась здесь в полном одиночестве.

Ромашка не очень хорошо знала, как должна выглядеть тюремная камера, но решила, что ее уже посадили в тюрьму. Она попыталась встать, однако тут же голова закружилась, и все снова поплыло. Девушке вдруг показалось, что ее внутренности сжались в комок и пытаются выпрыгнуть наружу через горло. Она почти скатилась на пол и успела доползти до дальнего угла, прежде чем ее вырвало.

Пустой желудок еще долго болезненно сжимался, но Ромашка смогла успокоиться и вернуться на полку, где лежала до этого. Подобрав ноги, девушка прислонилась к холодной стене.

Ромашка почти ничего не помнила после того момента, как ей сделали укол - лишь какие-то урывки мыслей, фраз, но знала точно, что рассказала все: и про подземное убежище, и про дверь подвала, и про ключик в тайнике за плинтусом. Теперь они без труда найдут чужака-Мирослава в его убежище, а если и не застанут, то обязательно устроят засаду... При мысли об этом холодная волна прокатилась по телу девушки, и она тихо застонала.

- Прости меня, прости! - прошептала Ромашка.

Вскоре ей стало холодно. Девушка сжалась в комочек, обхватив руками колени. Глаза ее были закрыты, из-под ресниц сочились прозрачные капельки слез. Угрызения совести не давали Ромашке покоя, и хотя она знала, что в самом деле бессильна была сопротивляться действию "сыворотки", в собственных глазах она была предательницей.

Кругом было тихо, очень тихо, лишь изредка в коридоре за дверью слышались шаги. Девушка пыталась уснуть, чтобы хоть как-то сократить это ожидание неизвестно чего, но на голодный желудок, да еще при том, что тело уже просто тряслось от холода и сырости, заснуть не получалось.

Скрип отворяющейся двери застал ее врасплох. Сердце подпрыгнуло, и Ромашка, вздрогнув, открыла глаза. В камеру вошел совсем еще молодой парень в форме полицейского.

- Очухалась?

В этом вопросе не было ни интереса, ни участия. Пустое злорадство. Похоже, этому молодцу доставляло удовольствие зрелище перепуганной, дрожащей девушки. Ромашка постаралась взять себя в руки, но заставить свое тело перестать вздрагивать не смогла.

- Мерзнешь? - парень хихикнул. - Ничего, сейчас я тебя согрею.

Ромашка окинула его злым взглядом и, отрывисто, четко произнесла:

- Что, на проститутку денег не хватило?

Несколько мгновений парень зло хрипел, потом бросился на нее. Ромашка не успела соскочить с полки - ее скинули, но выместить на ней свой гнев парень все-таки не успел. Дверь открылась, и в камеру заглянул еще один полицейский.

- Тащи ее сюда, - скомандовал он.

Ромашка не стала ждать, пока ее поднимут с пола и потащат к выходу - встала самостоятельно. Однако раздосадованный тем, что расправа не удалась, парень все-таки схватил ее за плечо и вытолкал в коридор.

Они шли недолго. Перед Ромашкой и ее конвоиром два раза открывались и закрывались двери, а потом ее завели в просторный кабинет. На столе у занавешенного окна стояла большая настольная лампа на гибкой ножке, и девушка сразу узнала в ней, пусть и погашенной, ту, от которой до сих пор болели глаза. И кресло узнала. Ее вновь усадили на то же место и застегнули ремешки на запястьях.

"Только бы не включали лампу" - испуганно подумала Ромашка.

Но вместо этого ей завязали глаза, и девушка испытала настоящее облегчение. Кругом раздавались тяжелые шаги, откуда-то издалека доносились звуки голосов, а еще в кабинете было тепло. Сначала Ромашка долго не могла согреться, но, в конце концов, перестала дрожать и затихла.

Ей снилось море. Оно качало Ромашку на своих волнах, убаюкивало, ласкало. Солнечные зайчики гладили ее лицо своими мягкими, пушистыми лапками. Где-то вдали шумел и шумел прибой...

Волны резко выбросили ее на берег, и Ромашка даже успела обидеться на море за это, но постепенно обрывки действительности начали проникать в ее сознание. Глаза Ромашки все еще были завязаны, а, кроме того, девушку с головой укрывала легкая ткань. Ромашка лежала, вытянув руки вдоль тела, и поперек туловища ее перехватывали несколько широких ремней. Рядом находились люди. Вот что-то лязгнуло, и в помещение ворвались звуки улицы.

- Выноси! - скомандовал кто-то.

Прислушиваясь к звукам и собственным ощущениям, Ромашка быстро поняла, что ее на носилках перегрузили из машины на каталку, чуть позже она почувствовала, что снова находится в помещении. Ее лицо все еще накрывала ткань, и Ромашка не на шутку испугалась - а вдруг ее приняли за мертвую, и теперь везут то ли в морг, то ли сразу в крематорий?

Подобные мысли показались ей пугающе правдоподобными, и девушка охрипшим голосом пробормотала:

- Стойте.

Ответа не последовало. Ромашка беспокойно задергалась.

- Стойте! Куда вы меня везете! - крикнула она.

- Тише. Не кричите, - произнес над нею сухой женский голос. - Вы в больнице. Не кричите, все будет хорошо.

Этому голосу Ромашка не поверила, но пока решила не дергаться.

В конце концов, с нее сняли ткань, а потом и повязку с глаз. Это действительно была больница - все вокруг показалось Ромашке ослепительно белым, несколько человек в белых же халатах стояли рядом с каталкой, глядя на девушку с какими-то странными выражениями лиц: вроде любопытства, с каким смотрят на подопытное животное после того, как вколют какой-нибудь не до конца испытанный препарат: сдохнет или нет.

- Где я? - тут же спросила девушка.

- Вы в больнице, - ответил мужчина лет сорока, очень полный, со слипшимися на потном лбу завитками темных волос.

"Врач" - решила Ромашка. И этот врач ей тоже не понравился: в его улыбке и прищуре маленьких, поросячьих глаз было что-то очень нехорошее, даже отвратительное. Но насчет остальных - тут она,

наверное, погорячилась. Ромашка медленно и глубоко вздохнула и попросила:

- Развяжите меня.

- Не положено, - ответил врач.

- Почему?

- Вас развяжут позже, когда доставят в палату.

Ромашка даже не удивилась. Видимо, сказывались пережитые в последние дни волнения. Только подумала отстраненно: "Уж не в психушку ли я попала?" И, как это не обидно, оказалась права.

Ей отвели отдельную палату с большим окном, забранным частой решеткой. Две высокие широкоплечие женщины выкупали и переодели Ромашку, как будто она не могла всего этого сделать самостоятельно. Девушка чувствовала себя еще хуже, чем на допросе, но терпела молча. Когда ее оставили одну, Ромашка с удивлением обнаружила, что вполне может стоять на ногах, и подошла к окну.

Где-то внизу, не очень далеко, на высоте примерно этажей шести, был небольшой дворик, окруженный сплошной стеной. С противоположной стороны тянулась улица, вдоль которой располагался ряд совершенно одинаковых серых домов. И у этих домов были окна. "Когда вечером включат свет, - подумала Ромашка, - можно будет попытаться позвать на помощь. Конечно, меня не услышат, но ведь увидят!"

Но, поразмыслив еще немного, девушка обругала себя за ту же наивность, которая была присуща Мирославу и поначалу так ее раздражала. На помощь никто не придет. А если и вызовут полицию, так она ведь только что оттуда.

Дверь открылась. Одна из тех женщин, что ее купали, принесла еду и вышла. Раздался щелчок замка. Ромашка некоторое время смотрела на поднос почти с безразличием, но тут желудок заворчал, и девушка вспомнила, что не ела уже давно. Еда оказалась невкусной, но сытной, и после отчего-то снова захотелось спать.

"Снотворное подмешали, сволочи", - успела подумать Ромашка, прежде чем свернуться калачиком под одеялом и уснуть.

Наутро желудок вновь потребовал еды, но Ромашка не собиралась больше спать, а потому не рискнула притронуться к завтраку. Это не осталось незамеченным. Вскоре в палате Ромашки оказались не только

те самые две женщины, но еще и врач, так не понравившийся ей накануне.

- Отчего же вы не кушаете?

Вопрос прозвучал почти ласково, и, напротив, ответ Ромашки больше смахивал на грубость:

- Не хочу.

- Почему не хотите?

- Просто не хочу.

- Так, так... - врач прищурился еще больше, так, что глаза его превратились в две узенькие щелки. - Но вы ослаблены и истощены. Вам надо хорошо питаться.

На сей раз Ромашка промолчала, но по лицу ее можно было угадать, что слова врача не произвели на девушку никакого впечатления.

- Вы ведь очень больны. Вам надо поправляться. А если вы не будете кушать, откуда же у вас возьмутся силы? Вы только еще больше заболеете.

Он говорил короткими фразами, но сильно растягивал слова. Голос врача оказался высоким, тонким и очень неприятным.

- Чем же я больна? - спросила Ромашка.

Кажется, подобного вопроса от нее не ожидали.

- У вас тяжелая форма помутнения рассудка, - наконец ответил врач.

Ромашка недоверчиво хмыкнула. Некоторое время в палате царило молчание, потом врач произнес:

- Вы уверены, что не хотите кушать?

- Уверена.

- Ну, хорошо. Если не хотите - мы вас силой кормить не будем.

Не будут? Неужели? Ромашка не поспешила радоваться, потому что уже ожидала очередной подлости. Ее ожидания не остались обманутыми. Врач выглянул за дверь, и в палату по его знаку вошел молодой медбрат.

- Нам придется уколоть вам витамины, - пояснил врач, в то время как Ромашка со страхом уставилась на шприц в руке медбрата. С некоторых пор девушка очень подозрительно относилась к всевозможного рода уколам.

- Не надо, - попыталась возразить она.

Две женщины набросились на нее разом и удивительно ловко скрутили, да так, что Ромашка почти не могла двигаться. Она лишь слабо дергалась, чувствуя, как игла легко входит в кожу, и безуспешно пыталась высвободиться. Медбрат, вполне вероятно не имевший еще дело с такими беспокойными пациентками, ругался вполголоса, но дело свое сделал. И тут женщины-санитарки совершили ошибку: разжали руки. Видимо, они решили, что теперь Ромашке нет никакого смысла врываться, потому как укол уже сделан, и препарат в любом случае скоро подействует. Смысла вырываться действительно не было, но девушкой двигала самая настоящая ярость. Она вывернулась, проскочила между санитарками и бросилась к двери, а когда на ее пути оказался врач, девушка налетела на него и сшибла с ног.

Ее так и не смогли успокоить. Ромашка металась как бешенная, практически не чувствуя ударов, и если кто-либо мог сомневаться в ее "помутнении рассудка", так теперь она была и впрямь похожа на буйно помешанную. Да только злосчастный укол сделал свое дело, и девушка вдруг почувствовала, что тело перестает ей подчиняться. Она обмякла и опустилась на пол. Санитарки перенесли ее на кровать, туго привязали за руки и ноги широкими матерчатыми ремнями, потом вышли вслед за врачом и закрыли дверь. А Ромашка осталась в палате одна и лежала неподвижно, глядя безразличными глазами в потолок.

Наверное, прошло уже несколько дней. Ромашка не замечала времени. За окном сменялись день и ночь, и в ее палате то включали, то выключали свет. Ей почти не разрешали вставать, только изредка две дюжие санитарки отвязывали ремни и водили пациентку в туалет. Порой Ромашке казалось, что все это происходит не с нею, она наблюдала за происходящим отстраненно и безучастно. Поначалу, когда медбрат приходил делать ей уколы, она еще дергалась и пыталась помешать ему, но в итоге осознала всю тщетность таких попыток. Да и препараты делали свое дело, убивая даже волю и желание жить.

Врач заходил к ней несколько раз, что-то говорил - Ромашка не слушала. Вернее, не вслушивалась. Лишь один раз что-то всколыхнулось в ней, когда во время осмотра толстяк принялся чересчур заинтересованно ее ощупывать. Попытки вывернуться

ничего не дали, но врач скоро ушел, и Ромашка даже подумала, что в малопривлекательности ее внешности есть свои плюсы, вполне ощутимые. После сознание снова заволокло тусклой дымкой полнейшего безразличия.

Врач всегда приходил только после того, как медбрат сделает Ромашке укол, и даже выжидал некоторое время, чтобы препарат начал действовать. Сначала, когда Ромашка еще могла соображать, она злорадствовала по этому поводу - боится, значит. Даже связанную боится. Вот и в этот день толстяк появился в палате только тогда, когда после укола прошло целых полчаса, но Ромашка не обращала на него внимания до тех пор, пока что-то тяжелое не плюхнулось на нее сверху. Она оторвалась от созерцания потолка и поглядела прямо, с некоторым удивлением увидев над собой блестящее, круглое лицо. "Нет" - прозвучало в ее сознании. Где-то вдалеке прогремели выстрелы. Толстяк вскочил, бросился к двери, постоял немного и, передумав идти и самому разбираться, что это там происходит, вернулся и снова полез на койку. Ромашка дернулась, но движение получилось слабым, к тому же на него ушли последние силы.

В это же время до ее слуха донеся негромкий льдистый звук, и тут же что-то зазвенело. Звуки доходили извне, словно приглушенные толщей воды, да и изображение перед глазами Ромашки больше напоминало отражение в воде - не совсем четкое, плывущее. И медленное-медленное. По крайней мере, девушке показалось, что голова ненавистного толстяка очень медленно упала ей на грудь, а когда на ее рубашку опять же очень медленно потекла вязкая гранатовая жидкость, подумала, что это, наверное, очень хороший сон. Испугаться жестокости собственной мысли она не успела. Безжизненное тело толстяка будто само собой переместилось на пол, и на фоне разбитого окна Ромашка увидела другого человека. В первый момент она испугалась, потому что у этого человека было неестественно белое и очень-очень страшное лицо. Девушка даже снова попыталась дернуться, когда в пальцах пришельца блеснул нож, но человек всего лишь перерезал ремни на ее руках и ногах. И посмотрел ей прямо в глаза.

"Это, и правда, очень хороший сон" - подумала Ромашка.

Позже, когда она попытается вспомнить события этого дня, связной и понятной картины все равно не получится - лишь образы: местами четкие, местами размытые. Странный взгляд светло-серых глаз и почему-то отливающие серебром волосы, осторожное движение руки - как будто Мирослав не сразу решился к ней прикоснуться... Невероятно приятное ощущение крепких рук, удаляющееся окно палаты, непрекращающиеся выстрелы где-то совсем недалеко. А потом руки отпустили ее, и она полетела... Дальше Ромашка не помнила вообще ничего: ни как ее поймали древнейшим способом на растянутую над тротуаром плотную ткань, ни как вслед за ней прыгнул с четвертого этажа Мирослав, предварительно обрубив трос, соединявший окно больницы с окном пустой квартиры дома напротив. Как, прекратив перестрелку, от главных ворот больницы побежала вглубь дворов отвлекающая группа.

Она долго не открывала глаз. Что-то происходило в ее телом, но что именно - ей было неинтересно даже наблюдать. Она не принимала еду и едва соглашалась глотать жидкость, которую ей насильно вливали в горло. Мучения продолжались. В глубине души Ромашка поняла, что чудесное спасение было лишь сном, а раз так - то стоит ли ей возвращаться? Стоит ли открывать глаза и возвращаться в действительность, которая оказалась хуже самого страшного кошмара? Ей было тепло и спокойно, особенно, когда ей не докучали какими-то непонятными процедурами. Но чаще всего Ромашка не реагировала, хотя, если ей что-то особенно не нравилось, могла тихо стонать.

Кто-то постоянно досаждал ей нелепыми попытками разбудить. Ее били по щекам, но Ромашка почти не чувствовала боли - только легкое раздражение. Ей мешали. А ей хотелось только одного - снова спать и видеть море, в котором она теперь почему-то тонула, но и это было приятно. Однако неизвестный мучитель каждый раз выдергивал ее из умиротворяющего сновидения, и Ромашка начинала обиженно хныкать, а иногда пыталась драться. Ее слабые попытки почти не встречали сопротивления. Над нею шумели и кричали, ее звали по имени, а Ромашка жалела о том, что ей не дают спокойно отдохнуть.

Но однажды руки, выхватившие ее из пучины, показались знакомыми. Ромашка не стала отбиваться и затихла, наслаждаясь уже

почти забытым ощущением спокойствия, заботы и нежности. Теперь руки обнимали ее, а Ромашка все пыталась вспомнить... вспомнить, у кого же могли быть такие руки. А потом вспомнила и тихо позвала:

- Мирослав!

Удивленно-радостный голос отозвался сразу:

- Да, Ромашка, я здесь!

Девушка узнала этот голос.

- Мирослав, - прошептала она, - я предала тебя. Я им все рассказала. Я не хотела, честное слово, не хотела, но ничего не смогла сделать!

- Все хорошо, Ромашка, - ответил голос. - Ты ни в чем не виновата. Не бойся. Меня предупредили. Мы в безопасности. Здесь нас не найдут.

- Нет! - Ромашке казалось, что она кричит, но на самом деле ее протестующий возглас был не громче вздоха. - Нет, ты не понимаешь! О твоем подземном убежище знает полиция. Они скоро будут здесь!

- Не бойся, Ромашка. Посмотри, мы совсем в другом месте. Здесь нас не найдут. Ну, посмотри же!

Ромашка растерялась, а потом разозлилась: опять, опять он ее не слушает! Опять возражает, наверное, не верит...

- Ромашка, открой глаза! Посмотри на меня, Ромашка! Посмотри вокруг и убедишься сама! Ромашка! Глаза открой!

Он кричал и тряс ее за плечи. Ромашка рассержено оттолкнула его от себя и открыла глаза. Большое помещение, освещенное лишь прикрытым тряпкой светильником, действительно совершенно не походило на подземное убежище Мирослава.

- А где мы? - удивилась Ромашка, и перевела взгляд на человека, чьи руки все еще придерживали ее плечи. И снова отчего-то удивилась.

- Мирослав?

Он нерешительно улыбнулся, а потом вдруг резко притянул Ромашку к себе:

- Ну, наконец-то!

Глава 10

- Где мы?

Ромашка задала этот вопрос не только из любопытства. Только что она обнаружила, что лежит совсем раздетая, укрытая простыней и одеялом, и это обстоятельство ее неимоверно смущало. Она ведь точно знала, кто ее раздевал, освобождая от пропитанной чужой кровью больничной рубашки, и теперь старалась хоть как-то отвлечься разговором от досадных и глупых мыслей, лезущих в голову.

- Думаю, на этот вопрос тебе лучше всего ответит другой человек, - Мирослав лукаво прищурил глаза. - Это - не тайна. Это сюрприз, надеюсь, приятный.

Девушка озадаченно нахмурилась, пытаясь сообразить, кто же мог их с Мирославом приютить, но на ум как-то никто не приходил. А помещение было или казалось незнакомым: большое, наверное, как вся ее квартира, темное, с голыми стенами. Сама Ромашка лежала на низенькой кушетке, рядом с которой стоял почти такой же низенький столик. Окон она не увидела, но это как раз не удивляло коренную горожанку, потому как у нее самой в гостиной окон не было, только в спальне.

Тем временем Мирослав взял со стола тарелку, с некоторым сомнением глядя на ее содержимое.

- Оно немного остыло, но тебе все равно лучше поесть.

Что-то в лице Мирослава подтолкнуло любопытство Ромашки, и она заглянула в тарелку - всего лишь жиденький супчик с меленькими кусочками овощей. Внезапно девушка поняла, что голодна, очень голодна, и поэтому безропотно приняла тарелку из рук Мирослава. В ее собственных руках еще ощущалась болезненная слабость, но позволять кормить себя с ложечки Ромашка не собиралась.

Суп, действительно, немного остыл, но Ромашка, которая уже почти неделю ничего не ела, нашла его очень даже вкусным. Правда, пару раз в больнице ее пытались кормить, но не слишком усердно, да и Ромашка тогда есть не хотела. Ничего не хотела вообще.

Тарелка быстро опустела. Девушка с сожалением вздохнула, а когда Мирослав забрал у нее посуду, спросила:

- Скажи, а как ты меня нашел? И вообще, как узнал про полицию и... и все остальное тоже?

Мирослав снова чуть нахмурился, и девушке отчего-то показалось, что отвечать ему не хочется. Но он все-таки ответил.

- Помнишь, Ромашка, я рассказывал тебе про людей, которые подкоп делали? Так вот, мне удалось на них выйти, но они мне не поверили и, кажется, как и ты, в начале приняли за сумасшедшего. Они подобрались к стене под землей, заложили взрывчатку и взорвали. В итоге тоннель их был затоплен, а прорваться вперед они не смогли - жидкость, которой заполнен ров, прожигает кожу даже сквозь одежду. Они-то думали, что в худшем случае будут иметь дело лишь с ядовитыми испарениями и даже запаслись самодельными противогазами, не слишком качественными, на мой взгляд... - Мирослав ненадолго умолк, но Ромашка не стала прерывать молчания. Потом он продолжил рассказ. - Мне удалось узнать и время, и место, но все-таки я опоздал и мало чем смог им помочь. Двух человек полиция взяла в плен и допросила, именно после этого меня объявили в розыск, а те из ребят, кто остался жив, уже верили мне и согласны были сотрудничать. После того... после того, как погибла твоя подруга, Артур - он у них вроде руководителя - решил, что за тобой надо понаблюдать. Я не знал об этом, пока мне вдруг не сообщили, что тебя забрала полиция прямо из дома. Также меня предупредили, что тебе обязательно вколют сыворотку правды и узнают все, что знаешь ты.

Мирослав снова умолк и задумался. Потом усмехнулся невесело.

- Артур - очень недоверчивый человек. Наверное, оно и к лучшему - здесь иначе нельзя. Он мне поначалу все-таки не полностью доверял, но это, уже в прошлом... А потом мы узнали, что тебя перевезли в больницу. Подготовились, вычислили окно твоей палаты, отвлекли выстрелами охрану и персонал. Вот, пожалуй, и все.

На самом деле это было далеко не все, но, правда, зачем Ромашке было знать подробности осторожной слежки, дежурств у выходов из отделения? Когда один из ребят прибежал и сообщил, что в машину психиатрической лечебницы погрузили чье-то тело, укрытое простыней, некоторые, в том числе и сам наблюдатель, решили, что на носилках был труп. За машиной проследили. К счастью, автомобиль

направлялся туда, где его ждала другая группа - предвидя передачу нежелательного свидетеля сотрудникам психбольницы, возле ворот окружающей больницу стены дежурили также круглые сутки - на всякий случай.

Заговорщики еще не были уверены, что переправленный в лечебницу человек - действительно Ромашка. Долгие поиски информатора привели Мирослава и его новых товарищей к старенькой уборщице. Женщина тут же потребовала деньги, правда не такую уж большую сумму, которую, к счастью, удалось достать без промедления. Уборщица рассказала, что в последние пару дней поступило четыре новых пациента, но двоих из них она видела - это мужчины, а двое других содержатся в отдельных палатах, куда имеет доступ только спецперсонал. Заговорщикам также удалось вызнать точное месторасположение двух палат с новыми пациентами в здании, вычислить окна. То, что снаружи стекла окон психиатрической лечебницы оказались зеркальными, не стало помехой. Маленький глазок-липучка, запущенный из дома напротив, сел на стекло возле самой рамы, и, как только связь наладилась, на изображении, передаваемом одним из глазков, Мирослав узнал Ромашку.

К тому времени Ромашка находилась в больнице уже пятый день.

А уже на седьмой, после тщательной подготовки, ребята организовали отвлекающий маневр и развязали перестрелку у ворот больницы. Охранники не ожидали нападения, но среагировали оперативно: принялись отстреливаться и вызвали подмогу. В такой ситуации Мирославу необходимо было действовать очень быстро, чтобы те, кто помогал ему освобождать Ромашку, смогли уйти до прихода полиции.

За несколько секунд до того, как Мирослав выбежал по узким ступенькам на крышу, он успел услышать негодующее восклицание Алека, наблюдавшего за монитором:

- ...(очень нехорошее слово)! Этот ...(очень и очень нехорошее слово)... полез на девчонку!

Выстрелы раздались как раз в тот момент, когда Мирослав присел возле бортика и прицелился. В следующий миг железный крюк полетел на крышу больницы, и между двумя зданиями натянулась прочная веревка. Здание психиатрической лечебницы было немного ниже окружающих домов, и металлический карабин быстро

заскользил по веревке, перенося человека через улицу и больничный двор. Потом этот самый человек, за которым напряженно наблюдали с только что покинутой им крыши, спустился ниже и на несколько секунд завис перед окном, перебивая пиротехническим резаком прутья решетки.

Но Ромашка не спрашивала подробностей, и Мирослав ничего не добавил к своему рассказу. Он наблюдал, как девушка осторожно потерла запястья, на которых еще розовели следы от ремней. Ладони у Ромашки были узкие, и, чтобы девушка не смогла освободиться, ремни на ее руках затягивали очень туго, так что ткань врезалась в кожу при малейшем движении. Вскоре раздражение на коже должно было пройти, но пока запястья сильно чесались.

- Ромашка, скажи, у тебя ничего не болит?

- Вроде нет, - неуверенно ответила Ромашка. Голос ее был тихий, еле слышный. - Голова только. А что?

- Просто такое впечатление, что тебя не только морили голодом, но и... - он вздохнул. - У тебя синяки на теле.

Сначала Ромашка смутилась, представив, каким непривлекательным сейчас было ее тело, ко всему прочему покрытое еще и синяками, которые, скорее всего, уже пожелтели и смотрелись особенно противно. А ей почему-то очень хотелось, чтобы чужак-Мирослав все же находил ее привлекательной. Глупое, конечно, желание. "Уж не влюбилась ли ты?" - мысленно спросила себя Ромашка, и смущение отступило перед скептическим взглядом на вещи, присущим коренной жительнице города.

- У меня и правда ничего не болит, - попыталась успокоить она Мирослава, который искренне за нее волновался. - И голодом меня никто не морил. Я сама есть не хотела.

- Да ну? - удивился Мирослав, слушая ее едва различимый шепот.

- Да, правда. Просто они туда снотворное подмешивали, а я не хотела все время спать, вот и не ела...

Завершив эту достаточно длинную фразу, Ромашка поняла, что силы свои истратила окончательно. И в это время где-то невдалеке послышались шаги.

Ромашка очень проворно села и, придерживая на груди одеяло, уже собиралась вскочить на ноги, но Мирослав остановил ее.

- Кто? - еле выдавила она.

От резкого движения голова Ромашки закружилась, но девушка еще продолжала упираться.

- Это свои, не бойся.

Шаги приближались. Ромашка постаралась успокоиться, но не легла. Она сидела и напряженно всматривалась в темноту, в ту стену, где должна была быть дверь, потому что шаги раздавались именно в той стороне. Дверь открылась, не впустив света, и силуэт вошедшего человека буквально выплыл из темноты. Ромашка смотрела на низенького, пожилого человека, одетого в темные брюки, рубашку и старомодный клетчатый жилет, имеющий вид неновой, но любимой хозяином вещи. Человек остановился неподалеку, и на его покрытом морщинами лице появилась улыбка, добрая и искренняя.

- Пришла в себя... Ну, наконец-то! - незнакомец облегченно выдохнул, а Мирослав тем временем решил, наконец, сообщить Ромашке, кто перед ней:

- Анатолий Вергаров, директор музея.

Человек показался ей внушающим доверие, поэтому девушка расслабилась, и в тот же миг все вокруг закружилось, затанцевало. Испуг придал ей силы, но они быстро закончились, стоило только поверить, что опасности нет. Руки Мирослава плавно опустили девушку на подушки, и какое-то время Ромашка пыталась совладать с шумом в ушах и неприятным ощущением того, что супчик, который она недавно съела, вот-вот попросится обратно. "Этого еще не хватало!" - пронеслась в голове Ромашки отчаянная мысль, но, к счастью, вскоре ей стало лучше. Глаза девушка решилась открыть далеко не сразу - только тогда, когда стих зловещий шум в ушах. Вид у стоящего неподалеку директора музея был очень и очень виноватый.

- Здравствуйте, - с большим трудом произнесла девушка, давая, как ей казалось, понять, что с нею все в порядке. Но ее голос заставил пожилого директора испытать дополнительные муки совести за столь несвоевременное вторжение.

- Здравствуй, Ромашка, - тихо ответил он.

Девушка удивилась тому, что ее назвали по имени. Если бы голова не болела так сильно, Ромашка бы догадалась, что имя ее директору музея мог сказать и Мирослав, но сейчас она не очень хорошо

соображала, что происходит. Поэтому девушка, прикрыв на минутку глаза, прозевала тот момент, когда Анатолий Вергаров с сожалением в голосе сказал, что лучше зайдет попозже, когда Ромашка будет лучше себя чувствовать. Так случилось, что когда девушка смогла поднять ресницы, в помещении кроме нее и Мирослава уже никого не было.

- Что?..

- Тише, тише, - попытался успокоить ее Мирослав. - Все хорошо, не волнуйся. Это друг. Ты слышишь?

Ромашка услышала. Она глубоко вздохнула раз, другой, и сама не заметила как снова заснула.

А в это время в городе наступило утро. Погодой утро не отличалось от многих других - серое, сырое, неприветливое, но именно сегодня люди, шедшие на работу по влажным от ночного дождика тротуарам, выглядели особенно уставшими и невыспавшимися - еще бы, целый вечер и всю ночь по городу носились полицейские машины, и от воя сирен зачастую не спасала даже звукоизоляция. Люди плохо спали еще и потому, что были не на шутку встревожены и напуганы, и решили в конце концов, что опасный преступник, фотографию которого показывают по телевизору в каждом выпуске новостей, совершил какое-нибудь особенно страшное злодеяние. Горожане с большой опаской покидали свои квартиры и шли по улицам, затравленно озираясь по сторонам, словно ожидали, что страшный убийца вот-вот выпрыгнет из проулка. Мало кто догадался сопоставить необычайную активность полиции с вчерашней перестрелкой возле здания психиатрической лечебницы - перестрелки в городе были делом вполне обычным. Правда, больницы редко подвергались нападениям, но редко - не значит никогда. А в средствах массовой информации о перестрелке упомянули вскользь - сообщение заняло несколько секунд, к тому же прозвучало в ряде других подобных сообщений - как уж тут обратить внимание?

Мирослав принес проснувшейся Ромашке еду, и на этот раз, к ее огромной радости, кроме супчика была еще миска с картофельным пюре. Когда же Ромашка поняла, что пюре сделано из настоящей картошки, а не разведено из порошка, ее радость перешла в едва ли не восторг - на такую роскошь у ее семьи последние несколько лет денег

не было. Мирослав, правда, не разделял ее восхищения такой замечательной едой, а сказал, что настоящей картошки у них в городе быть не может, но Ромашка не придала значения этому замечанию: конечно, Мирослав - чужак, ему здесь ничего не нравится, и еда в том числе. Она не могла знать, как долго спорил Мирослав с директором музея, который, собственно, и снабдил их едой. В итоге старичку удалось убедить Мирослава в том, что если уж девушка всю жизнь питалась такой отравой, то и сейчас ей это не повредит. Да и нормальную еду все равно достать негде...

Потом девушка попросила одежду. Мирослав положил рядом с нею на кушетку большой пакет с чистым бельем и вполне приличной одеждой. Ромашка попросила Мирослава выйти, а сама, преодолевая все еще сковывающую ее движения слабость, переоделась и чисто по-женски пожалела, что здесь нет зеркала. Ромашке нечасто случалось покупать себе обновки, поэтому, примерив новую вещь, тут же захотелось оглядеть себя со всех сторон. Хотя Ромашка точно знала, что спортивные костюмы ей не идут - в них она кажется совсем уж толстой, тем не менее, голубовато-серого цвета брюки и курточка из легкой, но довольно прочной ткани ей понравились. По крайней мере, в этом было удобно.

К тому моменту девушка уже знала, что из помещения, где теперь они с Мирославом находились, ведет две двери: первая - та, через которую пришел директор музея, и в которую сейчас вышел Мирослав, и вторая - в небольшую ванную комнату. Там, над рукомойником, висело совсем маленькое зеркало, но Ромашка вдруг вспомнила о нем и, обув ноги в недорогие, но вполне симпатичные и на удивление подходящие ей по размеру кроссовки, отправилась туда.

Перед поблескивающим в неярком свете зеркалом девушка ненадолго замерла, изучая свое лицо, потом привстала на цыпочки, пытаясь хоть чуть-чуть рассмотреть себя в новой одежде. У нее ничего или почти ничего не получилось, но девушка, одергивая и поправляя накинутую поверх маечки спортивную куртку, подумала, что все-таки одета теперь куда практичнее, чем в тот день, когда ее забрала милиция.

Вскоре Мирослав вернулся, но не один. Анатолий Вергаров, все в той же теплой клетчатой жилетке, вошел вместе с ним, и Ромашка в

который раз задалась вопросом - откуда же он ее знает? На этот вопрос девушка тут же получила ответ, весьма ее удививший.

- Ну как мне тебя не знать, если ты, Ромашка, моя самая частая посетительница! - воскликнул старичок. - Сейчас время такое, мало кто ходит в музей, а у меня на лица память очень хорошая. Я еще несколько лет назад заметил, что твое лицо мне знакомо. Я тогда ради интереса подошел к тебе и спросил, как мне найти такую-то выставку. Когда ты мне подробно объяснила дорогу, я сделал вывод, что ты уже была здесь и раньше.

- Разве я одна такая? - искренне удивилась Ромашка.

- Увы, - старичок грустно улыбнулся. - Тут хотя бы по одному разу сходили.

Это заставило Ромашку задуматься. В музей современного искусства водили на экскурсии школьников и студентов, а сюда... Сюда, кажется, нет. По крайней мере, Ромашка такого не помнила.

- Интересно, как же вам тогда удается работать, - пробормотала Ромашка.

- Музей давно уже работает в убыток, - развел руками директор. - В свое время я пытался приобщить к этому делу сына - не получилось. Зато теперь у моего сына свое дело, очень денежное, и он помогает мне, старику, чем может. Думает, наверное, что музей - это что-то вроде моего хобби. Хотя, в каком-то смысле так оно и есть.

Старичок грустно вздохнул.

- Я хотел показать людям красоту, надеялся, что искусство поможет многим из них встать на правильный путь... В мое время в музей еще ходили. А теперь... теперь никто этим не интересуется.

"А ведь и верно, - подумала Ромашка, - не интересуется. Даже Рысь... пришел в музей только для того, чтобы стать пособником грабителей".

- Так мы в хранилище музея? - спросила она. - В нижних этажах?

Старичок кивнул.

Директор недолго пробыл у них, потому что как раз настало время открытия музея, и надо было следить за порядком там, наверху. Ромашка еще очень долго думала над его словами - что-то в них было очень важное, но что?

Снова зачесалось левое запястье, и Ромашка потерла его пальцами. Мирослав не сразу остановил ее - задумался о чем-то своем.

- Ты знаешь, Ромашка... - услышав это, девушка невольно улыбнулась: сколько раз Мирослав начинал разговор с таких слов, и Ромашка даже знала, что за ними последует - очередное сообщение о чем-то, на взгляд чужака, удивительном и странном. - Ты знаешь, Ромашка, я все-таки плохо понимаю здешних людей. Нам говорили, что в подобном обществе человек пытается самоутвердиться за счет остальных, и доказывает свою силу тем, что обижает каждого, кого можно обидеть безнаказанно. Но ты не находишь, что это... как-то нелогично?

- Почему? - Ромашка вздохнула. Ей снова приходилось объяснять очевидные вещи: - Если кто-то демонстрирует свою силу, то его все боятся и уважают. Поэтому...

- Боятся и уважают - разные вещи! - перебил ее Мирослав. - Кстати, боятся потому что глупые. Если человек действительно знает, *что* он может, ему не нужно этого доказывать ни себе, ни кому-то.

- Почему не нужно? - удивилась Ромашка. - Если кого-то боятся, то его не трогают.

Мирослав нахмурился.

- Мне показалось, или ты действительно считаешь, что это правильно? - спросил он.

- Нет, не то, чтобы правильно, - неуверенно произнесла Ромашка. - Наверное, нет. Но так есть.

Брови Мирослава приподнялись, но вид у него был скорее не удивленный, а немного озадаченный.

- Знаешь, Алек мне говорил о специфической женской логике. Я, конечно, с ним не согласен, но...

Ромашка расхохоталась. Теперь Мирослав действительно удивился, возможно, он даже подумал, что у девушки нервный срыв. В принципе, он был и не далек от истины.

- Ну, знаешь, - проговорила, наконец, Ромашка, - если тебе кажется, что в моих рассуждениях отсутствует логика, то почему тогда ты продолжаешь задавать мне вопросы?

- Потому что твои ответы зачастую очень информативны.

Ромашке померещился лукавый огонек в светло-серых глазах чужака, и она обиделась.

- Это правда, Ромашка. Мне не может нравиться то, что ты говоришь, но все-таки это многое объясняет.

Устало откинувшись на подушки, Ромашка вздохнула. Ее вдруг осенило.

- Ты не человек, - сказала она. - Ты - робот.

Кажется, Мирослав удивился.

- Почему? - негромко спросил он.

- Потому что таких людей не бывает, - ответила Ромашка. Видя, что от нее ожидают более детального объяснения, добавила: - Ну вот скажи, стал бы нормальный человек, когда вокруг такое происходит, рассуждать о морали, вести себя так спокойно, рисковать своей жизнью, хотя можно спрятаться и отсидеться в подземном убежище до назначенного срока. Ты пытаешься нас понять, пытаешься разобраться во всем, что происходит, пытаешься даже помочь... И ты ведь все еще собираешься на этом вашем Совете защищать нас, хотя полиция всего города занята твоими поисками?

Мирослав нахмурился. Некоторое время он задумчиво смотрел перед собой, потом медленно произнес.

- Вот видишь, Ромашка, я же говорил, что твои ответы всегда очень информативны. Спасибо. Теперь я получил почти полное представление о том, кого у вас называют людьми.

Глава 11

Покидать убежище Ромашке не разрешали. Мирослав изредка уходил, но всегда ненадолго. Поначалу Ромашка думала, что он на нее обиделся и из-за этого стал вдруг таким молчаливым и хмурым, но на самом деле он постоянно размышлял о предстоящем побеге и о связанных с ним трудностях. Помимо того, что надо было выбраться за стену, причем так, чтобы никто этого не заметил, и за беглецами не выслали погоню, Мирослав обдумывал детали плана таким образом, чтобы не пострадал никто из тех, кто будет ему помогать.

Первые двое суток, которые Ромашка отмеряла при помощи маленького электронного будильника, ее единственным гостем был директор музея. Каким-то образом у начавшего уже дряхлеть старичка и молодой девушки нашлись общие темы для долгих разговоров. Ромашка и правда знала (из подслушанных рассказов экскурсовода) много интересных фактов о картинах и статуях, выставленных в музейных залах, а иногда и о жизнях творцов, создававших настоящие шедевры, но ее уже давно удивляло, что возле некоторых картин почему-то нет табличек с названиями и именами авторов. Считалось, что информация эта утеряна во время Каменного Дождя, когда на планете происходили страшнейшие катаклизмы, а большая часть городов были стерты с лица Земли. Однако Анатолий Вергаров признался, что на самом деле таблички его заставила убрать инспекция. Видимо было что-то такое в произведениях, а может в биографиях их творцов, что могло угрожать, с точки зрения властей, безопасности города. А так - попробуй найти в базе данных информацию, чаще всего закрытую, о человеке, ни имени, ни названия работ которого ты не знаешь! Теоретически возможно, конечно, а вот практически... если кто-то и интересовался, то на долгие и усердные поиски его, как правило, все равно не хватало.

И, ко всему прочему, много из того, что находилось в хранилищах музея, вообще запретили выставлять. Со статуями была приблизительно такая же история, и их разрешили только тогда, когда врачи сообщили о невероятно большом уровне смертности среди

молодых девушек, сидящих на таблетках для похудания. Правда, смотреть на статуи приходило очень мало людей, и большинству они не нравились.

А на третий день явились инспектора. Ромашка очень хорошо запомнила, как стояла с Мирославом в полной темноте, боясь даже дышать, слыша неимоверно громкий стук собственного сердца, а там, за стеной, ходили люди. Ходили недолго, но Ромашке показалось - целую вечность. Она все боялась, что, несмотря на маскировку, вход в их убежище будет обнаружен. Но им повезло, хотя это скорее было не везение, а результат тщательного расчета и усилий директора, когда-то предусмотрительно создавшего невидимую снаружи дверь, ведущую в обустроенный и пригодный для жилья уголок. Раньше Анатолий Вергаров думал, что в один прекрасный день ему самому придется прятаться от власти, теперь же убежище служило его новым друзьям.

Вечером того же дня Мирослав сообщил девушке, что к ним придут его знакомые ребята, те самые, с чьей помощью он и освобождал девушку из больницы. Тогда же Мирослав впервые включил все потолочные лампы, чтобы как следует осветить комнату, и Ромашка, взглядом следившая за ним, замерла с приоткрытым от удивления ртом: только теперь девушка увидела, что волосы чужака были почти полностью седыми. Девушка подошла к Мирославу, который не сразу понял, чем же она так удивлена.

- Что с твоими волосами? - спросила она.

В ответ он лишь пожал плечами.

Оказалось, что из хранилища был еще один выход наружу. Чаще всего Мирослав покидал убежище через неприметную дверь, ведущую куда-то под землю. Под город. В этот вечер он снова ушел, и его не было около получаса, потом дверь снова открылась - словно в стене сама собой появилась правильной прямоугольной формы дыра - и оттуда вслед за чужаком вышли незнакомые Ромашке люди. Их было всего пятеро, и Ромашку они видели не впервые. Хмурый, с черными волосами до плеч, высокий - прилично выше Мирослава - и невероятно худой Артур, который, как уже знала Ромашка, был среди этих парней за главного, остановился посреди комнаты со сложенными на груди руками, глядя на Ромашку без особой приязни, пока Мирослав быстро сообщал девушке имена прибывших. Алек,

курносый, светловолосый, с добродушным лицом, весело улыбнулся Ромашке, открыв ряд ровных зубов, среди которых не хватало одного переднего, и привычным движением поправил лямку наплечной сумки, достаточно объемной, чтобы девушка сразу заинтересовалась ее содержимым. Третий, такой же тощий, как и Артур, имел очень хитрый вид и звался Кот. Насколько Ромашка вообще могла судить, имя это ему подходило как нельзя лучше. Оставшиеся двое являлись двоюродными братьями и были очень похожи лицами: Влад и Сергей.

Пришедшие расселись на матрацах. Алек вытащил из сумки небольшой переносной компьютер, и все склонились к экрану. Ромашка, которую не пригласили к обсуждениям, не возмущалась, так как сочла это вполне нормальным - чего, спрашивается, лезть не в свое дело? Но удержаться от того, чтобы заглядывать им через плечи, сидя на низенькой кушетке и отчаянно вытягивая шею, она не могла. А еще девушка слушала очень внимательно, стараясь ни слова не пропустить, да только из-за того, что схемы на экране Алекова компьютера она не всегда могла разглядеть, многое из сказанного осталось для нее непонятным. К тому же большую часть вопросов, как поняла Ромашка, уже обсудили без нее, а теперь лишь дорабатывали детали.

В это самое время наверху, в городе то есть, Ромашку показали по телевизору. В другой раз и при других обстоятельствах девушку это, может, и обрадовало бы, но не сегодня. Во-первых, девушка об этом не знала, и, хотя небольшой экран в их убежище был, в этот вечер он стоял выключенным. А во-вторых, Ромашку показывали в уголовной хронике. Наверное, девушка очень бы удивилась, если бы узнала, что стала жертвой того самого ужасного преступника, из-за которого была поднята на ноги вся полиция, и который в это время сидел спиной к Ромашке, обсуждая со своими сообщниками план побега. А вот пожилой университетский преподаватель в это время телевизор смотрел - у него давно вошло в привычку смотреть новости. Когда на экране появились фотографии Ромашки крупным планом и во весь рост, преподаватель действительно испугался за свою студентку. Он нашел номер ее телефона и позвонил Ромашке домой, на звонок никто не ответил. Тогда преподаватель очень расстроился, но когда Ромашку показали в новостях на следующее утро, потом днем и вечером, он решил, что это неспроста. И хотя такое внимание к скромной персоне

молодой студентки объясняли тем, что она, возможно, еще жива и находится в плену у маньяка, но не мог принять такое объяснение человек умный, рассудительный и скептически настроенный ко всему, что говорят с экрана.

Когда ребята ушли, Мирослав провел их до самого выхода в тоннель под городом, а вернувшись, вдруг спросил Ромашку:

- Как твоя обувь? Удобная?

Несколько удивленная таким вопросом, девушка кивнула. И только потом поинтересовалась:

- А почему ты спрашиваешь?

- Идти придется долго.

- Куда? - спросила Ромашка, чувствуя, как нарастает ее волнение.

- Как это "куда"? - не понял ее вопроса Мирослав. - Нам придется идти пешком большую часть пути, поэтому...

- Так ты берешь меня с собой?

На лице Ромашки радость смешалась с недоверием. Мирослав улыбнулся.

- А как ты думала? У меня, да и у тебя просто нет другого выхода. Не можешь же ты постоянно сидеть здесь, - он обвел взглядом помещение, - а на улицу тебе нельзя.

- Ой!

Ромашка медленно опустилась на кушетку. Теперь, когда она, наконец, осознала, что Мирослав действительно заберет ее с собой, в душу вдруг закрался страх: шутка ли - покинуть город, где она прожила всю свою жизнь, покинуть, скорее всего, навсегда. Теперь Ромашке отчаянно захотелось хотя бы разок еще побывать дома, посидеть на подоконнике, посмотреть закат, перебрать старые рисунки... Впрочем, ее рисунков, скорее всего, не окажется в ящике письменного стола. Ромашка тяжело вздохнула, и призналась:

- Страшно немного...

Сборы были недолгими. Ромашке нечего было собирать, а запас провианта Мирослав сам уложил в рюкзак, туда же сунул что-то очень похожее на одеяло, но девушка не обратила на это внимания, так как наблюдала за сборами рассеянно, погруженная в собственные мысли. Тот факт, что Мирослав откуда-то притащил еще один рюкзак,

достаточно объемный, ее тоже не заинтересовал. Потом пришел попрощаться директор музея. Он проводил их с Мирославом по узкому лазу и сам закрыл тяжелую дверь, когда беглецы оказались в круглом бетонном тоннеле, напоминающем канализационную трубу, к счастью, пустую. Они шли достаточно долго, но вот луч карманного фонарика утонул в темноте нового тоннеля, высокого и широкого, как тоннель метро, и Ромашка не удивилась, увидев рельсы.

- Это метро? - спросила она шепотом. - А как же мы пойдем? Вдруг поезд?

- Эта ветка не работает, - объяснил Мирослав. - В прошлом году ее затопило, и ремонт до сих пор не окончен.

Черная тень Алека возникла перед ними совершенно неожиданно для Ромашки. Парень взял у Мирослава тот рюкзак, что был поменьше и молча повел за собой.

Из темного подвала они вышли уже не вдвоем, и даже не втроем. Человек десять, среди которых Ромашка узнала Алека и Артура, сопровождали их по темным дворам. Ромашка никогда сама по дворам не лазила, поэтому не могла сообразить в какой части города они находятся, а когда ее посадили на мотоцикл позади Алека, девушка совершенно растерялась. Единственное, что она могла сделать - это вцепиться изо всех сил в курточку загадочно усмехнувшегося при этом парня и зажмурить глаза. Ехать было страшно, к тому же на хорошо освещенные широкие дороги мотоциклы не выезжали. Девушка постоянно боялась, что вот-вот свалится с сиденья и упадет прямо на асфальт, поэтому, когда мотоцикл, наконец, остановился, Ромашка не сразу смогла разжать онемевшие пальцы.

- Трусиха, - сказал ей Алек.

Сперва девушка поглядывала на незнакомцев с опаской, потом успокоилась. Ноги шли сами, и Ромашке порой начинало казаться, что она не участвует во всем происходящем, а словно бы наблюдает со стороны. Когда Мирослав ободряюще сжал ее руку, Ромашка лишь на миг подняла на него огромные глаза, и снова отвернулась. Теперь девушка смотрела только вперед. Когда в просвете между домами Ромашка увидела улицу, по которой то и дело проезжали автомобили, девушка поняла, что это Кольцевая.

Они перешли улицу по подземке и вскоре оказались между двумя крайними домами. Увидев прямо перед собой ничем не скрытую, уходящую вертикально вверх темную громаду стены, Ромашка вздрогнула - так близко к стене она еще не подходила. Она не сразу заметила, что за руку ее держит уже не Мирослав, а курносый Алек.

В крайних домах города были очень необычные лифты. Они везли пассажиров не на последний этаж, и даже не на предпоследний. Когда до крыши оставалось три этажа, лифт останавливался. У него даже имелась своя лифтерская будка, небольшой чердак, да только дверь из этого чердака вела не на крышу, и была закрыта почти постоянно. Открывали ее только люди в военной форме: трижды в сутки, когда сменялся караул. Обычно на этом чердаке никто не задерживался, но сегодня день был совсем необычный. Два крепко связанных человека лежали у стены в бессознательном состоянии. Вскоре еще двоих выволокли из-за той самой двери, в которую несколькими секундами позже вошел и Алек, а следом за ним - и Ромашка, чью ладонь он все еще сжимал. В это же время почти то же самое происходило и на чердаках двух соседних домов, с той лишь разницей, что там часовых успокаивали куда менее гуманно.

На крыше Ромашка наконец увидела Мирослава. Он распаковал тот самый, неизвестно откуда взявшийся большой рюкзак, и девушка с удивлением увидела большое круглое устройство, напоминающее гигантский вентилятор, к которому зачем-то крепился множеством веревок огромный кусок ткани. До сих пор Ромашке хватало ума не задавать вопросов, так и теперь, не желая отвлекать Мирослава от его занятия, девушка остановилась неподалеку и молча наблюдала. Алек тоже наблюдал, но ему происходящее, по крайней мере, было понятно.

Надо сказать, что Ромашку отчего-то и не подумали посвятить в детали плана, но ей вдруг стало совершенно ясно, что эта странная штука предназначена для того, чтобы лететь. Страх перед предстоящим полетом пересилил в девушке робость, и она тихо спросила, правда не у Мирослава, а у Алека:

- Что это?

Спросила, и тут же пожалела - сейчас еще на смех поднимет, или накричит, или...

- Параплан, - ответил Алек. - С мотором.

Девушка так удивилась тому факту, что ей ответили, что даже забыла сказать "спасибо". Она смотрела на Мирослава, вернее больше на параплан, потом на темную равнину за стеной, тянущуюся до горизонта. Где-то, очень-очень далеко, в небе мерцали два маленьких, робких огонька, и Ромашка предпочла смотреть на них, а не на укрытую полночной мглой пустошь. Сердце ее трепетало, а душа терзалась сомнениями: как же так, как так можно - бросить все, такое родное, знакомое с детства, оставить город, оставить навсегда... Ромашка вздохнула и повернулась.

Над городом повисло облако густого черного дыма. Ближе к центральным районам горел дом. Ромашка никогда не видела пожара, только по телевизору, хотя случались они в городе не так уж редко. "Надеюсь, это не жилой дом, - подумала она. - Только бы никто не пострадал". Девушка никогда не смотрела на город с такой высоты, и потому не узнала в пытающем доме здание универмага - огромная вывеска на крыше потухла, как только огонь добрался до проводки.

- Ромашка!

Она оглянулась и подошла к Мирославу, который уже закончил последние приготовления. На спину Ромашке надели рюкзак, но девушка почти не ощутила тяжести - ноги ее и так подгибались. Конструкция возле мотора напоминала большое кресло, обвешанное ремнями. Девушка успела даже подумать, что это кресло вызывает у нее не очень хорошие воспоминания о полицейском участке - там тоже были ремни.

- Как думаешь, поместимся вдвоем? - спросил Мирослав. Вопрос был чисто риторический - поместятся, а как же, все равно другого выхода нет. Но Ромашка восприняла вопрос всерьез и тут же задумалась: а что если не поместятся?

Додумать Ромашке не дали - секунду спустя ее уже опоясывали широкие ремни, на голове красовалось что-то вроде шлема, а потом ее прижало к спинке, и девушка не сразу поняла, что впереди нее теперь сидел Мирослав. Это она осознала лишь тогда, когда он повернулся через плечо.

- Готова?

Глядя в глаза чужака, в которых слабо отражались отсветы городских огней, Ромашка не смогла ответить - кивнула.

- Сначала будет немного страшно, но ты не бойся. Ты хорошо пристегнута, не упадешь. Если хочешь, можешь держаться за меня. И... - Мирослав понизил голос до едва слышного шепота, - и постарайся не закричать.

Конечно же, по лицу Ромашки, белом, как новая простынь, с огромными от страха, если не от самого настоящего ужаса, глазами, ясно было видно, что девушка боится. Отчаянно трусит. И именно поэтому закричать она не смогла - даже если б и захотела. Но вот предложение держаться за Мирослава Ромашка восприняла с воодушевлением. Мирослав тут же почувствовал, как руки девушки обхватили его торс, а дрожащие пальцы вцепились в куртку.

И тут раздался ужасающий грохот, почти оглушивший Ромашку. Из-за него девушка и не услышала легкого хлопка, с которым поднялось над крышей и развернулось в воздухе большое и темное, как ночное небо, крыло параплана. Моторчик завелся почти беззвучно, а в следующий миг Ромашка, выглянувшая из-за плеча Мирослава, увидела, как стремительно приближается край крыши.

Она хотела зажмуриться, но... почему-то не успела, а потом не смогла. Под ступнями ее ног, неуклюже торчащих в стороны, разверзлась бездна, темная и страшная, и Ромашка была почти уверена, что вот прямо сейчас они упадут, однако параплан поднялся выше. Стена, которая только что была так близко, ушла вниз. Теперь Ромашка видела ее сверху. Толща железобетона, по которой могли спокойно идти, взявшись за руки, человека четыре, проплыла под ними, скрывая в густой тени ров у своего подножия, и теперь внизу, где-то невообразимо далеко, была пустынная мертвая земля.

Зрелище показалось Ромашке довольно жутким, но каким-то нереальным, и поэтому место страха заняло любопытство, к тому же гул мотора за ее спиной, негромкий, напоминающий урчание довольной кошки, необъяснимым образом успокаивал нервы. Руки Ромашки все еще крепко, до онемения, держались за Мирослава, но девушка вдруг захотела повернуть голову и с удивлением обнаружила, что может это сделать.

Город был еще совсем близко, и темная громада стены уходила вправо и влево, насколько хватало взгляда. Над ней довольно пугающе возвышались крайние дома, как уже знала Ромашка, самые высокие в

городе. Облако черного дыма все еще висело где-то над центром, подсвеченное множеством огней реклам, витрин и прожекторов. Оно казалось созданной чьим-то воображением фантастической феерией из разноцветных лучей, пронизывающих невероятные дымные узоры. "Это мой родной город, - подумала Ромашка, - родной..." Снаружи он казался пугающим, негостеприимным, зловещим, но все-таки был своим.

- Ну как? - услышала Ромашка голос Мирослава. - Не страшно?

- Нет!

Теперь ей и правда не было страшно. Девушка вздохнула, прогоняя подступившую грусть, и принялась смотреть вперед.

Под ночным небом расстилалась равнина. Поначалу она показалась Ромашке однообразной, но позже девушка различила, что где-то там, где земля подступает к небу, высятся небольшие холмы. Их очертания расплывались в темноте, были нечеткими, но Ромашка вдруг вспомнила свой рисунок, на котором изобразила очень похожий пологий холм, поднимающийся над лесом. Она попыталась различить там, впереди, границу, за которой заканчивается мертвая земля и начинается лес, но так и не смогла.

Они летели на юго-восток. Мирослав выбрал такое направление, так как знал, что именно с этой стороны города мертвая зона *уже* всего. Возможно по той причине, что самые крупные предприятия находились ближе к северо-западу. Мирослав опасался, что их все-таки заметят, и в таком случае хотел бы поскорее оказаться в лесу, там, где, если придется спустить параплан, сможет уйти от погони, а не на мертвой земле, по которой придется бежать в противогазе под выстрелами военных на быстроходных машинах. Но пожар, а за ним и взрыв сделали свое дело. Беглецы быстро удалялись от города, и преследовать их пока никто не собирался, а патрульных вертолетов, очертания которых высматривал Мирослав в ночном небе, не было видно.

Когда мертвая земля осталась позади, и начался луг - Ромашка не заметила. Ей понравилось летать. Это было настолько необычно и захватывающе, что девушка первое время смотрела сверху широко открытыми глазами на все вокруг, хотя панорама почти не менялась, несколько раз оглядывалась на город, но оглядываться было грустно, и Ромашка решила, что будет смотреть только вперед и по сторонам, но

не назад. "Я никогда раньше не видела такого простора!" - восторженно подумала она, и, немного погодя, произнесла это вслух. Сейчас ей было безразлично, что подумает о ней Мирослав, чужак, с детства, наверное, приученный к открытому пространству, явно не впервые поднявшийся в воздух на такой вот штуке. Она осторожно разжала пальцы и попыталась поднять руки или развести их в стороны, однако сделать это, не задев строп, было довольно проблематично, и Ромашка довольствовалась тем, что могла свободно водить пальцами, не хватаясь за куртку Мирослава, и упиваться собственной смелостью и чувством пусть и не комфортного, не красивого и свободного, как у птицы, но все же полета.

Вскоре у нее затекли ноги, которыми Ромашка почти не могла шевелить, разве только ступнями. Сначала ощущение было просто неприятным, а потом стало заметно снижать удовольствие от полета, и Ромашка поинтересовалась:

- А долго нам еще?

- Надеюсь, батарейка продержится еще час или...

Он вдруг замолчал, словно прислушивался к чему-то, а потом натянул стропы, поворачивая параплан строго на юг.

Глава 12

Ромашка смотрела влево. Там, над горизонтом, небо было немного светлее, чем везде. Девушка столько раз наблюдала закаты и ни разу не видела, как встает солнце, теперь же твердо намеревалась не пропустить этого зрелища. Под ними плыла неровная и какая-то пушистая поверхность. Мирослав сказал, что это - лес. Девушка поверила, но ей почему-то казалось, что лес должен выглядеть по-другому: в темноте да еще и сверху лес был как-то не очень похож на то, что рисуют художники.

- А почему мы повернули? - наконец поинтересовалась Ромашка. Она спросила это просто так, потому что, по сути, ей было все равно, куда направляться - лишь бы было интересно. Пока девушка не жаловалась. На ноющие ноги она давно перестала обращать внимание.

- Там мой друг. Ему нужна помощь, - ответил Мирослав.

- Помощь? - Ромашка несказанно удивилась: она-то думала, Мирослав переменил курс, чтобы запутать погоню.

Размеренное урчание мотора за Ромашкиной спиной сбилось, стало реже.

- Ой, - пискнула Ромашка, когда стало совсем тихо. А через несколько секунд озабоченно поинтересовалась: - А почему мы не падаем?

Мирослав обернулся через плечо. Он ничего не сказал, просто улыбнулся. Ромашка улыбнулась в ответ, а потом подумала, что, вполне вероятно, выглядит абсолютной невеждой. Но сейчас ее это не беспокоило.

Они не упали, а мягко спланировали на замеченную Мирославом поляну.

- Ну, вот и приземлились, - сказал Мирослав, освобождаясь от ремней и вставая на ноги. Затем обернулся к девушке: - Давай, помогу.

Пока Мирослав тщательно упаковывал свой летательный аппарат в объемистый рюкзак, Ромашка разминала ноги и оглядывалась вокруг.

Под легким ночным ветерком ветви обступивших поляну деревьев колыхались, словно косматые исполины дышали во сне.

- Мы в лесу? - зачем-то спросила Ромашка.

- Да.

- Какой же он странный! - удивилась девушка и, запрокинув голову, посмотрела в небо. Ветер постепенно разгонял тучи, и кое-где в просветах поблескивали самые настоящие звезды. Ромашка насчитала четыре. Потом одну из них снова закрыло тучей, но тут же рядом вынырнула новая звезда, а потом еще одна, и еще.

- Ромашка!

Девушка не сразу услышала, что ее зовут.

- Ромашка, нам пора идти. Сможешь?

- Ага, - задумчиво отозвалась Ромашка: стоя с запрокинутым кверху лицом куда удобнее выговорить "ага", чем "да". Нехотя девушка оторвалась от созерцания неба и подошла к Мирославу.

- А куда мы пойдем? - Ромашка опасливо заглянула в непроницаемую тьму под пушистыми ветвями. - Там ведь темно...

- Там нет никого, кого стоило бы бояться, - уверил ее Мирослав и шагнул по направлению к казалось бы сплошной стене пушистой листвы.

"Значит, кто-то там все-таки есть" - подумала Ромашка, и поспешила схватить Мирослава за руку, прежде чем они вошли под густую сень леса.

Шла Ромашка медленно, потому что поначалу пугалась каждого незнакомого звука, а их в лесу было не просто достаточно, а даже чересчур. В конце концов, Ромашка просто устала пугаться, но от Мирослава не отдалялась ни на шаг и руки его не выпускала. Да не забывала задавать вопрос каждый раз, когда до ее слуха доносился какой-то необычный звук.

- Это всего лишь ветер, - объяснял Мирослав, удивляя девушку своей терпеливостью. - Это просто ночная птица, а это - ежик. Здесь крупные звери не водятся, мы еще слишком близко от городов.

Посмотреть, как восходит солнце, Ромашке так и не удалось. Она даже не сразу заметила, что начало светать, просто в какой-то момент, подняв голову, увидела, что небо стало бледного серовато-голубого цвета, а листва деревьев вдруг перестала быть черной, и Ромашка видела вокруг темную зелень. Среди ветвей сначала робко и несмело, а

затем все веселей и звонче запели птицы. Солнце поднималось выше и выше, и Ромашка видела, как его лучи пробираются меж ветвей, словно золотые нити натягиваются между небом и землей. Ноги несли девушку будто бы сами собой, и Ромашка давно уже выпустила руку Мирослава, который то и дело весело поглядывал на нее. Непосредственная радость и изумление Ромашки при виде всего, к чему он был привычен с детства, другого человека, быть может, и позабавила бы. Мирослав же просто радовался вместе с ней.

Лес закончился как-то вдруг, и перед путниками теперь раскинулось несколько километров открытой местности без единого деревца. Вдалеке, за лугом, можно было разглядеть новый лес, не такой густой, как тот, что они оставляли позади, и какой-то неряшливый. Мирослав не спешил идти вперед. Он задумчиво посмотрел на небо и заключил:

- Лучше не рисковать.

- А разве нас будут искать? - спросила девушка. - Никто ведь, наверное, еще не знает, что мы ушли из города... Я имею в виду, полиция не знает.

- Во-первых, тут могут летать патрульные вертолеты, а во-вторых, мы не так далеко и от другого города, из которого вышел мой друг. Я не знаю всех обстоятельств, но его вполне могут разыскивать.

- А как ты узнал, что ему нужна помощь?

Они двигались вдоль леса, обходя луг, который, как объяснил Мирослав, был, по всей видимости, когда-то вспаханным полем.

- Он позвал. Понимаешь, Ромашка, как только мы вылетели из мертвой зоны, я сообщил всем, что вышел, а через некоторое время от него поступила просьба о помощи.

- А как ты сообщил?

- Как тебе объяснить, - Мирослав задумался. - Послал определенный сигнал.

- Как это? Каким образом? - не унималась Ромашка.

- Телепатически. Кажется, у вас это называется так.

Слегка шокированная этим объяснением, Ромашка замолчала.

Солнце стояло уже высоко, и по ясному небу плыли пушистые белые облачка, принимающие самые причудливые формы. Девушка часто поглядывала вверх.

- Какое небо сегодня красивое! - произнесла она.

Когда путники обошли луг, Мирослав предложил сделать привал. Ромашка, которая только после его слов поняла, что и в самом деле, неплохо бы отдохнуть немного да перекусить, с удовольствием сбросила на землю рюкзак с провиантом и прочими мелочами, который несла всю дорогу. Мирослав же первым делом вынул из своего рюкзака две какие-то пластины серого цвета и положил их на освещенное солнцем место.

- Это аккумуляторы, - сказал он. - Сейчас они подзарядятся, а когда стемнеет, мы снова сможем полететь.

Ромашка оглянулась в поисках того, на что она могла бы присесть, но увидев, как Мирослав спокойно садится на землю, немного растерялась. Для нее это было немного странно, как если бы кому-то вдруг пришла в голову идея рассесться посреди Кольцевой, на тротуаре или проезжей части - не важно. Но делать было нечего, и Ромашка, после недолгих колебаний, тоже опустилась и села.

Трава укрывала землю неопрятным, но достаточно плотным ковром, который отнюдь не был мягким и удобным. Сухие травинки покалывали бедра Ромашки даже сквозь штаны, и поначалу девушка, привыкшая сидеть только на стульях, табуретках и диванах, ерзала, не понимая, как Мирославу не мешают эти стебельки, колючки и ползающие по ним насекомые. Все последнее время отчаянно мечтавшая оказаться за стеной, Ромашка вдруг обнаружила, что здесь далеко не так комфортно, как у нее дома. С несчастным видом она взяла бутерброд и принялась жевать, параллельно обдумывая свои ощущения. Одолев второй бутерброд, девушка вдруг обнаружила, что наелась, и оглянулась на своего спутника.

Мирослав потянулся, откинулся назад и с довольной улыбкой лег прямо на землю. Девушка моргнула, потом медленно сняла спортивную курточку, расстелила ее позади себя и очень осторожно легла.

В первый момент ей показалось, что она сможет сейчас сосчитать все стебельки, разом впившиеся в спину, но потом... Потом Ромашка увидела небо прямо перед глазами, и пышную зелень листвы, медленно колышущуюся под легкими дуновениями ветерка. Ромашка подложила руки под голову и зажмурилась от удовольствия. Перед закрытыми глазами весело плясали солнечные зайчики, а легкий шелест вокруг почему-то напомнил Ромашке море, хотя настоящего

моря она не видела, и уж тем более не слышала. Мирослав позволил ей пролежать так почти час, потом пришлось вставать и идти дальше.

Вечерело. Ромашка чувствовала, что устала, но продолжала идти вперед так быстро, как могла. Ей в жизни не приходилось, наверное, столько ходить, и, по идее, она должна была свалиться уже давно, где-то после трети сегодняшнего пути, но пока сил идти дальше хватало. Лесок, в который они вошли минут пятнадцать назад, поредел, и в первых вечерних сумерках за деревьями показались невысокие холмы какой-то неестественной формы. Больше всего они были похожи на обломки гигантских кирпичей, наполовину утопленных в почве. Кое-где эти обломки соединялись прутьями, которые девушка сначала приняла за корни растущих на "кирпичах" деревьев, но вскоре поняла, что не права. Создавалось такое впечатление, что в давние времена землю эту страшно искорежило, и хотя с тех пор все успело зарасти травой и небольшими деревцами, следы неведомой катастрофы все еще навевали тоскливое ощущение чего-то ненастоящего, чужого. Ромашка вздрогнула и застегнула курточку, словно ей стало вдруг холодно. Поправив лямки рюкзака на плечах, девушка вложила свою руку в ладонь Мирослава. Они шли, осторожно обходя ямы и провалы, а Ромашка, глядя на холмы, вдруг подумала, что они ей что-то напоминают.

- Какие-то они странные и... - Ромашка поежилась, - страшные!

Мирослав остановился, глядя в темную дыру пещеры в одном из холмов.

- Погоди-ка, - сказал он вдруг и, выпустив Ромашкину ладонь, подошел к дыре, посветил фонариком внутрь.

- Ты знаешь, Ромашка, что это такое? - произнес он, оборачиваясь к девушке. - Это дома. Разрушенные дома. Здесь когда-то был город.

Эти слова заставили девушку снова вздрогнуть: теперь "холмы" вокруг показались ей еще более зловещими. Девушка почему-то все время ждала чего-то ужасного, что должно было вот-вот вырваться из-под поросших травой стен, напасть и утащить за собой куда-то в непроглядную тьму пещер-окон. В сумеречной дымке стены поверженных гигантов окончательно потеряли сходство с холмами, которое в дневное время им обеспечивала зелень трав и листвы.

- Пойдем отсюда, - шепотом попросила девушка. Мирослав все еще задумчиво стоял возле стены, в которой чернела дыра, бывшая когда-то окном, и подходить к нему Ромашка не хотела. Она очень боялась темноты, особенно такой - черной и плотной - какая наполняла собой внутренности разрушенного дома.

Мирослав подошел к ней и снова взял за руку. Ромашке показалось, или ему тоже было немного не по себе? Осторожно, внимательно глядя под ноги, они обошли огромный "холм" и двинулись дальше. Ромашка испуганно жалась к своему спутнику. Обломки разрушенных зданий окружали их со всех сторон, и не было им видно ни конца, ни края.

- Это был, наверное, большой город, - сказал Мирослав, тоже понизив голос почти до шепота. - Быстро мы его не пройдем. Лучше давай найдем здесь более-менее ровную площадку. Скоро совсем стемнеет, и мы сможем взлететь.

В темноте, едва рассеиваемой скупым светом звезд и молодого месяца, Мирослав распаковывал свой параплан, в то время как Ромашка стояла неподалеку, гладя в ясное ночное небо. Столько звезд Ромашка никогда в своей жизни не видела, и теперь, приоткрыв рот, смотрела и смотрела на них, не в силах оторваться. И вдруг ей показалось, что какая-то звезда движется. Девушка решила, что ей померещилось, и даже моргнула несколько раз, но звезда медленно плыла по небосводу. Тогда Ромашка повернулась к Мирославу, думая спросить, что это за звезда такая странная, но не успела.

Мирослав, до этого спокойно расправлявший сложенное крыло параплана, вдруг вздрогнул, поднял голову, потом внезапно вскочил, быстро отволок параплан в тень у "холма", схватил Ромашку за руку и потащил за собой. Мгновение спустя они оказались у дыры-окна. Мирослав посветил внутрь фонариком и спрыгнул первым, затем помог забраться внутрь Ромашке. Если б не явная спешка, с которой все это было проделано, девушку пришлось бы очень и очень долго уговаривать, но сейчас страх оказаться внутри мертвого, давно разрушенного и опустошенного жилища, отступил перед необходимостью срочно укрыться от другой, неведомой пока угрозы.

Ромашка не сразу решилась спросить, что случилось. Она видела, как Мирослав осторожно выглянул из-под бахромы свисающих перед

окном корней и посмотрел на небо, потом сделал несколько шагов вглубь своеобразной пещеры, увлекая за собой Ромашку.

- Что там?

Мирослав присел и потянул Ромашку за собой. Теперь, сидя на корточках, девушка видела, как в небе появляются продолговатые черные тени, над которыми едва угадываются размытые круги вращающихся лопастей. Двигались вертолеты бесшумно.

Решив, что на всякий лучше отойти еще дальше от окна, Мирослав выпрямился и, осторожно ступая по нанесенному внутрь дома слою земли, снова повел за собой Ромашку. Вспоминая, как выглядел этот холм снаружи, Ромашка решила, что сейчас они, наверное, идут по боковой стене помещения. А в одной из боковых стен обязательно должна быть дверь...

Мирослав остановился - его нога не нащупала впереди опоры, и он пришел к тому же выводу, что и Ромашка - дверь в боковой стене. Теперь их не было видно в окно, но Ромашка все никак не могла успокоиться - она боялась того, что снаружи, и, не меньше, - того, что внутри. Откуда-то снизу то и дело доносились пугающе-странные звуки.

- Наверное, они уже пролетели, - срывающимся голосом предположила девушка. Ей не терпелось выйти наружу.

- Нет. Они все еще поблизости. К тому же могут появиться и другие.

Некоторое время Мирослав молчал, потом Ромашка вновь услышала его голос:

- Да... Я об этом не подумал. Глупо получилось.

"Но ведь там темно, - подумала Ромашка, - вряд ли нас бы увидели. Можно спрятаться в тени, только не здесь, только бы выйти отсюда". И тут же спросила:

- Разве они нас увидят?

- Их приборы улавливают тепловое излучение. Если бы не толща бетона и земли у нас над головами, нас бы нашли и довольно быстро. Почему-то я не подумал о ночных патрулях... Надеюсь, они не включат прожекторы.

Мирослав был очень недоволен собственной непредусмотрительностью - Ромашка чувствовала это - и теперь

опасался, что патрульные заметят оставленный снаружи параплан. Но прожекторы на вертолетах так и не включились.

- Нам придется переночевать здесь, - сказал Мирослав.

Такого Ромашка не ожидала.

- Как здесь?

Мирослав снова осторожно подобрался к окну, глянул на небо, и, вернувшись к Ромашке, включил фонарик. Ненадолго, только чтобы осмотреться, и сразу выключил, но увиденное не прибавило девушке оптимизма. Действительно, они стояли на боковой стене помещения, некогда бывшего жилой квартирой - сохранились даже трухлявые остатки мебели - а над головой Ромашки была еще одна дыра. Все поверхности были покрыты мхом, на стене, которая теперь являлась полом, росла хиленькая травка.

- Жутковатое место, - подытожил ее размышления Мирослав.

Он вынул их рюкзака одеяло и положил его на пол.

- Ложись и укутывайся как следует.

- Я не буду здесь спать! - испуганно возразила Ромашка.

- Если мы не сможем лететь по ночам, это значит, что нам придется долго идти пешком, и не только завтра. Причем идти как можно быстрее. Так что лучше поспи, хорошо?

Возражать было бессмысленно, а главное - Ромашка вдруг почувствовала, что действительно очень хочет спать. Она улеглась на одеяло, завернулась в него, прячась от ночной прохлады и сырости.

- А ты? - спросила она Мирослава.

Он был рядом, и уже немного привыкшими к темноте глазами девушка различала его силуэт.

- Я? Я, наверное, тоже прилягу, но не сейчас, попозже...

- А... а у нас только одно одеяло, - виновато пробормотала девушка.

- Мне не надо. Я привык, не замерзну.

А вот Ромашка бы точно замерзла, не догадайся Мирослав взять одеяло специально для нее. Девушка устроилась поуютнее и подумала, что здесь, на самом деле, не так уж и страшно.

Утро Ромашка проспала. Мирослав не стал ее будить, и когда девушка открыла глаза, солнечные лучи уже заглянули в окно и освещали небольшой пятачок перед входом. Ромашка потянулась и

попыталась встать, но не тут то было! Ноги болели так, как не болели еще никогда, и каждое движение получалось каким-то скованным и неловким. И все-таки Ромашка встала и даже, придерживаясь рукой за стену, подошла к окну, за которым разглядела Мирослава. Рядом с ним лежал на траве упакованный в рюкзак параплан.

- Доброе утро, Ромашка, - поприветствовал он ее, оборачиваясь. - Как спала?

- Нормально.

Девушка попыталась выбраться из пещеры, которая уже не казалась такой зловещей, как накануне, но ноги не слушались.

- Ноги болят? - спросил Мирослав и, не дожидаясь ответа, помог Ромашке вылезти наружу.

- Чуть-чуть, - соврала Ромашка.

Под пристальным взглядом Мирослава девушка сначала отвела глаза, но тут же упрямо вскинула голову.

- Ничего, идти смогу, - твердо сказала она. А-то думает, небось: городская, неженка...

Мирослав с сомнением пожал плечами, но ничего не сказал.

Останки разрушенного города сменились тусклой равниной, когда время уже перевалило за полдень. Первое воодушевление прошло, пейзаж не отличался разнообразием - реденький лес, желтеющая трава, - и так целый день. Пару раз над ними бесшумно проплывал вертолет, но днем патрульные могли полагаться лишь на свое зрение. Пока путникам везло - их так и не заметили.

К вечеру у них остался последний кусок хлеба и несколько пачек с картошкой, вернее с мелкими хлопьями, почти порошком, который можно было залить горячей водой и приготовить картофельное пюре. Как бы Мирослав не кривился при виде этого самого порошка, как бы не доказывал девушке, что это никакая не картошка, и даже не еда, в крайнем случае пришлось бы есть и эту, по словам Мирослава, отраву. Зверей в лесу водилось очень мало, и то не крупных, а в речушке, которую они еще днем перешли вброд, всего лишь подкатив до колен штаны, рыбы не было.

После того, как путники перешли речку, равнина постепенно сменилась невысокими холмами, и это обстоятельство очень обрадовало Мирослава. На исходе дня, когда солнца уже не видно

было над лесом, а небо еще не потемнело, Мирослав остановился возле одного из холмов, скинул с плеч упакованный параплан, и, вынув из Ромашкиного рюкзака лопатку, совсем маленькую, принялся копать. У него ушло около получаса, чтобы вырыть небольшую нору, в которую могли поместиться два человека, и Ромашка, без особого аппетита сжевав свою порцию хлеба, тут же спряталась в нору.

- Ромашка, - услышала она уже сквозь дремоту голос Мирослава. - А ты не будешь меня стесняться?

Сначала девушка хотела ответить "нет, не буду", потом решила сказать "да, буду", а потом запуталась окончательно и... уснула.

На этот раз Мирослав разбудил ее рано, когда еще только-только светало. Минут через пятнадцать они подошли к небольшой речушке, и Мирослав предложил выкупаться, тем более что день обещал быть жарким, да и после сна совсем не мешало взбодриться. Купались по очереди. Ромашка, несмотря на все заверения своего спутника о том, что в округе нет людей, очень стеснялась, потому что в ее сознании как-то не укладывалось, что посреди открытой местности с редкими группками плакучих ив у воды ее, совершенно раздетую, никто не увидит. Но желание искупаться превысило все опасения, и девушка, беспокойно оглянувшись на стоящего к ней спиной Мирослава, вошла в воду.

Ощущение было странное. Столько воды Ромашка никогда не видела - у нее дома даже не было ванной, только душ - и, с удивлением смотрела на свои ноги, твердо стоящие на песчаном дне, на проплывающие по поверхности листики и травинки, на маленьких, почти незаметных существ, резвящихся в воде у самого дна, которые, стоило ей сделать шаг, бросались врассыпную.

Долго купаться девушка не решилась. Она подошла к берегу, взяла свои вещи и аккуратно перенесла их, держа над головой, на другой берег. Благо, речка оказалась неглубокой - вода лишь раз накрыла плечи Ромашки. Выкарабкавшись по корням растущей у воды ивы наверх, Ромашка быстро вытерлась, оделась и крикнула Мирославу, что он может переходить, а сама отвернулась. Она слышала, как ее спутник вошел в воду, слышала также, как вышел и положил на траву вещи. Вскоре Мирослав, полностью одетый, с

влажными, распущенными по плечам волосами, опустился перед нею на корточки и, немного хмурясь, сказал виновато:

- Ромашка, я забыл спросить, ты умеешь плавать?

Ответ Ромашки поверг его в легкий шок. Похоже, даже от выросшей в городе девушки он такого не ожидал. Ромашка же не видела в этом ничего необычного: у них, конечно, были бассейны, но, во-первых, их посещение являлось не дешевым удовольствием, а во-вторых... ну зачем бы ей понадобилось учиться плавать, если, живя в окруженном стеной городе, она не видела ни рек, ни моря?

Среди лиственных деревьев все чаще стали попадаться сосенки, а ветерок доносил неприятный запах, понять природу которого не могла не только Ромашка, но и Мирослав.

- Воняет словно помоями, - озадаченно пробормотал он. - Может, где-то рядом большая свалка?

Они шли, а запах все не пропадал и, казалось, даже усиливался. В конце концов, путники решили не обращать на него внимания, тем более что Мирослав сообщил Ромашке, что они вот-вот встретятся с его другом.

И они встретились.

По убегающей вправо тропинке, обрамленной пушистыми лапками невысоких сосен, шел, сильно хромая на правую ногу, человек с очень внушительной фигурой и при этом чрезвычайно добродушным лицом. На незнакомце были светлые штаны, правая штанина, закатанная до колена, открывала перебинтованную голень, матерчатый ремень дорожной сумки серой полосой пересекал покрытый густым загаром торс. Если б Ромашка не догадалась сразу, что это и есть друг Мирослава, она бы решила, что незнакомец из тех мужчин, что глотают специальные таблетки для массы - такой он весь был огромный, а деревянный посох, на который опирался богатырь, смотрелся совершенно неуместно.

Лицо незнакомца, заросшее рыжеватой щетиной, выражало искреннюю радость, улыбались даже глаза - голубые, как ясное небо. Но, заметив Ромашку, он остановился, растеряно глядя на нее. В это время девушка заметила, что за спиной богатыря кто-то прячется.

- Здравствуй, Мирослав, - в басистом голосе незнакомца прозвучало смущение. - Прости меня, если б я знал, что ты не один, я

бы не попросил помощи.

- Здравствуй, Тур, - улыбнулся Мирослав. - Ты, я вижу, тоже не один.

Из-за спины Тура вышел мальчик лет десяти-двенадцати, худенький, смуглый от загара. Его когда-то светлые, но давно не стираные штаны не спадали лишь потому, что были туго перетянуты поясом.

- Это Димка, - сказал друг Мирослава, успокаивающе кладя руку на плечо перепуганного мальчишки. - Парень мне здорово помог, и в городе ему теперь оставаться нельзя. Говорит, полицаи заберут, да и родителям неприятности... Эх, Мирослав, ну и странный же мне попался город!

Тур погрустнел и умолк, а Ромашка только сообразила, что до сих пор выглядывает из-за спины Мирослава, почему-то опасаясь выйти и встать рядом, как тот мальчик, что пришел с Туром. Мирослав сам подтолкнул ее вперед.

- Это и есть мой друг Тур, - сказал он. - Тур, это Ромашка.

- Ромашка? - удивленно повторил Тур, и тут же весело хмыкнул: - А что, похожа!

Девушка растерянно посмотрела сначала на него, потом на Мирослава и снова на Тура.

- На ромашку похожа, - улыбаясь, объяснил Мирослав, и обратился к другу: - Ну что ж, Тур, садись. Посмотрю твою ногу.

Мирослав с Димкой помогли ему сесть, придерживая великана с двух сторон, отчего лицо Тура покрылось смущенным румянцем. Мирослав опустился рядом и осторожно снял повязки. Мальчик, все еще побаивающийся новых людей, а в особенности мужчину с почти седыми волосами, стоял все время рядом, напряженно вытянувшись и теребя в руках ремень дорожной сумки Тура.

Ромашка остановилась немного поодаль - боялась, что своим присутствием будет стеснять кого-то или мешать. Сначала она старалась смотреть по сторонам, но любопытство взяло верх, и теперь девушка украдкой наблюдала, что именно делает Мирослав.

Никогда раньше Ромашка не видела, чтобы врачи лечили больных так, как он. Собственно говоря, она вообще не видела, как лечат, потому что все врачи, что когда-то давно приходили к маме, только выписывали лекарства. Правда, однажды Ромашке пришлось

наблюдать, как ее подруга Дельфина зашивает рану на груди человека, которого Ромашка буквально подобрала на крыльце больницы и привела к себе домой. Мирослав же делал что-то совершенно непонятное. Он промыл рану водой из фляги и, сосредоточенно нахмурив брови, медленно водил руками меньше чем в сантиметре от тела раненного, потом положил на рану ладони.

Маленький Димка выглядел не менее удивленным, чем Ромашка. Он уже не теребил ремень, а наклонился и с открытым ртом следил за действиями Мирослава. Димка стоял ближе, и видел то, чего Ромашка видеть не могла, а именно как нездоровая синеватая бледность кожи постепенно уходила, и теперь нога Тура выглядела куда лучше.

Мирослав вздохнул и убрал руки.

- Это пока все, что я могу. Ну, ничего, постепенно подлечим.

- Спасибо, - сказал Тур. Мирослав перевязал ему ногу и выпрямился. Рука его поднялась, чтобы убрать с лица выбившуюся прядь, и тут Мирослав заметил, что Тур смотрит на его волосы.

- Да... Нелегко тебе, видно, пришлось.

- Кто бы говорил, - усмехнулся Мирослав.

- Ах, это... - Тур поглядел на свою перемотанную лоскутами ногу. - Это меня уже на выходе. Ничего, теперь точно очухаюсь. Ты это, - он зачем-то понизил голос до шепота, хотя и Димка, и Ромашка все равно прекрасно слышали каждое слово, - ты возьми парня с собой и идите вперед. Втроем. Я-то медленно иду, если погоня...

Тур замолчал. Наверное, по лицу друга понял, что продолжать подобные речи бессмысленно. И вздохнул грустно и виновато.

В наступившем молчании Ромашке потребовалось некоторое время, чтобы решиться обратиться к Мирославу с просьбой.

- Мирослав, - тихонько позвала она, и, когда тот посмотрел на нее, а вместе с ним оглянулись и Тур, и маленький Димка, смущенно продолжила: - я тут подумала... мы ведь на юг шли, значит, море где-то близко. Да?

Ей ответил Тур:

- Да тут всего-то ничего - минуты две идти, не больше! - и махнул рукой, указывая направление.

Глаза Ромашки загорелись, и она умоляюще поглядела на Мирослава.

- Море увидеть хочешь? - улыбнулся Мирослав. Девушка кивнула, и тогда он спросил у Тура: - Там никого нет?

Тур отрицательно покачал головой.

- Можно? - заволновалась Ромашка.

- Иди.

Ромашка рванула с места так быстро, что собиравшийся идти на всякий случай вместе с нею Мирослав быстро потерял ее из виду, и уже не слышала, как Тур пробормотал:

- Лучше бы ей туда не ходить.

Неприятный запах все усиливался, и Ромашка недоумевала: неужели это и есть тот самый запах моря, о котором писали в старых книгах? Если да, то либо она чего-то не понимает, либо вкусы у тех, кто это написал, были несколько другие. Сразу же за сосенками встала стена кустистых зарослей, к счастью, не колючих. "Море, сейчас я увижу море!" - думала Ромашка, ощущая восторг и вместе с тем волнение - она ведь так долго ждала этого, и вот сейчас, сейчас...

Прикрывая рукой лицо, Ромашка пошла напрямик через густой кустарник, и очень скоро вышла на берег.

Море...

Девушка растерянно остановилась.

У песчаного берега колыхалась плотная жижа буро-зеленого цвета, изредка издававшая неприятные булькающие звуки. Кое-где из этой жижи торчали пучки сухих тростинок и какой-то мусор. К горизонту нездоровая зелень постепенно светлела, но увидеть, начинается ли там, дальше чистая вода, Ромашка не смогла - от зловонных испарений в воздухе повис туман, и горизонт едва виднелся размытой линией.

Море?

Ромашка потрясенно смотрела широко распахнутыми глазами на то самое чудо, которое уже давно мечтала увидеть своими глазами, которое не раз снилось ей, снилось таким, каким Ромашка видела его на картинах в музее. Поверить, что картины врали, было невозможно. Значит, это море так изменилось?

"Неужели это действительно ты? - мысленно спросила Ромашка у моря. - Так вот ты какое."

Ромашка почувствовала, как на ее плечо легла рука Мирослава, но не шевельнулась.

"Море, море. Что же с тобой сделали?.."

Глава 13

Сосны постепенно остались позади, и очень скоро путники переходили в брод по мели ту же самую речку, несколько часов назад встретившуюся на пути Мирослава с Ромашкой. Они двигались на северо-восток. Сначала шли молча. Ромашка думала о море, о том, какой она увидела сегодня свою мечту, и от мыслей этих ей становилось горько. Мирослав тоже думал о море. Он был потрясен не меньше, чем девушка, хотя после предупреждения Тура знал, чего следует ожидать. Тур молчал потому, что не хотел прерывать размышлений друга, а Димка просто все еще боялся незнакомых людей, скорее, он им не доверял.

Молчание нарушил Мирослав.

- Задание оказалось сложнее, чем мы представляли. Верно, Тур?

Тур вздохнул.

- Верно... Вот уж чего не ожидал так не ожидал. Ты знаешь, меня даже ловили как преступника, и если б этот парень меня не спрятал...

Димка скромно отвел глаза, но было видно - он рад, что его вспомнили и похвалили.

- У меня почти та же история, - улыбнулся Мирослав.

Тур уважительно посмотрел на Ромашку, а из-за его спины ревниво сверкнул глазами Димка.

- Сначала я думал, что мне просто не повезло, - сказал Тур. - Оказывается все города такие.

- Какие? - спросил Мирослав.

- Такие... неправильные.

Что именно Тур хотел этим сказать, поняли, вероятно, только он и Мирослав. Ромашка же вспомнила, что Тур прожил год именно в том самом городе, куда ездили отдыхать некоторые из ее знакомых. На фотографиях приморский курорт выглядел настолько заманчиво, что девушка не удержалась и робко произнесла:

- Я видела фотографии из приморского города. Только на фото все очень красиво: парки, бассейны, беседки, гостиницы - все такое

уютное, чистое. Правда, моря на снимках не было, но теперь я понимаю, почему.

- Так и есть, - пожал плечами Тур. - Да только все эти парки и гостиницы находятся в центре города, за высокими заборами, а я был там, где люди живут. Те, кто приезжает на отдых, этого не видит, наверное.

- А что там? - поинтересовалась девушка.

- Там? - Тур покосился на Димку. - Плохо там. И... скажи, Мирослав, какое твое решение? Что ты скажешь Совету?

- Скажу то, что есть, - пожал плечами Мирослав. - А решение мое осталось прежним.

- То есть ты против? - в голосе Тура прозвучало облегчение. - Я так и знал. Что бы там ни было, но в городе живут люди, такие же, как мы. Понимаешь, Мирослав, я чего на помощь звал-то... У Димки в городе семья: мать, отец, сестрички две, вот я и подумал - если уж я-то дойти не смогу, ты Димку возьмешь с собой, пусть он на Совете говорит. Его послушают, я думаю. Я ведь боялся, что если меня поймают, и я не смогу в срок вернуться, то Совет примет решение уничтожить этот город, а такого допустить нельзя.

Мальчик возмущенно вздернул подбородок, словно пытаясь показать, что ни за что бы не оставил своего друга. Тур шел тяжело, и нога его хоть и болела куда меньше, но все еще причиняла беспокойство. Димка то и дело подставлял свое плечо, на которое Тур осторожно опирался, и все понимали, что своего места рядом с Туром он не уступит никому.

- Скажите, - тихонько попросила Ромашка, - а море везде такое?

- Нет, не везде, - ответил Тур. - Дальше от города вода чище. Но все равно это море почти мертвое.

Ромашка обдумывала некоторое время полученную информацию, потом снова заговорила:

- Нам говорили, что после Каменного Дождя география Земли поменялась, но то ли никто не знает, как теперь выглядит Земля, то ли нам не говорят... Есть ведь еще моря, правда?

- Есть, конечно, - улыбнулся Тур.

- А далеко?

- Далеко. Но это не страшно. Если захочешь увидеть море, ты всегда можешь на лошадях туда добраться или ну вот хотя бы на

параплане полететь... - Тур хмыкнул. - Я-то все думаю, что это у Мирослава за рюкзак такой. Параплан, небось?

- Верно, - отозвался Мирослав. - Кстати, он нам уже вряд ли понадобится, так что я его спрячу, как только найду подходящее место.

- Спрячь лучше, как горы перейдем. Там уж ты, по крайней мере, его всегда заберешь. Или патрульные наши подберут.

- Тоже верно.

Мирослав поправил лямки рюкзака на плечах, а Ромашка спросила с радостным удивлением:

- Так мы будем идти через горы?

Горы показались только на следующий день. Они не были высокими - километра полтора, не больше, но Ромашка гор никогда не видела, и высившаяся впереди над лесом громада казалась ей непреступной. Рубежный хребет тянулся с севера на юг сплошной стеной. Как объяснил Мирослав, этот хребет возник после Каменного Дождя, и именно там часто попадаются каменные глыбы, упавшие с неба. Название свое хребет получил из-за необычайной особенности - вблизи гор любая электроника выходила из строя, ломались любые приборы. Ученые определили, что вокруг хребта образуется поле, природа которого до сих пор оставалась загадкой. Сначала хребет хотели назвать Полярным, но решили, что название это вызывает ассоциации скорее с полюсами Земли. А так как хребет этот являлся словно рубежом, символической границей между двумя цивилизациями, то и назвали его Рубежным. Перейти рубеж значило оказаться в безопасности.

Горы оказались совсем не такими, какими представляла их Ромашка. Рубежный хребет не был похож на величественные горные пики с шапкой снега на вершине, которые часто можно увидеть на картинах, ни на укрытые сочно-зеленой травой круглые спины холмов, короче говоря, ни на что из того, что видела Ромашка, хотя, если честно, видела она не так-то много. На склонах гор, испещренных оврагами и бороздами, возвышались каменные глыбы разнообразных форм, более темные, чем проглядывающая из-под травяного покрова основная порода.

Идти становилось все труднее и труднее, часто приходилось пересекать балки и овраги, спускаться и подниматься, и Ромашка, уже

порядком уставшая, с ужасом думала о предстоящем переходе через Рубежный хребет.

Хотя Тур все еще хромал, шел он почти с той же скоростью, что и девушка, к тому же был куда выносливей. По дороге он рассказывал о приморском городе, иногда его рассказ робко дополнял мальчик, тихо вставляя слово или два. Димка по-прежнему побаивался Мирослава и с неприязнью глядел на девушку.

- Что ты скажешь, Ромашка, - спросил вдруг Мирослав, - отличаются ваши города? Или похожи?

От неожиданности Ромашка не сразу сообразила, что обращаются к ней.

- Мне кажется, - неуверенно произнесла она, - отличаются. И очень. У нас не так много нищих, по крайней мере, я их не видела. И все мы живем в квартирах, пусть маленьких, но в них есть все необходимое. У нас не бывает такого, чтобы люди умирали от голода, потому что у них нет денег - они могут питаться плохо, есть дешевую пищу, но голодными не останутся.

- В большом городе жить хорошо, - буркнул Димка из-за спины Тура.

- Я не сказала, что это хорошо, - заметила Ромашка. - Да, наверное, может показаться, что мы должны быть всем довольны, раз у нас есть и еда, и жилье, но на самом деле... Нас отгородили от всего мира высокой стеной, от нас закрыли информацию о том, что находится за пределами города, сделали все, чтобы люди сами ничем не интересовались, ни к чему не стремились. У меня были знакомые, которым неинтересно было, что находится за стеной или как выглядит Земля после Каменного Дождя, но зато они точно знали, в каком фирменном магазине сейчас распродажа и... - Ромашка смущенно замолчала, подумав вдруг, что как-то уж слишком смело принялась осуждать свою прошлую жизнь. Увидев, что на нее смотрят, с интересом ожидая продолжения, девушка тихо сказала: - Сейчас я словно смотрю со стороны на то, что раньше окружало меня, а ведь всего несколько дней назад я жила себе преспокойно в городе за стеной и не так уж часто задумывалась о том, что что-то в этой жизни неправильно.

- Но ты же ушла из города, - сказал Тур. - Почему?

Девушка пожала плечами:

- Мне просто было любопытно. И к тому же Мирослав сказал, что в городе мне оставаться нельзя.

- Полиция? - в голосе Тура звучало понимание.

Девушка кивнула.

- Да.

- Его тоже искала полиция, - Тур посмотрел на Димку. - Он помог мне спрятаться, а потом нашел одежду, чтобы я выглядел так же, как и все местные. Если б не он, меня бы сразу сцапали... Эх! - Тур сокрушенно покачал головой. - До сих пор злюсь на себя за неосторожность! Я так глупо вел себя в первые дни, что едва не попался.

- Но все-таки не попался, - заключил Мирослав.

- Еще чуть-чуть и я провалил бы задание, - не унимался Тур. - И что тогда? Вот, еле ноги унес, и то... подстрелили. Совсем уж глупо получилось.

Мирослав улыбнулся, а потом Ромашка услышала его тихий смех.

- Смейся, умник, смейся, - обиженно проворчал Тур.

- Я не над тобой смеюсь, Тур, - сказал Мирослав. - Я просто подумал, что уж если ты так ругаешь себя, то что скажешь обо мне? Я-то, в отличие от тебя, все-таки попался, и даже просидел у них почти два месяца. И, - он виновато вздохнул и добавил тихо, - и Ромашку не уберег...

Тур удивленно посмотрел сначала на друга, потом на девушку, и даже Димка с нескрываемым любопытством теперь глазел на Ромашку.

- Я сама виновата, - объяснила Ромашка, - они просто увидели мои рисунки. Мирослав мне рассказывал много, и я, по-глупости, нарисовала...

Тур что-то пробормотал себе под нос и насупился. Некоторое время все молчали, но было ясно, что молчание не продлится долго. Первым заговорил Тур.

- Это что ж, тебя из-за рисунков... в полицию? - удивленно спросил он.

- На рисунках было такое, о чем я могла узнать только от Мирослава. Вот они и поняли, что я его знаю.

- И что же?

- Пытали, - вдруг подал голос Димка.

- Что?

- Били, пока она им все не сказала, - объяснил мальчик.

При этих словах вздрогнул даже Мирослав. Под взглядами трех пар внимательных глаз, Димка опустил голову.

- У нас всегда так делают, - пробормотал он. - Кого просто бьют, кому ухо отрежут или палец... У меня вон дядька два раза сидел, и у него двух пальцев нет.

Теперь ужас отразился даже на лице Ромашки - как же она, оказывается, дешево отделалась!

- Так то... - Тур беспомощно развел руками, - а это... это девушка ведь...

Ромашке на миг показалось, что Димка сейчас сообщит еще что-нибудь столь же жестокое, что могли сделать с девушкой, но мальчик промолчал. Он опустил голову, ссутулился, и девушке стало его жалко - ведь правду говорит, и не его вина в том, что люди, живущие буквально в другом мире, не понимают и никогда, наверное, не смогут понять будничности и привычности всего того, о чем говорит Димка.

- Никто меня не бил, - поспешила успокоить всех Ромашка. - Узнали быстренько все, что хотели, и в психушку упрятали.

- Куда?

Наверное, в приморском городе не было психиатрической лечебницы, а кандидатов на заключение в клинику либо переправляли в большой город, либо и вовсе предпочитали с ними не возиться. Пришлось Мирославу объяснять другу, что такое психушка, а заодно и рассказать ему в двух словах, без подробностей, как Ромашку оттуда вызволяли, после чего Тур долго еще молчал, обдумывая услышанное.

На обед Мирослав с Димкой наловили рыбы - благо снасти, леска да крючки, у мальчишки, промышляющего рыбалкой с малолетства, всегда были с собой. В это время подразумевалось, что Тур с Ромашкой будут эту рыбу чистить, но дело застопорилось. Ромашка, первый раз взявшая в руки рыбу, не просто неочищенную, а к тому же живую, абсолютно не представляла, что с ней делать дальше. К тому же рыба была такой красивой, блестящей, так жалобно приоткрывала рот, что девушке стало жаль ее. Рыба словно просилась обратно, в воду. Выпустить ее Ромашка не решилась, хотя и очень хотелось, - все-таки люди старались, ловили. Глядя на девушку, Тур тоже перестал

чистить рыбу, и так получилось, что Ромашка удивленно таращилась на серебристую рыбину, дергавшуюся в ее руке, а Тур - на Ромашку.

- Ты что, первый раз видишь рыбу? - спросил он.

Девушка кивнула. Она не стала объяснять, что очень многое видит впервые.

Рыбина таки вырвалась из Ромашкиных рук и упала в траву. Тур успел рыбу перехватить и быстро очистил ее от чешуи, распорол живот и выпотрошил.

- Мы же ее для еды поймали, - объяснил он девушке. - Для еды можно, это правильно.

Но Ромашка не слушала. Ей вдруг стало очень нехорошо, и девушка неожиданно сорвалась с места и убежала в лес. А когда вернулась, вид у нее был очень виноватый.

- Научи, - тихо попросила она, присаживаясь на траву подле Тура.

Димка и Мирослав уже закончили рыбачить, и теперь, стоя чуть поодаль, смотрели, как Ромашка учится. Получалось у девушки из рук вон плохо, все больше потому, что ей до сих пор было очень не по себе. Тур оказался на удивление терпеливым учителем, несмотря на то, что девушка, не умеющая чистить рыбу, была для него явлением из ряда вон выходящим. Он показывал Ромашке как правильно счищать чешую, как выпотрошить внутренности, и девушка, закусив губу, старалась делать все так, как надо. И все же Ромашка очень обрадовалась, что рыбин для чистки осталось совсем мало. А еще она немного завидовала Димке, который смотрел на нее с легким презрением - оказывается, в его городе все знали, что такое рыба, умели ее ловить, чистить и готовить. На окраинах приморского города еще остались речушки и озера, правда рыбы в них почти не было, и на самом деле ребятня чаще рыбачила в ставках, которые недостаточно бдительно охранялись владельцами рыбных заводов.

После обеда Ромашка, с удовольствием поев жареной рыбы, уже привычно легла на траву, подложив под голову руки. Ей безумно нравилось лежать вот так и смотреть вверх, а потом зажмуриться и слушать, слушать... Лес шумел, и это было приятно. Ромашка сама не заметила, как задремала, и ей снова приснилось море - светлое, ласковое.

Девушка проснулась от легкого прикосновения руки, открыла глаза и увидела над собой Мирослава.

- Пора идти, - сказал он.

Ромашка вздохнула, потянулась, оглянулась на Димку и Тура, которые были уже готовы отправиться дальше, и нехотя встала.

Горы все приближались и приближались, и вот встали перед путниками во всем своем великолепии, грозные и величественные, да только вблизи Рубежный хребет уже не казался таким неприступным. Явственно был виден и удобный путь к перевалу, и то, что карабкаться по отвесным скалам путникам точно не придется. Ромашка все еще с содроганием думала о том, на какую высоту им придется забраться. Она привыкла к высотным зданиям, и, пожалуй, не слишком боялась высоты, но... Но в городе небоскребы были сплошь и рядом, а горы располагались посреди простора, и казались намного выше всех зданий города. К тому же, подниматься придется не на лифте, а на своих двух, да еще и не будет вокруг ни стен, ни перил.

Заночевали в пещере у подножья Рубежного. До этого приходилось спать в землянках, вырытых совместно Мирославом и Димкой - Туру пока не разрешали брать лопатку: его нога все еще болела, - и пещерка эта по сравнению с тесными норами показалась Ромашке просторной и очень уютной. Она улеглась под стенку, как всегда, завернувшись в одеяло - Ромашка уже успела уяснить себе, что на ее одеяло никто не посягнет по той простой причине, что она - девушка, и хотя до сих пор ей это было в диковинку, Ромашка чувствовала, что спорить не стоит. Тем более что в одеяле было куда уютнее и удобнее, чем на голой земле. Да и теплее.

Свернувшись калачиком, девушка сладко зевнула и подумала о том, что завтрашний день принесет ей новые впечатления, да такие, о которых еще неделю назад она не могла и подумать. Странно, ведь совсем недавно она жила в городе за высокой стеной, ничего не зная о том, что находится снаружи, и так ничего никогда не узнала бы, если б совершенно случайно в бесконечных лабиринтах улиц не встретился ей чужак по имени Мирослав. Ромашка даже вздрогнула при мысли о том, что могла в тот день задержаться или пойти другой дорогой, и тогда на ступенях больницы не увидела бы раненного человека, так искренне удивленного тем, что ему не захотели помочь.

Ночь была изумительно тихая, и хотя неподалеку над лесом не раз пролетали вертолеты, приближаться к хребту без особой необходимости пилоты не рисковали. Сегодня путешественники спали совершенно спокойно, только Ромашке отчего-то долго не спалось. Девушка думала о городе, который теперь был очень-очень далеко, о маме и папе, о бабушке, которую совершенно не помнила, о тетушке Полиане, о Дельфине, об Артуре и Алеке, и даже о Рысе. А потом, повернувшись на бок, девушка разглядела в темноте спокойное лицо спящего Мирослава. Он лежал, чуть повернувшись на бок, положив под голову руку. Ромашка долго смотрела на него, сонно улыбаясь собственным мыслям. Многие, если, конечно, не все молодые девушки с детства надеются встретить однажды мужчину своей мечты, вот и Ромашка надеялась, правда она никогда не знала, как будет выглядеть этот человек-мечта, а случилось встретить - и не узнала. Теперь девушка была благодарна судьбе за то, что та подарила ей, непутевой, еще одну встречу с ним, а потом еще и еще, и что теперь этот человек рядом, надолго или нет - но рядом. Человек, отличающийся от всех, кого она когда-либо знала, человек, показавший ей мир. Человек, который стал для нее, Ромашки, сбывшейся мечтой.

Подъем поначалу показался девушке неожиданно легким, и Ромашка довольно быстро пошла вперед, воодушевляемая любопытством и стремлением поскорее достичь вершины. Если б девушка сейчас могла видеть себя со стороны, она, быть может, и догадалась бы, что ни толстой, ни уродливой ее на самом деле назвать нельзя - ладная фигурка, крепкие ноги, бедра, подчеркнутые повязанной вокруг них спортивной курточкой - нет, не красавица, конечно, но вполне миловидная. Да только в родном городе никто бы не назвал Ромашку даже симпатичной, и поэтому девушка всегда считала, что с внешностью ей очень и очень не повезло. Размышления о собственной внешности часто портили ей настроение, но, как ни странно, после побега из города подобные мысли к ней почти не приходили.

Накануне Мирослав долго лечил ногу Тура, и сегодня богатырь почти не хромал. Упрямо отказываясь от помощи, он шел по склону, опираясь на сучковатую палку. Димка, в котором любопытства было не

меньше, чем у Ромашки, старался не забегать намного вперед, а если уж случалось такое - останавливался и ждал. Кустарник, обильно произраставший у подножия, постепенно редел и вскоре остался позади, а путники двигались все выше и выше, направляясь к перевалу, где по более-менее пологому склону можно было перейти Рубежный хребет. Там их уже не достанут патрульные вертолеты, и можно будет идти, не прячась и не озираясь по сторонам, поминутно глядя - не появились ли в небе продолговатые туши бесшумных летунов.

Перед подъемом Мирослав предупредил, что их, скорее всего, заметят на склоне. Так и случилось. Прошло не более двадцати минут с начала подъема, как Мирослав остановился и обернулся назад, настороженно глядя в небо. Девушка тоже остановилась, но Тур помахал ей рукой, советуя продолжать путь. Немного выше того места, где сейчас находилась Ромашка, на склоне возвышались каменные валуны, а среди них даже одна темная глыба - осколок упавшего с неба камня. За этими валунами можно было бы спрятаться в том случае, если патрульные начнут стрелять, но все надеялись, что до этого не дойдет.

Вертолеты приближались очень быстро. Их было всего два, и первый, подлетев на достаточное расстояние, дал очередь. Ромашка тут же прыгнула за камень, и с облегчением увидела, что за соседним валуном присел, согнувшись, Тур, а рядом с ним и Димка. Мирослава Ромашка заметила не сразу. Он совсем уж неосторожно выглядывал из служившей ему укрытием небольшой ниши, непрерывно глядя на один из вертолетов. Стрелять перестали, но ненадолго. Пауза продолжалась ровно столько, сколько потребовалось, чтобы первый пилот сообщил напарнику о странном голосе, вроде приказывавшем прекратить огонь и вернуться на базу, а второй пилот, обругав первого, обвинил его в трусости, а напоследок припомнил, что чужаки - телепаты хреновы - могут еще и не такое внушить. И стрельба возобновилась. Мирослав успел спрятаться, но у его плеча под выстрелами крошилась мягкая порода, и Ромашка видела, что еще немного - ниша обвалится, и тогда Мирославу ничто не поможет. Под пулями он вряд ли успеет добраться до другого укрытия.

Правда сам Мирослав об этом, кажется, не думал. Он предпринял еще одну попытку, на этот раз не пытаясь приказывать, а лишь

предупреждая пилота об опасности. Его снова не послушали. То ли пилоту не сообщили об особенностях Рубежного хребта, то ли тот просто не поверил или захотел испытать это на собственной шкуре, но патрульные, видя, что со своей позиции не достанут всех спрятавшихся на склоне беглецов, подлетели еще немного ближе.

Ромашка удивилась, когда один из вертолетов перестал стрелять, и лишь поэтому решилась осторожно выглянуть. В тот же момент выстрелы и вовсе смолки. Обе машины падали неестественно медленно, словно нехотя, и в тот момент, когда длинные лопасти первого вертолета коснулись земли, девушка вновь спряталась за камень и зажмурилась. Ужасающий грохот и скрежет, многократно повторенный эхом, на мгновение оглушил Ромашку, и она сжалась испуганно: ей показалось, что вот-вот на голову повалятся и камни и металлические обломки огромных летающих машин. А еще она ожидала взрыва, но его не последовало.

Когда девушка вновь выглянула из-за камня, то увидела внизу, там, где они начинали подъем, две искореженные металлические туши с уродливо торчащими, неподвижно застывшими лопастями. По зеленому склону к ним очень быстро спускался Мирослав.

- Стой! - крикнула Ромашка. - Он может взорваться!

Мирослав обернулся и качнул головой: нет, мол, не взорвется. Тогда Ромашка бросилась следом.

Почти полчаса подъема - и вот опять все придется начинать сначала. Девушка не думала об этом, спускаясь к упавшим вертолетам, но подумал Мирослав и, услышав за спиной ее шаги, крикнул Туру, чтобы тот оставался на месте - незачем ему перетруждать больную ногу и два раза проходить один и тот же путь.

Вскоре Мирослав оказался возле упавшей машины. Подоспевшая Ромашка увидела, как он открывает дверь кабины первого вертолета, потом прикрывает ее, идет к следующему.

- Что там? - спросила девушка.

- Ему мы не поможем, - ответил Мирослав.

Второй вертолет упал метрах в ста от первого. У Мирослава не сразу получилось открыть дверцу, и пришлось несколько раз с силой дернуть ее на себя, пока заклинивший механизм поддался. Второго пилота Мирослав вытащил наружу и положил на траву. Пилот был еще жив, и хотя тяжелые ранения причиняли ему боль, сразу потянулся к

пистолету. Ромашка заметила это - она почему-то как раз ожидала подобного, и перехватила руку пилота, а потом вытащила из кобуры оружие. Держать пистолет в руках оказалось очень неприятно, поэтому девушка аккуратно положила его в сторонке, так, чтобы раненый никак не мог до него дотянуться.

- Я думаю, он выживет, - сказал Мирослав. - Ромашка, посмотри, работает ли связь, и если да - передай, пожалуйста, на базу, пусть прилетят и заберут своего человека.

Если Ромашка и удивилась подобной просьбе, то не слишком - Мирослав все-таки был совершенно особенным человеком. Но про себя девушка подумала, что это уже перебор: их только что обстреляли с вертолетов, пытались убить, а теперь Мирослав сам успокаивает боль раненного пилота, а ее, Ромашку, просит еще и вызвать для пилота помощь. Хотя... "Это ведь всего лишь солдат, выполнявший приказ. Разве он - настоящий враг?" Размышляя таким образом, девушка заглянула в кабину, потом заползла в нее, внимательно разглядывая всевозможные приборчики и непонятные устройства. Первой ее мыслью было поискать шлем - на пилоте его не было: наверное, Мирослав снял, когда вытаскивал раненого из кабины. Найти шлем оказалось совсем не сложно. Девушка подкатила его к себе и выволокла наружу. Из динамиков доносилось легкое, едва слышное шипение и треск. Ромашка наклонилась к микрофону.

- Меня кто-нибудь слышит?

Ответа не последовало.

- Не знаю, слышите вы меня или нет, - сказала тогда Ромашка, - но ваши вертолеты упали. Один пилот погиб, другой жив, но ранен. Ему срочно нужна помощь. Координаты вам, наверное, известны, но на всякий случай - это возле Рубежного хребта. Короче, сверху вы быстро найдете. Ну, все. - Ромашка немного подумала и добавила: - Конец связи.

Глава 14

Подъем показался Ромашке бесконечным, благо солнце еще не вышло в зенит, и тень Рубежного хребта почти две трети подъема скрывала путешественников от палящих лучей. Ромашка уже забыла о том, что собиралась глядеть по сторонам и наслаждаться открывающимися с высоты видами - ее взгляд теперь был устремлен только вперед, туда, куда в следующий миг девушка ставила ногу. Во время редких и коротких остановок Ромашка позволяла себе чуточку поднять глаза, и каждый раз ей казалось, что до верха осталось совсем немножко. И каждый раз, пройдя это "немножко", Ромашка думала, что сейчас ляжет на камни и больше не сдвинется с места, потому что подъем все не заканчивался и не заканчивался. "Вот пройду еще чуть-чуть, и все" - стучало у нее в голове, когда девушка делала новый шаг, но вместо того, чтобы упасть, Ромашка шла дальше.

Как Мирослав обогнал ее - девушка не заметила, но в тот момент, когда Ромашка остановилась для секундной передышки, она вдруг увидела Мирослава неподалеку, а в следующую секунду сообразила, что подъем окончен и, разогнувшись, поглядела назад.

Весь пройденный за последние двое суток путь лежал как на ладони - лес, речка, озерцо, в котором Мирослав с Димкой ловили рыбу - путь такой невероятно длинный, что Ромашка даже не поверила поначалу: неужели они и правда столько прошли? Потом девушка подумала, что на самом деле прошли они намного больше, просто не все видно отсюда. Где-то вдалеке, на северо-западе, возвышались пологие холмы с круглыми спинами, и Ромашка узнала в них те, которые видела во время полета на параплане. Значит там, за холмами, очень-очень далеко, находился ее город. Ее родной город. Девушка вздохнула и отвернулась. Теперь впереди был небольшой лес с маленькими круглыми сосенками, и вглубь леса вела еле заметная тропка, которая спускалась в небольшую балку и уходила через лесок на ту сторону, на противоположный склон Рубежного хребта. Ромашка почему-то думала, что горы плоские словно гребень, и, забравшись

наверх, она сразу увидит, что находится с другой стороны, но не тут-то было.

Мирослав предложил сделать привал. Туру необходим был отдых: хотя сам богатырь и не устал, нога его ныла, и Мирослав занялся лечением. Ромашка сняла с плеч рюкзак, подошла к краю и села на камень - открывающийся отсюда вид стоил того, чтобы им любоваться, и Ромашка разглядывала все до подробностей, словно карту. От созерцания ее отвлекли четыре темные точки, стремительно приближающиеся по небу из-за холмов.

- Кажется, вертолеты, - сказала она.

- Давайте спрячемся под деревья, - предложил Мирослав.

- Но ведь они не смогут сюда долететь, правда? - взволнованно спросила Ромашка.

- Правда, - ответил Мирослав, - но, во-первых, они могут попытаться обстрелять нас, а во-вторых... не хочу, чтобы они тоже упали. Хотя те два, внизу, должны послужить им хорошим предупреждением.

Путники перебрались под прикрытие деревьев и наблюдали, как вертолеты покружили некоторое время, действительно не приближаясь на опасно близкое расстояние к горам, а потом обстреляли обломки у подножия.

- Зачем это? - удивился вслух Мирослав, и Ромашка подумала, что в этот момент он наверняка беспокоится, как бы раненого пилота не зацепили.

- Наверное, решили, что мы сидим в засаде и ждем, пока они придут за своим раненым, - предположила девушка.

Мирослав и Тур уставились на нее не то с изумлением, не то с недоверием, только Димка не удивился - он-то знал, что Ромашка, скорее всего, права.

Один из прилетевших вертолетов был намного больше патрульных, и кроме пилота в нем находилось еще человек десять. Мирослав не позволил Ромашке вылезать из-под ветвей, чтобы понаблюдать, как спустятся десантники, и как они будут забирать раненого. Девушка послушалась, но в этот момент ей в голову пришла очень неприятная мысль, которую Ромашка тут же озвучила:

- А разве не могут солдаты погнаться за нами? Не на вертолетах, а пешком, так же, как мы.

Мирослав усмехнулся одним уголком губ.

- Как ни странно - нет, не могут, - ответил он. - У них ведь все снаряжение буквально напичкано электроникой. Заглохнет радио, перестанет работать электронный компас и прочие необходимые на их взгляд приборы. Так что, Ромашка, они за нами не погонятся. К тому же они ведь не знают - вдруг нас здесь много? А разведать с воздуха, опять же, не могут. А еще здесь неподалеку наши патрули, так что солдат все равно не пропустят.

Вертолеты улетели обратно в город где-то через минут пятнадцать-двадцать, и Ромашка, наконец, успокоилась. Она снова выбралась на камень ближе к краю и молча жевала остатки жареной рыбы. Внезапно прямо перед ее лицом появился цветок на тонком стебельке - яркий, похожий на солнышко, с желтеньким нутрышком в обрамлении ослепительно белых лепестков.

- Узнаешь? - спросил Мирослав.

Девушка повернула голову и с недоумением посмотрела на него. Мирослав присел рядом и передал цветок ей.

- Это ромашка, - сказал он.

- Да?

Пальцы Ромашки осторожно взяли тонкий стебелек. Девушка удивленно смотрела на цветок, потом понюхала, ощутив терпковатый травянистый запах.

- Сейчас мне следовало бы спросить: неужели ты никогда не видела ромашек? - Мирослав весело улыбнулся. - Но я не буду спрашивать, я и так знаю ответ.

Он поднялся и протянул девушке руку.

- Пойдем!

Сначала Ромашка подумала, что пора отправляться дальше в путь, но Тур и Димка все еще сидели в тени дерева неподалеку, а Мирослав повел Ромашку немного в сторону от тропинки. Ряд пушистых сосенок преградил им путь, и пришлось наклониться, чтобы нырнуть под колючие ветви. Выбравшись вслед за Мирославом, девушка выпрямилась и замерла с приоткрытым ртом и широко распахнутыми глазами.

Поляна, окруженная темной хвоей, вся была усыпана бело-желтыми цветами. Несметное множество ромашек легонько покачивалось под теплым летним ветерком на высоких тонких стеблях. Девушка шагнула вперед, и цветы теперь были всюду - стоило лишь протянуть руку.

Девушка не нашла таких слов, которыми смогла бы выразить свой восторг, и обернулась к Мирославу с благодарной улыбкой. Ромашковое море закрывало ее по пояс, и девушка боялась ступить, чтобы не помять ненароком цветы. Она долго стояла и просто смотрела вокруг, потом очень осторожно вернулась к сосенкам.

- Это самое красивое, что я когда-либо видела, - прошептала девушка.

Мирослав улыбался. Он, конечно, мог бы сказать, что Ромашка в своей жизни практически ничего еще не видела, но он этого не сказал.

Задумчиво прокручивая в пальцах стебелек, Ромашка шла по тропинке вниз, впереди был Мирослав, Тур с Димкой замыкали шествие. Путникам предстояло спуститься в небольшую балку, затем снова подняться вверх, и уже оттуда начать спуск с Рубежного хребта. Ромашка больше не чувствовала усталости, только досаждали немного лямки рюкзака, натиравшие ей плечи. Можно было пожаловаться, попросить Мирослава подлечить ее, но сейчас важнее было вылечить Тура, и девушка не хотела, чтобы Мирослав тратил силы на нее, да и, честно говоря, стеснялась.

Вскоре до слуха Ромашки донеслось звонкое журчание, а потом она увидела и сам ручеек, весело струящийся меж отполированных камней. Мирослав подошел к нему, скинул рюкзак, наклонился и зачерпнул воду руками. К удивлению Ромашки, он выпил ее с явным удовольствием, затем зачерпнул еще.

Конечно, им приходилось в походе пить из встречных рек, но Мирослав каждый раз хмурился и говорил, что вода невкусная. Однако запас питьевой воды во флягах был небольшим, и иногда Мирослав разрешал Ромашке сделать глоток из речки. Но та вода девушке не нравилась - она действительно была невкусной. Потому-то Ромашка и удивилась. Положив свой рюкзак на траву, девушка подошла к ручью.

- Вкусная? - поинтересовалась она.

- Попробуй.

Ромашка попробовала. Действительно, вода оказалась очень вкусной и чистой. Девушка умылась и окунула в воду руки почти до самых плеч.

- В горных речках вода всегда особенно вкусная, - сказал Тур, присаживаясь на корточки рядом с Ромашкой. - Надо бы фляги наполнить. Димка, а ну-ка, давай их сюда!

Димка принес две небольшие фляги и подал Туру. Пока тот набирал в них свежую воду, Мирослав огляделся по сторонам и потащил куда-то свой параплан. Несколько минут спустя он показался из-за каменистого выступа уже с пустыми руками, Тур встал на ноги и перекинул через плечо ремень сумки. Следуя его примеру, Ромашка тоже поднялась, закинула на плечи рюкзак, поморщившись, когда растертых плеч коснулись жестковатые лямки. Чуть ниже того места, где она стояла, ручеек падал с высоты метров четырех в широкую каменную чашу размером почти с комнату в Ромашкиной квартире. Сквозь прозрачную воду хорошо было видно дно, лишь у самого водопадика покрытое темным слоем ила. "Искупаться бы" - подумала Ромашка, но надо было идти дальше, и девушка с сожалением поглядела, как маняще искрится под солнцем приятная, прохладная вода.

- Давай рюкзак мне, - услышала она за спиной голос Мирослава. - Теперь пойдешь налегке.

Ромашка не стала возражать, но когда она сняла лямки с плеч, Мирослав вдруг наклонился и спросил тихо:

- Ты почему молчала?

- Что? - Ромашка не сразу заметила, что плечико майки съехало чуть набок, и теперь Мирославу прекрасно видно покрасневшую от лямок кожу.

Под укоризненным взглядом Мирослава Ромашка опустила голову, но смущение прошло быстро, потому что идти налегке было куда приятнее.

После небольшого подъема путники вышли на восточный склон. Перед ними до высившихся на горизонте гор простирался лес, намного более пышный и густой, чем тот, что остался с западной стороны. Блестящая лента реки поблескивала в розоватых лучах клонящегося к западу солнца, а вдали виднелся почти правильный круг лесного озера.

Но, самое удивительное: почти у подножья гор среди леса виднелись крыши домов. Домики были совсем маленькие - всего один этаж - такие Ромашка видела только на картинах и даже приблизительно представляла себе, как они должны выглядеть вблизи, но домиков было немного, и это озадачило девушку.

- Вы здесь живете? - неуверенно спросила она.

- Нет, - пробасил Тур. - До наших мест еще идти дня два-три, не меньше, во-о-он за те горы, что на горизонте!

- А тут тогда что?..

- А это, Ромашка, - ответил Мирослав, - по-видимому, тот самый хутор, о котором ты мне говорила.

Девушка недоверчиво посмотрела на него, а потом взгляд ее снова устремился туда, где виднелись прямоугольники крыш. Сейчас Ромашка могла даже различить фигурки людей, кажущиеся издалека неестественно маленькими и хрупкими. Хутор жил своей жизнью, не подозревая о четверых наблюдателях, которые смотрели на него сверху. "Возможно, - подумала Ромашка, - у меня там даже есть родственники".

- А мы пойдем туда?

- Почему бы и нет? По-моему, эта дорожка нас как раз туда и выведет. - Мирослав поправил лямки рюкзака на плечах и первым зашагал по тропинке.

Густые сумерки окутали лес, принявший под свою сень спустившихся с гор путников. Воздух, - пьяняще чистый воздух, напоенный ароматами лета, от которого у Ромашки еще с утра немного кружилась голова, - звенел трелями вечерних птиц и громким, почти перекрывающим все остальные звуки, стрекотом сверчков. Ромашка слушала. Такого она не слышала по другую сторону гор, но на этот раз не испугалась незнакомого звука.

Сквозь вечерний лесной концерт стали долетать другие звуки - голоса людей, мычание коров и негромкое пение свирели.

- Там люди, - прошептала Ромашка, обращаясь скорее к самой себе. Было что-то странное в том, что люди могут жить вот так - просто посреди леса, а не в городе, жить, ни от кого не отгораживаясь, не знать ни метро, ни больших магазинов, ни асфальтированных улиц.

Лес расступился, и путники вышли к домам. Свирель умолкла. Хуторяне в светлых рубахах с яркими вышивками собирались вокруг вышедших из леса людей. Мужчины - в темных широких штанах, женщины - в ярких юбках с узорами по подолу, ребятня в длинных сорочках до колен - все вышли на небольшой пятачок утоптанной земли, окруженный деревянными домами.

- Здравствуйте, добрые люди, - Мирослав обвел взглядом собравшихся и безошибочно определил старосту - высокого усатого дядьку с косматыми бровями.

- И вам поздорову, - ответил староста. - Далеко ли путь держите?

- Мы идем от приморья и держим путь в Долину Ручьев.

- Так вы из тех выселков, что подчиняются Совету Старейшин? - староста покрутил пышный ус. - А одеты не по-тамошнему.

- Мы долго жили в городе, - пояснил Мирослав.

Староста кивнул. Неизвестно, поверил он или нет, но у пришельцев вроде не было оружия, по крайней мере, у поясов, а проверять в котомках никто не станет - виданное ли дело гостей обыскивать на пороге?

- Что ж, тогда будьте нашими гостями, - староста сделал приглашающий жест, и путники пошли следом за ним.

По обычаю староста провел гостей в свой дом, выделил им место для ночлега на широких лавках у печи. Рад ли был на самом деле староста гостям - невозможно было понять, да только услышав в доме детский плач, Мирослав подумал, что верно у старосты не так давно ребенок родился, и чужие люди в доме ну никак нежелательны. Поэтому, улучив минутку, Мирослав сообщил, что назавтра они пойдут дальше. Староста не подал виду, но Ромашке показалось, что новость он воспринял с радостным облегчением. Сначала девушка наблюдала за всем происходящим, одновременно разглядывая просторное помещение, печь у стены, стол и лавки, шкафчик с посудой, а потом, когда они вышли из дома на общий двор, Ромашка вспомнила, что вполне возможно кто-нибудь из здешних помнит ее бабушку.

Вечером молодежь собиралась на посиделки, а сегодня и вовсе разложили костер посреди двора - чтобы светло было - и пустились в пляс. К свирели присоединились гусли да бубенцы, а молодые девушки весело кружились под музыку, смеялись и пели. Парни

озорливо поглядывали на них, и Ромашка вдруг подумала - а ведь любуются. Смотрят кто на избранницу свою, кто еще только выбирает, присматривается - которая из девушек изящней, подвижней да веселей. А девушки-то ведь... Ромашка только сейчас заметила, что девушки совсем на городских не похожи, да не только фигурой и одеждой, а всем - и блеском глаз, и разговором, и поведением, и каким-то очень далеким и непонятным для всех городских ощущением настоящей свободы. "Живут ведь как - лес кругом, ни забора, ни ограды, - подумала Ромашка, - только вон... как его?.. плетень. Да хлипкий ведь, такой и я перескочу в два счета. И не боятся же! И никто, наверное, не шарахается от каждой тени, как я, когда по Кольцевой к дому иду."

Одна из девушек вышла на середину круга, и все расступились, освобождая ей место. Девушка хлопнула в ладоши и под задорную музыку закружилась-завертелась, только ноги мелькают да платок пестрый, словно крыло бабочки, порхает и порхает. Ромашка, сидя на толстом бревне у края площадки, заворожено смотрела на этот танец, не в силах ни на минуту оторваться. А темнокосая хуторянка вышла точно на центр двора, развернула платок, раскинула руки в стороны и принялась вращаться быстро-быстро. Кто-то захлопал в ладоши, со скамьи, где сидели мужчины, раздались одобрительные возгласы, молодые парни же хлопали громче и громче, и танцовщица остановилась: резко, словно враз оледенела, потом поклонилась легонько и, смеясь, довольная и разрумяненная, побежала к подружкам.

Девичий смех не умолкал и стал лишь еще звонче, когда к девушкам подошли ребята. Вновь заиграли гусли, ударили бубенцы, и девушки вышли плясать вместе с парнями. Ромашка с улыбкой наблюдала за ними, когда неожиданно услышала незнакомый голос:

- Пойдем танцевать, красавица!

Перед ней стоял парень красивый, темноволосый, глаза озорно поблескивают. И Ромашка испугалась. Сначала она мотнула головой, потом смогла выдавить из себя:

- Нет. Я не пойду.

На лице парня отразилось сожаление, он еще миг смотрел в глаза растерявшейся Ромашке, потом повернулся и пошел к остальным.

- Чего ж ты танцевать-то не пошла?

Ромашка и не заметила, как Тур присел рядом с нею.

- Не умею, - просто ответила Ромашка.

- Как так? - удивился Тур.

- Так, - девушке отчего-то стало совсем грустно: ничего-то она не умеет - ни плавать, ни рыбу чистить, ни танцевать... А сколько еще умений таких, о которых она пока еще ничего не знает, а вот придет время - и снова ей, неумехе, отчего-то будет стыдно! "Как странно, - Ромашка вздохнула, - в городе я была как чужая, да и здесь, наверное, не приживусь".

- Танцевать все девушки умеют, иначе не бывает, - сказал Тур. - Кто-то лучше, кто-то, может, хуже. Так что ты не бойся, иди. А-то сидишь вон какая грустная.

Ромашка отрицательно покачала головой.

- Интересно, а чего я еще не умею? - прошептала она, и спохватилась, что уж совсем не к месту принялась себя жалеть: мало того, что себе праздник испортит, так еще и другим.

Тур сочувственно посмотрел на грустную Ромашку, потом на танцующую молодежь - и снова на Ромашку. Чуть наклонившись, так, чтобы хорошо видеть ее лицо, он сказал:

- Расскажи мне о своем городе, Ромашка.

И Ромашка начала рассказывать, пытаясь вспомнить что-нибудь хорошее, чтобы хоть как-то скрасить впечатление Тура о городах.

- Город очень большой. Такой большой, что пересечь его пешком невозможно... - девушка запнулась, вспомнив, сколько она прошла пешком за последние несколько дней. - Вернее можно, конечно, но дня за два, не меньше, а может и за один, только если идти с раннего утра до позднего вечера, не останавливаясь. И дома в нашем городе такие высокие, как эти горы, а может даже и еще выше. В центре города дома самые красивые, блестящие, как большие разноцветные зеркала, а еще там, в центре, есть парк, в котором много разных аттракционов.

Ромашка подумала, что на аттракционах каталась всего-то пару раз, когда брат ее был жив и водил туда свою маленькую сестренку, и заключила:

- Там очень весело. И там есть деревья. Правда они очень худенькие... то есть тоненькие, потому что им, наверное, в городе не нравится, но они весной цветут. А еще в парке есть цветочные клумбы, и на них цветы все лето цветут, и даже весной и осенью, когда тепло. Там, в парке, есть еще маленький прудик, и зимой, когда становится

совсем холодно, вода на нем покрывается корочкой льда. Жаль только, что на этом льду почти не бывает узоров... Знаешь, Тур, я как-то видела на луже возле дома узор - там словно лес ледяной нарисован - красиво, просто слов нет! А еще... еще улицы у нас широкие и длинные. Вечером они очень красиво освещаются фонарями и по ним можно гулять, правда... - Ромашка снова замолчала, потом вздохнула и продолжила. - Правда гулять по улице вечером опасно, напасть могут, но если осторожно ходить и держаться подальше от арок темных и проулков, тогда могут и не напасть.

Ромашка опять вздохнула.

- Интересно рассказываешь, - сказал Тур, - только грустно. Неужто все, и правда, так плохо?

- Я вообще-то о хорошем рассказываю - заметила Ромашка, - вернее, стараюсь рассказывать.

- Ну, если это о хорошем... - протянул Тур, и вдруг хлопнул себя по лбу широкой ладонью. - Что-то я не то говорю, ты уж прости. Город - это твой дом, я понимаю. Просто как-то действительно очень грустно ты рассказываешь.

- А мне что-то больше грустное вспоминается, - девушка беспомощно пожала плечами. - Не знаю, отчего. Может потому, что последние воспоминания о городе у меня действительно не самые лучшие. Понимаешь, Тур, если б не Мирослав, меня бы еще полгода назад убили.

- Мирослав говорил, что это ты спасла ему жизнь, когда он был ранен, а его в лечебницу вашу даже не пустили.

"Больницу" - мысленно поправила его Ромашка, и вдруг странная мысль пришла ей в голову. То самое здание с зеленым крестом на вывеске иначе как больницей никто не называл, только вот "лечебница" - от слова "лечить", а "больница"? Ромашке на ум пришло только "боль".

- Спасла не я, а моя подруга, - ответила девушка. - Я его просто домой привела, а Дельфина рану зашивала. Я ей только немножко помогла. А вот Мирослав меня действительно спас сначала от бандитов, потом когда один парень хотел меня убить, и когда на мою подругу напали...

- Ничего себе! - раздался вдруг голос неизвестно откуда взявшегося Димки. - Это какой же надо быть глупой, чтобы на тебя

постоянно нападали.

Последнюю фразу он пробурчал себе под нос, но и Тур, и Ромашка его, конечно же, услышали, на что мальчик и рассчитывал.

- Ты чего такое говоришь! - строго обернулся к мальчишке Тур. Димка насупился, но ничего не ответил. Ромашка, которой очень не хотелось, чтобы из-за нее кто-нибудь ссорился, тронула Тура за плечо, тот резко обернулся и как-то странно посмотрел на Ромашкину руку, а потом и на саму Ромашку. Отчего-то смутившись, девушка руку убрала.

Димка насупился, и сидел теперь ссутулившись, глядя себе под ноги. Вероятно, мальчик внимательно прислушивался к ее разговору с Туром, и не без интереса, да только... Ромашка не сердилась на Димку, она его очень хорошо понимала. Мальчик просто ни с кем не хотел делить своего большого друга, абсолютно ни с кем. Наверное, у Димки никогда не было хорошего друга, или хорошего старшего брата, или хорошего отца, и для бедного мальчика из приморского городка Тур стал сбывшейся мечтой. Точно так же, как Мирослав для нее, для Ромашки.

Мирослав... Подумав о нем, Ромашка обернулась и только сейчас заметила, что он уже закончил беседовать со старостой и сидит неподалеку, задумчиво глядя на пляшущих девушек. Ромашка подперла кулачками подбородок и принялась вглядываться в лица хуторян, пытаясь отыскать в них знакомые черты, но что-то у Ромашки не получалось: бабушку она не помнила, а отец все-таки был наполовину сыном горожанина, невесть как забредшего на этот хутор. А уж как этот горожанин убедил бабушку уйти с ним?..

Мирослав вдруг повернулся.

- Как звали твою бабушку? - спросил он.

Староста, естественно, не мог знать женщину по имени Калина, покинувшую хутор задолго до его рождения, но вскоре отыскалась старушка, которая помнила Ромашкину бабушку. Помнила, правда, плохо - в далекой молодости она дружила с Цвитаной, и вот у этой ее подруги сестра была, которая, если старушка не ошибается, звалась Калиной.

- Я уж не помню, как оно было, - голос у старушки был сипловатый, а говорила она медленно, тяжело, часто ненадолго

умолкая. - Пришел из-за гор человек, пожил у нас... А потом ушел, и Калину с собой увел. После мы о ней ничего не слышали... да и не вспоминали.

- А сестра ее? - Ромашка очень волновалась, но в душе расцвела вдруг безумная надежда - ведь до сих пор живет здесь ее родня, значит не так уж она, Ромашка, и одинока на этом свете, значит, есть еще родная кровь.

- Цвитана? - прокряхтела старушка. - Цвитана тот год померла.

Староста тем временем позвал кого-то, и к ним подошел человек с темными усами и бородой, приземистый, широкий в плечах, в искусно вышитой рубахе и широких штанах из грубоватой ткани чернильного цвета.

- Вот, Ждан, вроде как родственница твоя.

Мужчина посмотрел на Ромашку, и в глазах его девушка прочла лишь недоверие и подозрительность.

- Родственница? Откуда?

- У матери твоей сестра была, так это ее внучка.

- Была сестра, - ответил Ждан. - Да только мать о ней не вспоминала, и дома никогда мы о ней не говорили. Знаю, что ушла она с хутора еще в молодости и назад не возвращалась. Семью забыла ради подсыла городского, от сестры своей отказалась. И вестей нам от нее не было. Все.

Он стоял, насупившись, уже не глядя на Ромашку, а словно бы ее не замечая. Кажется, он вообще ни на кого не глядел. А девушка чувствовала себя так, будто ее вдруг ударили по щеке, причем ударили обидно, унизительно, а ответить ей нечем. Она опустила глаза и смотрела теперь на ноги хуторянина, думая о том, что вот этот человек - ее двоюродный дядя, и что уж как ни сильно хотела она найти родственников на хуторе, а нашла - и не рада вовсе.

Мирослав обнял ее за плечи. Он стоял рядом, и Ромашка надеялась, что сейчас он ее уведет, потому что сама девушка отчего-то уйти не могла. Но Мирослав не двигался с места до тех пор, пока Ждан не ушел прочь, и лишь тогда, все еще придерживая девушку за плечи, повел ее куда-то.

Ромашка угрюмо смотрела вниз. Она слышала, как веселая музыка и девичий смех остались позади, но ей отчего-то было совсем неинтересно, куда ее ведут.

- Ты расстроилась, - услышала Ромашка тихий голос. - Прости, мне, наверное, не следовало начинать этот разговор, а сперва выяснить потихоньку: что да как.

Девушка покачала головой:

- Ты здесь ни при чем. Я бы сама принялась расспрашивать, так что... Какая разница, все равно услышала бы то же самое.

Наконец она все-таки подняла голову и увидела, что неподалеку, за деревьями, серебрится в лунном свете вода - они выходили к реке. Ветви расступились, пропуская их на берег, полого спускающийся вниз травянистым склоном. Мирослав первым сел на траву, Ромашка опустилась рядом с ним.

- Я только не пойму, почему... - прошептала она.

- Здесь к городским относятся очень неприязненно, - ответил Мирослав, - скорее всего, не без оснований. А людей на хуторе с каждым годом меньше - кто-то, бывает, уходит, как твоя бабушка, да только чаще к нам, в Долину Ручьев, а новые люди не приходят селиться. Может, поэтому они и считают твою бабушку предательницей.

Девушка неопределенно качнула головой.

- А ты хотела остаться здесь?

- Остаться? - удивилась Ромашка. - Нет. Я просто хотела найти родственников. Я-то думала... - она вздохнула. - Какая разница. Нет, значит нет.

Луна зависла где-то над лесом - ее Ромашка не видела, лишь отсветы плясали на воде и искрились, создавая неповторимое ощущение сказочности и уюта. Ромашка в который раз подумала, что никогда не видела такой красоты, и усмехнулась невесело: "Как же мало я видела в своей жизни! Сидела за высокой стеной и небо рисовала... Художницей себя мнила!"

- Давай, Ромашка, плечи твои посмотрю.

Девушка не успела возразить, а может и не захотела. Лунная рябь на реке успокаивала, убаюкивала, усыпляла, и Ромашке начинало казаться, что она спит и видит странный сон, а раз так... Девушка скинула с плеч курточку и, наклонив голову, прикрыла глаза. Прикосновения не последовало, но в том месте, где еще днем болела растертая кожа, Ромашка ощутила приятный холодок, а потом - тепло, не обжигающее, а мягкое, нежное. Раньше девушка полагала, что

вздумай Мирослав ее лечить, она просто не будет знать, куда деться от смущения, а вот теперь ей было приятно, очень приятно, и от этого пьянящего ощущения кружилась голова. Она сразу почувствовала, когда Мирослав убрал руки, но он по-прежнему был рядом, совсем-совсем рядом, и Ромашка не шевелилась, опасаясь нарушить идиллию.

Мирослав накинул курточку на ее плечи, Ромашка вздрогнула и повернулась.

- Уже поздно, - Мирослав протянул ей руку, - а завтра нам лучше выйти пораньше.

Девушка смотрела на протянутую руку разочарованно и даже обескуражено, но ее замешательство Мирослав истолковал по-своему.

- Да ты уже засыпаешь! Ох, Ромашка, Ромашка...

Он наклонился и поднял на руки совершенно этого не ожидавшую Ромашку, но девушка передумала сопротивляться, когда увидела совсем близко улыбающееся лицо Мирослава, и тут же зажмурилась.

- Так и быть, пока можешь поспать. Но староста обещал нам возможность выкупаться под теплым душем, и ради этого, думаю, ты захочешь ненадолго проснуться.

Перед самым хутором Ромашка все-таки попросила поставить ее на ноги, потому что не хотела ловить на себе полные любопытства взгляды хуторян. Возле дома старосты находился небольшой душ, похожий снаружи на сарайчик с огромной бочкой на крыше. Девушке вручили полотенце и мыло и отправили в этот самый сарайчик мыться. В это время Тур и Мирослав сидели на ступеньках дома, и звуки их негромкого разговора доносились до Ромашки, пока она раздевалась, аккуратно складывая свои вещи на табуреточку, потом девушка повернула кран, и из душа над ее головой полилась теплая вода, поначалу показавшаяся прохладной. Ромашка распустила давно не мытые волосы и, немного поколебавшись, намылила голову. Мыло пахло как-то очень странно и не слишком приятно - девушка так и не смогла понять, из чего же оно сделано, но от золотисто-коричневого отвара, которым хозяйка посоветовала сполоснуть волосы после мытья, запах исходил на удивление знакомый, и Ромашка вспомнила, что именно так пахли бело-желтые цветы на волшебной поляне в горах.

Рано утром, когда солнце еще только-только проснулось и едва осветило небо, четыре путника покинули хутор, взяв лишь немного хлеба на дорогу, сыра да печеных клубней. Ромашка даже подумала, что здесь живут очень неплохие люди, раз не только приютили незнакомцев, а еще и едой поделились, и решила впредь не обижаться на хуторян за то, что не признали ее своей.

Узенькая тропка шла напрямик через лес, то и дело выводя путешественников к изгибу петляющей в долине реки. Живописные берега так и манили прилечь на мягкую траву и отдохнуть часок-другой, тем более что теперь можно было не опасаться больше ни вертолетов, ни погони, но Тур и Мирослав спешили поскорее добраться домой, и Ромашка прекрасно их понимала. Димка же все мрачнел и мрачнел: скорее всего, мальчик боялся, что, оказавшись дома, Тур позабудет о нем.

Нога Тура больше не болела, если он и прихрамывал, то едва заметно. Наблюдая, как быстро поправляется Тур, Ромашка, наконец, решилась задать уже давно занимавший ее вопрос:

- Мирослав, скажи, а почему тогда, в городе, ты сам себе рану не смог залечить?

- Как бы это он сам себе рану залечивал? - удивился Тур, шедший на узкой тропинке немного позади девушки.

- Лечить может только тот, кто сам здоров, - пояснил Мирослав. - С какой-нибудь мелкой хворью справиться - это еще можно.

- Значит ты, Тур, тоже можешь кого-то лечить! - восторженно заключила Ромашка.

- А как же, - улыбнулся Тур. - Да только у Мирослава это, пожалуй, куда лучше получается. Но и я могу, если рана не тяжелая. У нас почти все так могут.

- А у нас такого никто не умеет, - девушка сокрушенно вздохнула. Вот если б умели, то и мама бы не болела, и отец Рыся...

- И не удивительно, - Мирослав нахмурился. - Ваши бетонные стены буквально вытягивает из человека все силы.

- Как это?

Мирослав и Тур переглянулись.

- Ты знаешь, Ромашка, - начал Мирослав. - Когда нас отправляли в города, мы попросили Совет закрыть нам на это время все

способности, которыми не обладают жители ваших городов. Мы просто хотели, чтобы эксперимент был как можно чище и честнее, и чтобы в результатах - а мы тогда были уверены, что принесем самые утешительные новости - чтобы в результатах никто не сомневался. Старейшины не стали этого делать и сказали, что мы все равно вряд ли окажемся в преимущественном положении перед горожанами. Так оно и вышло. За год жизни в вашем городе я, кажется, наполовину оглох и ослеп, а уж о том, чтобы кого-то лечить не могло быть и речи - у меня просто не было на это сил. В первые дни у меня был настоящий шок, когда я понял, что отрезан от всего живого... Но ты ведь как-то жила в этом городе, Ромашка, вот и я попытался приспособиться, спрятался ото всех под землю. Тогда, в городе, я не мог помочь не только самому себе, но и вообще кому бы то ни было.

- У нас полегче было, - заметил Тур.

- Потому что в нашем городе нет больших домов, - подал голос Димка, как всегда неожиданно.

- Может и так, - согласился богатырь.

Мальчишка расцвел довольной улыбкой, но тут же снова принял серьезный вид. Он все еще старался идти рядом со своим другом, но ширина тропинки этого не позволяла, и потому Димке приходилось топать сразу за Ромашкой, что ему не слишком нравилось.

На обед устроились у реки, и Димка тут же вытащил из котомки свои крючочки. Рыбу ловили на этот раз они с Туром, и, надо сказать, рыбак из Тура был знатный. Димка с восхищением смотрел, как Тур таскает из речки рыбу куда быстрее да ловчее чем он, Димка, считавшийся среди мальчишек самым лучшим рыбаком. Рыбу почистили и поджарили, да с запасом, так что и обед, и ужин получились на удивление богатыми: хлеб с сыром да рыба, да клубни печеные на закуску.

Вечером не стали рыть землянку - теперь это было ни к чему. Путники взобрались на небольшой холм, с которого виднелась сопровождавшая их весь день речка, похожая на вымощенную серебром широкую дорогу. Воздух был такой свежий и чистый, что буквально опьянял, и Ромашке хотелось бегать, кричать, танцевать, кружиться под светом необычайно ярких звезд, казавшихся сегодня

такими близкими - вот только руку протянуть да подпрыгнуть повыше...

Тур сидел на траве, наблюдая за Ромашкой, и на лице его можно было различить улыбку, да только когда девушка обернулась к нему, Тур отчего-то опустил глаза. Димка носился по траве, раскинув руки, а потом нашел под деревом большую палку и начал драку с каким-то воображаемым противником. Заигравшись, он едва не налетел на Ромашку, но девушка не растерялась. Она тоже нашла себе палку.

- С каких это пор отважный рыцарь нападает на прекрасную даму? - выкрикнула она, бросаясь в "бой".

- Ты не прекрасная дама, - возразил Димка, - ты злой и страшный колдун!

Ромашка весело засмеялась - надо же, а ведь нашелся кто-то, кто рассказывал сказки бедной ребятне из приморского города.

- Ну, тогда я тебя сейчас заколдую!

- А вот и не заколдуешь! Я тебя не боюсь!

"Колдун" атаковал "рыцаря" довольно стремительно, но Ромашке не хватало мастерства, и ей пришлось отступать.

- Сдавайся! - грозно крикнул Димка.

- Ни за что!

Но в следующий миг Ромашка, не удержав равновесия, упала на траву.

- Сдавайся или умри! - приказал "отважный рыцарь", нацелив свою сучковатую палку в грудь поверженного врага.

- Ну, тогда я, конечно, сдаюсь! - выдавила Ромашка, едва сдерживаясь, чтобы не расхохотаться. - Умирать мне пока не хочется.

Димка удовлетворенно кивнул.

- Все девчонки - трусихи, - сказал он. С чувством выполненного долга мальчик пошел к Туру и улегся спать неподалеку от него.

Поднимаясь на ноги, Ромашка думала, что они, городские, словно пьяны от этого воздуха, околдованы россыпью звезд над головой и сиянием речки под холмом.

Мирослав лежал на спине, глядя в небо с задумчивой улыбкой, и посматривая иногда то на Димку, то на Ромашку. Девушка понимала, что пора бы и ей прилечь, но бушующая энергия, чудом не растраченная за день, просила выхода. Ромашка вспомнила вечер на хуторе, вспомнила, как танцевали девушки, особенно одна,

темнокосая... Как же она кружилась! Ромашка раскинула руки и закружилась быстро-быстро, но ее хватило всего на несколько секунд - земля вдруг стала плавно приближаться, и вскоре Ромашка мягко оперлась на руки, сама не понимая, как же это она упала. Потому девушка тихо засмеялась, перевернулась на спину и оказалась возле Мирослава. "Неужели он собирается заснуть вот так, лежа на спине посреди открытого пространства, даже без намека на крышу над головой?" Девушка даже поежилась, понимая, что и ей придется спать точно так же, и ведь похоже никого, кроме нее самой, это не смущает. Вскоре девушка поняла, что без одеяла замерзнет. Она нехотя встала и, вытащив одеяло из рюкзака, вернулась на свое место. Зато теперь ей было уютно, только все равно как-то не спалось.

Ромашка оглянулась на Мирослава - тот все еще не спал, тогда девушка повернулась к нему и попросила шепотом:

- Мирослав, расскажи мне о вашем поселке, о том месте, где вы живете.

Мирослав заговорил не сразу.

- У нас красиво, - сказал он. - Наш поселок стоит берегу реки. Река широкая, чистая, рядом лес густой-густой, там и люди не везде ходили, а деревья есть такие старые, что их и двумя руками не обхватишь. Говорят, некоторые из них еще до Каменного Дождя выросли... Дома у нас деревянные. Вообще-то в других поселениях и землянки копают, и из камня строят - где как удобнее. Мудрейшие определяют, где можно стоиться новому поселению, где нельзя, да и как строить, чтобы природе ущерба не было. У нас вообще все важные решения принимаются Советом Старейшин, и если они решили что-нибудь, тогда уже у всех людей спрашивают. Вообще-то мы чаще соглашаемся: старейшины - они люди особые, мудрые, но бывает всякое, бывает... Вот как на этот раз.

Он замолчал ненадолго, потом продолжил, все так же глядя на звезды.

- У моих родителей дом как раз у реки. Там вечерами на берегу сидеть - одно удовольствие. Тихо, слышно как рыба плещется... Комары, правда, кусают.

- Комары? - испугалась Ромашка. - Это кто такие?

- Это... - Мирослав даже чуть приподнялся и поглядел на девушку с искренним изумлением, - это насекомые такие. Они кровью

питаются.

- Ой!..

- Это не больно, - засмеялся Мирослав, - только неприятно немного.

Девушка поуютнее закуталась в одеяло. Мысль о комарах, которые сидят себе где-то на берегу речки и, подкараулив человека, нападают, кусают его и сосут кровь, Ромашку немного обеспокоила, но пока что она не видела ничего по-настоящему страшного здесь, в этом огромном мире за стеной, и потому решила, что, вполне возможно, сумеет как-нибудь избежать встречи с этими чудовищами.

- Значит, там, за горами, ваш поселок, - сонно пробормотала девушка и придвинулась чуть ближе к Мирославу. Ей было непривычно вот так ночевать под открытым небом, да и ночные звуки окружали со всех сторон, и не было ни одной стены, чтобы хоть как-то отгородиться от них.

- Да, только не сразу за горами, а дальше. Но там, за перевалом, уже живут наши люди, дадут лошадей - и мы быстро доберемся. А может даже погостим у них сперва... Там тоже очень красиво. С гор в долину спускается множество ручьев, оттого и называется то место Долиной Ручьев. Там девушка живет, Злата, дождаться меня обещала...

Глава 15

Погода стояла прекрасная, и горы все приближались и приближались, с каждым шагом словно делаясь выше. Тропка пошла вверх, петляя и огибая вершины пологих зеленых холмиков, но уклон был невелик, да еще и легкий летний ветерок ласково овевал лица путников, разбавляя прохладой полуденный зной.

Ромашке казалось, что солнце сегодня чересчур яркое, словно в насмешку... Девушка не выспалась, и поначалу яркие лучи неприятно резали глаз. Вчера она уже почти заснула и... проснулась. Некоторое время потрясенно смотрела вверх, на звезды, которые вдруг расплылись сияющими каплями, потом отвернулась. Хорошо, что Мирослав не видела ее лица - девушка изо всех сил пыталась не заплакать. "Что, реветь собралась! - мысленно ругала она себя, - Чего реветь, глупая! А чего еще ты ожидала? Что он окажется так же одинок, как ты, что влюбится в городскую? В уродину и неумеху? Глупая, глупая!" И Ромашка не заплакала. Чего плакать, спрашивается? Сама виновата, надумала себе невесть чего, вот и терпи, терпи... Мирослав так ничего и не заметил.

Ясная погода не радовала ее, и больше всего хотелось, чтобы сейчас солнце спряталось за тучами и небо заплакало дождем... вместо нее. А может и вместе.

Странно, но именно сегодня большая часть ее страхов ушла, растворилась, и Ромашка отчего-то не переживала больше: как-то ее примут в поселке Мирослава. Девушка уверенно шла по дорожке: спина ровная, лицо спокойное, губы сжаты, и только глаза чуть щурятся.

Ветер усилился, и небо над лесом потемнело - с севера двигалась грозовая туча. Девушка широко распахнула глаза и даже приоткрыла рот, глядя, какой почти неестественно яркой стала вдруг зелень, как резко выделяются на фиолетовом фоне верхушки деревьев, освещенные солнцем, до которого тучи пока не добрались. Но вот солнце скрылось, и Ромашке стало немного не по себе. Внезапно ее

ослепила яркая вспышка, а не успела девушка опомниться - по долине прокатился грохот, отразился от горных склонов и вернулся эхом.

- Что это, - испуганно пропищала Ромашка.

Сейчас она была похожа на перепуганного котенка, и, наверное, очень забавно смотрелась со стороны. Димка хмыкнул за ее спиной, и девушка обернулась. Мальчик совсем не выглядел испуганным, наоборот - он, казалось, даже рад. Ромашка перевела взгляд с Димки на Тура, тот улыбнулся:

- Это гроза, - сказал он. - Неужели ты никогда не видела грозы?

Ромашка растерянно покачала головой и снова пошла вперед.

- Надо бы найти укрытие, - крикнул, обернувшись, Мирослав и ускорил шаг. Девушка поспешила за ним.

Снова на мгновение вспыхнул яркий свет, а последовавший за ним грохот заставил Ромашку втянуть шею - ей все казалось, что вот-вот что-то свалится на нее с неба. Сквозь вой ветра она расслышала Димкино довольное: "Трусиха! Трусиха!", но сейчас ей было не до этого.

Крупные капли дождя неожиданно посыпались сверху, тяжелыми горошинами падая на голову и плечи. "Гроза - это дождь, всего лишь дождь" - успокаивала себя Ромашка, вмиг промокшая до нитки, но новый удар грома опять показался ей страшным.

- Сюда! - услышала Ромашка оклик Мирослава и свернула с тропинки.

Мирослав ждал их возле углубления в земляном боку холма. На вершине этого холма росло дерево, и в его пышных корнях земля еще держалась, но вот под корнями почва обвалилась, образовав нишу, в которой без труда поместились четыре человека.

Дождь яростно лупил по листьям, и от этого в лесу стоял такой шум, что вздумай Ромашка что-нибудь сказать, ей пришлось бы кричать. Но гром перекрывал все. Гроза приближалась, и вспышки с каждым разом были ярче, на мгновение заполняли все пространство густым белым светом, кроме которого в тот миг ничего не существовало, и почти тут же грохотал гром, да так, что у съежившейся Ромашки сердце уходило в пятки. Она по-привычке жалась к Мирославу, потом вспомнила, что лучше этого не делать, и, стараясь хоть чуток отодвинуться от него, тут же уперлась в бок Тура.

Вспомнив, наконец, все, что знала о грозе, Ромашка немного успокоилась. С ее волос ручейками стекала вода, мокрая ткань холодила тело, и девушка начала замерзать. Она видела, как Мирослав снял рубашку и положил на рюкзак, скромно прислоненный к земляной стенке. Ей бы тоже очень хотелось снять мокрое, но Ромашка ни за что бы этого не сделала. Вскоре она уже дрожала мелкой дрожью.

- Ты это... - пробасил Тур над ее головой, - промокла вся.

Мирослав достал из рюкзака Ромашкино одеяло.

- Снимай куртку, - скомандовал он.

Девушка послушалась. Завернувшись в одеяло и придерживая его подбородком, чтобы не съехало, девушка стянула и куртку, и мокрые штаны и осталась в относительно сухом белье и майке. Избавившись от промокшей одежды, Ромашка быстро согрелась, теперь ей было тепло и хорошо. Девушка смотрела наружу, туда, где все еще хлестала по ветвям вода, а по земле бежали мутные потоки, стремясь в низину, к реке.

- Согрелась? - спросил Мирослав, и Ромашка кивнула.

После грозы воздух наполнился свежими ароматами, но стало прохладнее.

- Нам бы выбраться для ночлега на сухое место, - Мирослав, выйдя на поляну у пригорка, задумчиво огляделся, потом взгляд его остановился на Ромашке, которая все еще куталась в одеяло.

- Вряд ли мы найдем что-то получше этого, - ответил Тур, кивнув в сторону земляной ниши под корнями, которая уже послужила им укрытием на время грозы.

Горы были совсем близко, но все понимали, что сегодня по грязи нечего и думать продолжать путь, а уж тем более подниматься к перевалу.

- Что ж, тогда останемся здесь.

Солнце выглянуло из-за туч как раз перед тем, как скрыться за Рубежным хребтом, и было оно огненного цвета, а небо... Нет, такого неба - яркого и красочного - Ромашке еще видеть не доводилось. Она сидела на стволе поваленного дерева посреди небольшой полянки и смотрела вверх, туда, где над лесом разливалось зарево заката.

- Костер бы развести, - раздался низкий голос Тура, - да промокло все, дыму больше будет...

- И все-таки попробовать стоит, - Мирослав снова глянул на Ромашку, нахохлившуюся, словно вымокший птенец. - Пойду, похожу, может и найду что-нибудь сухое.

Димка беспокойно посмотрел на Тура - мальчику не хотелось уходить, однако он решил, что лучше сделать что-нибудь полезное, и отправился в лес, туда же, где только что скрылась за ветвями спина Мирослава. Тур колебался - стоит ли оставлять девушку одну, но Ромашка смотрела на небо с таким отрешенным видом, что, в конце концов, Тур решил тоже поискать сухие ветки для костра, только поблизости, так, чтобы постоянно видеть сидящую на бревне посреди поляны девушку.

Обнаружив, что осталась одна, Ромашка вздохнула с некоторым облегчением. Поглядев в ту сторону, куда ушел Мирослав, она грустно улыбнулась. Закат отгорел и погас. После грозы в лесу было особенно тихо, и девушке стало тоскливо.

- Злата, - пробормотала она. - Красивое имя.

Если бы раньше, скажем, еще год назад, Ромашку спросили, как будет выглядеть человек ее мечты, она бы ни за что не смогла ответить, но сейчас она знала точно, что этот человек - худощавый, со светло-серыми глазами и длинными волосами, в которых не по возрасту много серебра... Что ж, мечта - она и останется мечтой, сбывшейся пусть не для Ромашки, но для кого-то другого. Для незнакомой девушки по имени Злата, живущей в Долине Ручьев. И уж наверно эта Злата - не чета Ромашке, и танцевать умеет, и плавать, и рыбу чистить, и еще много всего другого, чему Ромашке, возможно, еще повезет научиться. "Ну и чего ты хотела, глупая городская девчонка?" - в который раз обругала себя Ромашка.

Она не сразу услышала, как вернулся Тур и положил посреди поляны несколько сухих веток.

- Ромашка? - девушка вздрогнула от неожиданности, только сейчас заметив, что Тур стоит неподалеку и пристально вглядывается в ее лицо. - Ромашка, что-то случилось?

Девушка отрицательно покачала головой.

- А-а-а, - в голосе Тура прозвучало облегчение, - а то лицо у тебя какое-то странное. Может, тебе холодно?

Она снова покачала головой. Почему-то участливый вопрос Тура поколебал ее с таким трудом сохраняемое спокойствие, и теперь Ромашка боялась, что вот-вот заплачет.

Тур присел на бревно рядом с нею и с беспокойством смотрел на девушку, которая под его взглядом опустила лицо.

- Да что случилось-то, Ромашка?

Плечи девушки вздрогнули. Она ничего не ответила, и Тур уже не на шутку испугался.

- У тебя болит что? - Он схватил Ромашку за плечи и несильно встряхнул, пытаясь добиться от нее хоть какой-то реакции. - Ромашка, ты слышишь?

Внезапно и совершенно неожиданно для Тура Ромашка упала ему на грудь и заплакала. Несколько секунд Тур смотрел на нее растерянно, а потом осторожно обнял. Большая ладонь ласково погладила Ромашку по волосам.

- Ну-ну, что ты, Ромашка, будет плакать-то...

Девушка все плакала и плакала, и от ее рыданий у Тура разрывалось сердце, но успокоить Ромашку у него не получалось.

Димка, первым появившийся из леса, замер с негодующим видом, ревниво глядя на девушку. Потом вышел Мирослав.

- Что случилось? - он подбежал и присел на корточки возле Ромашки. Девушка отвернулась от него, пряча заплаканное лицо. - Тур, что с ней? Ромашка, чего ты плачешь?

Тур посмотрел на Ромашку, потом на Мирослава, пытающегося заглянуть в девушке лицо, в то время как Ромашка уже закрылась руками от его взгляда.

- По дому скучает, - вздохнул он. - Ясное дело...

Широкая дорога шла от перевала к круглому озеру в лесу. На эту дорогу путники вышли у подножия гор и начали подъем. Во второй раз подъем дался Ромашке куда легче, она неторопливо и размеренно шла вверх, уже не думая о том, что вот-вот упадет. Дорога к перевалу, заняла у них больше часа, но, выбравшись наверх, Ромашка была так поражена открывшейся перед ее взором великолепной картиной, что тут же забыла об усталости.

В живописную зеленую долину с горных склонов сбегало множество ручьев, их серебристые ленты извивались среди камней,

петляя оврагами и расселинами, спускались вниз и словно свивались в пучок, собираясь воедино. Там, далеко внизу, среди зеленых лугов, брала начало река Родна, а по берегам ее виднелись деревянные домики поселян. Дальше, за рекой, через которую был наведен бревенчатый мосток, долина была распахана и засеяна, и теперь там золотились колосья - словно солнечные лучи разливались по полю.

- Смотри, Ромашка, - Мирослав взял девушку за руку, помогая взобраться на плоский уступ, выдающийся вперед, над склоном. - Это - Долина Ручьев. А вон там, - он указал рукой на север, туда, куда извивистой лентой стремилась река, - там, за лесом - наш дом, поселок Вестовое.

"Такой красоты я еще не видела" - в который раз подумала Ромашка, спускаясь по дороге вдоль ручья, весело и звонко бегущего среди поросших травой берегов по каменистому дну. Ручьи отражали солнце, переливались яркими бликами, трава по их берегам имела сочный зеленый цвет, несмотря на то, что лето уже перевалило за середину. По этой зелени лениво бродили коровы, которых Ромашка узнала сразу - бурые, черные, рыжие и пятнистые. То тут то там небольшими группками стояли деревья с густыми, раскидистыми кронами, и их темная зелень выделялась контрастными пятнами, кое-где на берегах полоскали в прохладной воде свои ветви плакучие ивы. А птиц тут было - видимо-невидимо! Мелкие пичужки веселыми стайками перелетали с дерева на дерево, в вышине парили, раскинув широкие крылья, птицы-хищники, а неподалеку в ручье стояла на длинных лапах огромная белая птица с рядом черных перьев на крыльях и в хвосте, с гибкой шеей и длинным клювом. Наклонившись, птица что-то искала в воде, потом задрала голову и застучала клювом так, словно это был вовсе не клюв, а деревянная трещотка. Ромашка заворожено смотрела на птицу, пока та не взмахнула крыльями и, оторвавшись от земли - что уже показалось Ромашке чудом - полетела невысоко над лугом в сторону домов.

- Это аист, - сказал Мирослав.

Ромашка провожала аиста глазами, и ей показалось, что птица опустилась где-то среди домов.

- Он что, ручной? - удивилась девушка.

- Нет. Просто аисты часто живут на крышах домов, если хозяева дома им нравятся.

Пока они шли к поселку, Ромашка все думала - как же было бы хорошо, если б на крыше того дома, где она будет жить, тоже поселился аист.

Впереди раздавались звонкие голоса, и когда остались в стороне первые два дома, путники увидели собравшуюся под старыми яблонями молодежь. Мирослав чуть ускорил шаг, и Ромашка с Туром и Димкой оказались позади. Ромашка уже поняла, кого увидел Мирослав, и теперь пыталась угадать, которая же из них - та самая Злата. Долго гадать не пришлось. Вперед вышла молодая девушка в длинном белом платье с вышивкой по рукавам и подолу, перевязанном на талии плетеным пояском с кисточками. Злата была ростом чуть меньше Ромашки, коса золотая в руку толщиной спускается ниже пояса, глаза синие-синие, губки розовые, щечки румяные: не девушка - загляденье. Она пошла Мирославу навстречу как-то несмело, медленно и остановилась в трех шагах, смущенно потупившись, опустив пушистые ресницы. И Мирослав остановился, замер.

- Виновата я, - прозвенел тонкий голосок, - ты прости меня, Мирослав, да только полюбила я другого... Богдана из Южного выселка. Вот и жду тебя. Мне отец, да и Богдан мой наказали разрешения спросить у тебя - как скажешь, так и будет. Обещалась ведь...

Лица Мирослава Ромашка не видела, но голос его показался вдруг чужим, незнакомым:

- Передай отцу и жениху своему, что разрешение мое получила. Возвращаю тебе твое обещание. Будь счастлива, Злата...

Злата подняла на Мирослава бездонно-синие глаза, нерешительно, словно еще не веря в то, что ни слова упрека так и не услышала, а обещание свое назад получила.

- Спасибо, - прошептала Злата и поклонилась ему, но вновь поднять глаз не решилась, и замерла со склоненной головой. Мирослав стоял неподвижно, глядя на нее, потом опустил голову и, повернув в сторону, пошел к реке.

Глава 16

Долина Ручьев пахла сочной травой, свежестью и влагой, воздух звенел от пения птиц и воды, иногда доносилось мычание коровы, и этот звук тоже был приятен слуху, и даже Ромашка ощущала что-то родное в этих низких голосах, разносящихся над лугом, словно нечто давно позабытое откликалось в сердце памятью крови.

Они сидели на шелковистом травяном ковре - Димка, Тур и Ромашка. Димка вертелся и озирался по сторонам, но с места не вставал, находясь постоянно подле Тура. Ромашка с болью в душе следила за одинокой фигурой на берегу реки, а Тур следил и за Мирославом, и за нею, только девушка этого не замечала.

Явно выраженный интерес Димки к тому, что происходит где-то за их спинами, заставил Тура с Ромашкой наконец обернуться. Злата вышла на крыльцо бревенчатого дома вместе с высоким статным мужчиной, который, судя по всему, был ее отцом. Потом на крыльце показалась еще молодая и очень красивая женщина - ее мать. Мать и дочь остались на крыльце, а мужчина направился прямо к реке. Отец Златы прошел мимо сидящих на траве путников. Ромашка видела, как он подошел к Мирославу, но говорили они недолго - всего-то минуты две, и Мирослав снова остался один. Он наклонился, поднял с земли камушек. Ромашка думала, Мирослав сейчас швырнет его в воду, но нет - камень снова упал на землю, а Мирослав развернулся и пошел по тропинке к ним. На полпути он махнул им рукой и свернул к широкому бревенчатому зданию, откуда-то и дело раздавалось лошадиное ржание.

- Пойдем, - сказал Тур, поднимаясь на ноги.

Ромашка встала, отряхнула штаны. Шли молча.

Из конюшни пахло очень необычно, но Ромашке все равно понравилось. Пока седлали двух лошадей - гнедую и пегую - девушка заглядывала внутрь, пытаясь рассмотреть побольше. Совсем близко от входа стояла красивая лошадь: светлая, почти белая с темной полоской

на лбу. Лошадь смотрела на Ромашку, как показалось девушке, приветливо.

Ни Димка, ни Ромашка не умели ездить верхом - девушка вообще первый раз видела живых лошадей, а Димку в городе к лошадям просто не подпускали. Мальчика Тур посадил впереди себя, и тот не скрывал удовольствия, бесстрашно восседая на гнедой и поглаживая пальцами пушистую гриву. Точно так же впереди себя Мирослав посадил Ромашку. Он все молчал, и порой девушке казалось, что он просто не может пересилить себя и что-нибудь произнести вслух. Ромашка понимала его без слов. Она послушно дала посадить себя на лошадь и постаралась даже не показывать ни страха своего, ни любопытства. Когда пегая фыркнула, Ромашка испугалась, что ее вот-вот сбросят на землю, но лошадь оказалась смирной. Шелковистая шерстка, белая в больших рыжих пятнах, была приятной на ощупь, и девушка теперь тоже гладила шею и гриву лошади с нескрываемым удовольствием. Когда же позади нее в седло запрыгнул Мирослав, Ромашка замерла - настолько сильным было вдруг пронзившее ее ощущение чужой боли. Из-за этого Ромашка даже пропустила тот момент, когда лошадь тронулась с места, а потому не успела сразу испугаться.

Мимо проносились деревья и, наверное, много всего интересного можно было бы увидеть, глядя по сторонам, но девушка все свое внимание уделяла тому, чтобы не упасть: почему-то ей казалось, что стоит отвлечься и посмотреть в сторону - она обязательно упадет.

Сколько ехали - Ромашка не знала: не замечала времени, но, миновав один поселок без остановки, уже в сумерках въехали в другой и остановились. Мирослав помог ей слезть с лошади, и Ромашка все-таки решилась и посмотрела ему в лицо. Даже в сумерках она разглядела, что глаза его смотрели задумчиво и словно бы удивленно. Под ее взглядом Мирослав нахмурился, и Ромашке показалось, что сейчас он смотрит не куда-то, вглубь себя, а именно на нее, но это длилось всего несколько мгновений. Мирослав отвел глаза.

Стоя ногами на твердой земле, Ромашка смогла, наконец, осмотреться. На западе, как и в Долине Ручьев, высились горы, только здесь домики не подбирались так близко к склонам, а расположились

на почтительном расстоянии. На востоке, за широким разливом реки, темной стеной стоял лес.

Домик, возле которого они остановились, располагался в самом центре поселка. Ромашка удивилась было, что люди не пришли сразу же полюбопытствовать, кто это прискакал на ночь глядя, когда увидела, что к их домику идет человек. Он был высокий, седобородый, но старым или дряхлым не выглядел. Тур и Мирослав вышли навстречу и поклонились ему, до Ромашки долетели их негромкие голоса, и незнакомый человек что-то им ответил и пошел прямо к ней...

Ромашка вспомнила о том, что стоит на крыльце не одна, почувствовав нечаянное прикосновение Димкиного плеча к своей руке. Мальчик и девушка испуганно жались друг к другу, чувствуя, что сейчас должна решиться их судьба.

"Наверное, нам тоже надо поклониться?" - подумала Ромашка, но осталась стоять прямо. Димка тоже не шевельнулся. Человек смотрел на них молча, и у Ромашки создавалось впечатление, что видит он куда больше, чем сама девушка смогла бы разглядеть в синеватой вечерней мгле. Наконец человек заговорил.

- Совет соберется завтра, - глубокий голос был спокоен и, как ни странно, успокоил и девушку. - Поклонитесь родителям, - он посмотрел на Тура и Мирослава, - а на рассвете отправитесь в Родень. Вчетвером.

Человек еще раз внимательно посмотрел на бледные от волнения лица Ромашки и Димки и неторопливо ушел. Когда он скрылся из виду, Ромашка шепотом спросила Тура:

- А кто это?

- Старейшина Светозар, - ответил Тур. - Один из мудрецов Совета.

Ночь была тихая, теплая, но Ромашке не спалось. По обычаю их с Димкой, как приезжих, оставили на ночь здесь, в гостевом доме. Помещение было добротное и просторное, да вот только двум перепуганным гостям было в нем как-то неуютно. Тур с Мирославом долго колебались перед тем, как оставить их здесь. С одной стороны бояться вроде было и нечего, а с другой - и у Димки, и у Ромашки были такие перепуганные глаза, что просто смотреть больно. Да только как же не зайти сразу по приезду в родительский дом, где уже

больше года ждут тебя - не дождутся, волнуются, не получая известий о сыновьях?

Мирослав пошел домой налегке. Прежде, чем сойти с крыльца, он обернулся, встретил взгляд Ромашки и сказал тихо:

- Не бойся, Ромашка, все будет хорошо, - посмотрел на Димку, улыбнулся уголком губ: - Вон какой у тебя защитник.

Димка возмущенно фыркнул, но не прошло и получаса, как Ромашка, которая решила не забираться на лавку, а куталась в одеяло прямо на полу неподалеку от двери, услышала негромкие шаги, а потом серьезный голос Димки:

- Ты трусиха. Поэтому я посижу рядом, чтобы ты не боялась.

- Спасибо, - сказала Ромашка.

Заснуть все не получалось - незнакомое место, беспокойное ожидание Совета, на котором будут решены судьбы их родных городов, острое ощущение собственной беспомощности - все это мешало спать. И все же Ромашка наконец задремала, но ее чуткий сон был прерван звуком открывающейся двери. Девушка открыла глаза и, увидев на фоне неба огромную черную фигуру, вскрикнула и попыталась вскочить.

- Чего кричишь-то?

Ромашка с невероятным облегчением выдохнула, узнав Тура. Димка тут же подобрался поближе к своему другу. Богатырь не стал закрывать дверь, а присел на порог. Димка свернулся клубочком рядом с ним и быстро уснул, а Ромашка подползла поближе и села, прислонившись к дверному косяку.

- Я матери все объяснил, и она поняла, - сказал Тур. - Я ведь теперь насовсем вернулся, так что уже завтра буду дома ночевать, а сегодня можно и здесь. И вам так спокойнее, и мне...

- А мы с Димкой тут жить будем? - спросила Ромашка.

- Нет, конечно, это ведь только для чужих, у кого родни здесь нет, а вы...

Тур умолк, а немного погодя снова заговорил:

- У меня разговор к тебе, Ромашка. Я подумал тут... После Совета лучше тебе жить в доме моей матери, она женщина хорошая, добрая, я ей о тебе рассказал. Мать рада будет и тебя, и Димку к себе под кров принять, я же тебя сестрой своей назову, а сам буду тебе за старшего брата.

Ромашка смотрела на него ошеломленно и растерянно. Она не ожидала такого предложения, и хотя оно выглядело заманчивым, но так просто согласиться девушка не могла.

- Ты не стеснишь никого, - продолжал Тур. - Отца моего давно уж нет, старшая сестра замужем, отсюда далеко живет.

- Я не знаю, Тур, - ответила девушка. - Просто... это очень неожиданно, и я...

- Понимаешь, Ромашка, ты сможешь у нас остаться только если кто-нибудь возьмет тебя в свою семью. Тогда ты станешь действительно своей. Так уж заведено.

Девушка все еще колебалась, не решаясь вот так сразу перейти в чью-то семью. Для нее это было вовсе непостижимо, но...

- Я уверен, что после Совета Мирослав предложит тебе то же самое, - Тур вздохнул, глядя, как приподнимаются брови над серыми глазами Ромашки, - а тебе нельзя на это соглашаться, никак нельзя.

- Почему?..

- Он же тебя сестрой своей назовет, понимаешь? Эх... Ромашка, если ты станешь ему сестрой, то это уже навсегда, насовсем. А ты сможешь быть ему сестрой? Смотреть только как на брата сможешь?

На улице появилась светлая фигура, временные обитатели гостевого дома узнали в ней Мирослава. Вскоре он уже сидел тут же, на крыльце, молча глядя в звездное небо.

Утро пахло росой, в необычайно легком и свежем воздухе раздавались сонные крики какой-то ранней птицы, бодрое кукареканье петухов да мычание коров. Людские голоса лишь изредка вливались едва слышными отзвуками - поселок просыпался с рассветом. Возле гостевого дома Тур и Мирослав взнуздали и оседлали отпущенных на ночь пастись лошадей, разбудили Димку с Ромашкой, мирно посапывающих на дощатом полу перед дверью голова к голове. Им подняли воды из колодца для умывания и накормили. Бывшие жители города ели без аппетита: во-первых, они очень волновались, а во-вторых, были не приучены так рано завтракать. Солнце еще не показалось над лесом, когда две лошади - у каждой по два седока на спине - покинули поселок и поскакали по дороге в Родень.

В груди у Ромашки все сжималось от беспокойства, и она заметила, что дрожит, только когда услышала:

- Холодно?

- Н-нет, - прерывающимся голосом ответила девушка. - Я п-просто боюсь.

Она отважилась оглянуться через плечо и поглядела на Мирослава. Он улыбнулся ей, только улыбка получилась грустной.

Родень являлся большим поселением, аккуратные домики на левом берегу реки виднелись почти до самого горизонта. Путники проехали по центральной улице и остановились у большой круглой площади, которую скорее можно было назвать поляной, так как под ногами людей, понемногу собирающихся там, зеленел плотный травяной ковер. Большинство мужчин были одеты в белые вышитые сорочки и свободные штаны. Женщины тоже одевались очень похоже на хуторских, но молодые девушки, которые держались в сторонке от старших, были в длинных белых платьях, таких, какое видела Ромашка на Злате. Новых людей и старшие, и младшие разглядывали с любопытством, стараясь, однако, делать это не слишком навязчиво.

- Стриженая! - удивленно пискнул где-то детский голосок. Ромашка поняла, что это замечание относится к ней.

У молодежи и вовсе не получалось скрыть интереса, который вызывала у них одетая в спортивный костюм девушка с короткими - чуть ниже плеч - волосами. Они, правда, не обсуждали ее вслух, но рассматривали внимательно. Димка не удостоился столь пристального внимания, поэтому мальчик немного успокоился и шел рядом с Туром, пытаясь сохранить серьезный вид, но, то и дело забываясь, принимался вертеть головой с интересом глядя по сторонам.

Их не приветствовали. Они вышли к центру площади, и Ромашка увидела, что там, прямо на траве, сидит человек, одетый не так, как и все местные, а скорее как горожанин, темноволосый, с серьезным лицом. Он обвел взглядом вновь прибывших и кивнул в знак приветствия. Тур и Мирослав ответили тем же и опустились на траву. Голоса людей постепенно становились тише, приглушенней, и девушка поняла, что, скорее всего, вернувшимся из городов добровольцам просто не хотели мешать сосредоточиться перед началом Совета.

Обернувшись на топот копыт, Ромашка увидела, как к площади подъехал и спешился еще один человек в городской одежде, и поняла, что, наверное, это один из восьми, как и Мирослав с Туром, и темноволосый, сидящий неподалеку. Теперь их здесь четверо... "Значит, остается дождаться еще четверых" - решила девушка.

Через минуту людские голоса вдруг смолкли и на площади появились Мудрецы Совета. Ромашка сразу поняла, что это именно они - что-то особенное было в их лицах и даже в походке. Среди них девушка узнала старейшину Светозара, которого видела накануне.

Мудрецы вышли в центр площади - две женщины и четверо мужчин. Им вынесли несколько невысоких скамей, и только мудрецы сели, люди на площади, те, кто был в первых рядах собравшихся, потихоньку тоже начали опускаться на траву. Молодая еще женщина, статная, красивая, со строгим лицом - одна из мудрецов - осталась стоять. Позже Тур сказал Ромашке, что Любомира, как самая молодая, обычно ведет все собрания Совета. Когда она заговорила, голос ее, глубокий и звучный, без труда мог слышать каждый из собравшихся.

- Здравы будьте, люди добрые! Сегодня мы собрали Совет здесь, в Родне, а также в Каме и Святограде. Все вы знаете, как год тому назад восемь добровольцев отправились в восемь разных городов по ту сторону Рубежного, чтобы, прожив там назначенный срок, наблюдая за жизнью города, изучая обстановку и настроения людей, принять для себя решение - можно ли сотрудничать с городами, можно ли мирным путем предотвратить грозящую нашей земле катастрофу. Сегодня четверо из тех восьми здесь, среди нас, один находится на Совете в Каме, а трое так и не вернулись в назначенный срок...

Женщина вдруг умолкла, словно прислушиваясь к чему-то.

- Двое, - сказала она. - Один только что вышел из города и сообщил о себе.

Вздох сожаления о гибели двух добровольцев и радости за того, кому посчастливилось выбраться, прокатился по площади и затих.

- Послушаем же тех, кто вернулся, - женщина обернулась к одному из сидящих на траве мужчин в городской одежде, тому самому, что появился на площади последним. - Белояр из Лесичанска.

Мужчина встал в полный рост и вышел в центр, женщина же села на скамью. Совет внимательно выслушал длинный рассказ Белояра, в котором Ромашка не нашла ничего удивительного - город, где прожил

этот год Белояр, был похож на ее родной, только стены у них не было, но по окружавшей город пустыне постоянно разъезжали на вездеходах патрули. Рассказывал Белояр о том, как работал на фабрике, как общался с людьми, как видел много несправедливости и горя, и лица собравшихся на площади людей суровели с каждой минутой, брови хмурились, старики сокрушенно качали седыми головами. Окончив рассказ, Белояр опустился на одно колено, и самый старый из мудрецов подошел к нему и коснулся рукой его лба. Со своего места Ромашка видела лицо Белояра - тот закрыл глаза и поморщился, словно от боли. Через какое-то время старец убрал руку, и Белояр встал, отошел и сел на траву. После него рассказывал тот темноволосый мужчина, что пришел раньше всех. Его рассказ отличался, потому что город, в котором он жил, располагался вокруг угольных шахт и занимался добычей руды и ее переработкой. В том городе было много заводов, а воздух никогда не бывал прозрачным. Во время этого рассказа девушка украдкой глянула на Мирослава - тот слушал внимательно и хмурился все сильнее и сильнее. "А ведь тому парню повезло куда меньше, - подумала Ромашка, - выжить в таком городе, где даже воздух ядовитый! У нас еще не так страшно..."

Как и Белояр, этот рассказчик опустился перед старейшим на одно колено, и все повторилось.

- Что это он делает? - шепотом спросила Ромашка.

- Старейший смотрит его воспоминания, - ответил Мирослав.

Когда Любомира снова вышла на центр, Ромашка ожидала, что прозвучит имя Тура или Мирослава, но она сказала:

- Милован из Камы.

Ромашка быстро оглянулась, пытаясь разглядеть, откуда же появится этот Милован, но в это время женщина вдруг закрыла глаза и заговорила. Ромашка не сразу поняла, что Любомира передает слово в слово речь выступающего перед Советом в Каме Милована, как до этого и в Каме, и в Святограде кто-то из мудрецов передавал речи предыдущих рассказчиков.

Все три рассказа были достаточно длинными и подробными, и женщина, пересказав речь Милована, объявила, что Совет прервется на несколько минут. Время уже близилось к обеду, и люди достали пирожки да хлебцы, чтобы немного подкрепиться. Мальчишки Димкиного возраста притащили большую корзину с пирогами,

которые раскладывали на плетеные подносы и угощали мудрецов, а также всех, кто находился в центре площади - вернувшихся из городов мужчин и Димку с Ромашкой.

Смешная девчонка, вместе с мальчиками раздававшая пироги, остановилась перед Ромашкой.

- У тебя волосы как у меня, - пропищала девочка.

И правда - у малышки были такого же пепельного цвета волосы и почти такой же длины. В городе Ромашкины волосы не считались бы короткими, здесь же девушки носили косы, спускавшиеся по спине много ниже пояса.

Девчонка любопытствующе разглядывала Ромашку, потом заключила:

- Смешная ты, - и улыбнулась.

Ромашка улыбнулась в ответ. Девочка убежала, верно услышав оклик кого-то из взрослых, а голодная Ромашка без особого усердия принялась за пирожки. Ей казалось, что на нее смотрят, и оттого кусок не лез в горло. Люди по-прежнему не разговаривали с ними, но напряжение немного спало, и Ромашка наблюдала за молодыми парнями, серьезно обсуждавшими услышанное, девушками, которые слушали ребят, тоже вставляя реплики в общий разговор.

- Что, Ромашка, уже не страшно?

Девушка повернулась к Мирославу. Глаза его по-прежнему были грустными и задумчивыми, и девушка вдруг почувствовала, что очень сердита на Злату - с той самой короткой встречи в Долине Ручьев Мирослав был молчалив и печален.

- Вернемся домой, справим тебе платье нарядное с поясом, - сказал вдруг Мирослав.

Ромашка удивленно встрепенулась, потом вспомнила вчерашний разговор с Туром и опустила глаза.

Димка с Туром сидели рядом, и мальчик, кажется, и вовсе успокоился, единственное, что его волновало - придется ли ему становиться перед всеми и рассказывать о своей жизни в городе, но на этот вопрос Тур не мог ему ответить - сам точно не знал.

Через десять минут собрание Совета возобновилось. Снова над площадью повисла тишина, и в этой тишине прозвучал громкий голос ведущей собрание женщины:

- Мирослав из Вестового.

Мирослав поднялся и вышел вперед, оказавшись перед разомкнутым кругом скамей, на которых сидели мудрецы, поклонился Совету, остальным собравшимся людям и заговорил. Ромашка слушала очень внимательно, хотя почти все, о чем он рассказывал, не было для нее новостью. Также внимательно слушал и Тур. Поведав Совету о жизни в городе, об особенностях обустройства и стене, за которую не то что не выходят - не заглядывают даже, о правилах и обычаях, Мирослав приступил к краткому изложению событий, начиная с первых дней в городе. Ему, единственному из вернувшихся домой, пришлось побывать в застенках и на допросе. Потом Мирослав рассказал про то, как встретил Ромашку, как она ему помогла, про Дельфину, про Артура, Алека и других ребят, с которыми успел познакомиться, потом - о смерти Дельфины, и о том, как пришлось выручать Ромашку. Завершив историю рассказом о полете на параплане через городскую стену, Мирослав умолк. Как и после предыдущих выступлений, навстречу ему поднялся старейший, и Мирослав опустился перед ним на одно колено. Пальцы старейшего коснулись лица склонившегося перед ним человека, Мирослав закрыл глаза. Ромашка следила за лицом Мирослава, которое сначала было спокойным, а потом исказилось, и Мирослав вздрогнул словно от боли.

Только когда Мирослав открыл глаза и встал, девушка решилась шепотом обратиться к Туру.

- Разве это больно? - спросила она.

- Может и больно, - ответил Тур. - Смотря, какие воспоминания.

Мирослав подошел, посмотрел сначала на Ромашку, потом на Тура, и опустился на траву. Девушка не решилась ни о чем его спросить, да и не успела, потому что перед Советом вышел Тур, и она приготовилась слушать.

Тур рассказал, как познакомился с Димкой, как мальчик укрывал его в подвале, как потом Тур работал грузчиком, как ходил по городу, рассматривая все и разглядывая, лишь благодаря чуткому руководству мальчишки длительное время не привлекая к себе внимания полиции и оставаясь на свободе, как вступился за старую женщину и из-за этого навлек на себя преследование сначала местных хулиганов, а потом и полиции, как бежал из города вместе с мальчишкой, уже на выходе

получив ранение в ногу, и позвал на помощь Мирослава. Потом старейшина смотрел воспоминания Тура, и это продолжалось около двух минут.

- Теперь мы хотим выслушать девушку и мальчика, пришедших к нам из городов.

Первой слушали Ромашку. Девушка сказала немного - добавить к рассказу Мирослава ей было нечего. Так же, как она когда-то рассказывала Туру о своем городе, так и теперь - Ромашка пыталась вспомнить хоть что-то хорошее, а получилось грустно. Тогда девушка немного сказала о своей семье и замолчала.

- Подойди ко мне, дочка.

Голос принадлежал старейшему из мудрецов, и Ромашка поняла, что ее воспоминания тоже будут смотреть. Девушка заколебалась, но старейший сделал приглашающий жест, и Ромашка подошла, опустилась на колено, чувствуя, как начинает дрожать от страха. Она не видела, как в это время за нею с беспокойством наблюдают и Тур, и Мирослав, и мальчик из приморского города. Девушка взглянула в светлые глаза старейшего, и, как ни странно, это немного ее успокоило - старейший смотрел доброжелательно и с сочувствием.

- Тебе будет страшно, - тихо сказал он, - возможно, больно. Но нам важно знать то, что знаешь ты.

Ромашка вдруг поняла, что старейший не разговаривал ни с кем из тех, кто выступал сегодня перед советом - только с ней. Девушка кивнула и закрыла глаза.

На самом деле все происходило чуть больше минуты, но Ромашке эти мгновения показались вечностью. Калейдоскоп воспоминаний воскрешал перед ее мысленным взором давние события, Ромашка видела мать, отца, брата, Дельфину, потом появился странный человек на ступенях больницы, истекающий кровью... У него были удивленные глаза, светло-серые, и русые волосы, неровно остриженные у плеч. Музей, море, Рысь, бандиты, Мирослав... Снова Рысь, парк, чердак высотного дома - Мирослав рассказывает ей о ее же городе, и рассказывает такое... Дельфина.

Ромашка застонала, заново переживая тот ужас, когда увидела безжизненные глаза своей подруги. После этого все уже казалось не таким страшным. Полиция, допрос, психушка, снова Мирослав,

подземное хранилище, директор музея, Артур, Алек, параплан, полет... Черная громада города за спиной.

Ромашка открыла глаза. Разноцветные пятна поплыли перед нею, постепенно обретая очертания. Девушка встала, пошатнулась, и почувствовала, что старец неожиданно крепко держит ее за руку. Еще не пришедшая в себя Ромашка с трудом повернула голову, увидела вскочивших на ноги Тура и Мирослава и побрела к ним. Кто-то помог ей опуститься на траву - Ромашка не заметила, кто именно. Маленький Димка смотрел на нее с уважением, несомненно думая, что сам обязательно пройдет все те же испытания куда легче и не испугается, как и положено мужчине. Но когда мальчика попросили рассказать о своем городе, Димка обнаружил, что не может найти красивых и правильных слов.

- Мой город стоит на берегу моря, - начал Димка. - У нас есть завод... два больших завода. Один на берегу, другой дальше, в той стороне, где вокзал. А еще один завод прямо в море, но я его не видел.

Мальчик беспокойно оглянулся на Тура, сглотнул.

- Там, в городе, осталась моя семья, - сказал он. - Мама, папа, две сестры старшие, одна маленькая, дядька, тети две и бабушка. - Димка поднял взгляд на старейшего, и тут же опустил глаза.

- Не трогайте наш город, - Димка смотрел в землю и говорил негромко, но тем, кто стоял далеко от центра площади, передавали его слова те, кто находился ближе. - Там моя семья, друзья, соседи. Они все хорошие люди, хотя и бедные. И ничего плохого не делают. Пожалуйста, не трогайте наш город.

Его воспоминания смотреть не стали. Димка в душе возмутился тем, что его не подвергли испытанию, через которое прошли и Тур, и Мирослав, и даже Ромашка, но, конечно же, вслух ничего такого не сказал. Мальчик только очень надеялся, что Совет Старейшин его услышал. Присев рядом с Туром, Димка тихо спросил:

- Они мне поверили? Они не будут трогать наш город?

- Твою семью, друзей и вообще простых людей они не тронут, - сказал Тур. - Я уверен.

И Димка сразу ему поверил.

Члены Совета совещались недолго, без слов обмениваясь мыслями и мнениями, после этого было оглашено решение: Совет

вновь соберется тогда, когда в Родень прибудет последний из добровольцев, который буквально вот-вот смог вырваться из города. Мудрецы удалились, люди прибрали скамьи и наконец-то поприветствовали как следует четверых земляков, вернувшихся после долгого отсутствия. Многие люди знали Тура и Мирослава: им жали руки, обнимали, хлопали по плечам. Ромашка с Димкой пока были чужими, незнакомыми людьми, но и их не обошли участием, сердечно благодарили за помощь чужакам в городе.

В Вестовое возвращались без спешки. Ромашка слышала, как Тур что-то рассказывал Димке, но не вслушивалась. Вспоминать оказалось слишком больно, и девушка до сих пор не полностью пришла в себя.

- Как ты себя чувствуешь, Ромашка? - участливо спросил ее Мирослав.

Девушке захотелось закрыть глаза, откинуться назад, прижаться к нему всем телом и забыть обо всем хотя бы ненадолго - на несколько минут, почувствовать спокойствие и умиротворение от того, что он, Мирослав, рядом, но... Но сейчас ему верно и самому было ох как нелегко.

- Все в порядке, - ответила девушка.

Весь оставшийся путь Мирослав молчал, и Ромашка не решалась оглянуться и посмотреть ему в глаза.

Мерно стуча копытами, лошади подошли к гостевому дому. Мирослав помог Ромашке спрыгнуть на землю и передал поводья мальчишке, поджидавшему путников у крыльца. Затем вчетвером они вышли на дорогу. Ромашка заметила, что Тур с Димкой приотстали, только когда Мирослав заговорил.

- Пойдешь ко мне жить, - сказал он, задумчиво глядя туда, где верхушки леса доставали небо. Солнце уже коснулось раскаленным краем горных вершин, и в долину вползали серые сумерки. - Будешь сестрой мне, Ромашка. Родители возражать не станут. Они - люди хорошие, тебе обязательно понравятся.

Одно долгое мгновение Ромашка колебалась - почему-то вдруг показалось, что, отказавшись, она совершит предательство.

- Я не могу, - тихо сказала она наконец.

Мирослав остановился и повернулся к ней. Теперь Ромашка видела его светлые глаза и чуть нахмуренные брови.

- Я не могу быть твоей сестрой, - сказала девушка, едва подбирая слова. - Я пойду жить к Туру. Вместе с Димкой.

В глазах его сначала отразилось недоверие, потом удивление, такое безграничное, что девушке стало ясно - он этого не ожидал. Никак не ожидал.

- Как же, Ромашка, и ты?.. - Мирослав долго смотрел на нее, а потом повернулся и медленно пошел по дороге.

Тур неслышно подошел сзади.

- Ты сказала ему? - спросил он, глядя вслед удаляющейся светлой фигуре.

- Сказала, - вздохнула Ромашка.

- Что сказала?

- Что буду твоей сестрой.

- А что еще сказала?

- Ничего...

- Ничего? - Тур внимательно посмотрел на Ромашку. - Ну так я его догоню пойду и все объясню!

- Что объяснишь? - испугалась Ромашка.

- Ну... Скажу все как есть.

Ромашка представила себе, как Тур будет объяснять Мирославу, отчего она отказалась быть его сестрой, и почувствовала, что у нее начинает кружиться голова.

- Не надо, - попросила она. - Пожалуйста, Тур, не надо!

Ромашка не знала, что подумает о ней Мирослав, если узнает, что ее, горожанку, угораздило в него влюбиться, да еще и питать при этом какие-то надежды - не зря ведь сестрой стать не захотела. И девушке было страшно. Она, конечно, понимала, что Мирослав не станет над ней смеяться - не такой он человек, но все равно неловко.

- Ну, хорошо, - согласился Тур. - Он человек умный, рассудительный, подумает немного - сам все поймет. Дадим ему денек-другой поразмышлять.

Ромашка кивнула.

- Но потом я с ним все равно поговорю! - заключил Тур.

Глава 17

Мать Тура оказалась женщиной доброй и приветливой, и едва ее новые дети переступили порог, принялась хлопотать вокруг них, одежду чистую дала да отправила мыться, потом, умытых и одетых в новое, усадила за стол.

- Ох и худенькие, заморенные, - удивлялась она. - Словно вас неделями не кормили!

Она не просила называть ее матерью, знала, верно, и про то, что у Димки в приморском городе осталась семья, и про то, что нелегко это будет сделать Ромашке.

- Тетушкой Званой можете звать, все друзья Тура так меня зовут.

Ромашка поначалу чувствовала себя словно не в своей тарелке: мать Тура она видела впервые, а женщина уже так искренне о ней заботится, переживает, все поглядывает, чтоб Ромашка ела как следует, да успевает и ей, и Димке слово доброе сказать... Непривычно ведь. Но вскоре Ромашка успокоилась. Наверное, Тур пошел характером в мать - эта уже немолодая, но очень активная и жизнерадостная женщина с первого взгляда вызывала искреннюю симпатию, и Ромашка с Димкой уже не стеснялись ее, чувствовали себя почти как дома. А Ромашка даже лучше, чем дома, потому что в городе последний год жила совершенно одна. Единственная мысль омрачала радость Ромашки - мысль о том, что Мирослава так расстроил ее отказ. "Я поговорю с ним, - решила для себя Ромашка, - вот наберусь смелости - и обязательно поговорю. Объясню, почему не могу быть ему сестрой. А может, и объяснять ничего не придется? Может, сам поймет?"

С этой мыслью Ромашка улеглась на свежую постель в небольшой комнатке с окошком и уснула.

Сегодня им дали отоспаться, и хотя в поселке все привыкли вставать с восходом солнца, Ромашку с Димкой не будили. Девушка проснулась сама, потянулась и села на постели, собираясь с мыслями. На стульчике у кровати лежало аккуратно сложенное платье, а на спинке висел плетеный поясок. Вчера уставшая и измученная,

Ромашка не успела присмотреться к тому, что ей дали надеть. Теперь же она оделась и принялась разглядывать ярко-красный узор вышивки на подоле, вороте и рукавах, потом повязала пояс, украшенный на концах резными деревянными бусинами. Зеркала в комнате не было, и Ромашка вышла в горницу. Идти в длинном платье было совсем непривычно - в городе Ромашка ходила только в коротком, а чаще даже в брюках, и вот теперь чувствовала себя почти сказочной принцессой - длинные платья ассоциировались у девушки именно с принцессами.

На стене меж двух окон с легкими занавесками висело зеркало, достаточно большое, чтобы Ромашка смогла оглядеть себя с ног до головы. Отражение смотрело на нее удивленными глазами цвета пасмурного неба. Ромашка видела себя, одетую в платье, босую и простоволосую, и казалась сама себе незнакомкой, но довольно симпатичной. Ромашка улыбнулась и завертелась, а потом испуганно обернулась, услышав шаги за спиной.

Фигура стоящего в дверях Тура показалась девушке куда внушительней, чем обычно. В полотняных штанах и вышитой рубахе с широкими рукавами он выглядел и вовсе огромным, но одновременно таким уютным и домашним, что девушка радостно улыбнулась в ответ на его улыбку.

Тур отошел, пропуская в дом мать. Ромашка замешкалась, но все же успела сказать "Доброе утро", прежде чем тетушка Звана поинтересовалась, хорошо ли Ромашка спала. В это время из ведущей в комнату двери выглянул сонный Димка. Мальчик еще, кажется, не совсем проснулся, и тер кулачком глаза, пытаясь одновременно оглядеться. Он надел чистые штаны, такие же, как у его нового старшего брата, но вышитую сорочку оставил лежать на стульчике.

- Иди на двор, умойся, - сказал ему Тур. Димка кивнул и пошел к двери, да проходя мимо Ромашки, удивленно остановился и посмотрел на девушку, не сразу ее узнав.

Девушка собиралась помочь хозяйке накрыть на стол, но пока Ромашка умывалась, мать Тура уже управилась сама и пригласила Ромашку с Димкой завтракать.

- Ох и заморенные, - снова сокрушалась тетушка Звана.

После Туру было велено показать новичкам поселок, рассказать, что, где и как. Выйдя во двор, Ромашка задумчиво пробормотала:

- Странно. Никогда бы не подумала, что меня можно счесть худышкой. В городе меня считали полненькой и даже толстой.

Услышав это, Тур удивленно выпучил на нее глаза, а потом вдруг захохотал.

- Ты матери моей этого только не говори, - посоветовал он. - Моя сестра старшая считалась до замужества первой невестой у нас, в Вестовом, а она одна как две тебя.

Солнце уже стояло высоко, и перед Ромашкой раскинулась живописная картина летнего пейзажа. Поселок зеленел садами, среди листвы розоватыми бочк*а*ми светились яблоки, желтели груши. На грядках у дома выглядывали из-под темных листьев яркие помидоры, белела капуста. И повсюду, повсюду сновала какая-то живность: собаки задорно виляли хвостами, грациозно прохаживались самостоятельные кошки, квохтали куры, переваливались, гоготали и шипели круглобокие гуси. А за поселком, на зеленом лугу, виднелись черными точками пасущиеся коровы.

Дом Тура располагался на пригорке, и от него шел легкий уклон к востоку, где в низине сияла под солнцем широким разливом река Родна. Там, у самой реки, стоял добротный деревянный дом с резными ставенками и крылечком, возле дома двое мужчин, раздевшись по пояс, кололи дрова. Издалека они казались приблизительного одного возраста, но Ромашка вскоре разглядела, что это отец и сын. Просто у отца волосы были красивые, светло русые, медовыми огоньками золотившиеся под солнцем, сын же почти совсем седой. Словно почувствовав взгляд Ромашки, он обернулся. Несомненно, он очень хорошо видел девушку, и некоторое время просто смотрел на нее, потом снова принялся колоть дрова. Ромашка же продолжала следить за его движениями до тех пор, пока, опомнившись, не поспешила вслед за Туром, вместе с Димкой поджидавшим ее неподалеку.

Улицу, по которой они шли, собственно и улицей-то нельзя было назвать, особенно в сравнении с зажатыми в бетон асфальтированными мостовыми, к которым привыкла Ромашка. Вдоль дороги дома стояли не ровными рядами, а как кому нравилось - кто чуть дальше поставит, кто чуть ближе. От дороги одни тропинки спускались вниз, к речке, другие поднимались выше и уходили в горы. Люди в повседневной

одежде казались Ромашке одетыми, словно на праздник, а все потому, что на светлых рубахах, блузах, сорочках и платьях, украшая по-простому скроенный наряд, пестрели вышивки, в большинстве своем красные, но иногда к основному цвету добавлялись другие. Тур говорил, что когда-нибудь она, Ромашка, научится эти вышивки "читать", понимать, что значит тот или иной узор, но пока что девушка была очень далека от такого понимания и просто любовалась.

Они прошли улицей вдоль села и спустились к реке там, где через Родну был наведен добротный деревянный мост. От того моста шла накатанная дорога на Родень и еще одна, узенькая просека, - сначала вдоль берега, потом поворачивала в лес. Прямо же напротив поселка лес за рекой был немного оттеснен огородами, но потом вставал сплошной стеной. В лесу, рассказывал Тур, много дичи, грибов да ягод, и еще обещал, что обязательно возьмет Димку с Ромашкой за грибами. Правда Димка куда больше заинтересовался охотой, но рядом была речка, и интерес мальчишки быстро переключился на обследование берега. Выросший в приморском городе и часто добывавший пропитание для семьи за счет рыбалки в частных ставках, мальчишка принялся выспрашивать у своего нового старшего брата рыбные места, да на что лучше всего здешняя рыба клюет, да чем ее обычно приманивают. А еще Димка захотел с лодки порыбачить - раньше ему это редко удавалось: не выйдешь же в лодке на середину охраняемого ставка? Тур пообещал в ближайшее время взять мальчишку с собой на рыбалку.

- И тебя научу, - сказал он Ромашке.

Побродив по берегу и не дойдя до дома родителей Мирослава, они снова поднялись выше. Немного погодя дорожка вывела их к обширным садам. Там, под деревьями, собралась молодежь: девушки и парни с удовольствием жевали ранние яблоки, смеялись и что-то весело обсуждали, а то и просто беззлобно подшучивали друг над дружкой. Заметив Тура вместе с незнакомой девушкой и мальчиком, молодежь притихла, а потом парни первыми поздоровались:

- Здравствуй, Тур.

Парни поглядывали на Ромашку украдкой - наверное, боялись Тура обидеть ненароком, - девушки же смотрели с нескрываемым любопытством.

- Это сестра твоя названная, а, Тур? - спросила одна.

- Да. Это моя сестра. Ее зовут Ромашка, - громко, чтобы слышали все, кто был поблизости, ответил Тур. - А это брат мой - Дмитрий. Дима.

Димка сделал очень серьезной лицо, стараясь выглядеть под стать имени, такому взрослому и непривычно звучащему - иначе как Димкой мальчика раньше и не называли, разве что мама, когда сердилась и собиралась как следует отругать.

Парни и девушки поздоровались и с Ромашкой, и с Димой, потом одна девушка, черноглазая Радмила, попросила:

- Тур, расскажи нам, пожалуйста, о том городе, где ты был.

- И верно, расскажи, - раздался тоненький голосок Веселинки.

Тур сначала отнекивался, потом сдался уговорам девчат и сел на траву под яблоней, усыпанной беленькими яблочками, на которых уже вовсю розовели бока.

- Ты, Дмитрий, поправь меня, если что не так скажу, - серьезно попросил он мальчишку. Димка важно кивнул, а парни переглянулись, глядя на десятилетнего мальчишку почти с таким же уважением, как и на самого Тура.

Тур рассказывал долго, явно с куда большим удовольствием, чем накануне, перед Советом, правда наиболее мрачные детали он смягчал, и Ромашка сначала подумала, что зря он это делает - пусть бы знали, с кем и с чем в скором времени придется если и не им самим, так кому-то из сородичей дело иметь. Хотя... тут были не только парни, но и девушки, которые, в отличие от Ромашки не привыкли слышать едва ли не каждый день с наступлением темноты чьи-то кирки о помощи, шарахаться от каждой тени, бояться любого прохожего, не видели насильственной гибели близких людей, не знали ни грубости, ни предательства. "Как же вам повезло" - взгляд Ромашки переходил с одного лица на другое, и ей все больше казалось, что собралась перед нею веселая стайка наивных ребятишек едва ли не младше Димки. Да ведь Димка, несмотря на свои десять лет, мог порассказать им такое, что и самый смелый из здешних парней спать ночью не сможет.

Когда Тур начал рассказывать о том, как позвал на помощь Мирослава, кто-то из любопытных девчонок спросил:

- Тур, скажи, а чего Мирослав поседел?

Тур пожал плечами и на Ромашку посмотрел. Та ответила таким же пожатием плеч, но взгляд Тура заметили остальные. Они знали, что именно эта девушка и пришла из города вместе с Мирославом, но из приличия не набросились на нее сразу с вопросами, да и родители не велели - мало ли, вдруг человеку вспоминать не хочется? Девушка все-таки, еще расстроится, расплачется... Да то ли еще случится, если от жизни в ее родном городе так изменился всем им знакомый Мирослав, сын Вояра и Любимы.

Но теперь в глазах, обращенных к Ромашке, светился невысказанный вопрос.

- Так ты знаешь, что с ним случилось? - робко спросила русоволосая Милана.

- Не знаю, - неуверенно ответила Ромашка. - Меня тогда не было рядом, я не знаю, из-за чего.

- Мы просили его рассказать нам, но он сказал - потом, попозже, - подал голос юноша по имени Лан.

- Ну, значит, сам потом и расскажет, - заключил Тур.

Его попросили продолжить рассказ, но дальнейшее Тур пересказывал вкратце, и скоро история подошла к Совету, ну а про Совет ребятам уже рассказали те, кто ездил из Вестового в Родень. Молодежь зашумела, наперебой высказывая мнения относительно рассказа, когда раздался возглас Веселины:

- Ой, смотрите, Мирослав!

И правда, по дороге шли Мирослав с отцом, оба опрятно одетые, в вышитых рубахах, очень похожие лицом и фигурой. Они поднялись от реки и пошли вместе к дому старейшины. Ромашка услышала голос Радмилы.

- Да, год назад он совсем другим был. И правда, седой весь.

Тут кто-то предложил:

- А давайте вечером пойдем все вместе к Мирославу, пусть он нам расскажет.

"Не надо" - подумала Ромашка, но вслух этого не сказала, вместо нее сказал Тур.

- Не надо ходить. Захочет - сам расскажет. Не захочет - его право. - Тур поднялся с земли, отряхнул сшитые матерью штаны и достал с дерева по яблоку Димке и Ромашке.

- К матери пойду, - сказал он. - Может, помочь чего надо.

Ромашка сразу же встала на ноги и пошла вместе с Туром.

- Чего не осталась? - спросил Тур, когда уже отошли достаточно, чтобы кроме Ромашки и шагающего рядом Димки никто не слышал.

Ромашка лишь пожала плечами и вздохнула.

Тетушка Звана как раз сварила кашу на обед и затевала тесто на пироги. Ей особенно и помощи-то не требовалось, но Ромашке очень хотелось быть хоть чем-нибудь полезной. Потому, после того, как Ромашка помыла посуду, вытерла полотенцем и расставила на полочках, мать Тура предложила ей тесто намесить.

- Вот мука, соль, молоко кислое в крынке на окне...

Тур, задержавшийся в горнице после обеда, удивленно вытаращил глаза, когда Ромашка тихо произнесла:

- Я не умею. Научите.

Тетушка Злата наверняка тоже не ожидала такого, но виду не подала. С добродушной улыбкой она начала рассказывать Ромашке, как замесить тесто, а девушка с удивлением поняла, что не так уж трудно, особенно если делать все своими руками, да еще когда так хорошо объясняют. И хотя в этот первый в жизни раз тесто у нее получилось жестковатое и недосоленное, пироги оказались съедобными. Больше всего они понравились самой Ромашке, и девушка опрометчиво решила, что, наверное, также быстро научится и всему остальному. А мать Тура после сказала своему сыну:

- Упрямая, смелая, работы не боится. Справится.

Ближе к вечеру они с Туром пошли на огороды что за рекой. Набрали в лукошко зрелых помидор, постояли немного, слушая, как шепчет лес под легким вечерним ветерком, и пошли к берегу. Было свежо и приятно, громко квакали лягушки, сверчали сверчки, перекликались птицы в лесу, в поселке лаяли собаки, мычали на пастбищах коровы и блеяли козы, но весь этот шум был так приятен слуху, что Ромашка слушала его словно песню. А после над рекой и вправду разлилась песня... Хор девичьих голосов пел о несчастной любви, и Ромашка попыталась различить голоса уже знакомых ей Радмилы, Веселинки и Миланы, да только не получилось, но девушка все равно слушала, и Димка, неотрывно целый день следовавший за Туром, тоже притих и слушал. "Наверное, устал, набегался за сегодня"

- решила Ромашка, но, как только перешли мост, мальчик вдруг сорвался с места и побежал далеко вперед, подпрыгивая на ходу.

Едва повернув от реки, Ромашка с Туром увидели, что по дороге им навстречу спускается Мирослав. Девушка испугалась, понимая, что для него самого эта встреча так же неожиданна, как и для них: а что как пройдет мимо, даже не поздоровавшись? Но нет, Мирослав вовсе не собирался демонстративно ее игнорировать. Подойдя ближе, он замедлил шаг.

- Здравствуй, Ромашка. Здравствуй, Тур.

И пошел дальше.

Вечером, посокрушавшись по поводу того, что Ромашка с Димкой так мало едят, тетушка Звана сказала:

- Мирослав заходил сегодня поздороваться. Вы с ним как раз разминулись - только ушли, а тут он... Ой, Тур, я его прямо и не узнала сразу - так изменился! Несладко ему, видать, пришлось.

Тур с Ромашкой молча переглянулись - оба были уверены, что разминулись с Мирославом не случайно.

- Ну, ничего, - продолжала тетушка Звана. - Осень скоро, вот соберем урожай - и на свадьбе у него погуляем. Тогда-то, при жене любимой, и отойдет маленько.

Тур вздохнул, вспомнив, что не все матери рассказать успел.

- Не будет свадьбы.

- Как - не будет? - удивилась его мать. - Давно ведь уговорились... Невеста его, Злата из Долины Ручьев...

- Не дождалась его Злата, - сказал Тур. - Мы домой через Долину Ручьев возвращались, видели Злату. Она сама ему сказала, что другого полюбила.

- Вот оно как, - тетушка Звана сокрушенно покачала головой. - Да... бывает всякое в жизни. Только раз оно так случилось - все к лучшему. Знать не любила его Злата.

На следующий день Ромашка узнала, что каждая девушка просто обязана уметь вышивать, и оказалось это куда трудней, чем готовить пироги. Хорошо еще, что Ромашка знала, как иголку в руках держать, да вот только стежки у нее получались крупные и ложились неопрятно, вразнобой, а уж с изнанки и вовсе была полнейшая

путаница. Ромашка два часа просидела под окном, с самым сосредоточенным видом прикусив губу и согнувшись в три погибели, так, что уже и спина болела. Погода была хорошая, и Ромашка думала выйти на улицу и посидеть там, но сообразила, что девушка, которая в двадцать два года только-только учится вышивать, будет представлять собой удивительное для местных зрелище, и хотя они, как люди воспитанные, вряд ли что-нибудь ей скажут, да только пересудов все равно не миновать.

После Ромашку позвали собирать яблоки. Девушка очень удивилась, когда у крыльца появилась Веселинка, и тут же с радостью согласилась. Тур с утра ездил к дядьке в Родень и вернулся чуть позже, поэтому к яблоневому саду девушка пошла без него. "Ну, хоть этому-то учиться не надо" - радостно думала Ромашка, вместе с остальными девушками забираясь на лесенки и срывая с ветвей спелые плоды. Парни носили корзины, вскоре к ним присоединился и Тур. Ромашка не сразу его заметила, но, обернувшись чтобы позвать кого-нибудь снять тяжелую корзину, увидела и помахала рукой.

Яблоневый сад был, как показалось Ромашке, огромен, и оттого девушка очень удивилась, когда еще до сумерек весь урожай оказался собран. Ромашка спрыгнула с лестницы и, на ходу взяв из корзины сочное, спелое яблоко, с удовольствием откусила большой кусок. "Такой вкусноты я еще не ела" - Ромашка улыбнулась собственным мыслям и направилась прямо к Туру. Молодежь, несмотря на усталость, весело шумела, смеялась, и девушка впервые подумала, что, скорее всего, приживется здесь. Конечно же, ей придется многому научиться, но трудности Ромашку не пугали.

Усталость оказалась приятной. Девушка с аппетитом поужинала, а после, лежа в своей постели, довольно улыбалась, глядя на пятнышко лунного света на полу.

- Это место я действительно смогу назвать своим домом, - сказала она себе и, потянувшись, подбила подушку, прикрыла ноги легким одеялом. - Вот и закончилось мое путешествие. Наконец-то.

И, - как обычно бывает, когда человек долго держится на пределе своих физических возможностей и нервного напряжения, а потом позволяет себе расслабиться, - Ромашка заболела.

Ночью Ромашка долго ворочалась, не понимая, отчего это ей так жарко, потом вышла умыться, но ей по-прежнему было душно. Ромашка как раз раздумывала, а не выйти ли на двор да подышать свежим воздухом, когда мать Тура, которая спала очень чутко и услышала Ромашкины шаги, выглянула в горницу:

- Что не спишь, Ромашка?

- Не спится чего-то, - ответила девушка.

Матери Тура не понравился Ромашкин голос, и она подошла к девушке, тронула рукой ей лоб.

- Да у тебя жар, - вздохнула она. - Пойдем, Ромашка, тебе надо вернуться в постель.

Девушка послушалась, но как добралась до кровати - уже не помнила.

Утром дверь открылась, и в проеме появилось встревоженное лицо Тура.

- Как ты? - тихо спросил он, удостоверившись, что Ромашка уже открыла глаза и не спит.

- Нормально, - почти простонала девушка.

Вскоре тетушка Звана принесла ей отвар из целебных трав и заставила выпить до последней капельки.

- Как тебя дома лечили? - спросила она.

- Лекарствами, - ответила девушка, и добавила, немного подумав, - таблетками.

- Так, - мать Тура встала, взяв из рук Ромашки опустевшую чашку, - пусть твой организм сам учится сопротивляться болезни. Мы ему поможем, но только чуть-чуть.

Целый день Ромашка провалялась в постели, к ней изредка заглядывал Тур, иногда вместе с ним в комнатку заходил и Димка, но тетушка Звана гоняла посетителей от двери, чтобы не беспокоили заболевшую Ромашку понапрасну. А Тур и вправду волновался, ведь у них люди болели очень и очень редко, а на Ромашку с покрасневшими глазами и пересохшими от жара губами смотреть было больно, особенно, когда девушка шла, цепляясь за стены, в уборную, то и дело останавливаясь, чтобы унять головокружение. Ромашке было плохо, но подобная слабость и беспомощность вовсе не являлись для нее чем-то непривычным и пугающим, да и Димка тоже перевидал на своем веку

всякого, а вот Тур, по мнению девушки, слишком серьезно все воспринял и ходил как в воду опущенный, пробовал даже мать уговорить, чтоб подлечила, да только тетушка Звана не поддавалась на уговоры.

- Ничего опасного я пока не вижу, так что пускай учится сама с болезнью бороться, а иначе так и будет постоянно болеть.

На следующий день Ромашке не стало лучше, но и хуже тоже не становилось. Тетушка Звана поила ее отварами, малиновым и смородиновым напитком, заставляла есть понемногу, а большую часть времени Ромашка либо спала, либо дремала.

Вечером Тур заглянул к ней ненадолго, пока мать ходила к соседке. Вернувшись в горницу, Тур услышал на дворе голос Мирослава:

- Тетушка Звана, я узнать хотел, что с Ромашкой. Уже два дня ее на улице не видно.

- Болеет, - ответила ему мать. - Ну, оно и немудрено - много всего за последнее время пережила, вот все разом и навалилось. Бывает такое, да ты не волнуйся, все хорошо будет.

Тур вышел на крыльцо. Мирослав уже попрощался с тетушкой Званой, и его светлая фигура постепенно удалялась, растворяясь в сумерках. Тур бросился догонять.

Мирослав услышал его шаги - остановился, обернулся.

- Поговорить надо, - сказал Тур, и вместе с Мирославом пошел по дорожке к берегу.

Они сидели на мягкой траве, что выстлала берега Родны плотным ковром и не желтела почти до самой середины осени. Вечером в поселке не было тишины, но здесь, на берегу, звуки отчего-то казались приглушенней, слышнее было, как плещет рыба, как пищат летучие мыши над головой, шелестят перепончатыми крыльями.

Они молчали. Тур собирался завести разговор, но вот с чего начать да как говорить дальше - не знал. Мирослав неотрывно смотрел на воду, в гладкой поверхности которой отражалось серебро лунного света.

- Из-за Златы все грустишь? - спросил Тур, решив, что лучше начнет издалека.

Мирослав долго молчал, и Тур уже подумал, что не дождется ответа.

- Может, оно и правда к лучшему, - наконец сказал Мирослав. - Значит, не любила....

- Родителям-то сказал уже?

- Сказал, - вздохнул Мирослав. - Мама расстроилась. Но, сказала, лучше уж так.

- А отец?

- Отец? Да ничего не сказал.

Налетел ветерок, прошелестел листвой, стеблями травы не берегу, и затих.

- Ты это... - Тур потер пятерней затылок, задумался ненадолго, пытаясь подобрать слова. - Ты сильно сердит на меня?

Мирослав пожал плечами:

- Из-за чего мне сердиться?

- Ну... - растерялся Тур, - из-за Ромашки.

- Из-за Ромашки? - Мирослав все так же смотрел на водную гладь. - Нет, Тур. Если уж Ромашка сама выбрала, значит, так тому и быть. Чего мне сердиться?

Теперь Тур тоже нахмурился: Мирослав, несомненно, думал так, как говорил, стараясь не давать разрастаться обиде и на девушку, которая не захотела стать ему сестрой, и на друга, да только одно дело - что разум говорит, а другое - что сердце чувствует. А сердце, видать, болело.

- И все же ты крепко обиделся, - заключил Тур.

Мирослав покачал головой, и повисло молчание, показавшееся Туру слишком долгим, но прежде, чем он решил снова заговорить, послышался тихий голос Мирослава.

- Как-то сразу все так получилось. Злата ждать обещала - и не дождалась. Я, как приехали, - сразу родителям все сказал, да предупредил еще, что сестру приведу. И не привел... Я до сих пор понять не могу: почему?..

- А я вот и хочу тебе объяснить - почему, - пробормотал Тур.

Мирослав обернулся, посмотрел на Тура пристально и опустил глаза.

- На надо, Тур. Я и сам все знаю. Ты - человек легкий, веселый, ей и проще будет жить с тобой, у твоей матери. С моими родителями еще

бы неизвестно как поладила. Да и Димка с вами вместе - веселее все-таки.

Он хотел подняться, но Тур положил ему руку на плечо.

- Ты погоди, - сказал он. - Я ведь не все тебе сказал. А-то говоришь-то ты все складно, да только все равно... Я же вижу, что обидели мы тебя, да и Ромашка переживает.

Мирослав остался сидеть на траве.

- Сильно болеет? - тихо спросил он.

- Сильно, - вздохнул Тур. - Мать говорит, что ничего страшного. Ну, ей лучше знать, она в этом понимает. Ты знаешь... Ромашка пошла бы к тебе сестрой, да это... Нехорошо это было бы. Ты понимаешь, Мирослав, лучше пусть уж моей сестрой будет. Меня-то она не любит.

- Как же? - брови Мирослава чуть приподнялись. - Братом назвала, а ты говоришь - не любит?

- Ну... как брата она меня любит. И тебя любит, но по-другому...

Мирослав медленно повернул голову, посмотрел на Тура, вновь отвернулся к реке. И закрыл лицо ладонями.

Наутро Ромашка проснулась рано, за окном пели птицы, первые лучи едва-едва освещали помещение. Голова не болела, и температуры тоже вроде не было. Ромашка села. Тело казалось необычайно легким, но когда девушка встала на ноги, коленки задрожали и едва не подогнулись. Придерживаясь за стенку, Ромашка вышла в горницу. Тур с Димкой уже позавтракали, и тетушка Звана послала их на огороды, а сама сидела на лавке под окном, вышивая сыну новую рубашку.

- Как ты, дочка, получше? - с улыбкой спросила она.

- Да, кажется да, - ответила Ромашка и тоже опустилась на скамью.

Мать Тура отложила вышивку и пошла к печке. Вскоре перед Ромашкой стояла тарелка с дымящейся кашей и кусочками мяса.

- Ешь, девочка, ешь. Тебе бы теперь сил набраться...

Ромашка не хотела бездельничать, но руки были еще слабы, и непослушные пальцы не хотели даже иголку держать как следует. Девушка покормила собаку, посидела немного во дворе, глядя за реку, туда, где на огородах Тур с Димкой урожай собирали. Она видела лишь

несколько белых точек, и которые из них - ее названные братья, не разглядела.

На свежем воздухе Ромашка почувствовала себя куда лучше, и даже решила, что вполне может прогуляться туда, за реку.

- Я пойду, пройдусь немного, - сказала она матери Тура. Тетушка Звана посмотрела на нее внимательно, а потом кивнула:

- Иди. Только уж пока не бегай.

И Ромашка пошла. Сначала ноги переступали как-то неуверенно, но потом стало легче. Девушка, чуть щурясь, глядела по сторонам, солнце ласкало ее лицо. Она не услышала шагов за спиной и обернулась лишь тогда, когда ее окликнули:

- Ромашка!

Девушка сначала удивилась, увидев Мирослава, потом робко, нерешительно улыбнулась. Он был такой светлый - и штаны из невыбеленной ткани, и сорочка, вышитая красным узором по рукавам и у ворота, и волосы... Только лицо хмурое. Мирослав виновато опустил голову:

- Прости меня, Ромашка, я не знал...

Отчего-то Ромашка не смутилась, наоборот - ей стало так хорошо и легко, словно с плеч упала тяжелая ноша. Молодец все-таки Тур, не послушал ее, трусиху, поговорил...

- Все хорошо, - тихо сказала Ромашка.

- Обидел я тебя...

Ромашка не ответила. Ей нечего было сказать. Она-то и не обижалась вовсе: сама виновата, надо было сказать все, как есть, а не ждать, пока Тур за нее решит.

- К Туру идешь? - спросил Мирослав, и девушка кивнула. - Ходишь еле-еле... Я провожу.

Глава 18

Настало время сбора урожая, и всех жителей Вестового и еще нескольких ближних поселений пригласили на праздник в Долину Ручьев. В Вестовом люди больше скотину разводили да рыбачили, но когда приходила пора сеять пшеницу или собирать урожай, жителям Долины помогали все. И праздновали потом вместе.

Ромашка к тому времени как раз окончательно поправилась. Тур сдержал слово и учил Ромашку рыбачить. Они целый день сидели втроем - куда же без Димки - на берегу Родны, и Ромашке даже удалось самой выловить трех-четырех рыбешек, в то время как Тур с Димкой ведро наловили. После полудня к ним присоединился Мирослав. Ромашка увидела его не сразу, а, встретившись с ним взглядом, - смутилась. Ей очень хотелось знать, что же теперь Мирослав о ней думает, но читать мысли Ромашка не умела, к сожалению, а может и к счастью, потому скоро и оставила всякие попытки.

Мирослав, как ей показалось, чувствовал сам огромное облегчение оттого, что все, наконец, разъяснилось, и вел себя так, будто не было ни обиды, ни объяснения после, то есть, рассудила Ромашка, по-прежнему относился к ней как к сестре. Или как к хорошему другу. Это дорогого стоило, и Ромашка даже радовалась - теперь у нее есть два настоящих друга. Вернее три: Димку девушка тоже зачислила в друзья.

Этим вечером Ромашка и узнала, что назавтра все они приглашены на обжинки. Праздник обещал быть шумным и многолюдным, так как в Долину Ручьев ехали не только из Вестового, но и из Дубнянки, и из Гористого. Ромашка радовалась предстоящей поездке ровно до того мгновения, как вспомнила, что в Долине Ручьев живет Злата. Как ни странно, первая мысль Ромашки при этом была рождена не ревностью. "Как же Мирослав? - подумала она. - Каково ему будет ее видеть?" И Ромашка вечером, после ужина, сообщила Туру свои подозрения:

- Он не поедет.

- Поедет, - сказал Тур. - С утра ведь будем помогать, дожинать, последние снопы вязать. Поедет, это точно, а вот останется ли на праздник...

Утро была жарким, ясным. На запряженных лошадьми бричках люди ехали по несколько семей, весело разговаривая, то и дело над дорогой, идущей вдоль реки и иногда ныряющей в лес, разносилась песня, поддерживаемая многоголосым хором. Девушка нашла глазами и Мирослава. Он ехал вместе с родителями немного позади, и девушка впервые смогла разглядеть его мать. Любима была женщиной еще молодой и красивой, над большими карими глазами - черные ниточки бровей, темная коса уложена вокруг головы. Любима и Вояр, родители Мирослава, действительно смотрелись красивой парой. И благополучными супругами, любящими, заботливыми...

У Мирослава вид был нельзя сказать чтобы грустный, но девушка подумала, что в ехать Долину Ручьев у него нет никакого желания. Хотя, может, Ромашка и ошибалась? Увидев ее, Мирослав улыбнулся и кивнул в знак приветствия. Тур махнул ему рукой.

В тот день Ромашка устала и вымоталась, правда больше всего именно из-за жары, а не оттого, что перетрудилась. Народу было много, и работа спорилась. Когда, наконец, был связан последний сноп, традиционно украшенный васильками, над полем зазвенели песни да заиграли дудки. Разом усталость прошла, и захотелось тоже петь и плясать. Мужчины подняли дожинок и понесли к деревне. Впереди всей процессии Ромашка разглядела красивую девушку с длинной косой золотых волос, в которых, словно среди колосьев зрелой пшеницы, голубели искусно вплетенные васильки. Ромашка сразу узнала Злату.

На широком лугу у самой деревни люди остановились. Мужчины вынесли столы, женщины заставили их кушаньями. Ромашка ела немного, больше поглядывала по сторонам, чаще всего взгляд ее останавливался на спокойном лице Мирослава. На Злату он не смотрел. Один раз глянул - как только приехали - и больше не смотрел.

После молодежь затеяла танцы, а вскоре на лугу веселились все от мала до велика. Музыка была такой веселой, такой заводной, что Ромашка, стоя немного в сторонке и не решаясь присоединиться к всеобщему веселью, притопывала ножкой в такт. Тура окружили

молодые девушки и увели в самый центр, Димка тоже недолго стоял рядом - побежал веселиться со здешними мальчишками. Тетушка Звана оживленно беседовала с круглолицей улыбчивой женщиной, родители Мирослава о чем-то говорили со старостой.

А по дороге вдоль реки неторопливо удалялась одинокая светлая фигура.

Он ушел так незаметно, что даже Ромашка не сразу поняла, что его уже нет рядом. Девушка враз погрустневшими глазами следила, как постепенно скрывается из виду силуэт Мирослава, растворяясь в сгущающемся сумраке. Больше всего на свете ей хотелось сейчас побежать следом, но девушка осталась стоять на месте.

- Ромашка, пойдем! Пойдем с нами!

Разрумянившаяся Веселинка, не дожидаясь согласия, просто взяла Ромашку за руку и повела за собой, заводя хоровод. Ромашка растерялась так, что и не сопротивлялась даже, а после и сама не захотела уходить из веселого круга. Лишь изредка в голове проносилась мысль: "Как же он там, один?"

Тетушка Звана, как и многие взрослые, уехала домой пораньше. И уж только когда молодежь вдоволь наплясалась, последние гости покинули Долину Ручьев. Тур правил, и в повозке позади него сидели, кроме Ромашки и Димки, еще двое парней да Милана с Веселинкой. Все были уже настолько сонные, что клевали носом, и только Тур еще держался.

Повозка сбавила ход, и Ромашке почудилось сквозь наползающую дремоту, что кто-то запрыгнул к ним на повозку. Она разлепила сонные глаза - рядом с Туром, спиной к девушке, сидел Мирослав. Он принял поводья из рук Тура, который уже едва мог бороться со сном. Ромашка разглядела, что волосы Мирослава были влажные. "В речке купался" - решила девушка. Хотелось подобраться к нему поближе, но Ромашка поборола в себе это желание и все-таки заснула. Устав не столько от работы, сколько от танцев и переполняющих душу впечатлений, Ромашка спала крепко, и не проснулась даже тогда, когда повозка остановилась, и Тур на руках отнес ее в дом.

Долгие, солнечные дни уходящего лета были наполнены радостью. Ромашка наконец-то чувствовала себя своей. Ну и пусть она пока не умеет очень многого - учится ведь, да учится старательно, к

тому же лучше тетушки Званы учительницы ей было не сыскать. Ромашка во всем старалась помогать матери Тура, и постепенно многое перестало казаться ей сложным и непонятным. Девушка уже без боязни входила и в курятник, и в хлев, и за вышивку бралась, правда пока лишь с тем, чтоб на следующее утро снова ее распустить да начать заново. А еще у Ромашки подруга появилась - Веселинка, добрая, смешливая девушка, несколькими годами младше самой Ромашки. Веселинка заходила за ней по вечерам перед тем, как отправиться к старым яблоням, где собиралась молодежь под практически незаметным присмотром кого-то из старших. Тур на этих посиделках присутствовал часто. Мирослав с ним ходил всего-то два раза, и сидел, тихо беседуя о чем-то с другом. Ромашка поначалу немного смущалась при нем, но это быстро прошло, и девушка больше не ощущала скованности в присутствии Мирослава, только тепло и радость от того, что он рядом.

И вот настал день, когда из Родня прибыл гонец и сообщил, что последний из добровольцев вернулся, и назавтра состоится Совет. Рано утром отправились в Родень. Путь был не близкий, но повозка катилась быстро. Тур снова правил, а Димка во все глаза наблюдал за ним, имея в виду и самому вскорости научиться. Ромашка смотрела по сторонам, а тетушка Звана негромко беседовала с Мирославом, выехавшим в Родень вместе с ними.

На площади уже собралось множество людей, и вновь прибывшим было не так-то легко найти место поближе к центру. А в центре площади, где несколько человек уже ставили скамьи для мудрецов Совета, сидел на траве человек в городской одежде. Черные как смоль волосы непослушно торчат в разные стороны, такая же черная щетина покрывает всю нижнюю часть лица, глаза опущены, а через лоб и правую бровь спускается к скуле широкий рубец. "Видать, в пути некому было помочь, залечить" - подумала Ромашка, с жалостью глядя на нового человека.

- Сивер, - услышала Ромашка голос Мирослава. - Значит, это он.
- Сивер? - переспросила девушка. - Это его так зовут?
- Да.
- Ты его знаешь?
- Да. У нас один наставник.

- Наставник? А чему он вас обучает?

- Всему, - ответил Мирослав.

В это время сидевший в центре человек поднял глаза. Они оказались ярко-голубыми, как у Тура, но на темном лице Сивера они сияли двумя яркими звездами. На последнем добровольце были обычные джинсы, потертые, местами порванные, на правой ноге, чуть выше колена, штанина немного перепачкана кровью.

- Да, досталось ему, - пробасил Тур.

Сивер обвел глазами собравшихся, и когда взгляд его скользнул по лицу Мирослава, Ромашке показалось, что на лице Сивера промелькнуло неприязненное выражение. Ненадолго взгляд голубых глаз задержался и на девушке, и она ощутила легкий холодок. Глаза Тура были теплые, а у этого человека они оказались холодными, хотя и горели огнем, но огнем не жарким, а скорее замораживающим. "Наверное, это после города он такой" - решила девушка.

Мудрецы появились на площади, и тут же воцарилась тишина. После традиционных слов приветствия и напоминания о цели собрания, Любомира произнесла имя последнего добровольца:

- Сивер из Родня.

Человек поднялся и, чуть прихрамывая, вышел и встал перед мудрецами. Самое начало его рассказа удивило Ромашку - город, где пробыл этот год Сивер, тоже окружала высокая стена. Да только на этом сходство с Ромашкиным городом и закончилось. Никакой, пусть даже мнимой свободы, у жителей города не было. За ними следили всюду и повсеместно, их вечно пугали каким-то страшным врагом, который вот-вот может напасть на город и всех уничтожить, и потому людей постоянно готовили к нападению. Из рассказа Сивера вскоре стало понятно, что город словно представлял собой одну большую воинскую часть, а несколько заводов в нем - и те были оружейные.

Благодаря тому, что люди, слепо подчиняясь порядку, мало смотрели на других, Сиверу удалось довольно длительное время копировать их поведение, вклиниться в серую массу и ничем из нее не выделяться.

- Я делал то же, что и другие, - говорил Сивер. - Я не вел разговоров с людьми, опасаясь, что на меня донесут, я внимательно смотрел по сторонам и слушал. И успел услышать много такого, что отбило во мне всякое желание помогать этим людям. Дети у них

воспитываются в интернатах, семьи нет, дружбы нет - ничего человеческого нет. Они живут по десять человек в помещении и никогда не бывают одни. Женщины живут отдельно от мужчин, но внешне почти ничем не отличаются. Да и ведут себя точно так же, если не хуже, особенно когда к ним приведут новенькую из интерната.

Сивер помолчал, словно говорить дальше ему совершенно не хотелось.

- Мой рассказ не будет долгим, потому что иначе он получится чересчур однообразным. Каждый день был похож на предыдущий, и можно было бы запросто сбиться со счета, если б не календарь на стене над моей кроватью - единственный показатель того, что время все-таки идет. Порой мне казалось, что я живу в этом городе уже много-много лет. Событий за все время моего пребывания там было мало - несколько раз я присутствовал при наказании тех, кого подозревали в заговоре и подготовке мятежа. Дважды я видел, как казнили мятежников. Но, самое главное, я узнал, что город готовится к войне.

В невероятной тишине Сивер продолжал свою речь - потрясенные слушатели боялись даже перевести дыхание.

- Несколько городов вступили в союз, чтобы выступить против нас весной, едва стает снег. Они рассчитывают на то, что мы будем заняты подготовкой полей и огородов, и вот тогда собираются перейти пехотой Рубежный хребет. Я не знаю точно, есть ли у них какое-то новое оружие, о котором мы не знаем, но думаю, что да - иначе вряд ли они решились бы открыто выступить против нас. Хотя вполне возможно, что их подтолкнула к этому информация о проникающих в города чужаках. Могу сказать в заключение, что жители этого города - одна большая и страшная армия. Благодаря тому, что я вместе с ними участвовал в учениях, я знаю, какое оружие есть в распоряжении этой армии, и умею с ним обращаться. И еще, - Сивер снова обвел взглядом собравшихся и повернулся к мудрецам, - что бы я ни говорил здесь год назад, сегодня я хочу сказать совсем другое: города должны быть уничтожены!

Люди зашумели, пораженные его словами. До того все остальные не высказывали после рассказов свое мнение, дожидаясь решения Совета, Сивер же поступил иначе. После того, как последние слова были произнесены, Сивер опустился на колено перед старейшим, и тот

дотронулся рукой до его лба. Воспоминания Сивера старейший смотрел дольше, чем остальных, потом с тяжелым вздохом убрал руку. Сивер встал. Выражение его лица не изменилось, но оно посерело и выглядело теперь и вовсе неживым.

- Совет огласит решение через три дня, - объявила Любомира, и мудрецы ушли с площади.

Люди подходили к Сиверу с некоторой опаской, больше здороваясь с расстояния, лишь некоторые протягивали ему руку, и уж совсем никто не решился похлопать по плечу или обнять. Надо сказать, Ромашка поняла почему - от черноволосого Сивера исходила физически ощутимая озлобленность, которая, хотя и была направлена на далекого врага, отталкивала непривычных к подобным чувствам людей.

Тур с Ромашкой и Димкой направились к центру вслед за Мирославом.

- Здравствуй, Сивер, - Мирослав протянул руку, и черноволосый пожал ее, правда, без особого желания.

- Здравствуй, - не сразу ответил Сивер. Окинул Мирослава пристальным взглядом с головы до пят и усмехнулся. - Тебе, вижу, это тоже даром не прошло. Ну что, изменил свое мнение?

- Нет, - спокойно ответил Мирослав.

- Нет? - Сивер удивленно приподнял брови. - И почему же? Неужели тебе понравилось жить в городе? Я не слышал ваших рассказов, но уже знаю, что двое наших не вернулись.

- Наверное, мне просто повезло, - Мирослав пожал плечами. - Я нашел в городе людей. Настоящих людей. Они помогали мне, зачастую рискуя своей жизнью.

Сивер недоверчиво усмехнулся. Он перевел взгляд на Тура, стоящего рядом с Мирославом, потом на Ромашку. На лице Сивера отразилось еще большее удивление, когда взгляд голубых глаз точно так же пристально оглядел всю ее фигуру, задержался на волосах, по здешним меркам слишком коротких, и остановился на лице девушки.

- Неужто городская? - спросил он. - А так и не скажешь... С кем пришла? С тобой? - последний вопрос был адресован Туру.

- Со мной, - сказал Мирослав.

- А-а-а... - протянул Сивер. - Ну ясно, ясно.

Холодные голубые глаза снова смотрели на Ромашку:

- Как тебя зовут?

- Ромашка, - ответила девушка.

- Ромашка? - Сивер хмыкнул. - Ну а что скажешь ты, Ромашка? Твой город тоже готовится к войне?

- Не знаю.

- Не знаешь? Хорошо, городская Ромашка, хорошо, если действительно не знаешь.

Предупредив реплику Мирослава, Сивер сделал успокаивающий жест руками:

- Нет, не надо. Если ты ей доверяешь - это твое дело. Я не доверяю городским. Особенно сейчас. Но это уже мое дело, не так ли?

И Сивер, прихрамывая, пошел прочь. Последнего вернувшегося из городов добровольца никто не встречал.

Глава 19

Через три дня Совет объявил свое решение: подождать до зимы, попытаться предотвратить войну с городами, но, если не будет другого выхода, тогда все города, что вошли в военный союз, подлежат уничтожению. На этот раз почти все согласились с мнением Совета. За оставшееся время планировалось выяснить, какие же именно города объединились для нападения. Точно было известно лишь то, что приморского города среди них не было, и это окончательно успокоило Димку. В его город отправили отряд диверсантов, которые смогли бы поднять мятеж и захватить заводы, а после открыть в город дорогу тем, кто сможет организовать очистительные мероприятия, займется установлением в приморье новых порядков. В остальные города тоже направляли своих людей, уже не поодиночке, а по трое-четверо, и помочь им проникнуть на территории городов брались сами мудрецы и старейшины.

Новые добровольцы покинули родные места в начале осени, когда окончился сбор урожая, и дети Вестового каждое утро в одно и то же время собирались в двухэтажном бревенчатом здании - поселковой школе. Последние несколько дней Мирослав постоянно находился в Родне - участвовал в подготовке диверсионных групп, передавая им все полученные знания. Тур тоже был там, и Ромашка с Димкой скучали, хотя, если честно, Димке особенно и некогда было скучать - мальчик первый раз пошел в школу, и ему приходилось нелегко. Ромашка рада была ему помочь, да только Димка старался не обращаться за помощью, а справлялся со всеми уроками самостоятельно.

Однажды на пороге дома тетушки Званы появился Мирослав. Ромашка в это время вышивала, сидя под окном. Теперь у нее получалось совсем неплохо, и последние два дня девушка уже не распускала вышивку, а продолжала начатый узор. Мирослав посмотрел на пяльцы в ее руках с легким удивлением и улыбнулся.

- Рукодельничаешь?

Девушка кивнула. Мирослав подошел ближе и, наклонившись, принялся рассматривать вышитый алой нитью узор.

- Красиво получается, - сказал он. - Кому это, Туру?

- Димке, - сказала девушка. - Если получится, конечно. Я уже который раз распускаю.

Мирослав еще некоторое время смотрел на вышивку, затем поднял голову.

- Меня сюда по делу прислали.

Он вынул из сумки что-то в квадратном черном чехле с ремнем, и девушка несказанно удивилось, когда внутри чехла обнаружилась небольшая видеокамера для любительской съемки.

- Что это? - удивленно спросила Ромашка, не веря своим глазам.

- Я думал, ты знаешь, - в свою очередь удивился Мирослав.

- Нет, я знаю, конечно, но... откуда?

Мирослав улыбнулся и неожиданно подмигнул:

- Попробуем бить врага его же оружием, - сказал он, пряча камеру обратно в чехол и в сумку. - Пойдем! Только знаешь, Ромашка, переоденься лучше в свою городскую одежду. Мне кажется, тебе скорее поверят, если ты будешь выглядеть более привычно для них.

- Так ты меня снимать будешь? - опешила Ромашка.

Мирослав кивнул.

Пока они шли по дорожке, Мирослав рассказывал, как идет подготовка диверсантов, кто поедет в Ромашкин город, а также объяснил, для чего ему понадобилось снимать Ромашку в городской одежде на камеру.

- Понимаешь, Ромашка, мы решили, что люди в ваших городах оттого не стремятся менять свою жизнь, что не видят никакой альтернативы. Для них мир заканчивается у городской стены. Поэтому необходимо показать им, что на самом деле именно за стеной их ждет целый мир, огромный и прекрасный, которого они никогда не видели, и который могут уничтожить, даже не подозревая об этом. Мы уже подготовили несколько записей, и я подумал, что хорошо бы показать людям тебя. Ведь в городе есть люди, которые тебя знают, а к тому же тебя объявляли в розыск и теперь, Ромашка, твое лицо должно быть известно большинству горожан. Представляешь, что будет, когда они увидят, что с тобой все хорошо, услышат от тебя правду обо всем, что

произошло. Помнишь Алека? Он, мне кажется, хорошо разбирается и в технике, и в электронике. Если нашим ребятам с его помощью удастся вклиниться в трансляцию и показать запись...

- Люди не поверят, - сказала Ромашка.

Мирослав уставился на нее удивленно.

- Почему?

- Потому что эта информация, если принять ее на веру, ломает все их представление о жизни. Понимаешь?

- Так и должно быть.

- Тогда людям придется поверить, что они живут в тюрьме, - сказала Ромашка. - А так как у нас не доверяют друг другу, то и объединиться для того, чтобы изменить ситуацию, у людей не получится. Следовательно, им проще не верить.

Мирослав замолчал надолго. Тем временем они поднимались по тропинке к вершине горы, с которой открывался потрясающий вид на долину, реку и лес. Вскоре они выбрались на небольшую каменистую площадку, и Мирослав обернулся к девушке.

- Ты говоришь страшные вещи, Ромашка, - произнес он, - но я помню, что ты слишком часто оказываешься права. Странно ведь... Наставник называл меня способным учеником, а я видимо так и не научился разбираться в людях.

- Вы с Сивером не дружите? - вдруг спросила Ромашка.

- Нет, не дружим. А что?

- Да я вот подумала... Если б вы с ним сели да поговорили как следует, обсудили все, что видели, что знаете, это было бы очень даже неплохо.

Мирослав внимательно посмотрел на Ромашку и нахмурил брови, задумавшись над ее словами.

- К мудрейшей бы тебя отправить в обучение. К Любомире, - неожиданно сказал он, и Ромашка так и не поняла - к чему это было сказано.

Через пару дней Тур с Мирославом вернулись домой уже насовсем. Тем же вечером друзья вчетвером собрались на берегу реки. Димка с Туром прихватили удочки, Ромашка тоже взяла свою, но рыбачить сегодня не стала. Мирослав сидел на траве рядом с нею,

задумчиво глядя на воду, и молчал. Лишь названные братья разговаривали: негромко, чтобы рыбу не спугнуть.

- Ты знаешь, Ромашка, - услышала вдруг девушка и приготовилась слушать, - я сделал так, как ты сказала.

Девушка удивленно обернулась к Мирославу - она-то уже и вспомнить не могла, о чем речь.

- Я поговорил с Сивером, - пояснил Мирослав. - Сначала мы едва не поругались - мы с Сивером вообще редко находим общий язык. Так получилось, что наставник наш услышал обрывки разговора и сказал тогда, чтобы мы обменялись воспоминаниями, - он нахмурился, посмотрел девушке в глаза. - Мы не можем пока полностью контролировать этот обмен, и поэтому каждый видит все воспоминания другого человека. Все, что с ним происходило, начиная с определенного момента. В данном случае - с моего прибытия в город. Ты прости, Ромашка, теперь Сивер знает все, что знаю я, в том числе и о тебе.

Мирослав пристально вглядывался в ее лицо, опасаясь заметить и не находя следов недовольства или испуга.

- Ты не сердишься на меня?

Ромашка отрицательно покачала головой:

- Нет. Ты только скажи, что было дальше.

- Дальше... Дальше я, Ромашка, увидел такое, что теперь полностью понимаю Сивера, понимаю, почему он переменил свое мнение.

- Понимаешь?

- Не поддерживаю, Ромашка. Но понимаю. И... и можно сказать, что увиденное избавило меня от излишнего оптимизма. Я не перескажу тебе всего, Ромашка, не проси. Это слишком... Даже для тебя, наверное, слишком страшно. Но после всего, сопоставив свой опыт и Сивера, я начинаю видеть, как из кусков разноцветной мозаики складывается цельная картина. Не очень приятная, но, по крайней мере, теперь мне понятно, что к чему... Так что разговор наш с Сивером действительно оказался полезен.

Он помолчал немного и добавил:

- Какая же ты умница, Ромашка!

От неожиданной похвалы на лице Ромашки появилась смущенная и вместе с тем довольная улыбка.

Они разошлись лишь когда совсем стемнело. Перед тем, как свернуть к своему дому, Мирослав вдруг протянул Ромашке небольшой полотняный мешочек, который целый вечер сегодня пролежал на траве рядом с ним.

- Это тебе.

Внутри оказались разноцветные нитки для вышивания.

Вода в реке стыла, и дни постепенно холодали. Сперва начали желтеть листья, и стена леса за опустевшими огородами постепенно перекрашивалась, теряя темно-зеленую окраску. Потом появился ветерок, что вместо летней прохлады принес пробирающий холод, и как-то вдруг стало понятно, что на дворе уже осень.

Ромашка закончила вышивать рубашку для Димки. Мальчику обновка понравилась, и вдохновленная успехом, девушка решила взяться еще за что-нибудь. Тетушка Злата принесла новой ткани и принялась учить Ромашку шить.

- Себе шить будешь, - сказала мать Тура. - А-то вон и надеть-то нечего - одно платье только.

И Ромашка шила, да только для себя оказалось совсем не так приятно и интересно, как для кого другого, кому потом свою работу подарить можно. Если бы она могла что-нибудь сделать для Мирослава - но нет: вышивать ему рубашки может либо мать, либо жена.

В один из таких дней, когда дыхание осени ощущалось явственно, но тепло ушедшего лета еще исходило от земли, пришло тревожное известие от Рубежного хребта.

Сокол был немолодым и многоопытным воином. Не раз ему пришлось выявлять вражеских лазутчиков, пытавшихся малыми группами незаметно перебраться через Рубежный. После большой битвы, что произошла почти столетие назад, города не осмеливались отправить за Рубежный большую армию. Тогда большинство городских вернулись домой с помутнением рассудка. Многие и не вернулся вовсе. Конечно, поселяне не были злыми или жестокими людьми, но когда на них нападал враг - его не жалели. Вот так и получилось, что едва ли не вся армия, собранная городами, вдруг повернула прочь от гор. Самого Сокола во времена той битвы еще на свете не было, но и дед, и отец рассказывали, да к тому же долгое

время по нескольку месяцев в год патрулируя Рубежный, Сокол приблизительно мог представлять себе, что же произошло тогда, век назад.

Сегодня погода была ясная, и колонну военных машин Сокол заметил издалека. Острый взгляд хорошего стрелка позволил даже сосчитать их, после чего Сокол рассудил, что в этот раз им придется иметь дело не с небольшой группой, а с отрядом в полторы-две сотни человек. К тому времени колонну заметили и двое друзей Сокола, товарищей по оружию, что стояли на посту неподалеку, а там уже передали по цепочке и остальным патрулям Рубежного. Предупредив своих, что сам сообщит обо всем Совету, Сокол сосредоточился, представив себе мысленно старейшину Светозара из Вестового - уж он-то потом передаст известие и остальным мудрецам, и воеводе роднянскому Бравлину, и старостам ближайших поселений.

Передача такого сообщения требовала серьезного сосредоточения, и когда Сокол вновь нашел взглядом машины, те были уже близко. "Да, на этот раз всех не сдержим" - невесело подумал патрульный, наблюдая, как приближаются автомобили, как останавливаются неподалеку от хребта. Вот у подножия появились солдаты - Сокол насчитал двести человек - в полном вооружении, в защитных шлемах и бронежилетах. "От стрел наших, что ли?" - усмехнулся Сокол. Уж он-то знал, что без труда попадет в незащищенную шею солдата или в глаз, только вот поближе подпустить...

Отряд начал подъем. Определив командира, Сокол передал остальным, что им займется сам. Сосредоточившись, патрульный ожидал знакомого чувства, когда чужое сознание отворяется, пропуская удар, который может стать для незащищенного разума погибельным, а может просто содержать словесное предупреждение, и в таком случае лучше всего предупреждения послушать. В этот раз Сокол собирался сначала по-хорошему посоветовать командиру отряда увести своих солдат, ну а уж если не послушает... С изумлением патрульный вдруг понял, что не может подобраться к сознанию этого человека, словно наталкивается на глухую стену, которую не обойти, не проломить.

От остальных патрульных поступали полные изумления и тревоги сообщения. Сокол вдохнул и принялся налаживать тетиву. "Иск*о*р, - мысленно передал он ближайшему товарищу, - спускайся в хутор да

людей предупреди, чтоб уходили, рассеивались по лесу. Лучше пусть к югу отходят, туда отряд не пойдет". Молодой Искор принял приказ. "Нас немного, а Рубежный без прикрытия оставлять нельзя, - говорил меж тем Сокол остальным. - Стрелять лишь в случае крайней необходимости, местонахождения своего не выдавать".

Отряд поднялся по склону и беспрепятственно прошел к перевалу. Сокол тяжело вздохнул - нелегко оказалось пропустить врага, ни одной стрелы так и не выпустив. Патрульный отошел подальше, спрятался за камнями и прикрыл глаза. На сей раз ему предстояло не только рассказать обо все старейшине Светозару, да еще и передать то, что видел своими глазами - может, мудрейшие и разберутся, что к чему.

Когда на площадке возле дома старейшины били в била, всё Вестовое слышало эти удары, и люди немедленно бросали любое занятие и приходили на звук. Старейшина Светозар, один из мудрецов Совета, не долго ждал, чтобы собрались все.

- Нынче сообщили мне патрули с Рубежного, что движется к нам враг - две стони городских солдат при полном боевом вооружении. Они перешли Рубежный хребет и завтра на рассвете подойдут к горам у Долины Ручьев. Все, кто прошли обучение воинскому делу, должны сейчас же собраться и в течение часа, вместе с воеводой Вояром, выехать к месту расположения лагеря у поселка в Долине.

Старейшина умолк на несколько секунд, обвел взглядом посуровевшие лица мужчин и побледневшие, взволнованные - женщин.

- Совет принял решение отвести людей из Долины Ручьев и Гористого. Сегодня женщины, старики и дети прибудут из этих поселков сюда и поселятся вместе с вами в ваших домах. Вам же надлежит быть готовыми в случае чего покинуть дома вместе со своими гостями и отправляться в Родень.

Страшную истину Ромашка осознала только тогда, когда Тур уложил в холщевую сумку чистую рубаху, а мать его принялась заворачивать в полотенце пироги.

- Что ж это такое, неужели война? - прошептала девушка.

Тур услышал ее.

- Нет, просто разведать пытаются чего-то. Ты не бойся, Ромашка, мы их быстро побьем и домой вернемся.

- Ох, дитятко ты мое неразумное, - вздохнула тетушка Звана, отчего Тур, названный "дитятком", покраснел как бурак. - Да разве ж ты не слышал всего, что старейшина говорил? Слушал, слушал, да не слышал!

- Да что ты, мать, все я слышал, - отозвался Тур смущенным басом.

- Сам-то подумай, зачем бы Совет решил людей отводить? Ведь вас полсотни против их двухсот выставить - и городские бы побежали. Так нет, опасается Совет, что исход битвы может быть и иным.

- Ну, так то на всякий случай...

Мать лишь покачала головой, и слова ее заставили задуматься Ромашку. Ведь и правда, не так все ладно, раз эвакуируют целых два поселка, да и им сказали быть наготове. Потом девушка подумала про Мирослава - и сердце заныло, а ноги вдруг ослабли и задрожали, норовя подогнуться. Ромашка едва удержалась, чтобы не броситься вон из избы да не побежать туда, к реке, где стоял дом родителей Мирослава. Она помогла тетушке Зване Тура собрать, а после вместе с нею и Димкой пошла провожать своего названного брата. У реки, там, где дорога из Вестового уходила на Гористое, а потом и к Долине Ручьев, уже собрались мужчины. Прежде всего Ромашка увидела не Мирослава, а его отца - тот был верхом, в то время как большинство собиралось ехать на повозках. Девушка тут только вспомнила, что старейшина назвал отца Мирослава воеводой.

- Все. Дальше провожать не надо. Вон уже выезжать собираются, - сказал Тур.

Димка, от самого дома не выпускавший его руки, едва заставил себя разжать пальцы.

- Возьми меня с собой, - тихо сказал он.

Наверное, эту фразу он повторял не впервые, потому что Тур ответил:

- Я уже говорил тебе - не могу. Сам старейшина сказал, что пойдут только те, кто обучен воинскому делу. Вот подрастешь да выучишься - тогда будешь вместе со мной ходить.

- Я сейчас пойду, - упрямо сказал Димка.

- И оставишь мать и Ромашку без присмотра? - спросил Тур. - Как же я тогда биться смогу, если буду знать, что некому приглядеть за ними? Я-то на тебя надеялся, Дмитрий...

Димка хотел что-то возразить, но умолк на полуслове и виновато опустил голову. Тур обнял напоследок мать, Ромашку и, подчеркнуто по-взрослому пожав руку Димке, зашагал к месту сбора.

На подходе Тур махнул кому-то рукой, и Ромашка сразу увидела ответный взмах. Мирослав сидел на повозке, а рядом с ним - еще несколько человек, и всех их девушка знала хотя бы в лицо. Были там и двое молодых парней, что вечерами приходили под старые яблони, и грозный черноусый сосед, отец Радмилы, и старший брат Миланы. И Ромашке вдруг стало страшно, по-настоящему страшно. Как когда-то, еще живя в городе, она вдруг поняла, что за каждой цифрой уголовной хроники - чья-то жизнь, так и теперь знала, что если кто-то погибнет в предстоящей битве - это не будет просто безымянный человек. Это будет кто-то, кого Ромашка, скорее всего, знала или видела хоть раз, кто-то из тех, кто гулял на празднике урожая, кто-то хотя бы мельком, но виденный в лицо...

Тур как раз подходил к повозке, но Мирослав смотрел уже не на друга, а куда-то поверх его головы, где на пригорке замерли три фигуры в светлых одеждах - мать Тура и его названные брат и сестра. Взгляд Мирослава остановился на бледном лице девушки с пепельно-русыми волосами, спускавшимися немного ниже плеч. Серые глаза Ромашки смотрели прямо на него, огромные, полные беспокойства - это даже издалека видно. Мирослав уже знал от отца все подробности переданного патрульным Соколом сообщения, потому понимал, что бой им предстоит нелегкий, знал также и то, что любой из тех, кого сегодня провожают, может не вернуться домой, но... На лице его сама собой появилась улыбка, и Ромашка, увидев эту улыбку, немного успокоилась и тоже робко улыбнулась, сдерживая просящиеся на глаза слезы.

А спустя два часа после того, как мужчины-воины покинули Вестовое, на дороге показались повозки с жителями соседних поселков. Тетушка Звана пошла встречать соседей, а спустя какое-то время вернулась и привела с собой еще четверых человек - женщину с двумя детьми - взрослой дочерью да маленьким сыном, - и стареньким

отцом. Женщина держались спокойно, а вот дочка ее постоянно прятала зареванное лицо и не переставала всхлипывать.

- Мы как раз свадьбу играть собрались. Уж и жених приехал из южных выселков, а тут такое... Муж мой да дочкин жених остались там, воевать будут.

При этих словах девушка еще громче зарыдала. Тетушка Звана смотрела на девушку с жалостью, но раз и мать утешить не смогла, то куда уж ей пытаться.

Ромашка все это время стояла чуть в сторонке. Димка, что сидел на лавке, при виде незнакомых людей придвинулся к ней поближе, а после принялся дергать за платье и делать какие-то малопонятные знаки, явно пытаясь обратить внимание девушки на что-то очень, с его точки зрения, важное. Девушка успокаивающе похлопала его по плечу. Оставив Димку сидеть на лавке, Ромашка к безутешной невесте и, приобняв ее за плечи, сказала тихо:

- Пойдем, Злата, пойдем со мной.

От удивления Злата перестала плакать и подняла на Ромашку поразительно-синие глаза.

- Ты меня знаешь? Откуда?

- Сейчас расскажу. Пойдем пока ко мне в комнату, там и поговорим.

Мать Златы смотрела удивленно, как девушка с коротко стриженными волосами беспрепятственно уводит ее примолкшую дочь. Прежде, чем дверь за ними закрылась, до слуха женщины долетел негромкий, спокойный голос:

- Да и ты меня видела пару раз, может, не запомнила. Я городская, с Мирославом вместе пришла...

Глава 20

Благодатной тишины не было и в помине. Мелодичное журчание множества ручьев едва слышалось за ржанием лошадей, скрипом колес, голосами мужчин - командами, распоряжениями да тревожными разговорами. Сивер спрыгнул с повозки и неторопливо пошел через лагерь, глядя по сторонам. Уже стемнело, и бойцы разжигали костры да располагались вокруг них на желтеющей траве.

Командиры собрались отдельно у большого костра, обсуждали план завтрашнего боя. Сивер издалека наблюдал за ними какое-то время, потом сам присел на землю. Ему предстояло подумать о многом. От наставника своего Сивер знал уже ситуацию, и смог отпроситься сюда, в Долину Ручьев, лишь по той причине, что нужны были по-настоящему сильные бойцы, а таких, как Сивер, было очень и очень немного. Насколько немного, Сивер понял лишь сейчас. "Ну и где теперь наше превосходство?" - невесело подумал он. Все вооружение армии - луки да ножи. Мечей немного, только у воевод и еще некоторых воинов постарше - до сих пор хватало луков и телепатических атак, да еще в серьезных боях всегда можно было заручиться поддержкой старейшин и мудрецов.

Но все-таки не зря их обучали воинскому делу, учили сражаться любым оружием, даже тем, что изготовляют в городах - если уж случится отобрать у врага, так чтоб могли в ход пустить. И без оружия учили, да так, что в городе, потеряв все свои телепатические способности, которыми Сивер по праву гордился, он все равно чувствовал себя опытным воином среди несмышленых детей - мог скрутить любого, выстоять не то, что против троих-четверых - и десятерых бы не побоялся. Хотя, если честно, Сивер быстро отучился относиться к городским жителям как к несмышленым детям - чересчур уж страшные вещи эти дети творили.

"Что ж, если защищают сознание - будем патроны рвать. И, кажется, у них еще гранаты есть - ну и превосходно" - рассуждал Сивер. На самом деле он был довольно далек от оптимизма. Знал, что они уничтожат чужих солдат, должны уничтожить любой ценой, но в

то же время прекрасно понимал, что, скорее всего, цену за победу в завтрашней битве им придется заплатить очень и очень высокую. Сивер не знал, сколько здесь еще таких, как он - обученных настоящей войне, такой, когда силой мысли, силой сознания можно не только заставить человека бежать, а еще и просто бить, бить в тело на расстоянии, целясь в слабо защищенные места. Да, на те триста человек, что собрались сегодня в Долине Ручьев, таких действительно мало. Большинство бойцов обладают лишь основными навыками телепатии, и во время атаки играют роль вспомогательной силы - вступают в дело, когда сознание противника уже ослаблено, и остается только "добить" его. Они не в силах даже пробить защитный барьер, воздвигаемый разумом на пути вмешательства извне. Сивер же, в достаточной мере восстановив силы после пребывания в городе, мог бы поразить не одного противника, но он отдавал себе отчет в том, что силы его не бесконечны, да и бить противника с такой скоростью, как делают это вражеские автоматы, он не мог. "И почему мы отказываемся от их оружия?" - в который раз за последнее время пришла мысль, но Сивер отогнал ее - наставнику бы подобные рассуждения не понравились. "Мы должны совершенствовать способности, заложенные в нас природой" - говорил наставник, и тут уж Сивер не мог с ним поспорить, но... В данной ситуации это очень походило на то, что называют "естественным отбором". Он-то, Сивер, обязательно выживет, а вот эти молодые, едва постигшие самые основы боевого искусства? Что с ними? Или же происходящее заставит быстрее подтянуться до более высокого уровня тех, кто способен это сделать?

Отпуская Сивера из Родня, наставник взял с него обещание не ввязываться в рукопашный бой пока можно будет использовать преимущества атаки сознания и воли. Возможно, наставник полагал, что Сивер принесет таким образом больше пользы, а может просто не хотел терять своего лучшего ученика, который, если бросится в бой, не будет щадить себя, движимый лишь жаждой убивать врагов? Сивер не зря считал себя лучшим, хотя иногда ощущал легкие упреки совести за подобное самомнение: из тех, кого еще называли учениками, Сивер умел больше остальных, был самым опытным, самым знающим. Правда, после его возвращения из города, отношение наставника к

нему переменилось. Он больше не одобрял действий Сивера, его суждений, не радовался его успехам.

- Почему? - спросил однажды Сивер.

- В тебе слишком много ненависти, - ответил наставник. - Она мешает тебе здраво рассуждать.

Тогда Сивер не понял, как может быть много, и даже слишком много ненависти к врагу, который грозится напасть на родную землю. Но вот, в один злосчастный день, такой же ученик, Мирослав из Вестового, вдруг решил поговорить с ним о том, что в городах есть и настоящие люди, которых нельзя так просто сбросить со счетов, принести в жертву. Сивер не собирался долго слушать эти глупости, но вдруг появился наставник и предложил им с Мирославом обменяться воспоминаниями. Они сделали это с помощью наставника.

- Ты и десятой доли не видел тех ужасов, которые видел я, - сказал ему после Сивер.

Мирослав не стал этого отрицать, но мнения своего не переменил, лишь поблагодарил за науку и наставника, и Сивера. А вот Сиверу пришлось нелегко - вместо жгучей ненависти пополам с болью он увидел сострадание, благодарность, дружескую поддержку. Вместе с Мирославом он ощутил ужас при виде окровавленного тела молодой девушки, глядящей в ночное небо безжизненными синими глазами, страх за жизнь Ромашки, которую допрашивали в полиции, а потом держали на уколах в психиатрической лечебнице, тревогу за городских ребят, что помогли ему и выручить девушку, и покинуть город. Все это было слишком ново и неожиданно, поэтому Сивер решил оставить детальный анализ всего увиденного на потом, но воспоминания Мирослава, к которому Сивер всегда относился без особой симпатии, то и дело пестрыми картинками возникали в сознании. И, право же, Мирослав из Вестового не стал ему от этого более симпатичен.

От размышлений Сивера отвлекло ощущение прямого взгляда, направленного в его спину. Человек приближался. Сивер успел понять, кого увидит, если надумает обернуться, еще прежде, чем услышал знакомый голос:

- Здравствуй, Сивер.

- Здравствуй, - недовольно пробурчал Сивер, поворачиваясь и глядя с раздражением в светло-серые глаза человека, чьи воспоминания порой не давали ему покоя.

- Я не знал, что ты здесь. Кроме тебя из Родня никого нет.

- Я сам приехал, - буркнул Сивер.

Мирослав, кажется, хотел сказать что-то еще, но передумал. Просто, как ни в чем не бывало, пожелал удачи и отошел. Сивер без энтузиазма ответил таким же пожеланием. Белобрысый, как обозвал про себя Сивер Мирослава, сидел теперь недалеко вместе со своим другом, Туром, кажется. Тем самым, который стал братом городской девчонки по имени Ромашка и мальчишки из приморья. Странным образом, ненавидевший все, связанное с городами, к этим пришельцам - девушке и мальчику - Сивер относился даже с некоторой симпатией, и ему самому это не очень нравилось.

Задолго до рассвета воевода Вояр разделил всех своих бойцов на два отряда. В первом были мужчины постарше да опытней, а также те, кто прошел специальное обучение под началом кого-то из мудрецов и обладал сильным телепатическим даром. Этот отряд разбился на две фаланги, которые перевалили через горы - одна южнее, другая севернее того места, где ожидался подход вражеского отряда. Вместе с южной фалангой горы перешел и Сивер.

В густом темном лесу Сивер чувствовал себя как дома. Ни одна веточка не хрустнула под его ногой, ни одна птица не вспорхнула испуганно с ветки. Люди шли цепочкой, постепенно приближаясь к тропе, вдоль которой должны были пройти чужие. Вскоре отряд городских солдат оказался в зоне видимости, и тут же подвергся яростной атаке. Сивер чувствовал, что многие вокруг, как и он сам, пытаются добраться до сознания этих чужих солдат, но совершенно безуспешно. Солдаты даже беспокойства не ощутили, хотя воздух пронизывало такое напряжение, что почувствовал бы кто угодно. "Значит, все-таки защита, но какая?" Сивер не удивился - он знал, что телепатическая атака не удастся, но необходимо было убедиться во всем самому. Теперь он внимательно рассматривал снаряжение пехотинцев - автоматы наготове, пистолет, гранаты у пояса... В итоге взгляд Сивера остановился на шлемах. Во-первых, если уж и поместить где какое бы то ни было изобретение для защиты сознания, то, естественно, поближе к голове, а во-вторых - шлемы не были покрашены в защитные цвета, вместо этого на них надели тканевые чехлы. Обычно так не делали, Сивер это очень хорошо знал.

Напрашивался вывод о том, что вещество или материал, из которого изготовлены эти шлемы, нельзя красить.

Позади двигающегося через лес отряда сомкнулась цепочка окружения. Теперь городские были в плотном кольце, но оставались пока неуязвимыми - они шли группами по десять человек на небольшом расстоянии друг от друга, держа оружие наготове.

Сивер ждал приказа. Он начнет готовиться к удару одновременно со стрелками, которые натянут тетивы, целясь в шеи вражеских солдат. Надо будет как следует сосредоточиться, поэтому цель лучше всего выбрать заранее. Сивер сразу подумал о гранатах. Он мог бы, конечно, взрывать патроны, но от гранаты урона врагу намного больше. Правда, взрывать гранаты Сивер будет лишь до того момента, пока основные силы не спустятся с гор и не вступят в рукопашный бой, а после придется вспоминать другие приемы, которых кроме него тут, вполне вероятно, и знают-то один-два человека, если и знают вообще. "Вряд ли, - подумал Сивер. - Максимум, чего можно ожидать - что кто-то поможет мне с гранатами или другими боеприпасами. Остальное придется самому".

В сознании прозвучал приказ готовиться, и Сивер сосредоточился, а потом, в тот момент, когда выпущенные стрелы нашли свои цели - не все, но многие - прогрохотал взрыв, и не один, а целых четыре. "Значит, еще трое" - мелькнуло у Сивера, но тут с секундной задержкой отряд чужаков ответил на атаку автоматными очередями, и Сивер едва успел спрятаться за дерево. Несколько секунд спустя он выглянул, чтобы оценить масштабы урона, нанесенного противнику - человек тридцать ранены, причем несколько лежат неподвижно - скорее всего, убиты. Сивер вновь сосредоточился на атаке, и снова взрывы прогремели почти одновременно, но на этот раз только три.

"Кого-то из наших ранили, а может и убили, - подумал Сивер как-то отвлеченно, намечая следующую цель. - Интересно, кто же остался?"

Отряд рассыпался по склону, без конца поливая лес автоматными очередями, почти сразу прозвучал приказ их командира. Видимо, чужие поняли, какую опасность представляют для них их же собственные гранаты, и по команде бросили их в лес.

В воздух взметнулись тучи листьев и веток вперемешку с осколками. Сиверу снова повезло - лишь чиркнуло что-то по щеке,

едва оцарапав. Но он почувствовал смерть. Совсем рядом, где минуту назад стоял медноусый Яр из Вестового, прилаживал новую стрелу, готовясь поразить еще одного чужака... Яра больше не было. Как не было еще многих. А вражеский отряд бросился к разлохмаченной взрывами опушке леса.

Сивер не отвлекался. У чужих солдат больше не было гранат, но оставались патроны. Ему потребовалось всего несколько секунд, и вот один вражеский солдат выронил автомат и с воплем схватился за лицо кровоточащими пальцами. "Невелик урон, - подумал Сивер, - всего один человек... Нет, два! Кто-то из телепатов еще, оказывается, жив!" Рожок с патронами взорвался еще у одного солдата, а Сивер выбрал следующую цель.

После нескольких атак Сивера и его невидимого помощника - второго телепата Сивер почему-то считал своим помощником, не иначе - солдаты побросали рожки с патронами как можно дальше от себя. Теперь они надеясь только на защиту касок и бронежилетов, а также на преимущество перед бойцами, многие из которых были ранены осколками и не могли оказать должного сопротивления. С вершины тем временем раздалось громогласное "Ура!", и воины, вооруженные лишь холодным оружием, бросились на врага врукопашную, отвлекая внимание вражеского отряда от своих раненных товарищей.

Сивер уже не прятался. Он сделал еще пару шагов вперед. Ненависть кипела и бурлила в нем, стремясь вырваться наружу, и рука непроизвольно сжималась вокруг рукояти ножа, но Сивер помнил особый приказ - не двигаться с места, покуда остается хоть какая-то возможность атаковать силой сознания, не ввязываясь в физический бой. И все-таки приказ не включаться в рукопашную совершенно не означал, что Сивер вовсе не должен вмешиваться. Он выбрал одного из солдат и, собрав всю свою силу, ударил по незащищенному горлу. Ударил с расстояния в полсотни шагов, но его жертва, беспомощно хватаясь за горло, осела на землю и замерла. Он принялся за следующего. В это время остатки прятавшегося в лесах отряда с криком "Ура!" вылетели из-под прикрытия ветвей и тоже бросились врукопашную. "А Мирослава-то среди них и нет, - заметил Сивер. - А ведь наверняка должен бы быть здесь, в лесу. Неужто убили?"

Странно, но эта мысль оказалась для Сивера очень и очень неприятной.

Сивер бил жестоко, при этом практически оставаясь на месте. Чужие с ужасом смотрели, как то один, то другой солдат вдруг хватается за горло, и хрипя, словно его душат, в конце концов, падает и больше не двигается. А Сиверу вдруг начало казаться, что что-то не так: падали не только те, кого атаковал лично он, и создавалось впечатление, что его помощник не только жив, но еще и прекрасно справляется с таким уровнем атаки, которому лишь не так давно обучили самого Сивера. "Кто же ты?" - гадал Сивер, и эти размышления не мешали ему атаковать все новых и новых противников.

Враги отступали к лесу. Сивер вдруг заметил, как один из чужих на секунду замер, глядя в лес неподалеку от того места, где стоял Сивер. И тут же схватился за горло. "Значит вот где прячется мой помощничек"... Сивер немного отошел в бок, в перерыве между двумя атаками, оглянулся и не сразу справился с удивлением - этого просто не могло быть!

Раненный, вероятно, осколками первых брошенных в лес гранат, Мирослав из Вестового уже не мог идти врукопашную. Опустившись на одно колено, и руками опираясь о землю, чтобы не упасть, он бил издалека, делая то же самое, что и Сивер. Да только Мирослав, на два года позже Сивера поступивший в обучение к наставнику, не должен был знать таких приемов.

Светло-серые глаза Мирослава на мгновение встретились с его глазами, и тут же взгляд Мирослава метнулся в сторону. Сивер тоже обернулся и обругал себя - надо же, так удивился, и даже разозлился, что не заметил крадущегося к нему противника. Это уже совсем плохо! Вражеский солдат упал замертво, но вместо благодарности Мирославу, Сивер почувствовал непонятное раздражение - надо же, раненный, едва-едва силы набирает, а творит такое, что даже его, Сивера, успевает опередить.

Спустившиеся с гор бойцы отвлекли на себя внимание солдат, но бой проходил теперь возле самой опушки, где было много раненных. Теперь Сиверу пришлось драться, и надо сказать, он был этому даже рад. Первый из троих, бросившихся на него противников, упал, хватаясь за горло. Чуть отклонившись в сторону от удара штыка

второго, Сивер буквально вывернул из рук солдата автомат с пристегнутым к нему штыком и ударил в ответ. Потом обернулся к третьему и атаковал его без всякой телепатии. Затем Сивер вдруг подумал о том, что Мирослав не сможет отбиться, если на него нападут сразу несколько, и хотя не испытывал к нему особой симпатии, решил прийти на помощь.

Напротив Мирослава упал на колени вражеский солдат. Он испуганно хватался за горло, чувствуя, что задыхается, но сил Мирослава уже не хватало, чтобы довести дело до конца. Сивер помог ему и подскочил, отбивая захваченным оружием с опозданием пришедших на помощь своему товарищу чужаков. Сивер не только видел, но и чувствовал, что Мирослав из Вестового уже буквально выложился в ноль, и если его ранения до сих пор можно было считать совместимыми с жизнью, то для тела, из которого уходили последние силы, они вполне могли стать смертельными.

- Что делаешь, дурак, прекрати! - прорычал Сивер.

Как и следовало ожидать, этот упрямец его не послушался. Странно, а Сивер и не подозревал в нем подобного упорства. Мирослав пристальным взглядом впился в очередную жертву, собирая силы для нового удара. Молодой парень, судя по всему не местный, приехавший откуда-то с южных выселков, отбивался сразу от нескольких врагов. Он немного удивился, когда один из противников упал. Расправившись с остальными, южанин бросил благодарный взгляд на Сивера, решив, что именно тот ему помог. Сивер же, вконец рассерженный, обернулся к Мирославу. Обернулся лишь на мгновение, но успел увидеть, что тот истратил все свои силы и, прикрыв глаза, медленно заваливается на бок. Громко и яростно ругаясь, Сивер ринулся вперед.

Солнце уже поднялось над горами, но день выдался пасмурный, и небо застилали серые тучи. Несколько капель воды сорвались и упали на землю, однако дождь так и не начался. Бой был окончен. Немногих пленных вели вверх по склону, туда же, но только более длинной и пологой тропой, несли в лагерь раненных. Носилки сооружали на месте, подбирая стволы молодых деревьев, сваленных взрывами, да привязывая к ним свои рубашки.

Сивер вернулся к опушке леса, туда, где в последний раз видел Мирослава. Во время боя Сивер заметил, что Мирослав из Вестового, ненадолго пришедший в себя, провел еще две атаки, правда последняя далась ему с огромным трудом, и теперь Сивер жаждал найти этого упрямца, найти живым и высказать ему все, что он о нем думает, а в особенности поинтересоваться, откуда Мирослав знает приемы физической атаки на расстоянии - уж не в воспоминаниях ли подсмотрел без спросу? Хотя, по-сути, это было уже не так важно, важнее - найти, действительно найти живым.

Мирослава нигде не было. "Наверное, кто-то уже отнес его в лагерь" - решил Сивер. Он сосредоточился и попытался найти Мирослава мысленно, но почему-то ощущал лишь пустоту. "Неужто погиб? Нет, скорее всего, у меня просто недостаточно сил для поиска" - рассудив таким образом, Сивер отправился в лагерь.

Глава 21

Солнце нещадно палило плечи, а вода почти не двигалась, простираясь на все обозримое пространство ярко-голубой гладью. Ромашка прикрыла глаза. Она лежала на поверхности, ласкаемая соленой морской водой, ничуть не задумываясь о том, что на самом-то деле не умеет плавать. Внезапно вода под ее пальцами словно бы загустела, стала неприятной на ощупь, и, еще не понимая, что происходит, Ромашка приняла вертикальное положение, твердо встала ногами на дно и открыла глаза.

Буро-зеленая жижа медленно колыхалась, скрывая ноги Ромашки чуть выше колен. Вздрогнув от омерзения, девушка рванулась с места, намереваясь поскорее выбраться на берег, но ноги ее не послушались. Они прочно увязли в слое грязи на дне и никак не хотели двигаться. Ромашка дернулась еще раз - так же безуспешно. Вот тут ей стало по-настоящему страшно, и девушка проснулась.

Перед глазами Ромашки еще некоторое время стояли мутные пятна. Она глубоко вздохнула, мысленно напомнив себе, что это был всего лишь сон, и села. Рядом, у стенки, спала Злата. Ночь девушки провели без сна, и лишь под утро задремали, каким-то образом уместившись вдвоем на неширокой кровати. Ромашка некоторое время бездумно смотрела прямо перед собой, постепенно приходя в себя после показавшегося ей чересчур страшным сна, и вдруг вспомнила, что, наверное, в это самое время где-то у Долины Ручьев идет бой.

Мысль эта молнией озарила сознание Ромашки, и девушка окончательно проснулась. Ноги ее до сих пор ощущали липкую грязь морского дна, но сознание уже было ясным. Оглянувшись на спящую Злату, Ромашка вышла в горницу.

Мать Тура сидела у стола, подперев руками голову. На той же лавке спал Димка. Ромашка молча подошла и села рядом.

На улице было пасмурно, серые тучи обложили небо, и оттого Ромашка не скоро поняла, что уже давно рассвело, а солнце успело подняться высоко над горизонтом - просто его не было видно. Тетушка

Звана вздохнула тяжело и посмотрела в окно, а потом поднялась и пошла топить печь. Ромашка принялась помогать готовить завтрак, но когда дымящийся горшок с кашей поставили на стол, девушка поняла, что есть не будет.

- Через силу, а поешь, - сказала ей мать Тура. - Всякое может случиться, так что силы тебе пригодятся.

Мать Златы тоже уснула лишь под утро. Она вышла из комнатки тетушки Званы, где ночевала, когда Ромашка уже успела помыть за собой посуду. Женщина поела чуток, а потом заплакал ее малыш, и она пошла к ребенку. Димка проснулся ненадолго, поглядел вокруг, поставил локти на столешницу и подпер кулачками подбородок. Но вот за окном зашумел дождь, и убаюканный мерным шумом Димка снова задремал, уронив голову на стол.

Много ли прошло так времени? Ромашке показалось, что бесконечно много. Девушка не находила себе места и сначала порывалась что-нибудь делать, но руки тряслись от волнения мелкой дрожью. Ромашка села на лавку и, сцепив пальцы, пыталась заставить себя хотя бы сидеть спокойно, но у нее ничего не получалось.

В спокойную песню дождя ворвался новый звук - кто-то негромко постучал в дверь.

- Звана! - окликнул из-за двери женский голос.

Тетушка Звана вскочила с лавки и, бросив Ромашке: "В комнату иди!" пошла открывать. Ромашка послушалась и ушла к себе. Она правильно рассудила, что сквозь неплотно прикрытую дверь услышит весь разговор, при котором ей не позволили присутствовать. Девушка встала у двери и приготовилась слушать, когда за спиной ее раздалось тихое "Ой!" - это проснулась Злата.

- Что там? - шепотом спросила Злата.

- Кажется, известия принесли, - так же шепотом ответила Ромашка. - Не знаю пока... Тсс!

Девушки притихли. Они не видели женщину, вошедшую в дом, но слышали ее приглушенный голос.

- Отец велел передать тебе, чтобы собиралась. Там лекари нужны. Через час здесь будут проезжать повозки из Родня. Встретишь их на дороге, скажешь, что лекарка. Можешь еще кого порасторопней в помощь взять - для любых рук работа найдется.

Наступила тишина, наверное, тетушка Звана выразила свое согласие кивком. Потом мать Тура тихо спросила:

- Известия есть?

- Ой, Звана, я же как раз сказать тебе хотела... Не волнуйся, жив твой Тур, жив!

- Ох...

- Отец уже принял сообщения от всех наших, кто смог передать. Других сам попытался найти. Тур передал сообщение, правда, какое-то невнятное... Ну ты не волнуйся, Звана, главное - жив твой мальчик, жив.

- А твой Светел?

- И мой жив. И сынок, и муж, и племянничек - все живы. Ранены правда, но, вроде, не сильно.

Снова ненадолго молчание.

- А много погибло-то?

- Наших, отец говорит, четверо вроде. Сосед ваш Яр... Хороший был человек. Да Стоян молодой - за него мой Светел передал. Сам, говорит, видел. И еще двоих отец найти не может. Глухо вовсе, тоже, наверное, погибли. Старого Драгомира внучок да еще нашего воеводы Вояра сын...

Ромашка бы, наверное, не поняла, о ком речь, если б рядом вдруг не воскликнула горестно Злата:

- Ой, Мирослав! Мирославушка...

Глядя в лицо Златы, по которому вновь катились крупные слезы, Ромашка вспомнила, что отца Мирослава зовут Вояром. Злата медленно сползла на пол, закрыла лицо руками и зарыдала, не страшась, что ее услышат. Ромашка осталась стоять. Негромко хлопнула входная дверь, и девушка вышла в горницу.

- Тетушка Звана, - сказала Ромашка, - я с вами поеду. Помогать буду.

Голос Ромашки был твердым как сталь и спокойным, как вода в безветрие. Тетушка Звана посмотрела на нее внимательно и кивнула.

Они быстро собрались и, оставив мать Златы хозяйничать в своем доме, вышли к дороге. Димку так и не разбудили, и Ромашка попросила передать ему, когда проснется, что с Туром все в порядке. Мать Златы с сыночком на руках проводила их до порога, сама же

Злата, напуганная вестями о Мирославе, теперь пуще прежнего переживала за жениха своего Богдана.

На дороге вскоре показались две широкие повозки, в которых как раз нашлось место для тетушки Званы с Ромашкой. Сначала ехали молча, потом девушка спросила:

- А кто та женщина, что приходила?

- То Малина, старейшины нашего Светозара младшая дочка, - сказала тетушка Звана.

Ромашка кивнула, принимая полученную информацию к сведению. Лишь когда проехали Гористое, Ромашка отважилась задать мучивший ее вопрос:

- А откуда старейшина знает, кто жив, кто ранен?..

"Кто погиб?" - это Ромашка вслух произнести не смогла, но тетушка Звана и так прекрасно поняла, к чему был задан вопрос - Ромашка пыталась понять, насколько же велики шансы того, что старейшина ошибся.

- Чувствует. Кто-то сам ему о себе сообщает, о ком-то друг весточку передаст.

- А почему именно старейшине сообщают? Так положено?

- Нет, Ромашка. Просто старейшина может принять сообщение от любого, даже от того, кто не силен в разговорах мыслью на расстоянии.

- А если человек сам о себе ничего сказать не может, если он без сознания или спит?

- Старейшина все равно его почувствует. Хотя... - тетушка Звана с грустью посмотрела на посеревшую лицом Ромашку, - всякое может случиться. Будем надеяться на лучшее.

За Гористым земля была сухая: дождь сюда либо не дошел, либо обошел стороной. Влажный воздух еще издалека принес звуки, возвестившие, что лагерь уже неподалеку. И вот дорога вынырнула из леса, и Долина Ручьев раскинулась во всем своем великолепии, да только под пасмурным небом ручейки казались грустными дорожками слез, а опустевшие домики поселян навевали печальные мысли.

Возле лагеря повозки остановились.

- Я пойду узнаю, где моя помощь нужна, - сказала тетушка Звана, соскочив с повозки и подхватив мешочек со снадобьями да травами

лечебными. - А ты пока походи-погляди. Может, Тура найдешь или Мирослава.

Вероятно, тетушка Звана сама и не надеялась, что Ромашка Мирослава найдет, но лишать этой надежды девушку до поры до времени не хотела. Ромашка кивнула и пошла через лагерь, напряженно вглядываясь в лица встречных людей. Многие были ранены, но, поскольку могли держаться на ногах, помогали лекарю, а также готовили еду и возводили навесы, под которые после осторожно переносили тяжело раненных бойцов. Несколько таких навесов уже возвышались неподалеку от звонкого ручья, и девушка направилась туда.

Внезапно мимо Ромашки стремительно прошел какой-то человек, едва не задев ее плечом. И хотя человек этот явно очень спешил, в нескольких шагах он остановился и оглянулся, внимательно посмотрел на девушку. И удивленно приподнял брови:

- Ты?

Ромашка узнала его сразу - это был тот самый Сивер из Родня, который последним вернулся с городов. Черная жилетка поверх вышитой красно-черным сорочки придавала ему мрачный вид, особенно вкупе с косматыми бровями и взъерошенными волосами все того же смолянисто-черного цвета. Подбородок его покрывала густая щетина, из-за чего вид у Сивера был неопрятный. Девушка не успела поздороваться.

- Видела его? - мрачно спросил Сивер. - Нет? Иди за мной!

Ромашка без лишних слов и вопросов поспешила следом. Сивер шел очень быстро, что-то недовольно ворча себе под нос, и девушка не смотрела по сторонам, а шла, уткнувшись взглядом ему в спину и иногда глядя под ноги.

- Ромашка!

Услышав знакомый голос, девушка подняла голову и посмотрела вперед. Возле навеса, к которому вел ее Сивер, стоял Тур, радостно улыбаясь ей. Когда Ромашка подошла ближе, он подался навстречу и сжал девушку в крепких объятиях.

- Тур, как я рада, что с тобой все в порядке! Ты ранен? - взволнованно спросила Ромашка, увидев длинную красную полосу, пересекающую обнаженный торс ее названного брата.

- Да так, чуток поцарапало. Ничего страшного, - успокоил ее Тур.

Ромашка улыбнулась, потом улыбка вдруг исчезла с ее лица. Она внимательно посмотрела в ярко-голубые глаза Тура.

- А Мирослав?

Тур не успел ответить - раньше него это сделал Сивер.

- Да тут он, твой Мирослав.

- Где? - Ромашка дернулась, да только Тур не выпускал ее, не давая заглянуть за свою широкую спину.

- Где он, что с ним? - испугалась девушка, пытаясь в лице Тура найти ответ на свой вопрос.

- Да поранило его осколками, - пробормотал Тур.

- Живой? - встрепенулась девушка.

- Живой, а-то! - удивился Тур. - Я же сообщил старейшине, что живой. Или вы не знали? - Тур нахмурился и добавил виновато. - Ну, я-то не силен в этом деле, но думал, старейшина поймет, что я хочу сказать... Наверное, у меня не совсем внятно получилось.

Услыхав слово "живой", Ромашка обмякла в руках Тура, чувствуя невероятное облегчение. Ее ослабшие вдруг коленки подогнулись, и если б Тур не держал ее крепко, девушка бы наверняка упала.

- Где он? - прошептала Ромашка.

- Да отпусти ты ее, - посоветовал Сивер. - Она же городская, и не такое видела.

Тур все еще колебался, но потом разжал руки, и Ромашка, обойдя его, шагнула под навес. Прямо на земле лежало человек шесть. Одни были без сознания, другие с любопытством глядели на девушку, но Ромашка сразу же увидела того, кого искала, и по сторонам уже не смотрела.

Мирослав лежал, как и все, на покрытой жухлой травой земле. Из-под обнаженного торса выглядывала помятая рубашка Тура. Правое плечо и грудь были перевязаны, и на бинтах виднелись кровавые пятна - возле ключицы да ниже, на груди. Повязка была также на руке, чуть повыше локтя, и на голове.

Ромашка опустилась на колени, глядя на бледное лицо Мирослава. Он спал или был без сознания, но грудь медленно поднималась и опускалась, слегка приоткрытые губы иногда шевелились, а брови чуть хмурились.

- Сейчас проснется, - как-то злорадно пообещал Сивер.

И Мирослав проснулся. Он тихо застонал, еще сильнее нахмурился, повернул голову в другую сторону и открыл глаза. Его немного рассеянный взгляд уперся в Сивера, который склонился над ним.

- Сивер... - прошептал он. - Чем закончилось?

- Мы победили, - сказал Сивер.

- Хорошо, - тихо ответил Мирослав.

- Хорошо ему! - отчего-то возмутился Сивер. - А матери твоей хорошо? Ей же, небось, уже сказали, что ты помер! Да молчи, молчи... Того и гляди, дух испустишь.

- Ты чего это тут раскричался, - насупился Тур, намереваясь выдворить Сивера из-под навеса, чтоб не досаждал больному.

- А ты видел, что он творил? - отпарировал Сивер. - Не видел - ну и молчи! А откуда ты мои приемы узнал? - это он уже к Мирославу обернулся. - В воспоминаниях подсмотрел? Да?

- Подсмотрел, - ответил Мирослав, и голос его, хоть и слабый, показался Ромашке довольным. - Спасибо, Сивер...

- Чего "спасибо"? Спасибо скажи лучше, что хоть жив остался, правда, это уже не мне... Ты же все неправильно делал, знаешь это?

- Получилось ведь...

Голос Мирослава был слабым, как шепот листьев в знойный день, и Ромашка всерьез забеспокоилась.

- Пожалуйста, не кричите, - попросила она Сивера.

Услышав ее голос, Мирослав повернул голову и светло-серые глаза, чуть щурясь, теперь удивленно смотрели на Ромашку.

- Откуда ты здесь? - прошептал Мирослав.

- Я с тетушкой Званой приехала.

- Ой, и мать здесь? - обрадовался Тур. - Хорошо. Она-то у меня лекарка такая, что хоть мертвого на ноги поставит.

А Ромашка все смотрела в глаза Мирослава. Он старался не отводить взгляда, но долго не выдержал. Глаза его закрылись. Ромашка протянула было руку, чтобы ласково погладить его по щеке, да вовремя сдержалась. В это время Тур махнул кому-то, спешащему через весь лагерь к навесу.

- Тур, сынок! - это тетушка Звана обняла сына, и на глазах ее выступили слезы.

- Ты что мать, не плач, живой ведь! - растерялся Тур.

- Да не плачу я, не плачу, то от ветра...

Тетушка Звана отпустила сына и подошла к лежащему на земле Мирославу.

- Я его перевязал, как мог, - пробасил Тур из-за ее спины. - Раны-то неглубокие, да что-то с ним не то...

- Я вам скажу, что с ним не то. Башка у него дурная, без мозгов, - еле слышно проворчал Сивер.

- Слушай, ты, - обернулся к нему Тур, уже сытый по горло подобными выпадами против своего друга, - убирайся-ка отсюда подобру-поздорову, пока я тебя взашей не вытолкал!

- Попробуй, - усмехнулся Сивер.

- И попробую, - угрожающе предупредил Тур и двинулся к черноволосому.

Неизвестно, что бы из этого получилось, да только тетушка Звана не допустила безобразия.

- Ану хватит! - прикрикнула она. - Лучше б что полезное сделали! Людям помощь нужна, а они тут драться надумали.

- Я как раз и пришел помочь, - как ни в чем не бывало заявил Сивер. - Вы не смотрите, что у него раны небольшие, - он кивнул на Мирослава. - Этот дурень всего себя до капли в бою истратил, так что сейчас он и при таких ранах помереть может спокойно. А все потому, что чужие приемы подсмотрел, а как правильно ими пользоваться - не выяснил, едва себя до смерти не сгубил. В общем, давайте я вам помогу, - Сивер посмотрел на тетушку Звану и пояснил. - Вон раненых сколько, и этот еще... В травах я не понимаю, но вы говорите, что надо делать.

- Хорошо, - согласилась тетушка Звана. - Я сейчас посмотрю всех, а потом уж и решу, кого вам с Туром можно будет доверить.

Лицо Тура при этих словах вытянулось. А еще Ромашке показалось, что те из раненых, кто был в сознании, теперь старались выглядеть как можно более тяжелобольными, чтобы тетушка Звана лечила их сама.

Мать Тура действительно была очень знающей лекаркой. Она быстро произвела осмотр, и в конце-концов послала Тура за водой, сама достала настои целебные, отвары и поручила Сиверу промыть да перевязать как следует раны молодого южанина, что рядом с Мирославом лежал.

- На плече зашивать придется, - сказала она. - Сможешь аккуратно?

Сивер пожал плечами, потом на Ромашку глянул.

- Шить умеешь?

Девушка кивнула.

Мысль о том, что ей придется зашивать живую плоть, почему-то не вызвала у девушки ни ужаса, ни беспокойства. Все было просто: надо - значит, надо. А пока Сивер промывал южанину раны, Ромашке вместе с тетушкой Званой размотали Мирослава. Оказалось, что весь его правый бок оцарапан осколками, но больше всего досталось груди и плечам. Видимо, когда граната взорвалась неподалеку, Мирослав пытался отвернуться, спрятаться за дерево, да не успел, и в итоге один осколок глубоко вонзился в грудь, другой - под ключицу, третий пробил руку, да еще несколько мелких оцарапали спину. И по голове чиркнуло, отчего в волосах Мирослава тоже запеклась кровь.

В первый момент, когда они с тетушкой Званой сняли повязки, Ромашка едва не заплакала от жалости, но тут же взяла себя в руки: не плакать сюда ехала, а помогать. Они посадили Мирослава и, придерживая, чтобы не упал, промывали ему раны - мать Тура глубокие, на груди, Ромашка - на спине. Мирослав открыл глаза, посмотрел по сторонам, потом зачем-то попытался оглянуться. Тетушка Звана улыбнулась краем губ: поняла, кого Мирослав разыскивает.

- Ану-ка, Ромашка, подай мне настойку крапивы, - обратилась она к девушке.

Ромашка потянулась, взяла нужную скляночку да передала тетушке Зване. Мирослав вновь попытался оглянуться, да мать Тура сказала:

- Не вертись. Вон Сивер нам сказал, что ты помирать собрался, а ты вертишься, будто здоровый.

Кажется, Мирослав смутился. По крайней мере, оглядываться перестал.

Под навес вошел Тур, поставил на землю широкую кадку с водой.

- Хорошо, что ты приехала, мать, - сказал он. - Уж ты-то его обязательно вылечишь.

Тем временем Ромашка закончила обрабатывать Мирославу спину, приложила к ней чистую тряпицу, и вместе с тетушкой Званой помогла раненому лечь. Его глаза снова были закрыты. После мать Тура сняла повязку с головы Мирослава, а Ромашке предоставила заниматься его рукой - осколок вынуть, рану промыть.

- Я сама его зашью, - сказала затем тетушка Звана. - Иди теперь Сиверу помоги.

Ромашка кивнула и отошла, радуясь все же, что раны Мирослава будут зашивать более опытные руки, чем ее. Сивер из Родня как раз закончил обрабатывать раны южанина, и собрался уже предоставить его заботам Ромашки, когда парень вдруг произнес слабым голосом:

- Это ты мне в бою помог, противника моего свалил? Спасибо...

Сивер попристальнее вгляделся в лицо южанина и припомнил, что видел его утром. На парня тогда наседали сразу несколько, и Мирослав одного из них свалил, а парень подумал, что это сделал Сивер.

- Не я, - ответил Сивер из Родня. - Вон он, твой спаситель, рядом лежит.

Южанин обернулся, поглядел на Мирослава, над которым склонилась тетушка Звана, затем взгляд его остановился на лице Ромашки.

- Лежи смирно, - попросила девушка. - Я сейчас твою рану смажу, а потом зашивать буду. Больно будет, но совсем чуть-чуть... Потерпишь?

Южанин кивнул и закусил губу. Он приготовился к сильнейшей боли, но настойка, которой смазала края раны Ромашка, приятно охладила кожу и смирила боль.

Стемнело быстро, или это Ромашке так показалось? Получив на ужин свою порцию каши, девушка села на подкаченное Туром бревно. Мирослав больше не приходил в себя, но тетушка Звана успокоила своего сына и Ромашку, уверив их, что Мирослав спит, и что опасность его жизни больше не угрожает. Ромашкин ужин уже успел остыть, потому что они с Сивером сперва покормили тех, кто не мог есть самостоятельно, проследили, чтобы получили еду все раненые, находящиеся на их попечении - а под свое попечение они негласно определили всех, кто был под навесом вместе с Мирославом. И только потом Ромашка смогла, наконец, утолить голод.

Сивер сидел неподалеку, но все-таки отдельно. Тур косился на него неприязненно, но больше не ввязывался в перепалки, да и Сивер старался держать язык за зубами, хотя делал он это совсем не из-за того, чтобы не сердить Тура, а ради его матери.

Вечером тетушка Звана сказала девушке:

- Ты, Ромашка, можешь в поселок пойти, в гостевом доме заночевать - там теплее будет. А я здесь останусь, вдруг кому плохо станет или помощь моя понадобится.

Конечно же, Ромашка осталась. На небе понемногу начали расползаться тучи, и в просветах появились яркие огоньки звезд. Девушка посидела немного возле Мирослава, а затем снова устроилась на бревне и, прислонившись к опоре навеса, стала смотреть в небо. То и дело Ромашка оглядывалась - не откроет ли глаза Мирослав, не попросит ли чего. Но нет - Мирослав лежал почти неподвижно, изредка шептал во сне что-то неразборчивое, но не просыпался.

Глава 22

Ветреное и холодное утро выдалось в тот день в Долине Ручьев, благо спящие на траве бойцы к холоду были привычны. Но лекари все же решили, что необходимо раненных перенести в поселок, в теплые дома. Вскоре командирами во главе с воеводой Вояром было принято решение перебраться в пустующий поселок. А пока назначенные кашеварами бойцы готовили завтрак.

Рано утром Тур, сидевший на бревне под навесом, услышал за спиной слабый голос:

- Тур!..

Он оглянулся, потом встал и подошел к Мирославу. Мирослав щурил слезящиеся глаза, которым больно было от рассеянного утреннего света, и пытался оглядеться.

- Мы победили? - тихо спросил он.

- Да, - ответил Тур, - немного удивляясь - вчера ведь его друг задавал тот же вопрос Сиверу.

- Хорошо... Наших много погибло?

- Двенадцать человек.

- Двенадцать...

Мирослав перевел дыхание, снова повернул голову в сторону, огляделся и вздохнул.

- Странный мне сон приснился, Тур... Будто тетушка Звана с Ромашкой приехали.

- Сон, говоришь? - улыбнулся Тур, показав полные два ряда здоровых зубов.

Мирослав внимательно смотрел ему в лицо, сосредоточенно хмурясь.

- Где они? - произнес он наконец.

- Мать к воеводе ходила, теперь вон с лекарями другими разговаривает. Ромашка проснулась только и умываться пошла к ручью.

Некоторое время Мирослав молчал, потом вздохнул и попросил:

- Помоги мне подняться, Тур.

Ромашка возвращалась от ручья не одна. Рядом с нею шла темнокосая Власта. Девушки встретились утром по дороге к воде и разговорились. Власта жила в Гористом, а сейчас семья их временно обосновалась в Родне. В военный лагерь Власта приехала вместе с матерью-лекаркой, так же, как и Ромашка - помогать. И так же, как и у Ромашки, у Власты здесь находился любимый человек. Он был тяжело ранен, и Власта ухаживала за ним, всю ночь сидела рядом, успевая помогать и остальным, и пришлось ей куда тяжелее, чем Ромашке. Сейчас же, когда бойцы начали просыпаться, мать отправила Власту к ручью умываться, да наказала не спешить. Сказала, мол, ты, девка, молодая еще, незамужняя, нечего тебе там сейчас делать, когда после сна им понадобится естественные потребности справлять. Слушая Власту, Ромашка подумала, что тетушка Звана тоже велела ей не спешить особо, и понимала теперь - почему.

Девушки ходили к самому горному склону, где ручей, прозванный Звонким, образовывал небольшой водопадик. Вода падала с высоты чуть более двух метров в небольшую круглую чашу с каменистым дном, и местечко это было укрыто от постороннего взгляда огромной каменной глыбой, на покрытых слоем земли боках которой все еще зеленела трава.

Вода в ручейке была холодной, но Власта, что пошла умываться первой, разделась и забралась под ледяную струю. В это время Ромашка "стояла на страже", предоставив своей новой знакомой совершать утренний туалет без свидетелей. Увидев, что Власта не только умылась, а еще и выкупалась вся, невзирая на осеннюю прохладу, Ромашка посмотрела на нее с уважением, и подумала, что сама не прочь искупаться. Когда настала ее очередь, Ромашки хватило всего на несколько секунд. Девушка вскочила в воду, едва сдержалась, чтобы не запищать самым постыдным образом, и, быстро окунувшись, выскочила на траву уже абсолютно проснувшаяся, вытерлась насухо полотенцем, оделась и принялась прыгать, чтобы согреться.

Уже в лагере девушки разошлись в разные стороны. Власта направилась туда, где ждала ее мать, и где лежал раненный ее любимый, а Ромашка повернула к знакомому навесу. Еще на подходе она увидела Тура, который нес на руках Мирослава обратно, под навес. Ромашка остановилась. Наверняка Мирослав бы очень смутился, если

б знал, что она сейчас его видит, поэтому девушка решила подождать, пока Тур его уложит, а уж потом подойти.

Когда Мирослав увидел ее, то даже постарался улыбнуться. Ромашка понимала, почему - хочет, видно, показать, что все в порядке, да только уж очень неубедительно выглядит слабая улыбка на бледном, изможденном лице.

Ромашка вздохнула и опустилась на колени рядом с ним.

- Как ты себя чувствуешь?

- Уже лучше.

Девушка улыбнулась. Хоть и бледный, но Мирослав действительно выглядел намного лучше, чем вчера. Она поднялась и пошла с аналогичными вопросами к остальным своим пациентам. И почти все ответили ей точно так же. Видать, не зря они вчера с тетушкой Званой и Сивером долго спать не ложились: перевязывали, зашивали, смазывали. Ромашка еще подозревала, что Сивер кроме всего прочего некоторым помогал по-своему, так же, как когда-то Мирослав Туру ногу лечил, да только спрашивать его об этом девушка не стала.

- Мне помоги, красавица! Сердце у меня болит! - преувеличенно горестно воскликнул один из пациентов, и Ромашка, строго прищурившись, погрозила ему пальцем.

У этого бойца на голове был содран кусок кожи вместе с волосами. Ромашка помогла ему сесть и, размотав повязку, принялась промывать и смазывать сочащуюся сукровицей плоть.

Место, где вчера лежал рядом с Мирославом молодой южанин, пустовало, но к тому времени, как Ромашка закончила "обход", парень вернулся. Южанин быстро пошел на поправку, и уже мог ходить без посторонней помощи, хотя и шатался на ходу, словно шел не по земле, а по палубе корабля, попавшего в бурю. Он сел на свое место и перевел дыхание - устал, видимо, ходить. Но выглядел парень довольным, все-таки, в отличие от многих раненых, смог сегодня обойтись без посторонней помощи. Ложиться южанин не стал.

- Спасибо, Ромашка, - сказал он девушке. - Хорошо зашила, не болит ни капельки.

Потом повернулся к Мирославу.

- Значит, это тебя я благодарить должен. Ты мне в бою помог... Я уж было подумал тогда, что не отобьюсь, когда один чужой как за

горло схватится, будто душат его! Право, если б не твоя помощь, мне бы с ними не справиться. Я не здешний, вообще-то, с юга, приехал к невесте своей. Мы уж к свадьбе готовились, а тут случилось такое... - южанин задумался, наверное, о невесте своей подумал, потом сказал: - Меня Богданом зовут. А тебя?

Руки Ромашки замерли - девушка вдруг поняла, что Богдан этот - никто иной, как Златы жених. Теперь девушка смотрела, как отреагирует Мирослав - ведь не мог же он не догадаться? Даже Тур - и тот вон подобрался, смотрит внимательно, ждет, что дальше-то будет, волнуется...

Выражение лица Мирослава не изменилось.

- Мирослав. Из Вестового, - спокойно произнес он.

Лица южанина Ромашка не видела. Тот сидел еще какое-то время неподвижно, потом сказал тихо:

- Спасибо тебе, Мирослав из Вестового, - и лег.

Вскоре был готов завтрак. Ромашка вместе с Туром принесли раненым еду. Кушать сами смогли не все. Одному вызвался помочь Тур, потом откуда-то появился Сивер и тоже взялся помогать. Тогда Ромашка, удостоверившись, что никто не останется без помощи, опустилась на колени возле Мирослава. Она поставила мисочку с кашей на землю и, приподняв Мирослава за плечи, позволила ему облокотиться о себя.

- Что, Ромашка, кормить меня будешь? - негромко спросил он.

- Буду, - ответила девушка.

Она обняла его, левой рукой придерживая миску, правой взялась за ложку. "Надо было Сивера попросить или Тура, - подумала она. - От них бы он помощь принял без смущения. Ну да уж ладно, раньше надо было думать..."

Мирослав попытался взять ложку сам, но правая рука слушалась плохо - тетушка Звана сказала, что осколок задел сухожилие, - левой же тоже ничего не получилось. Пришлось Мирославу смириться с тем, что Ромашка будет кормить его с ложечки, словно ребенка. Надо сказать, что подшучивать по этому поводу не пришло в голову никому - каждый ведь мог оказаться на его месте. Кроме того - Мирослав лишь потом узнал, что все раненые, лежавшие с ним под одним навесом, по-

доброму ему завидовали, а некоторые совсем не прочь были и местами поменяться.

- Ну все, - сказала Ромашка, отставляя пустую миску. Мирослав чуть повернул голову и теперь смотрел на нее из-под бровей. Девушка улыбнулась ласково, он нахмурился и опустил глаза. Только когда Ромашка снова уложила его на землю, Мирослав прошептал:

- Спасибо, Ромашка.

После завтрака лагерь свернули, раненых уложили на носилки и осторожно понесли туда, где виднелись домики опустевшего поселка. Солнце выглянуло ненадолго, потом начал накрапывать дождь. К счастью, усилился дождь лишь тогда, когда отряд подошел к домам. Раненых занесли в гостевой дом и в здание школы, тут же, в школе, разместились и сами бойцы. Мирослава и Богдана, а также всех тех, кого опекали Ромашка с тетушкой Званой, поместили в гостевом, в широком помещении с окном и входной дверью с улицы. Ромашка поначалу боялась, что будет сквозить, но после оказалось, что дверь, если нужно, закрывается очень плотно, а кроме того сами раненые постоянно требовали, чтобы дверь была открыта - им, видите ли, свежего воздуха не хватало.

Тур носил воду, а тем, кто не мог сам ходить, помогал добраться до уборной. Битва завершилась полной победой, и все ждали решения Совета, а затем и воеводы, чтобы покинуть лагерь. Старейшина Светозар получал вести от патрульного Сокола, что на Рубежном все спокойно, но и Совет, и роднянский воевода Бравлин, и здешний воевода, Вояр из Вестового, пока не собирались отпускать воинов, как и разрешать местным жителям возвращаться в свои спешно покинутые дома.

Ромашка сидела на низенькой скамеечке неподалеку от двери. Сейчас у нее было немного дел, и они с матерью Тура могли позволить себе отдых. В гостевом доме для раненых бойцов нашлись кому деревянные койки, кому теплые подстилки. Мирослав и Богдан лежали недалеко друг от друга на полу, и Ромашка видела, что южанина немного смущает это соседство, хотя неприязни к Мирославу молодой Богдан не испытывал, скорее, чувствовал себя виноватым.

Подошел Тур, присел на крыльцо, но ненадолго.

- Воевода идет, - сказал Тур, поднимаясь на ноги и отряхивая штаны.

Раненых приходили проведать друзья и родные, но воевода сам был ранен, и зайти к сыну смог только сейчас. Когда Вояр вошел, Ромашка встала и осталась стоять у стенки, хотя воевода не заметил ее - он лишь кивнул вышедшей из соседнего помещения тетушке Зване и пошел к сыну. Ромашка же потопталась на месте и потихоньку выскользнула за дверь.

Надолго в гостевом доме воевода не задержался. Ромашка видела, как отец Мирослава вышел и направился к бревенчатому двухэтажному зданию школы. Тогда девушка снова вошла внутрь, и с некоторым удивлением поняла, что визит отца совершенно не поднял Мирославу настроения.

- Что-то случилось? - спросила она.

Мирослав легонько качнул головой: нет, мол, ничего не случилось. Не хотел говорить, значит, ну, Ромашка и не допытывалась.

После Мирослав заснул и проспал почти весь день, Ромашка даже не будила его на обед - тетушка Звана отсоветовала. Зато к вечеру он почувствовал себя лучше настолько, что даже смог сам приподняться, опираясь на локти, придвинуться к стене и сесть. Ромашка как раз принесла ужин, и на сей раз Мирослав хоть и левой рукой, но ложку держал сам.

После Ромашка собрала пустые тарелки, отнесла их и вскорости вернулась. Уже стемнело, прохладный ветерок задувал в распахнутую дверь, но против попыток Ромашки закрыть дверь или хотя бы прикрыть немного, возражали все.

Глядя на колышущиеся ветви деревьев, на блестящие ленты ручьев, Ромашка задумалась. Она долго сидела неподвижно, глядя в пространство за открытой дверью, потом оглянулась на Мирослава. Он тоже еще сидел, облокотясь о стену, и, возможно, до этого смотрел туда же, куда и Ромашка, но она обернулась, и Мирослав перевел взгляд на девушку.

У Ромашки накопилось много вопросов. Она думала и о битве, про ход которой узнала из разговоров раненых, и о защитных шлемах, что не позволяют воздействовать на сознание солдат, и о мудрецах, почему-то не вмешавшихся в битву. Но задать эти вопросы сейчас Ромашка не могла - неизвестно ведь, как на ее рассуждения

отреагируют остальные. Вот Мирослав - он выслушает, объяснит, что к чему, с ним и поспорить можно - не обидится, поймет.

Девушка прикрыла глаза и прислонилась к стене, но встрепенулась, услышав, что кто-то из раненых пытается встать. Девушка ринулась помочь, но ее опередил Тур.

- Не надо, я сам, - пробасил он.

Девушка согласилась. Она отползла от двери и свернулась на полу. Спала Ромашка крепко, и хотя слышала после сквозь сон голоса, чувствовала, как приподнимают ее чьи-то руки - не проснулась. Лишь на миг глаза ее приоткрылись, девушка увидела лицо Тура и успокоилась.

Проснулась Ромашка там же, где и заснула, только лежала она теперь на подстилке, а сверху кто-то прикрыл ее своей жилеткой. Девушка так и не вспомнила, на ком эту жилетку видела, к тому же, пока она умывалась, хозяин свою жилетку забрал - так Ромашка и не узнала, кого благодарить.

Забота и тщательный уход делали свое дело - больные быстро шли на поправку. Постепенно "лежачих" оставалось все меньше и меньше, и Ромашка тревожилась все больше, видя, что Мирослав, которому полагалось бы уже вполне самостоятельно передвигаться, лежал пластом, изредка с трудом садился, а поднимался лишь с помощью Тура - ноги его не держали. Сивер, по нескольку раз на день заглядывавший в гостевой дом, даже перестал на Мирослава ворчать, да и тетушка Звана поглядывала на него со все большим беспокойством.

- Не понимаю, что ж это с ним, - проговорилась она однажды Ромашке. - Уж по всему должен был поправиться.

Ел Мирослав сам, без Ромашкиной помощи, и вроде даже с аппетитом, да и настроение у него было вполне оптимистическое, а вот силы не появлялись. Девушка бы и не отходила от него, да смущать лишний раз не хотела - и так все чувства у нее словно на лбу написаны, а еще и вертится рядом целый день.

От волнения Ромашка совсем извелась, и почти не спала ночью, боялась, что Мирославу вот-вот станет хуже. Уже под утро, на рассвете, сон сморил ее, и девушка уснула, а проснувшись, с

невероятным облегчением увидела, что Мирослав сидит с тарелкой каши в руках, смотрит на нее и улыбается как-то особенно бодро.

"Ну, наконец-то" - подумала Ромашка. Тур принес еду и ей, а когда девушка собрала пустую посуду, вышел вместе с нею наружу.

- Утром Сивер приходил, - сообщил Ромашке ее названный брат. - Они с матушкой вместе Мирослава лечили. Я думал, ты проснешься, - ты чего-то во сне говорила, плакала.

В какой-то миг Ромашка почувствовала ужас от того, что могла проспать, и если б Сивер с тетушкой Званой на помощь не пришли...

- Мне кажется, они на тебя специально сон наслали, - поделился своими соображениями Тур.

Глава 23

В этот вечер в городе случилось нечто невообразимое. Одновременно два основных канала - по первому шли новости, по второму - популярное телешоу - без предупреждения прервали трансляцию передач, и на своих экранах жители большого города вдруг увидели необычный пейзаж, больше похожий на картинку, созданную виртуозами компьютерной графики: перед зрителями открывался вид на зеленую равнину, через которую широкой лентой, извиваясь и блестя под солнцем, несла свои воды река, за рекой начинался лес, и где-то за деревьями виднелись зеленые холмы, полускрытые в туманной дымке жаркого дня. К речке по долине спускались дорожки и тропки, вдоль которых располагались малюсенькие домики. Можно было разглядеть с высоты, как там, между этими домиками, ходят люди. Мирно пасущиеся на лугу коровы были восприняты горожанами как порождения фантазии художников-аниматоров. Но вот камера повернула чуть в сторону, и люди увидели на каменистом уступе девушку в обычной городской одежде - спортивном костюмчике и кроссовках. Девушка назвалась Ромашкой.

Многие тут же вспомнили события почти двухмесячной давности, когда в новостях показывали фото этой девушки - жертвы страшного и неуловимого маньяка, державшего в страхе весь город. Собственно, самого маньяка никто из трясущихся перед ним от ужаса горожан и не видел, но с экрана телевизора их пугали каждый день, а потом показали фото несчастной девушки.

То, что рассказала Ромашка, многих повергло в шок. Девушка поведала о том, как первый раз увидела чужака, как они с подругой спасли ему жизнь, как после этот самый маньяк не раз спасал ее, как уличные бандиты убили медсестру Дельфину, как после Ромашку допрашивали в полиции и заперли в психушке. Девушка также сказала, что чужак Мирослав помог ей выбраться оттуда и, покинув город, забрал с собой. Теперь она живет в поселке, том самом, что видно отсюда, сверху, ходит, где хочет, не боится темноты, дышит воздухом... А главное, Ромашка говорила, что природа на заднем фоне и вокруг

нее - настоящая, живая, и хотя люди мало верили ей, некоторым стало интересно: а что если действительно оказаться в таком сказочном месте?

После того, как девушка закончила рассказ, трансляция передач возобновилась. Горожане еще долго думали о том, *что* это было, но большинство сошлись на мысли, что запись с Ромашкой, которая наверняка говорила всю эту чушь под угрозой смерти, - провокация, а природа и домики в долине, и даже люди - всего лишь качественная компьютерная модель, виртуозно сработанная и отрендеренная на новейших машинах, и оттого так напоминающая настоящую.

Пожилой преподаватель выключил телевизор и горько вздохнул. Он знал Ромашку лично, и знал довольно неплохо, поэтому вклинившейся в трансляцию записи поверил безоговорочно. Наверное, ему следовало радоваться, потому что девушка оказалась не только жива, но и была сейчас в куда лучшем месте, чем их город, и все же... Ему было горько оттого, что сам он, скорее всего, никогда так и не увидит этого прекрасного места, и вряд ли смогут побывать там его дети, потому что стена все еще окружает город, и хотя девушка Ромашка подробно рассказала о том, что находится за нею, старый преподаватель так и не сможет убедиться в этом лично.

Зазвонил телефон, и пожилой человек нажал кнопку громкой связи.

- Слышь, па, ты видел эту фигню по телеку? - раздался на всю комнату голос его дочери. - Ты про эту девчонку говорил, что она у тебя училась?

- Да, - со вздохом ответил преподаватель, - про нее.

- Ну и? - спросила женщина.

- Что и?

- Что скажешь?

- Что скажу... Да что я могу сказать, дочка, ты же сама все слышала и видела.

В телефоне раздался иронический смешок.

- И ты поверил? Ну, ты даешь! Это же компьютерная графика и монтаж! Муж говорит, они такой ролик за час склепают - была бы машина хорошая и набор библиотек с моделями. Я сначала решила, что это какая-то новая реклама, но эта девчонка такое нарассказала! Непонятно, зачем это показывают? Мы же не идиоты - сможем

отличить, где правда, а где - нет. Ясное дело, припугнули девчонку, заставили наговорить всяких глупостей, а потом все равно убили. Па, ты меня слушаешь?

Рубежный охранялся зоркими патрульными и днем, и ночью. У метких стрелков постоянно были наготове луки, а, кроме того, все пространство, вверенное заступившему на смену часовому, время от времени тщательно им сканировалось, и обнаружить в темноте противника без всякого прибора ночного видения было вполне реально - незащищенное сознание чувствовалось при известном сосредоточении очень даже неплохо.

Да только в этот раз враг был защищен от такого своеобразного сканера. Он пробирался в одиночку, осторожно, почти неслышно переставляя ноги. Он был ранен, но ранен легко - движению такое ранение не мешало, и человек полз через горы, все еще надеясь, что выберется наружу и сможет вернуться домой, в город.

Ему не повезло. Патрульные появились из темноты, скрутили по рукам и ногам, сняли защитный шлем и начали задавать вопросы. Солдат слышал эти вопросы и, конечно же, не отвечал на них, но каким-то образом эти люди получали ответы, улавливая обрывки его мыслей.

Наутро патрульные нашли следы еще одного вражеского солдата, которому удалось беспрепятственно пересечь Рубежный. Теперь этот солдат двигался в город, а значит, командование военного союза городов вскоре узнает все подробности прошедшей битвы.

Через несколько дней воевода Вояр приказал сворачивать лагерь и отправляться по домам. К тому времени почти все раненные могли сами ходить, и езда на повозке не повредила бы никому. Мирослав был еще слаб, и выходил на улицу только опираясь на плечо Тура. Ромашка в сопровождающие не навязывалась - кто знает, возможно, ее внимание на глазах у остальных бойцов будет смущать Мирослава. Лучше уж пускай с Туром ходит, не с нею. Воевода заходил к сыну еще пару раз, и то все - ненадолго, на минутку-две, и после того, как воевода уходил, Мирослав обычно бывал неразговорчив, хотя с восстановлением сил к нему вернулась и привычная общительность.

Ромашка пробовала вызнать у Тура, что происходит между Мирославом и его отцом, но Тур либо сам толком не знал, либо не хотел говорить.

С утра весь лагерь шумел - седлали лошадей, готовили повозки. Одна из лекарок жила в Долине Ручьев, и Ромашка с Властой и остальными женщинами умылись во дворе ее дома, причесались перед зеркалом. Многие женщины непроизвольно косились на Ромашкины волосы, но с расспросами никто не приставал. Уже перед тем, как направиться к зданию школы, Власта вдруг спросила:

- Ты прости меня, Ромашка, если я что-то не то говорю, но, я вижу, девушка ты хорошая. За что тебя так?

- Как - так? - не поняла Ромашка.

- Волосы обрезали за что? Может перед родителями в чем провинилась? Или... или правду говорят, что ты из города пришла?

- Правду, - вздохнула Ромашка.

Она вдруг подумала, как же должны здешние люди относиться к ней после битвы с городскими... Наверное, без симпатии.

- Бедненькая, - посочувствовала Власта. - Говорят, в городах жить плохо. Хорошо, что ты к нам пришла.

Ромашка попрощалась с Властой и повернула к гостевому дому. Утро выдалось ярким и солнечным, стоящий на крыльце Мирослав щурился, глядя на реку, на убранное поле, на дорогу, уходящую в лес. Через плечо его была переброшена лямка дорожной сумки. Ромашка остановилась у крыльца, отчего-то смущаясь, опустила глаза.

- Доброе утро.

- Доброе утро, Ромашка. Тетушка Звана сказала тебе сумку забрать и идти к повозкам.

Девушка кивнула, зашла в дом за сумкой, и тут же снова показалась на крыльце.

- Пойдем?

- Пойдем, - сказал Мирослав.

Девушка тут только заметила, что он опирался здоровой левой рукой о перила. Мирослав сошел с крыльца, отпустил перила и медленно пошел по дорожке. Каким-то образом Ромашка поняла, что он хочет идти сам, и потому не предлагала помощи, просто шла себе рядом, так, чтобы в случае чего на ее плечо всегда можно было

опереться. Они не прошли и полсотни шагов, когда рука Мирослава тяжело опустилась на плечо девушки.

Ромашка смотрела больше вперед, туда, где ждали их повозки, да еще оседланные лошади тех, кто приехал верхом, время от времени поглядывала себе под ноги. Заметив краем зрения воеводу Вояра, Ромашка увидела, как тот кивнул сыну. Мирослав ответил тем же, а Ромашке показалось, что приветствию отца и сына не хватало теплоты.

- Вы что, поругались? - спросила она, и тут же мысленно обругала себя за неуместное любопытство.

- Нет, - ответил Мирослав, ничуть не обидевшийся на подобное вмешательство в личные отношения с отцом. - Просто... у нас иногда возникают разногласия.

- Понятно, - сказала Ромашка. Ей, конечно же, ничего понятно не было, но чувствовалось, что объяснять Мирославу не хочется.

У повозок их встретили Тур с матерью. Тур взялся за вожжи, а тетушка Звана, Ромашка, Мирослав и еще несколько человек расположились на мягкой подстилке из сухого сена. Дорога предстояла долгая - часа три, не меньше, и многие приготовились поспать. Мужчины без стеснения ложились, подсунув руки под голову, и закрывали глаза, некоторые вскоре захрапели, женщины же, а в особенности молодые девушки - помощницы лекарей - прилечь стеснялись, и клевали носом сидя. Кто-то разговаривал, вел оживленную беседу. Ромашка же задумчиво смотрела то на желтеющие листья, то на сено, то на собственные ноги, обутые в сшитые для нее Туром мягкие туфельки.

Мирослав не спал. Он сначала сидел, потом откинулся на спину и лег, глядя в небо светлыми глазами. Девушка подумала, что сейчас, скорее всего, их разговор мало кого заинтересует, и можно, наконец, задать Мирославу интересующие ее вопросы.

- Мирослав, - тихонько позвала она, и светло-серые глаза обратились к ней: - Скажи, а почему ваши мудрецы не помогли вам в битве?

- В отряде, который прислали города, было всего двести человек. Мы справились без них.

- Но ведь они знали, что у тех солдат защищено сознание, и вам будет трудно с ними справиться. Ведь кто-то все-таки погиб! А если б

мудрецы вмешались, то можно было бы вообще обойтись без потерь.

Чуть приподнявшись, Мирослав повернулся на бок, словно для того, чтобы лучше видеть лицо девушки.

- Ты знаешь, Ромашка, - сказал он, - я тоже думал об этом, и пришел к выводу, что мудрецы специально решили не вмешиваться. Чтобы все, наконец, узнали, что такое настоящая битва, когда умирают знакомые и даже близкие люди. Наших погибло двенадцать человек, трое из Вестового. Тебе может показаться, что это немного, но мы уже почти сто лет живем без войн, наши люди не привыкли терять в битвах своих близких. После такого, Ромашка, у людей уже не останется жалости к врагу. Наверное, это правильно. По крайней мере, правильно в условиях войны, а города собираются идти на нас войной.

- Вас учат ненавидеть?.. - тихо сказала Ромашка. - Но разве ненависть - это хорошо? Разве это правильно?

- Это не ненависть, Ромашка, - так же тихо ответил Мирослав. - Это понимание того, какую цену придется заплатить. Это готовность пожертвовать кусочком своей души, защищая то, что тебе дорого.

Мирослав умолк на минуту, потом сказал еще тише.

- Знаешь, Ромашка, когда мы с тобой несколько дней сидели в хранилище музея, я часто вспоминал один эпизод... Как-то вечером я шел по улице вашего города и услышал крики. На улице было немного людей, поэтому я даже не обратил внимания, что никто, кроме меня, на эти крики не отреагировал, да я и по сторонам не смотрел, сразу побежал... Шум я услышал издалека, а потом увидел шестерых. Один из них держал вырывающуюся девушку, потом передал ее другому, и тот со всей силы стукнул ее головой об стену дома. Он хотел стукнуть ее еще раз, но в тот момент я как раз крикнул им, чтобы остановились, - Мирослав усмехнулся, и в его невеселой усмешке сквозил упрек самому себе. - Они меня не послушали. Завязалась драка... В принципе, тогда я легко мог всех их убить, но я этого не сделал. Кто-то остался лежать там без сознания, кто-то убежал. Потом я подошел к девушке, которая лежала на грязном асфальте без сознания, и узнал тебя.

Ромашка удивленно приоткрыла губы, но ничего не сказала, - просто смотрела в глаза Мирослава.

- Было темно, но лица некоторых из них я разглядел, - продолжал Мирослав. На этот раз голос его показался Ромашке чужим,

незнакомым. - И в тот день, когда погибла твоя подруга, лицо одного из убийц оказалось мне знакомо. С тех пор я не могу отделаться от мысли, что если бы убил тех нелюдей, что напали на тебя, возможно, твоя подруга была бы жива. А еще вполне возможно, что те, кому я тогда оставил жизнь, на следующий же день нашли себе новую жертву.

Солнечные блики все так же проплывали по светлым волосам Мирослава, но лицо его сейчас казалось Ромашке темным, словно на него падала густая тень. Под изумленным взглядом девушки Мирослав опустил глаза.

- Я даже знаю, что ты сейчас скажешь, Ромашка: не они - так другие, - произнес он. - Но может после этого другие бы побоялись...

- Вряд ли это что-нибудь изменило бы, - осторожно сказала Ромашка. - Их слишком много... таких. Не мог же ты в одиночку против всего города. Мы сами должны были что-то сделать, мы - жители города - сами во всем виноваты. Ты ведь видел - у нас не приходят друг другу на помощь, у нас сосед доносит на соседа, у нас...

Ромашка запнулась. Ей вспомнилась Дельфина, потом - допрос в полиции и психушка. Девушка вздрогнула. Брови Мирослава настороженно взметнулись вверх, он сел, не спуская взгляда светлых глаз с ее лица.

- Ромашка!

Девушка тяжело вздохнула и тряхнула головой, прогоняя воспоминания, от которых до сих пор холодело на сердце и волосы вставали дыбом. Она еще не заметила, что к их с Мирославом разговору внимательно прислушивается и Тур, и тетушка Звана, и двое бойцов, едущих на той же телеге и так и не уснувших по дороге. И черноволосый человек на лошади, что последние несколько минут неспешно трусила вровень с бортом повозки.

В Вестовом вернувшихся бойцов встречали все - и здешние, и гости из Долины Ручьев и Гористого. Злата с матерью тоже были здесь, и обе несказанно обрадовались, увидев бывшего жениха и несостоявшегося зятя живым. Правда, Злата выражала свою радость осторожно, все еще чувствуя свою вину перед Мирославом, мать же спросила, не видел ли Мирослав ее мужа. Мирослав ответил, что видел и отца Златы, и Богдана, что оба живы и почти здоровы.

Ромашка наблюдала за этим разговором со странным чувством, в котором, к своему стыду, угадывала оттенки ревности.

Димка, едва увидев Тура, молча подбежал и уткнулся в его рубашку. Плечи мальчика подозрительно подпрыгивали, но если Димка и плакал, то слез своих он не показал никому.

Дальше Вестового по дороге в Родень отправились только два всадника. Одним из них был Сивер, коротко и не слишком дружелюбно бросивший на прощание:

- Свидимся!

Глава 24

После сбора урожая традиционно наступает пора свадеб. Иногда свадьбы играют весной, но осенью все же лучше - погреба полны душистых яблок, пузатых тыкв и кабаков, в бочке засолены огурцы, заквашена капуста, - куда уж богаче стол получится! Вот и в Вестовом этой осенью сыграли целых три свадьбы, правда сыграли уже не по теплу, а лишь тогда, когда лес стал вовсе разноцветным и изукрасился всеми цветами - от багряно-красного до солнечно-золотого. Гуляли всем селом, молодежь - та особенно веселилась. Девушки давно уже приняли Ромашку за свою, и названная сестра Тура вместе со всеми водила хороводы, пела песни - вернее, подпевала, так как многих песен еще не успела выучить, плела венки и гирлянды из листьев для молодых. Веселинка научила Ромашку плести косы, и теперь Ромашка даже могла, если бы захотела, заплести свои волосы в куцую, но довольно плотную косу, которая едва спускалась ниже шеи.

В один из прохладных, но еще не холодных осенних дней выдавали замуж Милану. Девушке предстояло уехать с молодым мужем в Долину Ручьев, туда, где он построил себе новый дом недалеко от родительского, и Милана, хоть и счастливая, а все же плакала, расставаясь с подружками.

- Так свидимся ведь! - утешала ее Веселинка. - И ты к нам приезжать будешь, и мы к тебе! А ведь в Долине Ручьев праздники какие веселые устраивают!

- Свидимся, свидимся, - говорила Милана сквозь слезы.

Она и Ромашку обняла на прощание, и девушке вдруг стало немного не по себе - прощаются-то ведь так, будто не в соседний поселок переезжает, а на далекие южные выселки.

И все-то Ромашка с девчатами да с девчатами... Да с Туром и Димкой на рыбалку ходила, правда не рыбачила - просто сидела на берегу, на воду смотрела, на лес, на небо, о чем-то своем думала. Мирослава видела часто, только все как-то издали, со стороны наблюдала. Как оно так получалось - Ромашка и сама не понимала:

живут-то вроде рядом, едва ли не от крыльца дом его видно, а встречаться - не встречаются. Может, Ромашка и сама встреч избегала? Девушка не задавала себе такого вопроса, знала только, что хочет его видеть - а боится. Вон на свадьбах сколько гуляла, и Мирослава замечала - да не подходила, на дороге-то в поселке всего пару раз и столкнулись, когда Мирослав зачем-то к Туру заходил - сидела-вышивала, лишь поздороваться голову подняла. А вот издали, когда знала, что не видит ее Мирослав - наблюдала внимательно. Видела, как дрова рубит неподалеку от родного крыльца, как поздним вечером с охоты возвращается, как к старейшине здешнему вместе с отцом идет. Все-то Ромашке казалось, что внимание ее будет Мирославу в тягость, словно навязывается она ему со своей любовью, специально на глаза лезет. Вот Ромашка и не лезла, думала, захочет Мирослав - сам подойдет. И недоуменных взглядов Тура не замечала, а Тур все понять не мог, что ж это случилось, какая кошка пробежала между сестрой его названной и лучшим другом, что они, как с Долины Ручьев вернулись, едва ли парой слов за все время и перебросились. А прошло уже больше месяца.

Делать сегодня было нечего. Тура мать отправила к дядьке в соседний поселок - гостинец отвезти племянничку, а Тур и Димку с собой взял. Ромашку тоже звали, но она не поехала. Девушка последние несколько дней все смотрела наверх, туда, куда, петляя, уходила тропка. Вот бы по этой тропке пройти да наверх взобраться!.. Горы здесь были невысокие, еще ниже Рубежного, да и дорожка к ближайшей вершине вела нетрудная - вполне бывшей горожанке под силу, и вот Ромашка надумала пойти туда, посмотреть сверху на разукрашенную осенними красками долину. Ромашка набрала в котомку пирожков, и, с тоской глядя на свой городской спортивный костюм, пожалела, что не сшила себе штаны, вот хотя бы как у Тура, чтобы удобнее было в гору идти. "Завтра же шить начну" - решила Ромашка и, надев поверх платья длинную шерстяную безрукавку, тетушкой Званой для нее связанную, вышла на улицу.

День был не солнечный, но дождь вроде не собирался, и Ромашка уверенно повернула к тропинке, ведущей в гору. Вскоре домики Вестового остались позади, вокруг Ромашки была лишь желтеющая трава, поздние цветы да редкие кусты вперемешку с невысокими

деревцами. Девушка задрала голову, оценила предстоящий путь, и, удовлетворенно хмыкнув себе под нос, начала подъем.

Прошло чуть больше получаса, когда Ромашка, запыхавшаяся, но невероятно собой довольная, выбралась наверх. Девушка нашла удобный каменный выступ и присела на относительно безопасном расстоянии от края. Перед ней расстилалась украшенная осенью долина. До самого горизонта, огибая холмы, пушистым одеялом укрывал землю лес, пестрый и нарядный. Речка отражала голубовато-серое небо и изредка ловила скупые солнечные лучи. "Разве я когда-нибудь увидела бы все это, если б Мирослав не забрал меня из города? Разве у нас, в городе, было хоть что-нибудь подобное?" - думала Ромашка одновременно и восхищенно, и с грустью. Она, как ни странно, скучала по городу. Наверное, чувство это было скорее ностальгическим, потому что хороших воспоминаний о городе у Ромашки осталось мало, а большинство тех, с кем эти воспоминания были связаны, уже мертвы. "Как же все это странно... Вроде и хорошо мне здесь, вроде и понимаю, что в город путь закрыт, а только хочется хотя бы раз пройтись по Кольцевой, кисточку в руки взять, присесть на подоконник..." Тут Ромашка вздрогнула, представив себе открывающийся из ее окна вид - два дома и стена, и полоска яркого неба над ней. Тюрьма, иначе и не скажешь... Нет, в город она не вернется, ни за что, а глупую грусть прогонит из своего сердца. Ей и так есть над чем подумать, отчего вздыхать, а иногда и плакать хочется. "Странные же мы, люди, создания, - девушка невесело улыбнулась. - Вроде все у нас есть для счастья, а постоянно хочется чего-то большего, и уж обязательно несбыточного".

- Здравствуй, Ромашка.

Она не вздрогнула, когда за спиной раздался знакомый голос, а почувствовала, как все тело пронял холод, потом вдруг кинуло в жар. И оглянулась, чувствуя, что голова кружится, а язык вполне может отказаться внятно произносить слова.

- Здравствуй, - выдавила Ромашка и тут же, опустив глаза, вновь отвернулась.

Мирослав подошел и сел рядом. Они оба молчали, глядя вперед, но не друг на друга, потом Мирослав сказал тихо:

- Скажи, Ромашка, ты меня избегаешь?

Девушка растерялась, не зная, что ответить на этот вопрос - она и сама не знала ответа. И Ромашка промолчала, хотя остро ощущала - нельзя молчать. Надо объяснить что-то, что-то сказать, но не молчать. Она очень боялась, что Мирослав вот сейчас встанет и уйдет, и уж тогда можно больше не ждать, что в один прекрасный день вдруг первым подойдет, заговорит...

- Может, я тебя чем-то обидел? Так ты скажи.

Девушка качнула головой и прошептала:

- Нет. Не обидел.

Мирослав повернулся и смотрел теперь прямо на нее. Взгляда светлых глаз Ромашка не выдержала, опустила лицо.

- Так что же случилось, Ромашка? Может, я все-таки сказал или сделал что-то не то, или просто...

Он замолчал, но ответа Ромашки, судя по всему, собирался дождаться.

- Я не знаю, отчего так получилось, - пробормотала Ромашка. - Я не избегала... Я не специально. Я, - она перевела дыхание, и, решившись, высказала: - я подумала, что, наверное, и так чересчур тебе надоедаю, а я не хотела...

Брови Мирослава приподнялись, теперь вид у него был слегка ошарашенный:

- И что же, интересно, привело тебя к подобным рассуждениям? - серьезно спросил он.

- Не знаю, - виновато прошептала девушка. - Мне просто показалось...

Мирослав улыбнулся, и улыбка его выражала одновременно и удивление, и облегчение.

- Я ведь сам пытался к тебе подойти, но ты каждый раз то убегала к девушкам, то пряталась в толпу. А когда я решил поговорить с тобой и зашел к вам в дом, у тебя был такой занятый вид, Ромашка, что мне просто неловко стало отвлекать тебя по пустякам. Знаешь, мне уже начало казаться примерно то же самое, что и тебе.

Ромашка встрепенулась, а улыбка Мирослава стала шире. Девушка выдохнула, чувствуя невероятное облегчение и легкие угрызения совести от того, что целый месяц, оказывается, неосознанно обижала человека, да и себя зазря мучила. Ведь ей почему-то думалось, что после непозволительно вольного поведения в лагере,

когда она ухаживала за ранеными и за Мирославом, после чрезмерных проявлений заботы ее общество обязательно будет ему в тягость. Как же приятно было узнать, что ошиблась.

- Ой, прости, я не хотела! Я себе чего-то надумала и... Глупо как получилось!

- Верно, - согласился Мирослав.

Поза его перестала быть напряженной, Мирослав поднял руку, убрал с лица выбившуюся прядь седых волос, которую трепал гуляющих в верховьях ветерок. Он, как и летом, в теплую погоду, был одет в простые штаны да вышитую сорочку, подхваченную поясом, и Ромашка удивилась про себя - как это ему не холодно? Прохладный осенний ветерок порой дышит холодом, от которого сама Ромашка зябко съеживается, и даже шерстяная безрукавка ее не спасает.

- Ты не сердишься на меня?

Мирослав отрицательно покачал головой:

- Нет, что ты. Разве что на себя, немного...

Снова повисло молчание, но Ромашка уже чувствовала себя хорошо, по крайней мере, на душе у нее было легко и приятно.

- Я неделю назад в Родень ездил, - сказал Мирослав.

Девушка встрепенулась, ожидая новостей.

- Пленных солдат допросили, и теперь точно известны по крайней мере два города, что входят в военный союз.

Ромашка молча ждала продолжения. Мирослав отвернулся, смотрел теперь на лес, хмурился, словно пытался найти слова, которыми сообщить Ромашке уже наполовину угаданную ею новость. Но, то ли особых слов не нашлось, то ли Мирослав, как всегда, предпочел сказать прямо, как есть, не смягчая и не приукрашивая, но он повернулся, посмотрел в глаза Ромашки...

- Защитные шлемы разрабатывались в том городе, где был Сивер. Там больше всего занимаются различными разработками военных технологий. И половина солдат были оттуда. Вторая половина - из твоего города, Ромашка. Он ближе остальных находится к Рубежному, поэтому в последующих военных действиях будет принимать самое активное участие. А еще в твоем городе начинается призыв в армию молодых парней, более-менее развитых физически. Их тренируют на специальном полигоне, учат держать оружие, стрелять и драться на ножах. Я пока не знаю, есть ли у городов еще какие-нибудь новые

разработки, кроме защитных шлемов, но, думаю, есть. Ведь иначе, даже при численном превосходстве, их армия обречена, и они не могут этого не понимать. В общем, как и сказал на Совете Сивер, весной они готовятся идти на нас войной.

Ромашка ничего не сказала. Ей было горько сознавать, что среди солдат, которые вступят в битву с людьми, живущими на берегах Родны, вполне могут оказаться ее знакомые, ее бывшие одноклассники или просто соседи. Мирослав внимательно вглядывался в ее лицо, потом вздохнул, еще больше нахмурился.

- Города будут уничтожены прежде, чем выступят войска, - сказал он.

Осенний день был тих, лишь отголоски звуков долетали с поселка. Ромашка закрыла глаза, и в этот миг она отчаянно надеялась, что время воротится вспять, хотя бы на несколько минут, и Мирослав не произнесет этих слов, никогда не произнесет. Но даже если Мирослав не скажет этого, все равно... Совет ведь принял решение, принял давно, да только Ромашка до последнего убеждала себя, что ее родного города это не коснется. Она тряхнула головой:

- Нет!

Глаза Ромашки были теперь широко открыты и смотрели куда-то вдаль взглядом, полным ужаса и отчаяния, словно что-то невообразимо страшное видела она впереди. Она открыла рот, но слова застревали в горле.

- Как? - сиплым, чужим голосом произнесла она. - Как? Там же люди... Как же так? Как же так можно?.. Там же люди!

Она посмотрела в лицо Мирослава и резко отвернулась. Конечно, Мирослав полностью понимал все, что она сейчас чувствовала - Ромашка видела это по его глазам - и это было невыносимо, ужасно, потому что даже накричать на него, обругать, чтобы дать выход разрастающейся в груди злобе, Ромашка не могла. И ударить не могла - знала, и это он поймет. Потому просто отвернулась.

- Как же так? - вновь прошептала она. - Как же так - взять и погубить всех, без разбору?

Голос ее сорвался, и Ромашка почувствовала, что вот-вот заплачет. Осенний пейзаж оказался размыт слезами горечи и отчаяния от сознаваемой беспомощности. Как же она, глупая, надеялась? Ведь все

к тому шло, все... Две слезинки покатились по щекам прозрачными капельками, потом еще две, и еще - Ромашка не замечала этого. Она сидела неподвижно, не обращая никакого внимания на то, что разноцветная картинка перед глазами давно уже поплыла водянистыми пятнами.

Рука Мирослава осторожно легла ей на плечо, и это прикосновение вернуло Ромашку к действительности, вернуло, правда, неожиданным образом. Девушка резко развернулась и бросила зло:

- Уйди!

Он не двинулся с места.

- Уйди!

Ромашка яростно смотрела на, казалось, совершенно спокойного Мирослава. Нет, он и не думал уходить.

- Тогда я уйду! Я вернусь обратно, в свой город! - крикнула она, с каким-то чуждым ей злорадством отметив, что при этих словах на лице Мирослава промелькнул страх. Но он быстро взял себя в руки. Ясно же, знает, что никуда Ромашка не уйдет, хотя бы потому, что ее попросту не пустят. Догонят, остановят, запрут в конце концов, и не пустят. А ее город, ее город будет разрушен, и все люди, все-все, и мать Дельфины, и Рысь, и тетушка Полиана, ее муж, ребенок...

Наверное, Мирослав не ожидал от нее такого проворства. Ромашка быстро вскочила на ноги и бросилась бежать. Она бежала, не разбирая дороги, и слышала даже, как крикнул ей вслед Мирослав: "Стой!" Крикнул лишь один раз - знал, что Ромашка не остановится. Она неслась к западному склону, несколько раз девушка споткнулась, но удержала равновесие, а потом поскользнулась, упала, перекатилась по земле и села, не делая попыток подняться. Шаги внезапно послышались совсем близко, Мирослав почти упал рядом с нею, обнял уже вовсю ревущую Ромашку, прижал к себе. Девушка поначалу не сопротивлялась, но потом вдруг принялась вырываться.

- Уйди! Уйди! Оставь меня! Не трогай!

Мирослав ее, к счастью, не послушал. Он держал ее крепко, и Ромашка отбивалась в полную силу, не осознавая, что не злость ею движет, а ищет выхода охватившая душу боль. Но силы скоро оставили ее, и девушка затихла, уткнувшись лицом в сорочку Мирослава. Слез не осталось, но Ромашка продолжала вздрагивать, словно от рыданий, и никак не могла успокоиться. Мирослав гладил ее спутанные волосы,

что-то ласково приговаривал - Ромашка не слышала. Ее глаза были закрыты, и открывать их не хотелось, словно старалась спрятаться от всего окружающего мира в темноте и ласковых, надежных объятиях.

Потом дыхание Ромашки выровнялось, она перестала вздрагивать, и обнаружила вдруг, что сидит, съежившись, на коленях у Мирослава. Едва осознав это, Ромашка дернулась, пытаясь отстраниться. Ей позволили это сделать, Ромашка отодвинулась, и не сразу решилась поднять глаза. Она думала, что вот сейчас провалится под землю от смущения, но смущаться ей пришлось не того, что позволила держать себя в объятиях, а совсем другого. Мирослав смотрел на нее, чуть склонив набок голову, а на левой скуле под глазом красовался весьма заметный отпечаток Ромашкиного кулачка.

Ромашка моргнула, губы ее приоткрылись, и она растерянно прикрыла их пальцами. Мирослав проследил за ее взглядом, тронул скулу, улыбнулся краем губ, а девушка опустила глаза. Теперь они вместе сидели на западном склоне, впереди был густой лес, что тянулся до самого Рубежного хребта, высившегося на горизонте. Солнце медленно, но неумолимо опускалось к темному скалистому гребню.

Мирослав заговорил тихо, но Ромашка, сидящая рядом, отчетливо слышала каждое слово.

- Мудрецы приняли решение разрушить города землетрясением. Сейчас в городах находятся наши люди, а также действуют подпольные организации. Они набирают все больше и больше людей, и вскоре, я уверен, многие хорошие люди будут действовать заодно. Во время землетрясения они спрячутся в катакомбы под городом, а также попытаются увести с собой и других. Всех, кого они сочтут возможным предупредить, и кто этого предупреждения послушается. Власти ничего не должны знать о землетрясении, а так как их дома как раз в центре города, где и будет эпицентр, они пострадают в первую очередь. Я не хочу сказать, Ромашка, что окраинные районы не будут разрушены - будут обязательно. Ваши дома не выдержат подземных толчков. Но катакомбы и тоннели под городом - это действительно надежные места. Их готовили наши предки как раз на такой вот случай.

- Но разве там поместятся все?

- Не все, Ромашка, - честно ответил Мирослав. - Но очень многие.

Ромашка подняла голову, посмотрела в небо, которое понемногу расцвечивалось красками заката.

- И что же мне теперь делать? - прозвучал ее жалобный голосок. - Не могу же я просто так ждать, пока мой родной город, место в котором я родилась, будет разрушен, а многие его жители погибнут. Скажи, Мирослав, что мне теперь делать?

- Понимаешь, Ромашка, - Мирослав смотрел на нее внимательно, Ромашка чувствовала и не поворачивалась. - В случае войны жертв будет намного больше, а если города действительно приготовили какое-то особое оружие, то может стать вопрос о выживании не только нашем, но и их. Почему-то изобретения тамошних ученых чаще всего приносят только вред, и ничего больше.

- Ну почему только вред? - не согласилась Ромашка. - У нас есть много всего полезного, и если бы не Каменный Дождь...

- Если бы не Каменный Дождь, то не было бы ни этого леса, ни рек, воду из которых можно пить, ни морей - таких, как ты видела на картинах - ничего!

Наверное, самому Мирославу его ответ показался несколько резким, но Ромашка не обиделась.

- Ты прав, - вздохнула она. - Кругом прав. Просто... Понимаешь, Мирослав, во мне еще очень много осталось от той жизни. Ведь я прожила в городе больше двадцати лет, я помню с рождения его улицы, высотные дома, стену, я... все-таки по-своему любила город, и сейчас, хотя и понимаю, что ты все правильно говоришь, но не могу перебороть себя.

- Так и должно быть, Ромашка, - произнес Мирослав. - Скажи мне только, ты не жалеешь, что покинула город?

- Но ведь у меня все равно не было выбора...

- Нет, Ромашка, ты скажи - жалеешь или нет?

- Нет, - твердо ответила девушка. - Не жалею. Здесь другие люди, не просто другие - настоящие. И жизнь здесь настоящая, и все вокруг... Разве я могу жалеть? Нет, никогда.

Они смотрели, как солнце коснулось краем Рубежного, как медленно поплыло вниз, скрываясь за хребтом, как почернел раскинувшийся внизу, в межгорье лес.

- Пойдем, Ромашка, - сказал Мирослав, поднимаясь и подавая девушке руку. - Становится холодно, ты замерзнешь.

Ромашка встала, отряхнула платье и безрукавку, подняла голову и посмотрела ему в глаза.

- Только мне все равно немного не по себе, - прошептала она.

- Ромашка! - Мирослав был предельно серьезен. - Я понимаю, что тебе сейчас трудно и, возможно, будет еще труднее потом. Но, пожалуйста, не забывай, что у тебя есть Тур с Димкой, и тетушка Звана, и я. Ты говори, если что, мы же всегда тебе поможем, Ромашка, ты же это знаешь, правда?

- Знаю, - улыбнулась девушка.

Широкая фигура Тура словно сама собой выросла на пути. Богатырь как раз поднялся наверх и оглядывался по сторонам, когда Ромашка с Мирославом попали в поле его зрения. Тур нахмурился и пошел им навстречу.

- Поздно уже, - проворчал он. - Ходите тут...

- Не сердись, Тур, - ответил Мирослав. - Это я виноват. Хотел с Ромашкой поговорить, а разговор получился долгим.

В другой день Тур обязательно бы очень обрадовался тому, что Мирослав с Ромашкой наконец помирились, но сегодня настроение его было испорчено практически окончательно.

- Сержусь... А как же не сердиться? Ты знаешь, кто сейчас у меня дома сидит? Нет? Сивер, вот кто! Тебя искал, между прочим!

Это он сказал Мирославу, который, в свою очередь, очень удивился.

- Сивер?

- Он самый! Мать моя где-то встретила его в поселке и к нам привела. А меня послала тебя найти, да и Ромашку заодно. Вот прямо сейчас этот Сивер сидит у меня дома и чай пьет с матерью, а я тут вас хожу-ищу!

- Ну и что тут такого? - осторожно спросил Мирослав.

Вместо ответа Тур очень красноречиво фыркнул, словно говоря, что уж кого-кого, а Сивера бы и на порог не пустил. Девушка представила, как Сивер сидит у них дома и пьет чай под присмотром едва ли не пыхтящего от недовольства Тура, и не смогла сдержаться - рассмеялась.

Окна дома приветливо светились - тетушка Звана запалила свечу в честь позднего гостя. Тур с Ромашкой и Мирославом поднялись на крыльцо и вошли внутрь. Сивер действительно был там. Он сидел за столом в своей бессменной черной жилетке, как всегда, немного растрепанный и неопрятный. Обернулся Сивер неторопливо, без особого любопытства глядя на вошедших. Тетушка Звана вдруг приподнялась и удивленно охнула. Девушка поняла, что случилось, только когда такое же удивление отразилось на лице Тура. В свете свечи он разглядел, что белый рукав Ромашкиного платья перепачкан землей, а к безрукавке прицепилось несколько жухлых травинок. Это, конечно, было совершенно неудивительно, но картину дополняла украшавшая лицо Мирослава отметина, постепенно превращающаяся в хороший синяк.

- Я сегодня рассказал Ромашке о последнем решении Совета мудрецов, - сказал Мирослав, прежде чем кто-либо успел задать вопросы. - О том, что ее родной город будет уничтожен землетрясением.

- Так это Ромашка тебя стукнула? - еще больше удивился Тур.

Мирослав кивнул.

- Одобряю, - коротко высказался Сивер и одним глотком допил остававшийся в кружке чай.

Тур очень недоброжелательно зыркнул в его сторону, но ничего не сказал - снова посмотрел на Мирослава.

- Когда-то я обещал Ромашке сделать все, чтобы ее город не трогали. Как вам известно, у меня ничего не получилось.

- Я на самом деле нечаянно, - вдруг тихо сказала Ромашка. - Я очень расстроилась и... и мне просто хотелось кого-нибудь ударить. Так получилось...

- Бедная ты моя девочка, - вздохнула тетушка Звана и, подойдя к Ромашке, ласково ее обняла. - Конечно же, Мирослав знает, что ты не со зла. Еще бы - такое известие получить.

Она усадила Ромашку на лавку, присела рядом, продолжая обнимать девушку.

- А синяк я тебе сведу, - сказала мать Тура Мирославу. - Хочешь?

При этих словах Сивер усмехнулся, и Мирослав, в ответ на эту усмешку, чуть приподнял брови.

- Не надо, - сказал он тетушке Зване. - Сам пройдет.

Вместе с Ромашкой тетушка Звана накрыла на стол и усадила всех ужинать. Поблагодарив за еду, Сивер из Родня, которого весь вечер Тур сверлил недружелюбным взглядом, объяснил, наконец, зачем разыскивал Мирослава.

- Меня наставник по делу в Долину Ручьев отправлял, а на обратной дороге наказал за тобой заехать.

- Он тебя дома не нашел, - добавила тетушка Звана, - воеводе передал, чтоб тебя в Родень отправил, а сам уже уезжать собрался. А я и подумала: чего ему одному ехать, вдвоем-то ведь в пути веселее. Вот и привела к нам. Видишь, Сивер, я же говорила, что мой Тур быстро Мирослава найдет. И ехать тебе одному не придется!

Ромашка ниже опустила голову, едва сдерживаясь, чтобы не засмеяться. Ясное дело, Сивер наверняка и не надеялся на такую удачу - Мирослава дома не застать. Уж и обрадовался, что сможет поехать один, да не тут-то было! И как это тетушка Звана его уговорила остаться у нее да Мирослава подождать? Вот это загадка так загадка.

- Нам к утру надо в Родне быть, - сказал Сивер, поднимаясь. Поклонился тетушке Зване и добавил: - А синяк вы ему все-таки сведите. В Родень-то мы вместе приедем. Еще подумают, будто это я его стукнул. Неудобно как-то.

Глава 25

Ромашка поначалу все время думала о том, что же будет с ее родным городом, но ни одна, даже самая тяжелая мысль, не может постоянно держаться в сознании, особенно когда вокруг так много всякого происходит. В конце-концов день, когда все случится, не был известен, девушка знала только, что это будет где-то в середине зимы, а потому на время постаралась выкинуть из головы грустные мысли. Да и времени раздумывать у нее не было - тетушка Звана учила Ромашку готовить различные блюда, кроить и шить, и вот Ромашка уже сшила себе сама сорочку из грубоватой ткани - на зиму, вышила ее цветными нитками, что привез ей из Родня Мирослав - красными и темно-синими. Теперь Ромашка шила себе теплые штаны. Обычно девушки Вестового не ходили в штанах, но в холода это не считалось зазорным - куда удобней, чем в длинном платье, особенно по снегу. К тому же девичьи фигуры были скрыты под длинными шерстяными свитами почти до колена, а поверх еще и тулупчик надевали.

Вот и Ромашка готовилась к холодам. Ей, городской, особенно не терпелось наконец штаны надеть - что поделать, многолетняя привычка. К тому же Ромашка искренне считала, что в штанах удобнее.

Что такое настоящие холода, Ромашка, как выяснилось, не знала.

И не знала не только этого.

Однажды утром девушка увидела, что мимо окошка ее комнаты, медленно, плавно переворачиваясь в воздухе, пролетают кусочки ваты. Ромашка даже подумала спросонья, что это кто-то на крыше сидит и специально вату крошит, чтобы ее, Ромашку, удивить. Но вата все летела и летела мимо окна, и Ромашке стало казаться что это и не вата вовсе, а что-то другое, но вот что? Она подошла к окну и обомлела: белая вата падала с неба в долину и уже плотным ковром укрывала и землю, и крыши домов, и даже на ветвях деревьев что-то белело. Ромашка так и прилипла к окну, а спустя минуту вышла в горницу, всунула ноги в туфельки и - как была в одной сорочке - так и вышла на улицу.

Ватные хлопья все падали и падали. Ромашка ловила их на ладонь, и хлопья превращались в капельки воды. Все вокруг было белым-белым, чистым и нарядным, и Ромашка смотрела огромными глазами по сторонам, не совсем понимая, что происходит.

Мирослав поднимался от дороги, но девушка следила изумленными глазами за танцем белоснежных хлопьев и не замечала его. При виде лица Ромашки Мирослав не смог сдержать улыбки, но, окинув взглядом ее фигурку, покачал головой.

- Ты же замерзнешь! - сказал он.

Ромашка медленно перевела взгляд на него.

- Что это? - спросила девушка. - Что это?

- Это снег, Ромашка.

- Снег? Снег!..

Сейчас никакая сила не сдвинула бы ее с места. Мирослав отворил дверь, заглянул в дом и, увидев на вешалке теплый тулуп Тура, сдернул его с крючка.

Ромашка не чувствовала холода, но все же в тулупе было намного уютнее. И девушка, запахнувшись поплотнее, стояла на крыльце, не в силах оторваться от завораживающего зрелища. Надо же, она никогда не видела снега, настоящего снега!

Тур очень удивился, что сегодня Ромашку угораздило встать раньше него. Он выглянул на крылечко, увидел там Ромашку в своем тулупе и Мирослава. У девушки вид был совершенно ошарашенный, и Тур не сразу понял, что на самом деле она первый раз в жизни видит снег. Мирослав же об этом помнил, не зря пришел сюда, едва увидел, проснувшись, снег за окном.

Следом за Туром на крыльцо выскользнул Димка, предусмотрительно накинувший теплую свитку. Потом из курятника пришла тетушка Звана. Женщина не слишком удивилась застав на пороге всю честную компанию - за последнее время привыкла. Мирослав заходил часто, а иногда забирал всех ее детей - и родного сына, и Димку, и Ромашку - с собой. Вместе они ходили и в лес, и в горы, и ездили пару раз в Родень - на ярмарку, и в Лесичанск, возвращались веселые, довольные. Часто к ним в дом забегала Веселинка, чтобы позвать Ромашку на вечерние посиделки. Так что тетушка Звана уже не удивлялась гостям, в какое бы время они не

приходили, а только радовалась, что дети ее не только между собой дружны - со всеми ладят, дружбу водят.

Первый снег растаял на следующий день, и Ромашка невероятно расстроилась, но через неделю землю снова укрыло белоснежное покрывало и больше не таяло. Ромашка тепло одевалась, натягивала на ноги сшитые Туром сапоги из бычьей кожи, прихватывала теплые варежки и выходила во двор. Слушала, как скрипит снег, отмечая каждый ее шаг, ловила пальцами снежинки, которые тут же таяли от тепла ее рук, любовалась морозными узорами, что за ночь появлялись на стеклах. Непривычную к холоду Ромашку мороз так пощипал в первый же день, что после у нее неделю и щеки, и нос были ярко-малинового цвета, но девушка все равно участвовала во всех забавах, что устраивала молодежь Вестового.

Тур достал смастеренные им сани - низенькие, широкие, - на такие и вчетвером уместиться можно, если сидя. Они облюбовали хорошую горку и ходили кататься, после чего дружно сушили свои штаны и носки у печи, да и сорочки часто сушить приходилось. Мирослав теперь нередко ходил вместе с ними, правда иногда он отлучался в Родень на день или два, но по возвращении обязательно заходил к ним домой и, бывало, сидел вечерами вместе с Туром и Димкой на лавке, пока тетушка Звана учила Ромашку прясть.

Однажды к ним даже Сивер заглянул - вернее, к тетушке Зване, поздороваться. Мирослава с Туром тогда не было, и Сивер, передав воеводе на словах, чтобы отправил сына в Родень, поскорее оттуда ушел - не хотел, видимо, с Мирославом вместе ехать. Потому и отказался, когда тетушка Звана предложила ему посидеть в горнице, дождаться, пока сын ее вместе с Мирославом вернется.

- Тороплюсь я, - объяснил он свой отказ. - Так что, извините, не могу.

С тетушкой Званой Сивер всегда был вежлив, да и с остальными в ее присутствие старался не вступать в перепалки. Ромашку же Сивер едва замечал, изредка лишь бросал на девушку взгляд из-под косматых бровей. Тетушка Звана обращалась с черноволосым тепло и ласково, если и не как с сыном, то уж как с любимым племянником.

- Хороший он человек, да несчастливый, - сказала она как-то Ромашке. - Сирота ведь. Отец его едва успел сына дождаться - и погиб.

На Рубежном. Да и мать недолго после прожила.

- Так вы его семью знали?

Тетушка Звана рассмеялась.

- Оно и видно, Ромашка, что не у нас ты выросла. У нас все про всех знают, а уж про таких, как Сивер, и подавно. Он же добровольцем в городе целый год прожил, как Мирослав и мой Тур, и уж о них обо всех люди давно все вызнали. Все-таки на опасное дело шли они, вернулись вон не все...

На санной горке зачастую было много молодых парней и девушек, поэтому катались всегда весело: съезжали вниз да сваливались там гурьбой. Смех звенел по всей округе. На Туровы санки Ромашка одна садилась редко - то с Туром, то с Димкой, то с Веселинкой. Если на санках сидел Тур, но внизу санки обязательно переворачивались ко всеобщему удовольствию - наверное, названный брат специально так все устраивал. Тогда и девушки, и Димка летели в снег, чаще всего мягко приземляясь именно на Тура.

Один раз после такой забавы Веселинка осталась наверху - снег отряхивать, а Ромашка вновь уселась на санки, привычно вцепившись в Тура. Кто-то сел сзади нее, и сани понеслись. Ромашка думала - то Веселинка решила еще раз прокатиться, да только внизу, когда Тур по обыкновению санки перевернул, вдруг увидела рядом в снегу Мирослава.

А еще часто устраивали сражения в снегу - когда всем поселком собирались да неслись стенка на стенку, с веселыми криками и смехом, сходились в шуточной драке, когда калечить - не калечили, а силу свою пробовали. Девчонки в стенку не ставали - они все больше просто снежками бросались, причем иные куда метче парней оказывались. От белокосой Людмилы Ромашка часто получала снежком точно в лоб, хотя девушка, шутя, оправдывалась, что не целится вовсе, а так, случайно попадает.

Вечером, довольные и разрумянившиеся, собирались на посиделки у кого-нибудь в доме, где горница побольше, попросторней. Бывало, что приходили и взрослые женщины, и девушки, а иногда и мужчин приглашали, и парней молодых. Женщины да девушки с прялками, кудельцем и веретеном, не теряли зря времени, а за разговорами успевали прясть. При мужчинах взрослые старались

молодым замечаний не делать, а вот как по домам расходились - тетушка Звана могла Ромашке многое указать, где и что она неправильно делает. Правда каждый раз, если Ромашка расстраивалась, мать Тура ее утешала, говорила, что здешние девочки с шести лет учатся прясть, приглядывают, что да как делают их матери, и сами пробовать начинают. А ей, Ромашке, предстоит всему научиться сразу, так что не беда, если у нее не так хорошо поначалу будет выходить - со временем и умение придет, только главное - стараться, не отчаиваться, рук не опускать.

На этих-то посиделках Ромашка впервые заподозрила, что белокосая Людмила не просто так ей все время норовит снежкой в лицо залепить. Сама Людмила пряха была - хоть куда, на все Вестовое своим уменьем славилась, да еще и красавица - глаза ореховые, коса светлая, как лен, толстая, ниже пояса спускается. С Ромашкой Людмила редко заговаривала, а потому Ромашка и удивилась, когда стала Людмила на посиделках рядом с нею усаживаться, особенно когда не только женщины в горнице находились. По другую сторону от Ромашки неизменно сидела Веселинка, и та на Людмилу с неодобрением косилась. Ромашка многого не замечала. Прясть ей пока было нелегко, и все внимание девушки сосредотачивалось именно на этом занятии, а вот подружка ее, Веселинка, все подмечала. И знала, почему иногда девушки при взгляде на Ромашку хихикать начинают - не иначе Людка что-то им такое рассказала. При парнях же Людмила вела себя осторожнее, но и тогда умудрялась как бы невзначай Ромашку в дурном свете выставить.

- Ты не замечаешь разве, что Людка делает? - спросила как-то Веселинка. - Она ведь каждую твою неловкость подмечает, да другим на нее указывает. И садится рядом только для того, чтобы все вас сравнивали - какая, мол, она мастерица и...

"И красавица" - докончила про себя Ромашка, когда Веселинка осеклась и умолкла.

- Я-то думала - чего они всё хихикают, - вздохнула Ромашка. - Ну ладно, если нравится Люде народ смешить - я ей мешать не буду.

- Так она же... Она же так делает, чтобы над тобой смеялись! Людка-то ведь на Мирослава глаз положила.

- Ну и что? - Ромашка постаралась, чтобы вопрос ее звучал как можно менее заинтересованно.

- Да брось ты, Ромашка, - рассмеялась Веселинка, - ведь какими глазами на него смотришь! Тут и дураку ясно, что люб он тебе. А он как смотрит!

- А никак он не смотрит, - буркнула Ромашка. - Когда мы приехали сюда, он меня сестрой назвать хотел, а ты говоришь - смотрит!

- Так то когда было, - возразила ее подружка. - А сейчас - совсем другое дело!

- Что-то я не заметила...

Веселинка засмеялась.

- Так всегда бывает - двое ходят-ходят, смотрят-смотрят, а в упор ничего не видят! Ты, Ромашка, знай - со стороны оно виднее. Лучше о другом подумай - как Людку на место поставить.

И Ромашка над этим думала, да только придумать ничего так и не смогла - во всем была хороша Людмила: и красавица, и умница, и танцует, и поет. Что уж тут придумаешь? А подруге своей Ромашка сказала, что пускай Людка что хочет, то и делает - ей без разницы.

- А теперь пусть Ромашка споет!

Ромашка встрепенулась и подняла глаза. Людмила смотрела не нее детски-наивным взглядом ореховых глаз. Только что пели другие девушки, да и сама Людмила, и Ромашка аж заслушалась - до чего красиво.

- Я плохо пою, - сказала Ромашка.

И подумала, что надо было бы вспомнить одну из здешних песен да спеть, но лишь представила, как будет слабым, нерешительным голоском пищать или хрипеть - в зависимости от мотива, - решила, что петь не станет.

- Да ты не смущайся, спой! - продолжала уговаривать Людмила, и некоторые девушки ее поддержали.

Мысленно ругая саму себя за трусость, Ромашка упрямо не соглашалась.

Никто не заметил в тот момент, как Мирослав, в кои-то веки пришедший на вечерние посиделки, что-то тихо сказал Димке. Мальчик встал и пошел вдоль сидящих на скамьях у стены людей. Ромашка же на миг обратила беспомощный взгляд на Тура, затем повернулась к Веселинке.

- Ну не хочет Ромашка петь, - вступилась за нее подруга. - Чего тебе неймется, Людка!

Музыка сначала была тихой, потому услышали ее не сразу, но услышав - тут же примолкли. Ромашка с удивлением узнала гитару. Она не раз слышала, как парни Вестового играют на гитаре, правда реже, чем на домрах или гуслях, но сегодня под крышей гостеприимного дома звучала именно гитара, и играл на ней никто иной, как Мирослав. Ромашка так удивилась, что тут же забыла и про Людмилу, и про пряжу - как зачарованная смотрела на перебирающие струны пальцы. Она-то и не знала, что Мирослав так умеет! Ромашка как-то сразу поняла, что взялся играть он лишь для того, чтобы отвлечь девушек, и была ему бесконечно благодарна. Только стыдно было, что не смогла справиться с ситуацией сама, без его помощи.

- Как красиво ты играл, - сказала ему Ромашка вечером, когда Мирослав по обыкновению шел с ними к дому Тура, а там уже поворачивал к себе.

- Он еще и не такое умеет, - выдал друга Тур, - только почему-то при всех не хочет.

На это замечание Мирослав лишь улыбнулся. Возможно, ему действительно не нравилось находиться в центре внимания, и в таком случае Ромашка его не совсем понимала - сегодня Мирослав получил столько восторженных комплиментов своему умению, причем в основном от девушек Вестового, что должен был только радоваться.

- Знаешь, Тур, я давно хочу Ромашку к Любомире свозить, - произнес Мирослав задумчиво уже недалеко от Турова дома. - Может, Любомира возьмется ее обучить, - и к девушке обернулся. - Ты как на это смотришь, а, Ромашка?

Девушка пожала плечами, а Тур согласился, что неплохо было бы Ромашку в обучение отдать. Они тут же договорились, и наутро выехали в Родень.

Путь был неблизкий, и Ромашка устала. Она уже умела ездить верхом - Тур с Мирославом учили ее и Димку, - но все еще не привыкла находиться в седле подолгу. Спешившись на краю площади в Родне, девушка долго разминала ноги. Мирослав подвел ее и Тура к бревенчатому дому и постучал в дверь.

Любомира открыла сама. Женщина, что вела собрания Совета, так же строго, так же величественно выглядела и стоя на пороге

собственного дома в длинной расшитой сорочке и теплом кафтане. Она без вопросов пригласила гостей внутрь, усадила всех на невысокие лавки и, выслушав Мирослава, подозвала к себе Ромашку. Любомира взяла девушку за руки, заглянула ей в глаза, потом коснулась рукой лба.

- К сожалению, Ромашка, хоть и есть у тебя задатки интуиции и эмоциональной передачи, но для контролируемого обмена мыслями этого недостаточно. Я бы взялась тебя обучать, тем более что ты - девушка умная, рассудительная, да только не знаю - стоит ли? Чтобы научиться тому, что с детства умеет здесь каждый, тебе придется потратить много времени и усилий. Ты научишься защищать свое сознание от чужого вмешательства, но при встрече с более опытным противником тебе это, скорее всего, не поможет. Ты сможешь передавать сигналы, но не емкие, заранее условленные, содержащие минимум информации. Для того же, чтобы научиться б*о*льшему, тебе, Ромашка, придется потратить многие и многие годы. Подумай, хочешь ли ты сама этого? Если да - попроси брата привезти тебя ко мне весной, после посевной. А пока учись тому, чему учатся все девушки, да и чему научилась в городе, тоже не забывай.

Когда они втроем вышли на улицу, Ромашке показалось, что Тур с Мирославом немного расстроились. Сама же Ромашка обрисованные ей перспективы обучения сочла более чем обнадеживающими. Защищать сознание, подавать сигналы... Да она и мечтать о таком не смела!

Мирослав решил зайти к своему наставнику ненадолго. Наставник Мирослава занимался с учениками не дома, а в специально отведенном для этого просторном двухэтажном здании. Войдя внутрь без стука и без спроса, Мирослав оставил Ромашку с Туром в большом помещении с лавками у стен, а сам пошел к лестнице, ведущей наверх. Ожидая Мирослава, Тур с Ромашкой обсудили то, что сказала Любомира, и примолкли, задумавшись каждый о своем.

Входная дверь открылась, и вслед за одетой в темный тулуп и шапку фигурой влетело несколько пушистых снежинок. Сивер - а это был именно он - прошел мимо Ромашки и Тура, вроде как не заметив, потом остановился и оглянулся.

- Вы чего здесь? - и это вместо приветствия.

- Здравствуй, Сивер, - ответила Ромашка.

Он буркнул что-то неразборчивое, что при желании можно было принять за пожелание здравствовать.

- Мы к Любомире ходили, - сказала тогда Ромашка. - Мирослав хотел, чтобы она взяла меня в обучение.

Сивер хмыкнул, и девушка не поняла, считает ли он идею Мирослава абсурдной или наоборот одобряет.

- А чего не к нашему наставнику? - спросил вдруг Сивер.

Ромашка пожала плечами, Сивер и сам призадумался, нахмурил косматые черные брови, потом спохватился и, резко развернувшись, пошел к лестнице.

В Вестовое вернулись уже затемно. На обратном пути Мирослав был молчалив и задумчив, и девушка, хотя и много о чем хотела его спросить, - помалкивала. А на следующей неделе Мирослав снова ускакал в Родень. И еще через два дня старейшина Светозар туда же отправился, да Тура с собой взял.

Глава 26

Уже больше недели прошло с тех пор, как Тур вместе со старейшиной отправился в Родень. Тетушка Звана волновалась - чувствовала, что неспроста это все, а Димка скучал по старшему брату. Днем мальчик резвился с местной ребятней, а вечером сидел вместе с Ромашкой. Вскоре стало известно, что в Родень отправился и отец Мирослава, воевода Вояр.

Девушка в глубине души знала, что все это может означать, но до последнего старалась не думать. Она ждала, когда вернется из Родня Мирослав и сам ей все расскажет.

И вот однажды поздним вечером, когда тетушка Звана уже собиралась лучину гасить да спать ложиться, в дверь постучали. Женщина отворила и впустила в горницу своего сына, а за ним вошел и Мирослав.

- Ну наконец-то, вернулись! - всплеснула руками тетушка Звана. - Голодные, наверное.

- Не беспокойся, мать, - ответил Тур. - Нам тут...

Он оглянулся на друга.

- Нам бы с Ромашкой поговорить, - сказал Мирослав.

Было уже довольно поздно, но тетушка Звана не стала возражать, к тому же Ромашка уже выглядывала из-за приоткрытой двери своей комнатки. Девушка успела раздеться и лечь в постель, и теперь куталась в одеяло, а потому не могла сразу выйти навстречу.

- Хорошо, - сказала тетушка Звана, - поговорите, а я к себе пойду.

Услышав это, Ромашка прикрыла дверь и принялась быстренько одеваться, а Тур тихонько сказал Мирославу, хмуро замершему у двери:

- Ты сам поговори, без меня... Так, наверное, лучше будет, - и отошел сначала в дальний угол, а потом тихо скрипнула дверь, и Мирослав остался в горнице один.

Ромашка вышла и замерла нерешительно, то пряча глаза, то поднимая их на Мирослава, вглядываясь в его лицо. А лицо его казалось ей темным, и даже светлые глаза будто потемнели. Мирослав

медленно расстегнул пуговицы куртки, сшитой из дубленой овчины кожей наружу, снял ее и повесил на крючок у двери, подошел к столу и сел на длинную лавку. В глаза Ромашки он не смотрел. Девушка, предчувствуя недоброе, сделала несколько шагов ослабевшими вдруг ногами и тоже опустилась на лавку как раз напротив Мирослава. Сначала Ромашка пыталась заглянуть ему в лицо, потом принялась разглядывать шероховатую, в мелких царапинах поверхность стола.

- Ромашка!

Голос прозвучал глухо. Девушка подняла глаза - Мирослав смотрел на нее каким-то непонятным, тяжелым взглядом, от которого стало не по себе, локти его стояли на столе, а ладони обхватывали виски. "Что случилось?" - хотела спросить Ромашка, но не смогла произнести ни слова.

Наверное, Мирославу тоже непросто было сказать то, что собирался. Он вздохнул и протянул руки Ромашке, ладонями кверху. Девушка интуитивно поняла этот жест, и в его ладони вложила свои. Пальцы Мирослава сжали руки Ромашка.

- Послезавтра наш отряд уходит к Рубежному. Старейшины назначили день.

Губы Ромашки приоткрылись, но она ничего не сказала. Мирослав же помолчал немного, затем снова заговорил:

- Пойдут несколько отрядов из Родня, Камы и Святограда к четырем городам, которые состоят в военном союзе. Наш отряд отправится к твоему городу. Когда произойдет землетрясение, мы войдем в разрушенный город, поможем выбраться из катакомб тем, кто спрячется, а заодно проверим состояние вооруженных сил и основных ваших структур власти.

Снова наступило молчание. Свет от горящих лучин подрагивал, заставляя точно так же дрожать мягкие, глубокие тени на лицах сидящих друг напротив друга людей.

- Значит, вы идете только для того, чтобы помочь выжить оставшимся горожанам? - спросила девушка. Ее голос был тверд, но чуть хрипловат, словно от простуды.

- Нет, Ромашка, не только. Возможно, состоится битва с уцелевшими подразделениями вооруженных сил. Мудрейшие будут помогать нам всеми силами, так что мы справимся. Также нам надо убедиться, что ваши правители не выжили.

- Это называется "контрольный выстрел" - пробормотала Ромашка.

- Что-то вроде того, - Мирослав вздохнул, чувствуя некоторое облегчение от того, что наконец все сказал. Девушка реагировала спокойнее, чем он ожидал.

- Я пойду с вами, - неожиданно заявила Ромашка.

Брови Мирослава удивленно взметнулись вверх, затем он сказал коротко:

- Нет.

- Пойду. Это мой город, и я должна быть там. Я должна помочь.

- Нет, Ромашка, нельзя...

Руки Ромашки дернулись, но Мирослав не выпустил их, и девушка обратила на него полный боли и обиды взгляд.

- Мне нужно быть там, как же ты не понимаешь! Я родилась там и выросла, и каким бы плохим не был город - это мой родной город. Это место, где жили близкие мне люди, и где сейчас живут мои знакомые, родственники. Я просто обязана быть там, обязана помогать им. Мне повезло покинуть город вместе с тобой, а остальным не повезло - и они в этом не виноваты! Я должна быть там вместе с ними, пойми же!

- Ромашка, - Мирослав чуть наклонился вперед, и теперь его лицо было совсем близко, и несколько светлых волосинок, выбившихся из-под ремешка, колыхались от дыхания Ромашки. - Поверь мне, я все понимаю, но это будет трудный поход, возможно опасный, и неизвестно еще, что ждет нас в городе. Поэтому, - его пальцы сильнее сжали ладони девушки, - поэтому, если ты, Ромашка, надумаешь отправиться в город, я тебя найду, обязательно найду, верну и передам Туру, чтобы на правах старшего брата отшлепал, как следует. Понятно?

У Ромашки обиженно задрожал подбородок, и девушка закусила губу. Вот как, значит? Обращаются с нею, как с несмышленой малолеткой, и даже не пытаются понять, почему она просто не может остаться здесь, когда ее родной город будет обращен в руины, остаться, когда те люди, что жили рядом с нею все двадцать два года, будут лишены крова или вовсе погибнут под обломками.

- Ромашка!

Она подняла глаза, и Мирослав увидел в них слезы.

- Я постараюсь не причинять вам неудобств, - прошептала она.

Мирослав покачал головой, и на губах его появилась грустная улыбка.

- Кроме меня есть еще воеводы, которые обязательно будут против. Да и остальные не с одобрением посмотрят на девушку в отряде. Хотя и это не главное, Ромашка. Там будет совсем небезопасно, понимаешь?

Она понимала, все понимала, но точно знала, что должна быть там. Обязательно.

- Мирослав, прошу тебя, пожалуйста!..

Ее глаза умоляли, и очень сложно было не поддаться уговору. Мирослав выдержал ее взгляд, и девушка поняла, что проиграла. Судорожно вздохнув, Ромашка попыталась высвободить руки - Мирослав не отпустил. Ромашка безучастно смотрела на пальцы Мирослава, которые обхватывали ее ладони, на трепещущую тень на столе от их рук.

- Ромашка, - услышала девушка тихий голос, подняла глаза и, встретившись взглядом с глазами Мирослава, обмерла.

"Я люблю тебя" - именно это он сейчас скажет" - успела подумать девушка, и вдруг испугалась. Все как-то сразу всколыхнулось в душе - Ромашка вспомнила, как ходил Мирослав сам не свой после встречи с синеглазой Златой, что полюбила другого за время его отсутствия, как предложил Ромашке стать ей старшим братом, как заботился о ней, словно о сестре младшей, разговаривал, будто с лучшим другом, как ухаживала Ромашка за ним, раненным, кормила его, перевязывала раны - вспомнила и поняла, что признанию не поверит. До сих пор Мирослав общался с нею ровно, привычно, а теперь... благодарность это за заботу и любовь или чувство вины - кто его разберет? Ведь уходит скоро в поход, быть может, действительно боится не вернуться, и хочет, чтобы думала Ромашка, будто любил ее.

Все эти мысли пронеслись в ее голове за одно мгновение, и девушка ждала, что скажет Мирослав, но он нахмурился вдруг и промолчал. Его пальцы разжались и больше не держали Ромашкиных ладоней. Вероятно, от него не укрылись попытки девушки сдержать вздох облегчения. "И чего это я? - удивилась Ромашка. - Так долго ждала, а теперь... теперь боюсь, и рада, что ошиблась".

Внезапный стук в дверь заставил их обоих вздрогнуть от неожиданности. Из комнаты своей появилась тетушка Звана и пошла открывать.

- Звана, - услышала Ромашка женский голос, - а дома ли твой Тур? А-то спросить хочу, не видел ли моего сына.

Тетушка Звана молча отступила, пропустив женщину внутрь, и Ромашка сразу узнала Любиму, мать Мирослава. Узнала, и снова вздрогнула как от испуга, а Мирослав при ее появлении встал из-за стола.

Женщина замерла нерешительно на пороге, с удивлением глядя то на сына, то на Ромашку, потом сказала:

- Здравствуй Ромашка.

Девушка тоже поздоровалась, тихо и неуверенно.

- Мирослав, там отец тебя ждет, - сказала Любима.

Мирослав кивнул:

- Хорошо, мама. Я буду дома через десять минут.

Видно было, что мать его растерялась. Она снова посмотрела на Ромашку, потом скомкано попрощалась с тетушкой Званой и ушла. Мирослав так и остался стоять, и девушка тоже поднялась, обошла стол и встала неподалеку от него. Ей было понятно, что что-то случилось, что с отцом у Мирослава опять какие-то неприятности, но спрашивать не решилась.

Ромашка, растерянно опустившая голову, не сразу заметила, что теперь Мирослав пытается заглянуть ей в лицо. Когда ему это удалось, он долго смотрел в ее глаза, потом усмехнулся невесело и качнул головой, словно сам себе отвечая на какой-то невысказанный вопрос.

- Ну, я пойду. Ромашка, тетушка Звана...

Мать Тура закрыла за ним дверь, а Ромашка еще не сразу смогла сдвинуться с места, и стояла, как вкопанная, пока тетушка Звана не тронула ее за плечо.

- Спать иди. Поздно уже...

На следующий день все Вестовое собирало своих мужчин в поход. Димка, которого Тур снова не брал с собой, расстроился, но не слишком. Теперь кроме брата у мальчишки появились еще и друзья, и у этих друзей старшие братья тоже назавтра покидали поселок, так что в своем разочаровании Димка был не одинок, отчего становилось

намного легче. Теперь почти все время отсутствия мужчин мальчишки будут играть в поход на города, представлять себя воинами, что идут уничтожать врагов и вызволять из-под руин своих соратников.

И вот серым холодным утром на дороге из Родня показался отряд. Бойцы перешли реку и остановились чуть севернее поселка. После появились лыжники и запряженные сани на южной дороге - это пришли мужчины из Долины Ручьев и Гористого. А за школой собирались жители Вестового - и бойцы, и провожавшие их родные.

Сегодня Ромашка вспомнила другое утро, только без снега и мороза, когда они с тетушкой Званой и Димкой провожали Тура на битву с отрядом городских солдат. Только тогда бойцы уходили из Вестового на юг, а сегодня они отправлялись на север, к Соколиному перевалу, чтобы потом, перейдя Рубежный, оказаться прямо напротив круглых холмов, что недалеко от Ромашкиного города.

И сегодня провожавшие не спешили так, как в тот раз. Ромашка сразу нашла глазами Мирослава - его со слезами на глазах обнимала мать. Потом Любима отошла к мужу, а Ромашка поспешила подойти вместе с Туром поближе.

Повозок и лошадей на всех не хватило бы, поэтому большинство мужчин встали на лыжи и собирались проделать весь путь пешком. Благо, особенной спешки не требовалось, и у отрядов даже имелось в запасе несколько дней. Мирослав, в куртке из дубленой овчины и меховой шапке, из-под которой выбивались светло-русые с сильной проседью волосы, поправил на плечах лямки дорожного мешка и обернулся на приветствие Тура.

Ромашка остановилась в нескольких шагах. После нескольких коротких фраз, сказанных ею на прощание, Мирослав выглядел несколько обескуражено, хотя и неплохо скрывал свое удивление. Ромашка только надеялась, что он спишет ее немногословие на растерянность или угнетенность предстоящей разлукой. У матери Тура нашлись теплые слова и для друга своего сына, потом к Мирославу подошла светлокосая Людмила, скромно потупив глаза, пожелала вернуться поскорее живым и здоровым. Мирослав поблагодарил ее, а Людмила, проходя мимо Ромашки, не сдержала самодовольной улыбки.

И вот по команде воеводы отряд тронулся в путь. Тур с Мирославом последний раз глянули на своих родных и помахали им на

прощанье. Но прежде, чем друзья вышли на дорогу и повернулись спиной к расположившемуся в долине у реки поселку, Мирослав бросил взгляд на фигурку девушки, одетой в теплые штаны да валенки, с короткими пепельно-русыми волосами, рассыпавшимися по воротнику старенького тулупчика, наскоро перекроенного тетушкой Званой. Что именно было в этом взгляде - растерянность, обида или удивление - Ромашка так и не поняла.

После полудня с полчаса шел снег, крупными пушистыми хлопьями кружился в воздухе и падал на землю. Наряженный в белое лес выглядел сказочно, лыжи легко скользили по толстому снежному ковру, оставляя за собой гладкие следы.

Соколиный перевал остался позади, и дорога отряда лежала через лес к Рубежному. Люди мало разговаривали, лишь изредка перебрасывались короткими фразами, но Тур заметил, что Мирослав сегодня как-то особенно молчалив, словно угнетен и расстроен чем-то. Тур не знал, чем закончился поздний разговор Мирослава с Ромашкой, но сегодня утром девушка вела себя странно, словно обижена, причем обижена именно на Мирослава. Она даже не попрощалась с ним как следует. Тур знал Мирослава всю жизнь, и понимал поэтому, что за нахмуренными бровями и устремленным под ноги задумчивым взглядом светлых глаз скрывается не просто недоумение. "Зря она так, - думал Тур, глядя на друга. - Вот человек теперь переживает, думает, небось, что сказал или сделал не так... Хотя подумал бы лучше о том, чего не сказал. Может, из-за этого Ромашка обиделась? Может тоже ждала от него слов каких на прощание?"

Тур уже давно бросил разбираться в том, что происходило между другом его и названной сестрой, оставив все идти своим чередом. Полюбит Мирослав Ромашку - и хорошо, нет - значит, найдет себе девушка кого другого. Она веселая, умная, характер у нее легкий, покладистый, хоть и упрямится порой - да ведь с кем не бывает? Вот только Тур был уверен, что рано или поздно Мирослав все-таки поймет, что лучше Ромашки ему не сыскать. Может, он уже понял? А может даже и сказал ей тогда, вечером?

"Нет, это вряд ли, - решил Тур. - Иначе бы Ромашка к нему куда ласковей была, да хотя бы обнять себя на прощание позволила - не на

день ведь уходим, не на неделю. А может, поссорились они?"

Спросить обо всем Мирослава Тур пока не решался.

В сумерках отряды остановились, разбили лагерь. Несколько шкуряных шатров не вмещали всех, и многие собирались ночевать на улице, завернувшись от холода в теплые шкуры. Разожгли костры.

Мирослав присел рядом с Туром на сложенную шкуру, быстро съел свой паек и задумался.

- Слушай, ты чего смурной такой? - решил прервать его размышления Тур. - Из-за Ромашки? Вы поссорились что ли?

Мирослав пожал плечами.

- И сам не знаю. Тур, а ведь она просила взять ее с нами в поход. Я понимаю почему - сам бы на ее месте пошел, но ведь неизвестно - вдруг случится что-то непредвиденное. Вдруг битва?

- Не дело девушке в военные походы ходить, - проворчал Тур. - Ишь, что удумала! Ясное дело, никто бы ей идти не позволил. Ну, Ромашка и сама это понимать должна, не могла же она из-за этого обидеться?

Снова Мирослав пожал плечами.

- Не знаю, Тур, может и могла. Я вот думаю...

Он вдруг осекся и замолчал, потом хлопнул себя ладонью по лбу.

- Тур, - сказал Мирослав, - я дурак. Круглый дурак!

- С чего это ты вдруг решил? - удивился Тур.

- Она ведь специально не подходила, знала, что разгадаю! Как же я мог сразу не догадаться!

Мирослав вздохнул и серьезно посмотрел Туру в глаза:

- Все просто, Тур. Сейчас Ромашка идет за нами.

На свою беду Тур с Мирославом научили ее очень неплохо ходить на лыжах.

Глава 27

Ромашка очень устала еще на Соколином, но потом дорога пошла под горку, и девушка снова оживилась. Белоснежный ковер вокруг был прекрасен, как и пушистые шали на деревьях. Это великолепие слепило глаза, и Ромашка сильно щурилась, но бодрое настроение не покидало ее. Следы полозьев, копыт и лыж отчетливо виднелись на снегу. После полудня ненадолго пошел снег, и девушка успела чуток испугаться, когда следы понемногу начали скрываться под покрывалом из снежинок, но Ромашка знала, куда надо идти - Мирослав ей не раз показывал карту - и не особенно боялась заблудиться. Правда, ей не видно было теперь Рубежного из-за высоких деревьев вокруг, но и тут девушка не отчаивалась - ориентироваться по солнцу Мирослав ее тоже научил.

Скоро снег закончился, и теперь ничто не напоминало о том, что недавно здесь прошли многочисленные отряды из Вестового, Гористого, Долины Ручьев, Родня и Лесичанска. Ромашка шла вперед. Она была вполне довольна собой и радовалась, что ее никто так и не заподозрил. Девушка оставила тетушке Зване записку, надеясь, что та поймет причину ее поступка. Ведь понимал же Мирослав... Он все понимал, Ромашка не сомневалась, он и сам бы на ее месте поступил точно так же, но только Ромашка - не мужчина, поэтому и счет к ней другой, и отношение другое. Димку вот не брали по малолетству, а ее... В городе бы это назвали "дискриминацией по половому признаку", но Ромашка обычно ничуть против подобной дискриминации не возражала - забота и подчеркнутое отношение к себе как к будущей женщине ей были только приятны. Только сейчас, когда решена судьба ее родного города, Ромашка была не согласна сидеть в поселке и ждать... Она знала, что Мирослав прав - по-своему, и она права по-своему, а значит, он правильно сделал, что не пустил ее, а она - что не послушалась и пошла. Ромашка запаслась едой и спичками, взяла одеяльце на всякий случай, упрятала все это в заплечную сумку. На счастье никто ее не заметил - тетушка Звана в курятнике была, а Димка с ребятами играл. Тогда-то Ромашка взяла лыжи, смастеренные Туром

специально для нее, и вышла на дорогу. Может, кто и видел фигурку ее, удаляющуюся вслед отрядам - не обратили внимания. А может, решили, что парнишка молодой отстал в пути - и догоняет теперь. В теплой одежде Ромашку издалека от парня отличить не с первого взгляда можно - косы-то нет, вот так и получилось, что ушла Ромашка из Вестового, никем не остановленная.

Ромашка вполне искренне полагала, что сможет следовать за отрядами практически все время пути, и разве что у Круглых холмов, когда отряды остановятся ждать сигнала от Совета, тогда нагонит и покажется - все равно не отправят обратно. Не зная всех трудностей и опасностей одиночного похода в зимнюю пору, Ромашка наивно решила, что умения ходить на лыжах да пирожков в сумке ей хватит, чтобы несколько дней идти через лес вслед отрядам.

Но время шло, и Ромашка начала уставать. Задолго до сумерек, когда на снегу вновь появились следы прошедшего отряда, девушка уже и обрадоваться как следует не смогла. Хотелось сесть и отдохнуть, а еще лучше - лечь, но Ромашка, до того вполне ясно представлявшая себе, как будет лежать на снегу, закутавшись в одеяло, и спать, теперь ложиться боялась. А когда солнце село, и сумерки над лесом сгустились, постепенно превращаясь во тьму, девушка вдруг ощутила настоящий страх. Только теперь Ромашка подумала, что в лесу могут быть хищные звери, и от мысли этой стало не по себе. А еще к Ромашке вдруг вернулась привитая еще в городе боязнь темноты, и сердце девушки теперь тревожно прыгало в груди и билось испуганной маленькой птичкой. Молодая луна не давала достаточно света, девушка уже едва различала следы на снегу, но шла теперь быстрее, куда быстрее, чем до заката. Ее подгонял даже не страх, а самый настоящий ужас, и думала Ромашка только об одном - поскорее догнать отряд. Нет, она не будет прятаться, она выйдет, повинится перед Туром и Мирославом, станет перед воеводой и скажет все как есть. Она готова выслушать сейчас любые упреки - назад-то ее все равно не отправят - только бы не быть совершенно одной в этом темном лесу.

Холода Ромашка не чувствовала - она ведь шла быстро, согреваясь на ходу, порой ей даже бывало жарковато, но ночью мороз усилился и начал ощутимо пощипывать лицо. Девушка не обращала внимания - шла. Теперь она даже мысли не допускала о том, чтобы ночевать здесь

самой - куда там? Да она со страха и глаз сомкнуть не сможет, не то, что заснуть! Лучше уж она будет идти и идти, если понадобится, идти до самого утра, пока не нагонит отряды. Ведь должны же они остановиться на ночь, сделать привал? Так отчего же не видно до сих пор отсветов костра, не слышно людских голосов и лошадиного ржания? На самом деле Ромашка очень отстала - она ведь и вышла на час позже, и шла слишком медленно по сравнению с отрядами, - но девушка не знала этого, и потому то обстоятельство, что она до сих пор не видела перед собою лагеря, пугало ее. "А вдруг они не остановились на ночь?" - думала Ромашка. - "Тогда ведь я их не догоню, буду следом идти, но не догоню, наверное". Потом пришла мысль, что в темноте она могла сбиться со следа, или идет по какому-то другому, неправильному следу, вовсе не за отрядом. Ромашка начала пристально вглядываться в следы - следы-то были, да вот разглядеть их подробней в слабом свете тонкого лунного серпа не получалось.

Через какое-то время Ромашка поняла, что идет все медленней и медленней. Теперь едва ли не каждый шаг давался с трудом. Еще бы - целый день она шла без передыха на лыжах, так, как не ходила еще ни разу. В пору вообще удивиться, что до сих пор на ногах держится! А Ромашка держалась не столько оттого, что силы были, сколько из страха остановиться. Но усталость вскоре стала невыносимой. Девушка остановилась, подогнула ноги и села. Ноги не вытягивала, да и палки наготове воткнуты в снег - если вдруг понадобится быстро вскочить. Посидела немного и поднялась с трудом, пошла дальше, сильнее опираясь на палки, потому как ноги все норовили подогнуться да уронить свою хозяйку на пушистый белый ковер. Спустя час-другой Ромашка уже устала так, что перспектива заснуть в лесу больше не казалась ей настолько страшной. Она постоянно слышала вокруг какие-то звуки, и видела даже зайца, которого до смерти испугалась, не сразу узнав, но от усталости в голове шумело так, что постепенно звуки леса перестали из этого шума выделяться. Ромашка снова присела, и на этот раз даже вытянула ноги, почувствовав ненадолго настоящее блаженство. "Снять бы лыжи да свернуться калачиком, - мечтательно подумала Ромашка. - Вон снег какой мягкий, и не холодный вовсе". Девушка улыбнулась, едва представив себе возможность отдохнуть, но тут вдруг вспомнились страшные рассказы о том, как люди засыпали и не просыпались, окоченевая во сне, и

Ромашка быстренько снова встала на ноги. "Ну уж нет. Буду идти, и, если понадобится, идти до самого утра" - решила Ромашка и двинулась вперед, упрямо делая шаг за шагом.

Тур смотрел удивленно, и в голове у него не укладывалось, как это Ромашка могла в одиночку двинуться за отрядом через горы и лес, да еще зимой, в холод.

- Ты уверен? - спросил он Мирослава.

- Да. Уверен, - твердо ответил Мирослав, поднимаясь.

- Но ведь как? Она же... того... не догонит нас. Идет ведь медленно. Замерзнет...

Мирослав кивнул, соглашаясь со всем, что сказал Тур.

- И что теперь? Пойдем назад, искать? - спросил Тур.

Мирослав снова кивнул.

- Пойду, скажу воеводе.

- Погоди! - остановил его Тур. - А вдруг ты не прав, вдруг Ромашка не идет за нами?

- Я уверен.

- Но на всякий случай, может, проверим?

Мирослав нахмурился - задумался значит, а потом повернулся и пошел туда, где расположились роднянские воины.

Он быстро нашел того, кого искал. Сивер уже разворачивал шкуру, в которую собирался закутаться на ночь, и потому встретил Мирослава недовольным взглядом, но не сказал ничего - видимо, удивился, что Мирослав ни с того ни с сего подошел.

- Сивер, мне твоя помощь нужна.

Сивер еще больше удивился, но смотрел на Мирослава и на Тура все еще почти враждебно.

- Насколько я знаю, ты можешь на расстоянии найти человека, определить, где он находится, - сказал Мирослав.

- Ну, могу. А кого потеряли?

- Ромашку.

Брови Сивера еще ближе сошлись на переносице, а потом вдруг приподнялись изумленно:

- Неужто за нами пошла? Ну, этого не может быть, она же...

Сивер сосредоточился и прикрыл глаза. Где-то с полминуты он сидел на своей шкуре молча, потом произнес:

- Идет.

Глаза Сивера открылись и посмотрели на Мирослава удивленно.

- Идет, - повторил он. - За нами идет по следу, боится очень, но идет.

- Далеко?

- Часа за два вы до нее доберетесь, я думаю. Если она не остановится или темп не сбавит.

- Хорошо, - произнес Мирослав. - Спасибо, Сивер.

И быстрыми шагами направился к шатру воеводы. Тур с ним хотел, да Мирослав предупредил: "Не надо. Я сам".

В большом шкуряном шатре находился не только воевода, а и много других людей - все, кому места хватило, потому Мирослав с отцом, воеводой Вояром, вышли из шатра и отошли в сторонку. Тур и Сивер наблюдали издалека за их разговором.

- Лучше бы ты с ним пошел, - негромко сказал Сивер. - Да уже ладно...

Тур не ответил, сам запоздало подумал, что следовало с Мирославом пойти - все-таки Ромашка его названная сестра, но только теперь действительно было поздно. "Ничего, вот найдем Ромашку, вернемся - первым к воеводе пойду, - подумал Тур, - пусть меня ругает".

Издалека лица воеводы и его сына видно было плохо. Они стояли друг напротив друга - очень похожие, только воевода Вояр покрупнее, да в длинных волосах, перехваченных на затылке ремешком, еще нет седины. Вот Мирослав коротко кивнул и, повернувшись, пошел обратно. В светлых глазах читалась решимость.

- Пойдем, Тур, - сказал он.

Они взяли лыжи и вдвоем вышли из лагеря, где к удивлению своему обнаружили поджидающего их Сивера.

- А ты чего тут? - недовольно спросил Тур.

- Ты бы сестру сначала воспитал как следует, чтобы старших слушалась, - пробурчал Сивер. - Отряды широкой полосой шли, в полкилометра - не меньше. Этак вы мимо девчонки пройдете и не заметите.

- А ты-то заметишь? - усомнился Тур.

- А я-то замечу, - ответил Сивер.

Мирослав же молчал - не до разговоров ему было, да и помощь Сивера могла оказаться кстати, особенно если с Ромашкой что-нибудь случится, пока они будут идти.

Два часа уже прошло, а Ромашку по-прежнему видно не было. Все внимательно глядели и вперед, и по сторонам, а Мирослав пару раз обращался к Сиверу, и тот отвечал коротко:

- Впереди. Еще немного.

Медленно передвигающую ноги фигуру заметили сразу все - она шла немного правее, упрямо двигаясь вперед и едва не засыпая на ходу. Увидев их, девушка остановилась, опершись на палки, и мягко осела в снег.

Мирослав подскочил первым и, встряхнув ее за плечи, заглянул в лицо. Глаза Ромашка закрыла, решив, видимо, что раз ее нашли, то можно, наконец, позволить себе хоть немного расслабиться. Выглядела девушка не замерзшей, и даже не насмерть перепуганной, а только уставшей.

- Ромашка! Что же ты наделала, Ромашка! Я же сказал тебе дома оставаться, почему не послушалась?

Мирослав продолжал трясти ее за плечи, но Ромашка упрямо не открывала глаз, сказала только:

- Назад не пойду.

Тур присел рядом.

- Эх ты, Ромашка! Как же это тебя угораздило - в лес одной, да еще по морозу... И как тебе только в голову пришло!

Теперь Тур придерживал сестру за плечи, пока Мирослав высвобождал ее ступни из ремешков, снимал лыжи.

- Стыдно тебе должно быть, - ворчал Тур.

Девушка охнула и открыла глаза, повернулась к брату:

- Стыдно, Тур, правда, очень стыдно! Я-то думала сама за вами идти следом, правда. Я и едой запаслась, и спичками, и одеялом...

- Да ты же ни разу зимой в лесу не ночевала! Замерзла бы... Да и волки тут. Обычно не трогают людей, но вдруг бы напали, тогда что?

- Ну прости меня, Тур, прости! Я знаю, что виновата, но, правда, иначе не могла, никак не могла. Накажи меня - я не против, только назад не отправляй.

- Да куда уж назад, - буркнул Тур. - Теперь только к нам...

Девушка вздохнула с некоторым облегчением. Сейчас она готова была вытерпеть любое наказание, о чем сразу же сообщила - все-таки, если накажут, совесть ее хоть немного да успокоится. Только Ромашке не повезло - Тур вдруг обнаружил, что отшлепать девушку у него рука не поднимется.

- Была б моей сестрой, - проворчал Сивер, - всыпал бы так, чтоб неделю сидеть не смогла.

Ромашка только теперь заметила его, и даже удивилась немного. Замечание Сивера осталось без должного внимания, но девушка, перехватив строгий взгляд Мирослава, поняла, что он полностью с Сивером согласен. Однако наказание либо отменялось, либо откладывалось, и Ромашка снова чувствовала, что засыпает, веки отяжелели, и глаза закрывались сами собой. Ее закинули на спину Туру да примотали ремнями, и Ромашка, обняв богатыря за шею и положив голову ему на плечо, благополучно заснула.

Трое быстро шли на лыжах через лес. Сивер - налегке, Мирослав прикрепил за спиной Ромашкины лыжи, а Тур нес саму Ромашку. Девушка изредка просыпалась, приподнимала голову, перекладывала ее на другое плечо Тура и вновь засыпала. Спустя час Мирослав предложил Туру сменить его, но Тур отказался, хотя Ромашка в теплой одежде отнюдь не была легкой ношей. Все-таки Тур являлся девушке пусть названным, но все же братом, и в какой-то мере ответственность за ее действия ложилась именно на него.

В лагерь пришли уже на рассвете, когда шатры были свернуты, и люди укладывали их вместе с теплыми шкурами на сани. Под недоумевающими взглядами своих земляков Тур подошел к саням и сгрузил спящую девушку на шкуры, еще и прикрыв сверху для тепла. Ромашка тут же свернулась клубочком, спряталась едва ли не с головой, и теперь ее почти не было видно - лишь пар от дыхания поднимался. Завтрак все четверо, считая и девушку, пропустили, но Тур нашел в Ромашкином мешочке испеченные матерью пироги и честно поделился с Сивером и Мирославом. Сани тронулись с места, и ночные путешественники пошли следом вместе с остальными бойцами.

Поначалу никто не спрашивал Тура, кого это он принес из леса, но все же многих разбирало любопытство. Молодой Невзор из Вестового

поинтересовался первым:

- Тур, а скажи, кто это там, на санях? Неужто мальчишка за нами какой увязался?

Тур буркнул что-то нечленораздельное. Рассказывать, что на санях спит его названная сестра, не очень хотелось.

- Вроде не Димка, да? - снова спросил Невзор.

Вопрос его остался без ответа, и парень оставил Тура в покое.

Наступило время обеда. Сухари жевали на ходу, а после еды настроение у всех поднялось, и разговоры стали оживленней. Ромашка проснулась, но ей было так хорошо лежать под шкурами, что девушка не двигалась еще какое-то время, наслаждаясь отдыхом. Однако вскоре Ромашка поняла, что вылезти ей таки придется. Она осторожно приподняла шкуры и выглянула, все еще стараясь, чтобы ее не заметили. Сани, на которых она лежала, ехали последними, и за ними шло не так много людей, среди которых девушка разглядела Тура с Мирославом и Сивера, да еще несколько знакомых лиц. Изучив обстановку, Ромашка несколько раз глубоко вздохнула и, решившись, откинула шкуру и села.

Глаза всех, кто шел за санями, тут же устремились на нее, и Ромашка почувствовала, что краснеет.

- О, так это Ромашка! - воскликнул Невзор.

Другие тоже разглядели, что на санях сидит девушка, и поглядывали на нее с веселым любопытством. Ромашка жалобно смотрела на Тура, и тот подошел ближе.

- Помоги мне слезть, пожалуйста, - попросила девушка.

- Да сиди уже...

- Мне слезть надо.

Тур вздохнул, подхватил Ромашку и спустил ее на землю, потом взял с движущихся саней Ромашкины лыжи. Девушка едва-едва смогла выпрямиться: после вчерашнего марафона ноги ныли, мышцы болели и на животе, и под лопатками. Мужчины проходили мимо, посмеиваясь и беззлобно подшучивая. Мирослав и Тур стояли рядом, пока Ромашка прицепила лыжи, а потом девушка снова посмотрела на Тура и сказала:

- Я отстану немного.

- Это еще зачем! - возмутился Тур, но тут сообразил, для чего девушке вдруг понадобилось отстать, и махнул рукой: - Ладно, только чтоб недалеко.

Девушка кивнула, повернулась и пошла в сторону, противоположную той, куда шел отряд. Тур строго смотрел ей вслед, когда Мирослав похлопал его по плечу.

- Что? - спросил Тур, но тут спохватился, что лучше ему повернуться к удаляющейся фигурке девушки спиной.

Как ни странно, но даже с Ромашкой им удалось догнать отряд довольно скоро. Тур ожидал, что над ним станут подшучивать, но почему-то этого не случилось. Кто-то вспомнил, что названная сестра Тура родилась в том городе, куда сейчас двигались их отряды, и в какой-то мере это объясняло и то, почему девушка решилась пойти за ними, и почему брата не послушалась - откуда им, городским, знать, что такое послушание.

Вечером, когда отряд остановился и разбил на ночь лагерь, воевода Вояр позвал к себе Тура и Мирослава. Они не хотели оставлять Ромашку одну на время разговора, но рядом с девушкой молча присел как всегда хмурый Сивер, и Мирослав счел, что вполне можно оставить Ромашку на него.

Ромашка проводила взглядом их спины и огляделась. На нее поглядывали, весело посмеиваясь, некоторые осуждающе хмурились, но большинство все-таки ее присутствие сочло лишь забавным обстоятельством - не более.

- Обоим влетит, - услышала вдруг Ромашка ворчливый голос, и обернулась:

- Что?

- Им обоим, говорю, влетит, - повторил Сивер. - Зря ты пошла.

Ромашка вздохнула. Объяснять причину своего поступка, не совсем красивого и абсолютно глупого в глазах остальных, ей сейчас не хотелось. Но вот то обстоятельство, что кого-то из-за нее будут ругать, девушку очень опечалило. Она хотела сама пойти вместе с Туром и Мирославом к воеводе, да ее не взяли. И теперь Ромашка молча думала о том, какие же еще неприятности могут свалиться на ее брата и Мирослава по ее вине. Все это время яркие голубые глаза

Сивера украдкой наблюдали за нею из-под косматых черных бровей, но девушка этого не замечала.

От воеводы оба вернулись пасмурными, Тур причем выглядел весьма растерянно. Они присели тут же, возле Ромашки, и после недолгого молчания Тур произнес:

- Не понимаю, отчего... Я ведь брат ей, значит, с меня и спрос. Что-то он тебя винит, а?

Девушка посмотрела на Тура, потом на Мирослава.

- Ромашка со мной в Вестовое пришла, - ответил Мирослав, с грустной улыбкой встречая взгляд девушки.

- Сильно ругал? - тихонько спросила она.

Мирослав качнул головой, задумчиво глядя на пламя костра, потом усмехнулся как-то по-особенному горько.

- Это не из-за Ромашки, - сказал он и встал, вытащил две миски из своего мешка.

С костра уже сняли котел с кашей и люди с мисками шли за своей порцией. Мирослав тоже сходил и вернулся. Одну миску протянул Ромашке, вторую, где была двойная порция, оставил себе и Туру. Сивер тоже успел сходить за кашей, и неторопливо ел, поглядывая изредка на друзей и прислушиваясь к их разговорам.

Шатров было немного, и многие ночевали на улице, завернувшись в шкуру у костра. Естественно, никто не собирался оставлять девушку на ночь на улице, поэтому Тур с Ромашкой устроились в шатре. Девушку положили под стенкой, а Тур прилег рядом, словно загораживая ее ото всех своим телом. Сначала Ромашка беспокоилась о том, что и Мирослав, и Сивер остались на холоде, но Тур успокоил ее, что им - не впервой.

Мирослав уже собрался лечь и завернуться поплотнее, когда голос Сивера заставил его обернуться:

- Что воевода сказал?

Мирославу даже в голову не пришло ответить что-то вроде "А какое твое дело?"

- Велел присмотреть за Ромашкой, да чтоб она воинам беспокойства не доставляла и в пути не задерживала.

Воевода, конечно же, не был так немногословен. Еще и попенял сыну, что девушка за ним увязалась, да только об этом Мирослав, ясное дело, рассказывать не стал.

- Любомира с ней не занималась? - снова спросила Сивер.

- Нет, - Мирослав, уже улегшийся на землю, приподнялся, удивленный вопросом.

- А ты?

- Нет.

- Плохо, - пробурчал Сивер, отворачиваясь.

Мирослав некоторое время смотрел ему в спину, потом все же спросил:

- Почему "плохо"?

Он слышал, как Сивер хмыкнул, и когда Мирослав уже не ждал ответа, обернулся.

- Ты научи ее хотя бы блок ставить - пригодится.

Утром, во время завтрака Ромашка поймала на себе недоброжелательный взгляд воеводы из Вестового, отца Мирослава. На сына Вояр даже не взглянул, и девушке показалось, что это намеренно.

Девушка тронула Мирослава за локоть и прошептала:

- Прости меня, пожалуйста. Я думала, ругать будут только меня... Мирослав!

Мирослав не сразу обернулся. Девушка вдруг подумала, что он, должно быть, слишком сердит на нее, но заглянув в светлые глаза, поняла - дело не в ней.

- Ты плохо сделала, Ромашка, что не послушалась меня, - ответил Мирослав. - Но отец сердится не столько из-за тебя, сколько... - он пожал плечами. - Он считает, что плохо воспитал сына.

- Это почему? - удивленно обернулся Тур, сидевший по другую сторону от девушки.

- У нас на многое разные взгляды. Он рассердился на меня еще тогда, когда я выступил на Совете за то, чтобы города не трогали.

- Ну и что, - Тур недоуменно приподнял рыжеватые брови. - Многие за это выступали. Я вон тоже...

- Мой отец - воевода. И он не понимает, почему я выступал против войны.

- Но ведь всегда лучше решать проблемы мирным путем, - вставила Ромашка.

- В данном случае у нас это не получилось, - усмехнулся Мирослав. - Так что отец оказался прав.

- Ну так что же? Каждый может ошибиться. Неужели он до сих пор сердится из-за Совета?

Мирослав покачал головой, и Ромашка поняла вдруг, что есть что-то еще, о чем Мирослав говорить не хочет.

- Может, это из-за меня? - едва слышно прошептала она. - Ты дружишь со мной, а я ведь - городская.

Грустная улыбка появилась на лице Мирослава.

- Помнишь, Тур, когда твоя мать с Сивером лечили меня в Долине Ручьев? Отец заходил тогда. Я ведь все слышал, хотя вы и думали, будто я сплю или без сознания. Так получилось, что только Сивер знал, что со мной случилось во время боя. Я слышал, как Сивер рассказал обо всем моему отцу. Ты же был там, Тур, ты тоже все слышал.

- Я... я далеко стоял. Да и не прислушивался. И за водой выходил разок.

Мирослав поднял руки, распустил ремень на затылке, пригладил рукой растрепавшиеся волосы и снова перетянул их ремешком.

- Когда-то еще мой прадед дал обет не стричь волос, если мы победим в войне, что была тогда между нами и городом. Мы победили. И побеждали каждый раз, в каждой битве. С тех пор длинные волосы - это что-то вроде семейной традиции. Мой прадед стал героем, мой дед отличился во время великой битвы - девяносто шесть лет тому назад. Отец стал воеводой в Вестовом тоже не просто так - он завоевал свою славу на Рубежном, где не раз сталкивался с отрядами городских солдат. Я выступил против войны... Может поэтому, а может и не только... но отец считает меня трусом.

И Ромашка, и даже Тур удивленно открыли рты. Мирослав встал, потом наклонился, подхватил рукой шкуру, на которой сидел, и принялся аккуратно ее сворачивать.

- Но ведь это неправда, - растерянно пробормотал Тур. - Это вообще... А уж после того, что рассказал Сивер - как ты бился у Долины Ручьев...

- Я не сделал ничего особенного тогда, - отозвался Мирослав, не поднимая глаз. Замер на секунду со свернутой шкурой в руках, потом поднял голову: - Давайте сюда свои свертки - пойду, заброшу на сани.

Вскинув на плечо три свернутые шкуры, Мирослав пошел к запряженным саням. Ромашка с Туром смотрели ему вслед.

Глава 28

На следующий день мороз усилился и пошел снег. Еще до полудня войско перешло Рубежный, и Ромашка уже с перевала угадала вдалеке на северо-западе очертания круглых холмов, расплывавшиеся бесформенными тучами в пелене снегопада. Именно эти самые холмы видели они с Мирославом, когда перелетели городскую стену на параплане. От холмов до города, как уже знала Ромашка, было рукой подать - немного пройти через редколесье да луг, а там - мертвая земля до самой стены.

Вьюга усиливалась, и идти становилось все труднее. Ромашка измучилась и устала, но хотя девушка знала, что может сесть на сани и никто при этом не посмотрит на нее косо - шла, как и все, сильнее опираясь на палки руками, которые пока болели меньше, чем ноги. Мирослав молчал, и ни девушка, ни Тур долго не решались заговорить с ним - всё думали о том, что сказал он утром. Теперь Ромашке стало понятно, почему отец так холоден с сыном, почему Мирославу так нелегко разговаривать с воеводой, но она не могла взять в толк, что же могло послужить поводом для такого необоснованного суждения воеводы Вояра о собственном сыне.

Девушка глянула украдкой на хмурое лицо Мирослава. Ей показалось, он почувствовал ее взгляд, но обернулся не сразу.

- Если сегодня вечером все будет спокойно, мы немного позанимаемся, - сказал Мирослав. - Либо наши, либо враги могут применить массовое внушение, так что тебе надо научиться защищать сознание.

Ромашка с готовностью кивнула, правда, кивок этот получился малозаметным - девушка шла, низко наклонив голову, наполовину спрятав лицо за высоким воротником. Такой злой метели они еще не видела, и Ромашке было даже немного страшно - неспроста, видать, природа разгневалась, видно, не пускает войско к городу. Каково же было ее удивление, когда Тур сказал ей:

- Это наши мудрейшие метель такую наслали и морозы.

Ромашка шла последнее время словно на автомате, и потому даже не остановилась, но голову изумленно приподняла:

- Это еще зачем? Ведь еле идем...

- Там военная база у холмов. Благодаря метели они и не увидели, как мы с гор спускались.

К вечеру ветер немного стих, но снег все падал и падал. В лагере не палили костров - чтобы с базы вдруг не приметили дыма - потому сегодня ужинали сухим пайком. Ромашка, вспоминая уютное потрескивание дров и тепло огня, немного грустила, что нельзя погреться, глядя на рыжие языки пламени.

Мирослав с Туром и Ромашкой устроились в тихом месте, где ветви стоящих небольшой группкой пушистых сосен прикрывали от падающего снега. Лес вокруг был не таким пышным и роскошным, как за Рубежным, деревья не вырастали высокими и сильными. Ромашка уже знала, что это - от близости городов. Девушка вспомнила, какие жалкие деревца росли в центральном парке города, и вздохнула - меньше чем за полгода в Вестовом она научилась смотреть на мир совершенно по-другому, она увидела столько, сколько не видела за двадцать два года жизни в городе, а узнала еще больше, да и теперь у нее было столько друзей! Девушка подумала о своей подруге Дельфине, и пожалела, что та не увидела всего того, что увидела Ромашка, не побывала вместе с нею в Долине Ручьев, в Вестовом, в Родне, не погуляла по лесу, не поплавала в реке...

Внезапно в голову Ромашке пришла мысль нацепить лыжи и пройтись вокруг лагеря. Девушке совершенно не хотелось вставать - она устала настолько, что рада была бы заснуть прямо здесь, на снегу, предоставив Туру самому отнести ее в шатер, но мысль оказалась невероятно настойчивой, и девушка со вздохом потянулась за своими лыжами и принялась прилаживать их к ноге.

- Ромашка, - донесся до ее сознания тихий голос Мирослава. - Ты куда?

Девушка замерла.

- Пойду пройдусь, - неуверенно ответила она.

- Ты разве не устала?

- Устала, - сказала Ромашка, с сомнением глядя на лыжи. Идти ей совершенно никуда не хотелось, но вот мысль о прогулке надоедливо

стучалась в сознание, словно и не ее мысль, а чья-то чужая, пришедшая извне. Девушка снова вздохнула и застегнула крепления.

- Ромашка!

Словно очнувшись, девушка вдруг обнаружила, что стоит на лыжах, готовая куда-то идти, а вот куда - совершенно себе не представляет.

- Ой, - только и смогла вымолвить она.

- Снимай лыжи и садись, - скомандовал Мирослав.

Девушка послушалась, села и посмотрела в его светлые глаза.

- Это ты меня заставил лыжи надеть? - он кивнул, девушка возмущенно втянула воздух: - Хоть бы предупредил, что начинаешь со мной заниматься. Я бы подготовилась.

- Перед атакой никто не станет предупреждать заранее, - возразил Мирослав. - Но раз уж ты догадалась в чем дело - готовься.

Приготовиться Ромашка не успела. Но на этот раз, надевая лыжи, она с недоумением размышляла, чего это ей не сидится на месте - ведь устала же, идти никуда не хочет, а вот собирается...

- Ромашка! - окликнул ее Мирослав.

Опомнившись, девушка раздосадовано вздохнула, посмотрела на пристегнутые к ногам лыжи почти с ненавистью.

- Спасибо хоть не стал меня гонять вокруг лагеря, - пробормотала она себе под нос. На лице Мирослава появилась лукавая улыбка.

- В следующий раз заставлю, чтобы лучше старалась.

Вид у девушки стал совершенно несчастный. Она сосредоточилась как только могла, но уже через пару минут ее скользящую меж деревьев фигурку заметил Сивер. Он нашел взглядом Мирослава и направился к нему.

- Учишь? - спросил Сивер.

Мирослав кивнул в ответ. Тур смотрел на черноволосого с неприязнью, но раз уж Мирослав не возражал против общества этого роднянского забияки, то и Тур промолчал. Вот если Сивер снова начнет грубить или другой какой повод подаст...

Гонять уставшую за день девушку вокруг всего лагеря было бы слишком жестоко, и поэтому Ромашка лишь сделала небольшую петлю по лесу, постоянно оставаясь в зоне видимости, и вернулась. Сначала лицо ее было спокойное, но потом Ромашка сообразила, что и почему она только что делала, и негодующе воззрилась на своего мучителя.

- Я устала! Я не хочу! - заявила она.

Девушка не сразу заметила Сивера, но, разглядев ехидную ухмылку на его лице, обиженно засопела. Тур поглядел на нее сочувственно, и даже подумал - а не предложить ли Мирославу перенести дальнейшие занятия назавтра, но промолчал.

- Ромашка, - Мирослав внимательно посмотрел ей в глаза. - Если не хочешь - не делай. Просто не слушайся.

Девушка кивнула, отцепила лыжи и присела, приготовившись не слушаться. В этот раз она даже успела поймать тот момент, когда мысль, чужая, не ее мысль, осторожно прокралась в ее сознание и тут же заявила о себе. Девушка словно следила за нею, слушала, как голос, очень похожий на голос Мирослава, настойчиво советует ей пробежаться на лыжах по лесу.

- Поймала! Поймала! - воскликнула девушка, с облегчением понимая, что у нее наконец-то получилось.

- Умница, - сказал Мирослав.

Девушка довольно улыбнулась... и тут же снова принялась пристегивать лыжи.

Занятия продлились еще около получаса. Несколько раз Ромашке удавалось не послушаться приказа, но едва она расслаблялась, Мирослав снова и снова без труда заставлял ее подниматься и бежать по снегу. В конце концов Ромашка просто упала в сугроб и заявила, что так и уснет на лыжах.

- Завтра продолжим, - пообещал Мирослав.

Завтра они продолжили, но результат оставался тот же. После обеда Ромашка просто не смогла сдвинуться с места. Она сидела, глядя вдаль, где над горизонтом стояла серый туман. Там, она знала, находился город. Город, которому суждено было вскоре превратиться в руины. Небо над ними было чистым, морозно-голубым, и девушка вдруг поняла, что ее беспокоит.

- А почему не видно патрулей? - спросила она.

- Слишком сильный мороз, - ответил Мирослав. - Их электроника выходит из строя, так что в ближайшие дни, пока в городе не придумают, как избежать поломок и аварий, патрулей не будет.

- А в городе сейчас тоже так холодно?

- Нет. Только здесь и до мертвой земли. Над нею воздух насыщен испарениями и по мере приближения к городу становится все теплее.

Ромашка кивнула:

- Ясно.

И стала думать о мертвой земле, о рве под стеной, в котором была ядовитая жидкость, о заводах на краю города, которые сливали в ров свои отходы.

- А у вас что вообще нет заводов? - спросила девушка.

- Вообще.

- Как же вы так живете?..

- Много тысячелетий люди жили - и мы живем.

- Но почему?

- Ты знаешь, Ромашка, - и девушка тут же насторожилась - именно с этих слов Мирослав обычно начинал рассказывать ей что-то важное или объяснять, - сейчас мы просто не можем позволить себе жить по-другому. Мы противостоим городам с их вооружением и новейшими технологиями только потому, что живем на природе, черпаем из нее силу, получаем ее поддержку. Если б мы жили в городах, строили заводы - нам понадобилось бы очень много времени, чтобы устроить такую жизнь в согласии с природой, а ваши города не дали бы нам этого времени - просто стерли бы с лица земли. Поэтому в то время как вы развиваете технологии вооружения, мы развиваем наши природные способности, и лишь благодаря этому мы еще живы, благодаря этому ваши города не смогли завоевать наши земли, уничтожить наши леса и отравить реки.

Ромашка задумалась над словами Мирослава, но потом вспомнила кое-что и снова задала вопрос:

- А откуда тогда аккумуляторы на твоем параплане? А камера откуда?

Мирослав улыбнулся:

- Не все города, Ромашка, воюют с нами. Некоторые, наоборот, сотрудничают, но пока они этого не афишируют, чтобы остальные не пошли на них войной. Вот оттуда мы и берем иногда такие вещи, но только в случае крайней необходимости.

Девушка вздохнула.

- Жаль, что мой город не захотел с вами сотрудничать.

Она посмотрела Мирославу в глаза и спросила:

- Когда?

Он все понял и ответил так же коротко:

- Послезавтра.

Следующий день Ромашка провела в болезненном ожидании. Она теперь точно знала, когда произойдет разрушительное землетрясение, и у нее кусок в горло не лез, а занятия с Мирославом проходили и вовсе безуспешно. Тур смотрел, как Ромашка с безразличным видом надевает лыжи и лавирует меж деревьев, и теперь думал, что если девушка сильно устанет, то, возможно, назавтра у нее не останется сил на какие-либо необдуманные действия вроде того, чтобы, ослушавшись запрета, пойти вместе с ними к городу. Вечером Мирослав попросил Ромашку показать ему тетю Полиану, за которую девушка беспокоилась особенно. С большим трудом ей удалось передать Мирославу картинку - курносое лицо тети.

Вечером девушке долго не спалось. Она ворочалась с боку на бок, то открывала, то закрывала глаза, а потом вдруг разбудила уже задремавшего Тура - названный брат, как всегда, устроился рядом с нею.

- Тур, а что с базой? - спросила она. - Тут же военная база рядом, у холмов. А если они на вас нападут?

- Это мы на них нападем, - сонно ответил Тур.

- Как? Когда?

- Да перед тем, как на город идти... Не хватало еще, чтобы нам в спину ударили.

И только тут Ромашка вдруг поняла, что назавтра войску роднянского воеводы предстоит настоящая битва.

- Так ведь и в городе, наверняка, есть военные базы, - прошептала она.

Тур ее не услышал, и девушка хотела растормошить его да порасспросить, потом передумала - если завтра будет бой, так пусть лучше Тур выспится, как следует.

Лагерь свернули рано-рано, еще только начало светать. Небольшой отряд из человек двадцати отправился к мертвой земле. Мирослав объяснил Ромашке, что это - "проводники" - люди, которых мудрейшие напрямую питают своей силой, главное оружие войска.

- После землетрясения, - говорил Мирослав, - солдаты покинут базу и отправятся к городу спасать своих. Тогда мы нападем на базу и захватим ее. А "проводники" встретят и задержат солдат на подходе к городу, чтобы мы могли их догнать и сразиться.

Мирослав помолчал немного, потом добавил:

- Правда, бой будет неравный. Эти люди уже заранее обречены.

И отошел. Ромашка заметила, что сегодня он избегает ее взгляда.

Люди ждали. Ромашка знала, что не пойдет в город - останется в захваченной базе. Девушка не спорила. Она и так пришла сюда вопреки всем запретам, но теперь останется в стороне. Она даже не увидит, как будут рушиться стены ее города, нет, но она обязательно узнает об этом сразу же. "Мой город погибнет, - в отчаянии думала Ромашка, - сегодня мой город погибнет, а я буду так далеко, слишком далеко..."

И вот началось. Земля под ногами вздрогнула, и Ромашка от неожиданности подогнула коленки и села в снег. До слуха долетел ужасающий грохот и гул. Она не сразу смогла подняться - сидела в снегу, и воображение рисовало ей, как рушатся небоскребы, падая друг на друга, ломая стены соседних домов, как трескается асфальт на Кольцевой, как ползет трещина по стеклу окна, за которым Ромашка каждый вечер видела над стеной полоску яркого неба...

Для остальных начало землетрясения послужило сигналом. Только стало известно, что солдаты покинули базу, полсотни искуснейших стрелков двинулись вперед, бесшумно лавируя меж деревьев, скрытые от неприятельских часовых пеленой непрекращающегося снегопада. За ними пошли остальные воины, лишь человек тридцать осталось с санями.

- Ромашка, вставай!

Голос Невзора девушка узнала не сразу.

- Давай, залезай на сани, - добродушно сказал парень. - Наши, поди, уже сняли дозорных, так что можно ехать. Прибудем как раз вовремя.

Ромашка встала, шатаясь. В ушах гудело - страх, и перед глазами все плыло - казалось даже, что земля все еще трясется. Она хотела пристегнуть лыжи, да только пальцы дрожали и не слушались, потому пришлось послушать совета да на сани влезть.

Когда запряженные лошадьми сани подъехали к базе, ни часовых, ни охраны уже не было. Операцию провели бесшумно и быстро, и теперь бойцы вооружались оружием городских. Ромашка поискала глазами Мирослава и Тура, но их не было видно. Немного растерявшись, девушка медленно пошла к приземистому широкому строению, едва выглядывавшему из-под снега, когда кто-то придержал ее за рукав. Ромашка оглянулась и увидела Сивера.

- Туда не ходи, - бросил он. - Погоди немного.

- А что там? - спросила девушка.

Сивер не ответил - нахмурил косматые брови, но Ромашка, верно, добилась бы от него ответа, если бы, наконец, не увидела того, кого искала.

С автоматом и гранатами у пояса Мирослав смотрелся дико - по крайней мере, так Ромашке показалось. Да и Тур, мягко говоря, выглядел необычно - названному брату Ромашки куда больше пошел бы тяжелый меч или секира. Но, как ни странно, и один и другой оружие держали уверенно, чувствовалось - знают, как с ним обращаться. Сивер выпустил Ромашкин рукав, и девушка пошла.

Мирослав не сразу увидел ее, и обернулся, когда Ромашка уже остановилась рядом с Туром. Наткнулся на взгляд ее огромных серых глаз и замер.

- Мы уходим, Ромашка, - тем временем говорил девушке брат, - а ты здесь будешь. Я накажу Невзору нашему за тобой приглядывать.

Вряд ли Ромашка слышала, что он говорил. Она стояла, словно истукан, и Тур, заметив ее неподвижность, подумал вдруг, что девушка замерзла.

- Ромашка, ты что? - взволнованно спросил он и тряхнул девушку за плечи. Она не отреагировала, но Тур понял вдруг, отчего Ромашка так себя ведет, и глубоко вздохнул.

В этот момент где-то в направлении рухнувшего города прогремели взрывы гранат. Воевода Бравлин приказал выступать. Тур обнял сестру на прощание крепко-крепко, а Мирослав прижал ее к себе лишь на короткий миг - не брат и не жених, он не мог позволить себе б*о*льшего на глазах остальных воинов. Руки его все еще касались ее плеч, когда Ромашка, словно опомнившись, прошептала:

- Берегите себя.

Они уходили, и девушка долго смотрела вслед. Сердце разрывалось на части и от страха за судьбу этих людей, что успели стать ей родными, и от того, что в это самое время гигантское существо под названием город, такое знакомое и привычное с детства, мучительно погибает, навсегда прекращая свое существование.

Когда последние ряды людей скрылись за деревьями, девушка рванулась с места и побежала в обратную сторону, через базу, поднялась по склону, укрытому толстым слоем снега, на самую вершину холма. Далеко на западе поднималось над горизонтом темное облако - последний вздох рухнувшего города. В пыль, что взметнулась над развалинами, уже вклинился черный столб дыма - что-то горело.

Далеко, на мертвой земле, Ромашка увидела солдат. Их было намного больше, чем тех, кто спешил вдогонку. Почему-то солдаты не двигались вперед. Ромашке было не разглядеть как следует, что там творилось - мешал все еще не прекратившийся снегопад да туман испарений над пустырем. Но девушка знала, что городских остановили всего-то человек двадцать "проводников", и теперь не дают им двигаться дальше. В рядах городских уже рвались их же собственные боеприпасы, а со стороны базы к ним подходили отряды воинов из Вестового, Родня, Долины Ручьев, Лесичанска, Гористого... Где-то там сейчас находились Мирослав, Тур и еще много-много знакомых Ромашке людей. Они быстро перешли заснеженный луг и ударили с тыла.

Девушка почти неподвижно замерла на вершине холма, не замечая стоящего неподалеку Невзора, который напряженно наблюдал за битвой. У городских, и правда, не было шансов. Перед неожиданной атакой с двух сторон они, хоть и вооруженные полностью, оказались практически беззащитны, тем более что боевая техника из-за морозов так и стояла на базе мертвым грузом. Очень скоро войско под командованием Бравлина двинулось дальше, оставив застигнутых врасплох солдат лежать на мертвой земле. А Ромашка все смотрела и смотрела им вслед. Ее ноги проваливались почти по колено, холодный ветер продувал со всех сторон, но девушка не обращала на это никакого внимания. Ей было страшно и больно, очень-очень больно...

До самой темноты из города доносился грохот взрывов. Когда Невзор почти силой увел девушку с холма вниз, на захваченную базу, Ромашка охрипшим, едва слышным голосом спросила его, что там происходит.

- Наши бьются, - ответил Невзор. - Там ведь еще войска. Две базы, как я знаю. И на обеих, как и здесь, по тысячи три человек было. Кто остался жив - наверняка воюют.

Больше Ромашка ни о чем не спрашивала. И вообще не разговаривала.

Полсотни оставленных Бравлином на базе человек прятались от мороза и вьюги в казарме, из которой только утром они же выносили трупы. Заметив на деревянном настиле темное пятно от впитавшейся крови, Ромашка побелела и, схватившись за голову, выскочила наружу.

"Вот почему Сивер утром не пускал меня сюда, - думала она, - здесь убили людей. Тех, кто оставался на базе". Ромашка не удержала равновесия, упала в снег лицом и не поднималась. Она не знала, что неподалеку остановился выскочивший следом за нею молодой Невзор и смотрит растерянно, не решаясь подойти. В конце концов парень подумал, что так Ромашка и замерзнуть может в снегу лежа, а потому приблизился к девушке, присел рядом, тронул за плечо.

Второй день шум в городе не утихал. Отголоски выстрелов долетали к расположенной у подножия холмов базе, а Ромашка все так же, как и накануне, сидела на вершине холма и смотрела вдаль. Сколько всего успела она передумать за прошедшие сутки - нельзя и сказать. Девушка думала о погибающих в городе людях - и солдатах, и простых жителях - и холодела от ужаса. Потом вспоминала Мирослава и Тура, что сражаются сейчас среди руин с остатками городской армии - и ее снова бросало в холодный пот.

В казарме девушке было неуютно. Ромашка привыкла, что рядом с нею постоянно были Тур и Мирослав, а теперь вдруг оказалась практически одна - мужчины редко заговаривали с нею и вообще старались лишний раз не обращать на нее внимания. Иногда Ромашке казалось, что на нее смотрят недоброжелательно. "И поделом" - говорила она себе. Ее город погиб, и Ромашка, кутавшаяся на узкой койке в теплую шкуру, почему-то чувствовала себя предательницей.

Третий день тоже не принес никаких изменений, только что мороз понемногу стал ослабевать. Ромашка ждала, напряженно ждала известий. Город был обречен - это она знала еще до того, как пришла сюда, но город сопротивлялся, а это грозило жертвами и другой стороне. И вот в сознание впервые постучалась гадкая мысль о том, что Мирослав может и не вернуться из города. "Если он не вернется, мне незачем станет жить. Мое прошлое разрушено, а будущее... а будущее темно и неопределенно. И я чувствую себя предательницей, потому что пришла сюда с теми, кто уничтожил город. Потому что больше всего на свете боюсь потерять в этой битве его, любимого..."

Утро четвертого дня было пасмурным, но тихим. Очень тихим. Ромашка, едва умылась и оделась, сразу поднялась на холм. За последние дни она привыкла стоять почти неподвижно на пологой вершине, не обращая внимание на такие мелочи, как ветер, холод, снег, не замечая течения времени. Она ждала долго, но ожидание было, наконец, вознаграждено - Ромашка увидела двигавшийся от города через мертвую землю отряд. И сразу бешено заколотилось сердце... Отряд приближался, и девушка с ужасом поняла, что вряд ли там больше двух сотен человек, а ведь в город меньше четырех суток тому назад ушло около восьмиста. Ромашка поначалу просто не верила своим глазам, потом на ослабевших ногах принялась спускаться вниз, упала, покатилась по склону. Ударившись о ствол невысокой сосны, остановилась, поднялась, держась за дерево, пошла дальше.

Глава 29

Отряд роднянских бойцов был радостно встречен всеми, кто остался на базе, разумеется, кроме часовых. Сивер сразу заметил девушку - она стояла в стороне с широко открытыми, полными ужаса глазами и посеревшим лицом. Ее взгляд скользил по лицам бойцов снова и снова, будто Ромашка искала кого-то и не находила. На какой-то миг Сиверу вдруг показалось, что девушка лишилась рассудка, иначе чего бы у нее было такое страшное лицо. "Может, это из-за того, что мы уничтожили ее город? Нет, тут что-то не то" - подумал Сивер и быстрым шагом двинулся к ней.

Выражение лица Ромашки было таким, что слова буквально застряли у Сивера в горле. Она то смотрела ему в лицо, то вновь оглядывалась на бойцов, и, наконец, не сказала, а почти прохрипела:

- Где? Где все?..

- Как где? - удивился Сивер. - В городе.

И тут он понял, чего испугалась Ромашка.

- Живы они, живы. И Мирослав, и Тур, просто в городе остались, - быстро заговорил Сивер. - Ты слышишь? А мы за вами пришли, за провизией, за вещами...

- Живы, - повторила девушка. Словно в попытке сохранить равновесие, вяло взмахнула рукой, но сдалась, опустилась на колени, села. Глаза Ромашки закрылись.

Сивер присел напротив, внимательно и обеспокоено глядя в лицо Ромашке. Девушка, оказывается, решила, что на базу возвращается все войско... Как получилось, что ее никто не предупредил, Сивер не знал, но представив себе, *что* только что пережила Ромашка, искренне пожалел ее. Тяжелая рука в рукавице легла ей на плечо.

- Живы они оба и здоровы, слышишь?

Девушка не шевельнулась.

"Уж и впрямь бы умом не повредилась", - не на шутку испугался Сивер и стянул рукавицы. Сначала пальцы его нерешительно замерли в нескольких сантиметрах от лица девушки, потом все же коснулись ее висков. Ромашка, кажется, вздрогнула - то ли от неожиданности, то ли

ей было неприятно - Сивер решил не обращать на это внимания. По крайней мере, не сейчас. Он прикрыл глаза и сосредоточился, стараясь передать девушке только то, что предназначалось для нее, не меньше и ни в коем случае не больше. Он показал ей часть улицы, наполовину заваленной железобетонными глыбами, и Мирослава, что-то говорившего хрупкой женщине с кучерявыми огненно-рыжими волосами и курносым носом. Рядом с женщиной стоял высокий широкоплечий мужчина, а за юбку цеплялся перепуганный мальчик лет пяти. Сивер открыл глаза и убрал руки. Больше показывать Ромашке он ничего не собирался. Снова надевая рукавицы, Сивер услышал тихое "спасибо". Он знал, что это - не его дело, но, неожиданно для самого себя, вдруг спросил:

- Кто это?

- Моя тетя Полиана, - ответила Ромашка.

Сивер хмыкнул удивленно: на третий день благодаря то ли невероятному везению, то ли чему-то еще столь же необъяснимому Мирослав совершил для Ромашки невозможное. А как еще можно охарактеризовать то обстоятельство, что ему удалось найти эту самую тетю Полиану в разрушенном городе? Именно Мирославу, а не кому-то другому? Наверное, и правда, повезло.

- Ее отправили вместе с остальными в приморье на поезде.

Ромашка кивнула. На душе стало немного теплее. Она-то и не надеялась всерьез, что Мирослав найдет ее тетю. Да он и не обещал, просто на всякий случай попросил показать...

- Ну а теперь иди, вещи свои собирай, - скомандовал Сивер, поднимаясь на ноги. - Скоро выходить будем.

Ромашка снова кивнула, но слабость в ногах не давала ей подняться. Пришлось Сиверу наклониться и помочь девушке встать.

- Иди, иди давай, - ворчливо бросил он ей в спину.

И нахмурил косматые брови, когда Ромашка закашлялась вдруг, остановилась, потопталась на месте, потом нетвердым шагом пошла дальше.

- Целыми днями на холме сидела...

Сивер резко обернулся, и увидев перед собой молодого Невзора из Вестового, досадливо поморщился - надо же, ведь и не услышал, как этот малец сзади подошел.

- Тур мне велел за Ромашкой присмотреть, - признался Невзор. - Я ее и так, и так уговаривал - ни в какую. Сидела себе там, наверху, и не разговаривала ни с кем. Как вы ушли - ни слова не проронила.

"Плохо уговаривал" - подумал Сивер, но вслух не сказал - парень и без того выглядел виноватым. Так ведь и не для того в поход шел, чтобы за Тура сестренкой приглядывать.

Такого мороза, как в первые дни, уже не было, и потому выкатили из ангаров четыре бронетранспортера и шесть грузовиков. Еще не всю провизию да теплые шкуры погрузить успели, а Ромашка уже вышла из приземистого здания солдатской казармы и стояла в сторонке, ни на кого не глядя, теребя снятую с руки варежку. Закончив с погрузкой, Сивер подошел к ней и буркнул:

- Пошли.

Он тут же отвернулся, сделал несколько шагов в сторону и, с удовлетворением услышав скрип снега под ногами девушки, двинулся к колонне. Ромашка покорно топала следом, придерживая одетыми в варежки руками лямки заплечного мешка. Лыжи и сани на мертвой земле, где не лежал снег, да и в городе, были бы ни к чему, потому их оставили на захваченной базе.

Сивер помог девушке забраться в кузов грузовика и сам запрыгнул после нее. Ромашка сразу же отошла в дальний угол, пристроилась на лавочке у деревянного борта. Снова закашлялась. Сивер сел рядом.

- Простыла таки, - проворчал он. - Делать тебе нечего было - на холоде сидеть.

Она не ответила. Вскоре в машине стало тесно, а потом грузовик тронулся. В брезентовом пологе неподалеку от себя Ромашка приметила окошко. Оно находилось как раз над плечом Сивера, и девушке было неудобно в него смотреть. Сивер понаблюдал, как девушка силится что-нибудь разглядеть, потом поднялся и проворчал:

- Садись на мое место.

Ромашка села и, отвернувшись ото всех, стала смотреть в окно. Да только пока кроме пустоты и мертвой земли поначалу толком ничего не видела. Но вот когда стала видна из этого окошка городская стена, вернее то, что от этой стены осталось, Сивер понял сразу по тому, как округлились серые Ромашкины глаза.

А Ромашка сквозь прозрачную пленку окна второй раз в жизни видела свой город снаружи. И снова зрелище показалось ей жутким. Но раньше, когда Ромашка прощалась с родным городом, улетая из него на параплане, она оставляла за собой величественную и грозную громаду стены с высокими башнями крайних домов, с заревом огней и пожара над центральными районами, теперь же... Теперь девушка видела руины. Жалкие руины, оставшиеся от стены, символизировавшей целую эпоху, целый отрезок жизни более двух миллионов людей, развалины домов, высившиеся в темноте обломками плит. На какой-то миг Ромашке показалось, что она уже видела однажды что-то похожее, потом вспомнила поросшие травой и деревьями развалины давно разрушенного города, через который им с Мирославом пришлось идти по пути в приморье, и вздрогнула. "Мой город, мой родной город"...

Грузовик остановился. Девушка подошла к бортику вместе со всеми и спрыгнула раньше, чем кто-либо успел подать ей руку.

Здесь не было снега. Лишь дул ветер, налетая изредка холодными порывами. Воздух чем-то вонял, причем это была не только пыль и гарь - что-то еще очень неприятное, но Ромашка далеко не сразу обратила на это внимание. Машинально поправив лямки закинутой на плечи сумки, девушка сделала несколько шагов вперед и остановилась. Перед нею чернели обломки гигантской стены, и поднимавшиеся ото рва испарения размывали их контуры, делая видение нечетким и каким-то почти нереальным. Вдалеке что-то дымило, догорало, и дым поднимался вертикально вверх, лишь изредка наклоняясь в сторону. Земля под ногами Ромашки действительно казалась неживой. Почему - сложно сказать, скорее, это чувствовалось. Голый пустырь обрывался у рва, а потом - обломки, обломки, раскуроченные здания, неузнаваемые очертания города.

- Здесь нельзя стоять, - услышала Ромашка. - Нос воротом прикрой.

Наконец-то девушка поняла, что воняет поднимающимися ото рва испарениями, и хотя они зимой были не столь интенсивны, но неприятную горечь во рту Ромашка уже ощущала. По совету Сивера прикрыв нос высоким воротником, девушка прошла вслед за ним по перекинутой через ров плите, миновала пролом в широченной бетонной толще и оказалась в городе.

- Осторожно, - сказал Сивер, когда девушка задрала голову, глядя на нависшую бетонную плиту, что карнизом заслоняла полнеба. - Под ноги смотри.

Ромашка не сразу послушалась Сивера и потому споткнулась, но не упала. Зато, наконец, посмотрела под ноги: асфальт, невысокий бордюр - снова асфальт, дорога... проезжая часть. Девушка остановилась. Она внезапно поняла, что находится на Кольцевой.

Улицы, опоясывавшей город, больше не существовало. "И моего дома тоже больше нет" - мелькнула у Ромашки мысль. Мелькнула и пропала, но взамен всем мыслям пришла боль и тоска, и от всего этого хотелось и кричать, и плакать.

Уже почти совсем стемнело. "И хорошо, - угрюмо думал Сивер. - Меньше увидит". Он двигался на полшага впереди, когда девушка споткнулась и остановилась. Сивер тоже остановился, подождал немного, но Ромашка словно приросла к месту и дальше не шла. Ее плечи опустились, словно на них кто взвалил непомерно тяжелую ношу. Сивер окинул взглядом темные уступы полуразрушенных стен, торчащие то тут, то там прутья арматуры... "А ведь она родилась здесь и выросла. Каково ей теперь?"

Но отставать было опасно - если "проводники", шедшие впереди, чувствовали опасность даже несмотря на то, что вокруг был только бетон и железо, могли предвидеть и падение плиты, и прочие ловушки городских руин, то в своих способностях Сивер не был настолько уверен. Вернее, сам бы он, конечно, и рискнул, но вот с девушкой - другое дело.

- Пойдем. До лагеря далеко, - сказал он.

Ромашка повернулась к нему медленно, приоткрыла рот, да так и не смогла ни слова произнести. Но послушалась - пошла. Теперь Сивер шел рядом, опасаясь хотя бы на миг оставить Ромашку без присмотра - еще учудит чего. "Видно же, что не все с ней в порядке. Ясное дело, после такого... "

Лагерь находился в центре города, там, где когда-то был городской парк. В центре парка у пруда даже уцелело несколько деревьев, правда, деревья эти были настолько хилыми, что без жалости на них смотреть не получалось. Бойцы с удивлением и сочувствием трогали тоненькие стволы, которые любой из них мог бы переломить руками. Возле этих-

то заморышей и разбили лагерь. Спали под открытым небом на досках, что притащили из ближайших развалин. Тут же, на асфальтированной широкой площадке, разожгли костер. Когда же над городом пошел дождь, пришлось лезть под плиты, и это совсем никому не понравилось. Зато теперь роднянский отряд нес в лагерь кроме провизии еще и теплые шкуры, и широкие шатры, сложенные в тяжелые свертки. Бронетранспортеры оставили на границе за рвом, предварительно поснимав с них все боеприпасы, после чего боевые машины превратились в подвижные груды железа.

Пробираться к центру города через завалы действительно было нелегко. Путь, который занял бы чуть больше двух часов по ровной дороге, растянулся почти на четыре. Девушка больше не отставала, ноги ее двигались словно сами по себе, не повинуясь разуму, а так, механически. Думала Ромашка о другом... вернее, она почти ни о чем не думала, и хотя редкие связные мысли стучались в сознание, то, что девушка видела вокруг, невозможно было осмыслить. И Ромашка просто шла и смотрела по сторонам, потом и смотреть перестала - темно, да и все вокруг одно и то же.

А Сивер поглядывал на нее изредка, особенно не таясь - девушка все равно не замечала его взглядов, и вспоминал эти сумасшедшие три дня, когда они отбивали город, выводили из катакомб спрятавшихся там горожан, отправляли их поездом в приморье через уцелевший тоннель Южного вокзала, сканировали завалы с помощью "проводников", внимательно прислушиваясь ко всем, даже самым слабым ощущениям чьей-то жизни, вытаскивали раненных и... и опять вступали в бой с противником, на время затаившимся в западной части города. А потом снова и снова разгребали завалы.

В городе было тепло - уж куда теплее, чем у покрытых снегом холмов! Девушка уже расстегнула тулупчик и с удовольствием сняла бы, да только нести его потом было бы неудобно. Отсветы пламени стали видны, только когда Ромашка, поднырнув под плиту, увидела в открывшемся просвете лагерь. Согнувшись, девушка прошла под бетонным блоком, под металлической трубой какого-то упавшего аттракциона и оказалась на территории городского центрального парка.

Темные силуэты изуродованных стен - не выше третьего этажа, подсвеченные пламенем костров, вырисовывались на фоне еще не успевшего почернеть неба. На расчищенной площадке - некогда самом центре городского парка - пылали костры. Сердце Ромашки кувыркнулось и замерло - теперь девушка внимательно разглядывала людей, которые до того сидели, глядя на пламя, а теперь поднимались навстречу роднянскому отряду. И вот на фоне отсветов Ромашка увидела огромную широкоплечую фигуру Тура. Рядом с Туром у костра сидел на присядках человек, куда более худощавый, с длинными, собранными на затылке ремешком волосами. Он обернулся и, как и все, смотрел на подходивших людей. Лица его Ромашка не видела - только силуэт, но знала - Мирослав ее хорошо видит, и смотрит неотрывно, как и Тур. Тур первым пошел ей на встречу, Мирослав же выпрямился, сделал несколько шагов и остановился.

Огромные руки названного брата сжали Ромашку так, что девушке показалось - вот-вот хрустнут ребра. Она подняла голову, посмотрела на круглое лицо с рыжей бородой и яркими голубыми глазами - глаза эти под взглядом Ромашки погрустнели. Тур глянул на Сивера и нехотя произнес:

- Спасибо, что приглядел...

- Не за что, - буркнул Сивер и пошел к своим, оставив Ромашку с братом.

Туру и в этот раз повезло: его не ранили, а, по словам самого богатыря, лишь поцарапали слегка. Ромашка не заметила на нем повязок и вздохнула с облегчением. Тур спросил, не обижали ли ее, на что девушка лишь покачала головой и пошла вместе с ним к костру.

Мирослав ждал, пока они подойдут, и теперь Ромашка уже различала его лицо, светлые глаза, с беспокойством и как-то вопросительно на нее смотревшие. А остановившись в двух шагах, видела и глубокую царапину, пересекавшую лицо - через лоб, левую бровь и скулу, и повязку, что угадывалась под разорванной на боку рубахой. Но стоял Мирослав твердо, вглядывался в ее лицо и молчал. Ромашка поняла почему - он мог бы попросить у нее прощения за все то, что предстало сегодня перед ее глазами, за разрушенный город, за тысячи лишившихся родного крова людей, за... за то, в чем Мирослав почему-то ощущал свою вину, но слов подходящих для этого не нашел. А Ромашка-то его не винила. Она постаралась объяснить ему это:

улыбнулась слабо - с трудом далась ей эта улыбка, головой качнула, а вот сказать ничего не смогла. Тур смотрел на них с легким недоумением, но Мирослав понял и протянул ей руки, ладонями вверх. Ромашка положила на эти ладони свои, и с непонятным удивлением смотрела, как длинные пальцы гладят ее кисти. Потом Мирослав нехотя разжал пальцы, и руки Ромашки соскользнули с его ладоней. Девушка подняла глаза и смотрела на покрывающую подбородок Мирослава светлую щетину. Он улыбнулся уголком губ, поднял руку, провел по подбородку, поморщился.

- Я тетю твою видел. Она с семьей уже уехала в приморье, - сказал он.

Девушка кивнула.

- Сивер сказал?

"Показал" - поправила про себя Ромашка, но вслух ничего не произнесла, опять кивнула.

- Хорошо. Я не успел попросить его передать тебе весточку, но был почти уверен, что Сивер обязательно тебе покажет или расскажет. Обмолвился при нем, что это твоя родственница.

Он вдруг нахмурился и погрустнел, потом сказал тихо:

- Да только свидеться вам нескоро получится. Мы с Туром в ближайшее время в приморский город вряд ли поедем, а одну тебя я не отпущу.

Он замолчал, последние слова словно повисли в воздухе. "Я не отпущу" - и Тур, и Мирослав - оба подумали, что такая фраза может быть произнесена либо отцом, либо братом, либо мужем... ну, хотя бы женихом. Только Ромашка этого не заметила - покровительственное отношение Мирослава было для нее естественно - еще в городе он взялся защищать ее, да и теперь чувствовал свою ответственность за девушку. Она только наклонила голову в ответ на его фразу. Мирослав долго смотрел на нее, потом на Тура глянул - тот ответил другу таким же беспокойным взглядом. Оба поняли, что с девушкой что-то не так, и хотя все было вполне объяснимо пережитым ею шоком, волновались. Да только все равно пришлось им оставить Ромашку ненадолго одну у костра - надо было ставить шатры, разворачивать шкуры, подвешивать над кострами широкие котлы. Пока все были заняты, Ромашка неподвижно сидела, глядя на пламя - на город ей сейчас смотреть не хотелось, да ведь и темно было - все равно не видно ничего. Ромашка

уселась перед костром, обхватила коленки и смотрела, смотрела... усталые глаза отчего-то не спешили закрываться, спать Ромашке не хотелось, хотя пляска огня и уютный треск словно стремились укачать, убаюкать.

Мирослав и Тур почти одновременно опустились по разные стороны от Ромашки. Девушка не сразу их заметила, обернулась лишь, когда позвал ее Мирослав:

- Ромашка!..

На лице его плясали рыжеватые блики огня, огонь же отражался и в светлых глазах. В эти глаза Ромашка могла смотреть бесконечно, как на быстро бегущую воду Родны или на танец языков пламени костра. Она и смотрела... смотрела, пока усталость не взяла свое и не стала отяжелять ей веки. Девушка вздохнула, опустила глаза и не заметила, как бросил Мирослав тревожный взгляд на ее брата. Тур подвинулся ближе к сестре и обнял ее, а Ромашка положила голову ему на плечо - сегодня девушка встала рано, и теперь ей очень хотелось спать.

Место в шатре нашлось всем троим. Городу, даже разрушенному, Тур не доверял настолько, что класть девушку с краю, под стенку, ему расхотелось. Поэтому к стенке Тур лег сам, а сестренку, совсем уже сонную, положил подле себя. "На всякий случай" - объяснил он Мирославу. Тот все понял и опустился на землю на расстоянии вытянутой руки от свернувшейся калачиком Ромашки. Глаза его еще долго не закрывались,

Утром Тур по-привычке встал рано. Ромашка все еще спала, а вот Мирослава в шатре уже не было. Тур потянулся, поднялся на ноги и вышел. Утро было светлым и ясным. Где-то далеко за городом морозный воздух приятно пощипал бы лицо, прогоняя остатки сна, но здесь, в бывшем парке, не было ни мороза, ни свежести. Люди еще вчера замечали, что и дышится как-то не так, и душно, и вода здешняя для питья совсем непригодна, да только выбора все равно не было, и хотя воду пили пока свою, но на непривычную духоту перестали обращать внимание. "А чего ждали? Столько пыли ведь поднялось" - думал про себя Тур, а когда высказал свои соображения другу, тот, грустно улыбнувшись, сказал:

- Я когда сюда жить приехал - в первый же день едва не задохнулся. Так что не только в пыли тут дело.

Тур пожалел, что не может умыться снегом, вдохнуть морозного воздуха полной грудью, но все же одно обстоятельство мигом подняло ему настроение - аппетитный запах, исходивший от установленного над костром котелка. Мирослав сидел у огня на корточках с деревянной ложкой в руках - пробовал на вкус свою стряпню.

- Ну, хоть сегодня горяченького поедим, - довольно пробасил Тур.

- Это верно, - усмехнулся Мирослав. - Что Ромашка? Спит?

- Спит, - Тур вздохнул. - Что-то мне не нравится... Она же вчера ни слова не сказала.

- Я с Сивером говорил - она молчит с того момента, как с базы ушли.

Тур растерянно почесал затылок.

- И что же делать теперь?

- Посмотрим, как сегодня будет, - отозвался Мирослав.

Понемногу просыпались и остальные. Вон вышел из шатра внук старейшины Светозара, молодой Светел, а вот потопал, переваливаясь, в сторону темных развалин старый Молчан. Но к костру пока не подходили. Тур присел рядышком и некоторое время просто смотрел на друга. Еще вчера он надумал поговорить с Мирославом и сейчас, пока поблизости никого не было, решил, что настало самое подходящее время.

- Ты... - он прошелся огромной пятерней по коротко стриженным морковно-рыжим волосам. Подходящие слова как-то не приходили на ум, и Тур спросил напрямик: - Ты любишь Ромашку?

Мирослав замер, потом повернулся к Туру, посмотрел на него внимательно и ответил, не отводя взгляда:

- Люблю.

У Тура вырвался вздох облечения, но не от того, что ответ Мирослава оказался положительным - просто очень непросто было задать другу такой личный вопрос.

Мирослав смотрел на него, ожидая, что Тур спросит что-то еще, но Тур пока молчал, и Мирослав вновь отвернулся, зачерпнул ложку каши, подул на нее и, попробовав, заключил:

- Еще минут десять...

Они снова молчали, потом Тур вдруг спросил:

- А чего ей не скажешь?

Спросил, и подумал, что Мирослав может не понять, что именно он, Тур, имеет в виду, но Мирослав понял. Он пожал плечами, и, видно было, в этот раз ему тяжелее ответить на вопрос.

- Хотел однажды, - признался он. - Да, наверное, не вовремя. И получилось так... Знаешь, я как-то почувствовал в тот момент, о чем она подумала: будто я обмануть ее хочу. Я, наверное, слишком долго молчал, и теперь Ромашка мне не поверит. А может, и вовсе привыкла другом считать? Не знаю, Тур.

Тур выслушал друга с немалым удивлением. Ему-то было очевидно, что девушка все так же любит Мирослава, да вот только похоже, что сам Мирослав этого не понимал. "Это что же такое, неужто, если человек влюбляется, так и видит все, и думает по-другому?" - над этим Тур задумался. Одно время Ромашка нравилась и ему. Это было давно, еще когда они вчетвером возвращались домой из городов. Но легкое увлечение прошло, словно наваждение, едва только Тур понял, что Ромашка любит его друга. Сначала он сам себе сказал, что будет думать о Ромашке только как о сестре - не иначе, а после действительно привязался к ней по-братски, и ответственность за свою младшую сестру ощущал в полной мере. "Наверное, я просто не влюблялся по-настоящему" - решил Тур. Он хотел сказать Мирославу, что на самом деле ему нечего опасаться недоверия со стороны Ромашки, но вот приподнялся полог шатра, и сама девушка выглянула наружу. Ее пепельного оттенка волосы спадали на плечи. Ромашка улыбнулась утреннему солнцу, но улыбка быстро сползла с ее лица. Заправив слежавшиеся волосы под воротник, девушка надела шапку.

Глава 30

Ромашка смотрела по сторонам, но то, что она видела, все больше казалось ей нереальным, словно она спала и никак не могла проснуться. Совсем недалеко на земле лежала огромная металлическая конструкция - рухнувшее колесо обозрения, дальше - другие аттракционы, с трудом узнаваемые, нелепо валялись на асфальте. Маленькая детская карусель единственная осталась практически неповрежденной, но выглядела совершенно нелепо посреди этого хаоса, в который превратился теперь и парк, и окружающий его город.

Зачем-то поглубже натянув шапку, Ромашка направилась к костру. Две пары глаз - голубые и серые - неотрывно следили за ее приближением. Девушка же все еще оглядывалась, видела перед собой останки разрушенных зданий и все не могла поверить, что это наяву.

- Выспалась? - спросил Тур, когда она подошла.

Ромашка кивнула.

После завтрака мужчины покинули лагерь, оставив лишь нескольких часовых. Были еще пленные солдаты, которых поместили в уцелевшем помещении с зарешеченными окошками и тоже постоянно сторожили, да только Ромашка о них не знала.

Перед тем, как уйти, Мирослав попросил Тура:

- Ты Ромашке скажи, чтоб не ходила никуда отсюда.

- А чего сам не скажешь? - удивился Тур.

- Тебя как брата она скорее послушается, да, Ромашка? - Мирослав с улыбкой посмотрел на нее. - Я уже раз пригрозил, что ты ее накажешь, и что из того вышло?

Когда лагерь опустел, Ромашка забралась по металлическим трубам на поваленное колесо обозрения и уселась там, словно птичка на жердочке. Она думала о том, много ли погибло людей, успели ли их похоронить, куда дели всех раненных? Иногда она слышала голоса вдалеке, а однажды вздрогнула, потому что тишину порвал громкий звук выстрела, многократно повторенный эхом.

Ромашка долго сидела, глядя вокруг. Ей хотелось пойти и посмотреть своими глазами на город сверху, забравшись на какую-нибудь стену, но хотя Ромашка и считала, что с нею ничего бы не случилось, благоразумие удержало ее от такого поступка. Поэтому, девушка ограничилась тем, что прошлась по опустевшему лагерю.

Она заметила, что из-под широкого шатра, шатаясь, вышел человек - высокий, широкоплечий, настоящий великан. Человек этот был ранен - под накинутым на плечи тулупом виднелись повязки, лицо исцарапано, движения неуверенные. "Значит, раненые в том шатре" - подумала Ромашка и подошла ближе, чтобы поглядеть - не нужна ли ее помощь. Человек тем временем сел на землю, вытянул ноги и подставил лицо солнечным лучам. Дышалось ему тяжело - видно много усилий потратил, чтобы выбраться наружу. Заметив девушку, мужчина, щурясь, долго приглядывался к ней, потом спросил сипловатым голосом:

- Ромашка? Из Вестового?

Девушка удивленно округлила глаза, а мужчина усмехнулся:

- Да ты не удивляйся. Я тебя первый раз вижу, просто если с войском девка молодая идет - об этом узнают быстро.

Он помолчал немного, потом спросил:

- Ты в этом городе жила? - девушка кивнула, человек хмыкнул: - Да... Вот оно как - всяко бывает.

Ромашка еще немного постояла перед ним, потом думала пройти мимо воина в шатер, да тот остановил ее жестом.

- Не надо. Нечего тебе там делать. Лучше помоги мне полог закрепить, а-то ребята вон говорят, что душно.

Ромашка отогнула полог, закрепила, чтоб не опускался. Воин больше не заговаривал с ней, и девушка решила отчего-то, что ее общество неприятно. Она пошла прочь, но еще долго чувствовала внимательный взгляд, направленный в спину.

Невзор, назначенный кашеваром, уже готовил обед, и Ромашка села неподалеку от костра. Ее помощь не требовалась. Ясное дело: в поход шли - на женщин не рассчитывали, и все обязанности были распределены между мужчинами. Для Ромашки пока не находилось никакого занятия. "Усидишь тут в лагере, когда делать нечего" - думала девушка, глядя, как Невзор помешивает в котле аппетитно пахнущее варево.

Когда мужчины пришли на обед, Ромашка не увидела ни Тура, ни Мирослава.

- Они на завалах остались работать, - сказал ей молодой Светел из Вестового. - Их там человек десять. Кажется, нашли кого-то.

Ромашка выслушала и отошла. Взяв свою порцию каши, девушка долго ковыряла ее ложкой, думая о том, что происходит сейчас там, на развалинах.

Сивер тоже не вернулся в лагерь на обед. И хотя на вокзал, к городским, никто его не звал, Сивер пошел туда по собственной инициативе, хотя особенной симпатии к здешним мирным жителям не испытывал, скорее даже наоборот.

Надземная часть вокзала была разрушена, но несколько крупных плит, рухнув, перегородили тоннель эскалатора, и потому на нижний ярус не попал даже мелкий мусор. И теперь глубоко под землей, в холле, зале ожидания, на широком перроне и в служебных помещениях одновременно находилось такое множество людей, какого старый вокзал никогда не видел. Кто-то ждал отправки в приморье, кто-то специально остался, чтобы помочь на завалах, кто-то пытался найти потерянных родственников. И еще здесь были раненные.

Сивер вошел с бокового тоннеля сразу на перрон. Многие из тех, кто сидел на чемоданах, с беспокойством повернули головы в его сторону. Это были люди из тех, кто во время землетрясения прятался в катакомбах, предупрежденные заранее, и, рассмотрев получше одежду Сивера, они отворачивались. Сивер знал, что люди эти пытаются скрыть свою неприязнь. Их предупредили, они успели собраться вещи, уйти от беды, спастись и спасти своих родных, но разве можно хорошо относиться к чужакам, разрушившим твой родной дом? И мало того - неизвестные чужаки имели теперь над ними полную власть, могли сотворить что угодно... По крайней мере, люди были уверены в том, что чужаки всесильны, и никто не собирался их разубеждать, а-то взбунтуются еще, помешают работе. "Нет, эти не взбунтуются, - решил про себя Сивер, глядя на ссутуленные спины сидящих на своих пожитках горожан. - Слишком боятся, слишком держатся за свои чемоданы, за возможность уехать в другой город... Не знают ведь, что и там все совсем не как раньше".

Немного поодаль на массивных лавках сидело человек пять. Никаких пожитков у них не было, и люди эти смотрели на чужака с нескрываемой ненавистью, не пряча глаз. Двух женщин - мать и дочь - Сивер узнал. Их нашли вчера утром, Сивер сам вытаскивал и перепуганную до немоты женщину, и плачущую девушку. Тогда они его благодарили, но сегодня... "Видимо, им уже рассказали, кто ответственен за все случившееся" - подумал Сивер, и на душе стало неприятно от полных ненависти взглядов тех, кто еще вчера говорил ему "спасибо". Оборотная сторона, от которой никуда не денешься - пришельцы спасали людей из-под завалов ими же разрушенного города, и, естественно, не надеялись на благодарность.

Сивер отвернулся и пошел дальше, но вдруг услышал быстро приближающиеся шаги и обернулся. Торопившаяся следом за ним женщина остановилась. За матерью со скамьи испуганными глазами наблюдала дочь. Женщина не сразу решилась задать вопрос, но Сивер терпеливо дождался, пока она заговорит.

- Вы ведь еще не весь город обыскали?

- Не весь, - ответил Сивер, уже зная наперед, какие последуют вопросы дальше. Ведь спрашивали все одно и то же: а там-то смотрели, а такого-то и такого-то не видели? Разве что менялись названия районов, улиц, имена.

- Здание психиатрической больницы... оно почти в самом центре...

- Оно разрушено, - коротко ответил Сивер. Неприятно было убивать теплившуюся в глубине окруженных мелкими морщинками глаз надежду, но и врать он не собирался.

- А там кого-нибудь нашли?

Сивер едва сдержал тяжелый вздох. Он знал, знал благодаря Мирославу, что такое психиатрическая больница и каково приходится тамошним пациентам. "Муж? Или сын? Наверное, силой держали там, как и Ромашку..."

- Живых не нашли.

У женщины вырвался стон, и она закрыла лицо руками.

- Сынок! Сынок мой! - женщина заплакала. Видно до последнего ждала, что чужак, вытащивший ее с дочкой, скажет ей что-то обнадеживающее. Потом снова подняла глаза и сквозь слезы произнесла.

- Он такой высокий, волосы темные, глаза карие. Работал медбратом, наверняка в халате был - как раз его смена...

- Нет, не видел я твоего сына, - сказал Сивер, чувствуя облегчение от того, что не пришлось ему сообщать о смерти молодого медбрата.

Женщина робко улыбнулась:

- Не видел, да?

И что-то пробормотала тихо - Сивер не расслышал, - потом отвернулась и пошла назад. Наверное, не стоило позволять этой женщине зря надеяться на возвращение сына, да только Сивер промолчал. Неторопливым, уверенным шагом двигаясь дальше, туда, где за стеклянными дверями зала ожидания лежали на мягких диванах раненые, он думал о том, что бы он сделал, если бы вдруг нашел того самого медбрата... Спас бы? Хотя Сивер обычно не склонен был к подобным размышлениям, горе потерявшей сына матери заставило его задуматься, а перед мысленным взором почему-то появлялось фигура молодого парня в медицинском халате, пришедшего делать укол привязанной к кровати Ромашке - это снова заявляли о себе воспоминания Мирослава.

Раненые принимали его помощь не ропща, что их лечит чужак - лишь бы вылечил, и Сивер, не будучи сам опытным целителем, помогал лишь тем, что подпитывал самых слабых жизненной энергией своего организма. Людей надо было поскорее вылечить и отправить в приморье, а потому сегодня он, Сивер, а завтра кто-нибудь еще придет сюда, на вокзал, и будет стараться не обращать внимания на ненависть и злобу, на сердитые взгляды, отгонять прочь сомнения и угрызения совести, каждый раз напоминая себе: "Так было нужно".

- На, держи, - парень с добродушным лицом сунул Сиверу горбушку хлеба. Парня этого звали Алеком, и Сивер знал его достаточно неплохо, опять же, благодаря Мирославу. Сивер поблагодарил за еду и даже съел все, что ему принесли - после того, как отдаешь свои силы другому, подкрепиться никогда не помешает. И хотя хлеб был совершенно безвкусный и приготовленный явно не из живого теста, Сивер все-таки год питался в городе чем-то очень похожим, и это еще в лучшем случае. Чаще им давали безвкусную серую массу и набор таблеток, которые Сивер всегда тайком выкидывал.

На обратном пути Сивер вновь шел через холл и перрон. Внимание его привлек какой-то парень, сидевший со своими приятелями на лавке спиной к Сиверу. "Словно бы видел его где-то" - подумал Сивер, и тут же поправил себя, что, скорее всего не он видел, а Мирослав. За эти дни в городе Сивер уже не раз ловил себя на мысли, что Мирослав из Вестового слишком много смотрел по сторонам, потому что даже среди развалин вдруг посещало Сивера неприятное чувство, будто видит он что-то очень знакомое, а вспомнить при каких обстоятельствах видел это раньше - не может. Это ощущение очень раздражало.

Парень вдруг повернулся, и Сивер даже замедлил шаг. Парень был никто иной как Рысь, бывший Ромашкин одноклассник, однажды попытавшийся ее убить. "А глаза и впрямь нехорошие" - отметил про себя Сивер, мысленно соглашаясь с Мирославом. Вгляделся попристальнее в лицо Рыся, тут же испуганно втянувшего голову в плечи, и пошел дальше, недоумевая, почему это Мирослав оставил убийце, пусть и несостоявшемуся, жизнь: "Зря он это сделал. Был бы человек еще какой, а то ведь трус, подлец - и зачем такому жить на свете?"

До самого вечера Ромашка послушно не выходила из лагеря, хотя ее постоянно тянуло забраться наверх, на стену ближайшего разрушенного дома. В проемах окон второго и третьего этажей просвечивало небо, а сами окна казались плодом фантазии сумасшедшего архитектора, для чего-то прорубившего прямоугольники в огрызках стен. Ромашка частенько поглядывала на этот дом, но помнила, что уже раз ослушалась Мирослава, и, хотя не жалела об этом, не хотела, чтобы его и Тура снова отчитывал воевода. К тому же отношения Вояра с сыном и без того оставались натянутыми, а становиться причиной новых конфликтов Ромашка не желала.

В сумерках люди потихоньку начали возвращаться. Ромашка долго выглядывала, пока не увидела, наконец, Тура и Мирослава - оба пыльные, усталые. Она сама принесла им наполненные миски и села рядом. Вечером было прохладно, но Ромашка, уже на собственной шкуре узнавшая, что такое настоящий холод, тулупчик так и не застегивала. Мужчины же в основном лишь одевали поверх рубах

теплые свиты, да и то не все - работа была тяжелой, жаркой - не замерзнешь.

- Как ты тут, Ромашка, что делала? - спросил девушку названный брат.

Вместо ответа она неопределенно повела плечами, и Тур обратил на Мирослава несчастный и растерянный взгляд голубых глаз. То, что девушка по-прежнему не разговаривала, его серьезно беспокоило и даже пугало. А Ромашка, сообразив, что рассказывать ей ничего не станут, отвернулась и смотрела наверх, все на тот же разрушенный дом. Проследив за ее взглядом, Мирослав нахмурился. Когда все поели и одни пошли спать, другие остались пока сидеть у костров, Мирослав поднялся и тронул Ромашку за плечо:

- Пойдем.

Девушка пошла за ним, ни о чем не спрашивая, Тур же остался у костра.

Мирослав повел ее в сторону от шатров, и вскоре девушка поняла, что движутся они как раз к тому самому дому на окраине парка, к которому она целый день приглядывалась. Мирослав правильно рассудил, что рано или поздно девушка не усидит на месте и захочет посмотреть на свой родной город, вернее на то, что когда-то было ее городом. Он и сам уже несколько раз поднимался на уцелевший этаж этого здания, иначе ни за что бы Ромашку туда не повел. Не выпуская руки девушки, Мирослав осторожно вывел ее по темной лестнице наверх, туда, где не было крыши, а из всех стен осталась лишь одна - обращенная к парку. Там, где когда-то находились жилые комнаты, теперь лежала подмявшая под себя слабые перекрытия гладкая бетонная плита. На нее-то Ромашка и вскарабкалась с помощью Мирослава.

То, что Ромашка увидела, совсем не было похоже на ее родной город. Стены зданий отчасти сохранились в центре, возле парка, дальше же все было завалено мусором и обломками и больше походило на гигантскую свалку.

Ромашка опустилась и присела. Мирослав посмотрел на нее, потом соскочил с плиты. Через полминуты он снова выбрался наверх и втащил туда же широкую доску с остатками однотонной обивки.

- Садись сюда, - сказал он, положив доску рядом с Ромашкой. Девушка послушалась. Подняв ворот, она поплотнее запахнулась в свой тулупчик. Мирослав почему-то не мерз в шерстяной свитке, а ей было холодно.

Сначала оба молчали, потом девушка услышала:

- Мы на завалах вместе с городскими работаем.

Ромашка удивленно обернулась.

- Только они разместились под землей, возле Южного вокзала. Тоннель, соединяющий ваш город с приморьем, уцелел, как почти вся подземная часть, так что вокзал работает. Раненых своих туда уносят. Под открытым небом им непривычно, а нам неуютно было бы под землей.

Девушка внимательно слушала.

- И отбивать город они помогали. Артур погиб в перестрелке, а вот Алека я сегодня утром видел. Он сейчас на вокзале. Еще там несколько наших лекарей, потому что городских не хватает - у них много раненых. Вон сегодня еще одного человека вытащили. Яромир, сын нашего старейшины Светозара, почуял его под завалами, нам сказал...

Мирослав поднял руку к лицу, зажмурившись, потер пальцами висок, поморщился, словно от боли. Ромашка беспокойно встрепенулась, Мирослав снова открыл глаза, моргнул и, увидев тревогу в ее глазах, улыбнулся невесело.

- Два дня назад мы нашли в подвале одного из домов женщину с двумя детьми. Подвал не завалило, так что им повезло - и женщина, и дети не были ранены, просто не могли выбраться -обломками придавило подвальную дверь. Но когда женщина увидела меня - вдруг закричала, назвала убийцей, набросилась... Дети испугались. Там две девочки были... Мы их вместе с матерью уже отправили в приморье. Кажется, Алек сам на вокзал отвез... Ты знаешь, Ромашка, Алек рассказал мне, что они до последнего пытались что-то изменить - вклинивались в телепередачи, распространяли листовки, пытались рассказать людям правду - не помогло. Помнишь, я снимал тебя на камеру у нас, в Вестовом? Все решили, что это подделка, компьютерная модель. Ты была права, Ромашка, люди не поверили.

Он снова замолчал. Теперь они оба глядели вдаль, туда, где на горизонте купол неба касался неровных уступов городских руин.

- А еще я видел директора музея, - вдруг сказал Мирослав. - Он был предупрежден заранее и успел спасти все экспонаты. И семью свою увел.

Девушка тепло улыбнулась, вспомнив старенького директора. Хорошо, что можно теперь за него не беспокоиться...

- Не молчи, Ромашка.

Тихая просьба заставила ее повернуться. Мирослав внимательно смотрел ей в глаза, и девушка приоткрыла губы, чтобы сказать что-нибудь, но почему-то не смогла. Вздохнула и наклонила голову.

Чьи-то шаги на заваленной мусором лестнице заставили Ромашку насторожиться, но Мирослав оставался спокоен, и девушка решила, что и ей тогда не стоит волноваться. Когда шаги раздались за ее спиной, и неизвестный запрыгнул на плиту, Ромашка не выдержала - обернулась. И увидела Тура.

- Не холодно тебе тут? - спросил ее названный брат. Девушка в ответ покачала головой, и Тур наклонился к Мирославу.

- Там тебя Светел спрашивал, говорит - воевода к себе зовет, - тихо сказал он.

Мирослав поднялся, подал руку Ромашке.

- Ну что ж, тогда пойдем.

Под пологом шатра, слушая мерное дыхание Тура, Ромашка еще долго не спала - ждала, когда вернется от воеводы Мирослав. Но его все не было, и, в конце концов, девушку сморила дремота. Однако в тот момент, когда Мирослав тихо опустился на землю неподалеку от нее, Ромашка открыла глаза. Он заметил это и спросил едва слышно:

- Чего не спишь?

Девушка не ответила. Вместо этого она успокоено вздохнула и закрыла глаза.

Глава 31

Утром Ромашку разбудил радостно-взволнованный возглас Тура:

- Ромашка, просыпайся! Скорее!

Она открыла глаза, испуганно заморгала и села, непонимающе глядя на названного брата.

- Воевода Бравлин решил отправить отряд в приморский город за техникой. Мы с Мирославом тоже едем.

Лицо Ромашки разочарованно вытянулось. Значит, они уезжают? А она останется здесь одна? Ромашка не успела сдержать горестного вздоха, но тут Тур сказал:

- Я попросил разрешения взять тебя с нами. Там ведь твоя тетя, да? И воевода согласился.

В первый миг Ромашка просто не поверила, потом на лице ее появилась робкая улыбка.

День был солнечный, но холодный. Отряд из ста человек, в основном жителей Вестового и Гористого, вышел из лагеря и, спустившись в подземные тоннели, направился к вокзалу. Ромашка шла рядом с братом, слушая гулкое эхо шагов, глядя по сторонам, хотя кроме стен тоннеля смотреть было не на что. Наконец девушка услышала звуки множества голосов, а потом тоннель закончился, и они вошли в высокий холл Южного вокзала.

Ожидающих отправки в приморье осталось уже немного, и Ромашка осторожно разглядывала людей, ища знакомые лица. Внезапно девушку словно ударило током - она увидела Рыся. Тот зло глядел на нее, и Ромашка физически чувствовала исходившую от него не неприязнь, а самую настоящую ненависть. Неосознанно Ромашка теснее прижалась к брату, который горой возвышался радом с нею. Взгляд Рыся наткнулся на Мирослава, и парень быстро опустил глаза, а потом и отвернулся. Мирослав либо не заметил его, либо просто решил не обращать внимания.

Поезд уже стоял у перрона. Ромашка никогда не видела поездов, разве только на картинках, и потому не сразу поняла, что находится в

вагоне, когда прошла вместе с братом в открытые двери. Сначала девушка решила, что это всего лишь другое помещение, небольшой коридор с лавками у стен. Окон у вагонов не было: поезд всегда ходил только по одному маршруту - подземному тоннелю, где смотреть попросту не на что.

Когда двери вагона с легким шипением закрылись, отнюдь не робкие, полностью вооруженные и ко всему готовые воины - и те почувствовали себя неуютно. Одна только Ромашка, привыкшая к помещениям без окон, не испытывала никакого дискомфорта, к тому же рядом с нею были и Тур, и Мирослав, и еще много столь же надежных людей. Поезд плавно тронулся и начал быстро набирать скорость. Немного качало, люди держались за поручни. Ромашку усадили на диванчик у стены, и девушка молча смотрела то на названного брата, то на Мирослава, то - украдкой - на остальных. Ехать предстояло долго - часа четыре, поэтому, когда прошли первые напряженные минуты, мужчины тоже принялись поудобней устраиваться на диванчиках и на полу.

В негромкие разговоры вскоре прокрались нежные звуки музыки - это Светел достал из нагрудного кармана губную гармошку. Все притихли, заслушались. Вспомнилась суровым воинам родная земля, просторы полей, лесные чащи, горы и свежие ручьи, быстрые воды Родны... А Ромашка и вовсе затосковала - Вестовое еще не стало для нее настоящим домом, а тот дом, в котором жила она с детства, давно уже опустел, а теперь и вовсе не существовал. Прикрывать лицо руками девушка не стала, чтобы внимания не привлекать - просто голову опустила ниже, да только слез вдруг стало так много, что капелька за капелькой полились они из глаз.

Мирослав заметил первым, тронул Ромашку за руку, попытался заглянуть в лицо. Девушка приложила палец к губам и тихонько отвернулась так, чтобы остальные, кто Светела слушал, лица ее не увидели - незачем. Еще перестанет Светел играть, прервет музыку... Ромашка подняла повыше ворот своего тулупчика, еще ниже опустила голову, и волосы плотной занавесью скрыли ее лицо. Наверное, каждому из находящихся в закрытом вагоне, было о чем вспомнить с грустью и тоской, да только никто, кроме Ромашки, не плакал, все слушали молча, а Светел играл и играл.

Вокзал южного города встретил их суетой и гамом. Кругом были люди - множество людей - кто недавно приехал в город, и еще не успел обосноваться, кто-то ожидал отправки в другие союзные города, а кто ждал - вдруг приедет кто-нибудь из родных или знакомых, и ждал, чаще всего, безуспешно. Когда открылись двери вагона, люди лишь только раз взглянули на мужчин в непривычных одеждах - и быстро, все как один, принялись отводить глаза, старались отойти в сторонку, чтобы оказаться как можно дальше от чужаков.

Ромашка с любопытством смотрела по сторонам - она ведь не была ни в одном городе, кроме того, где родилась. Когда поднялись наверх и вышли из здания вокзала, девушка сразу ощутила, что здесь куда теплее. Перед вокзалом раскинулась широкая площадь с газонами и клумбами, которые зимой выглядели уныло, но зато летом наверняка пышно цвели, дальше виднелись высокие заборы и стены гостиниц, пансионатов, домов отдыха - все красивые, яркие, нарядные, ухоженные. У заборов росли аккуратно подстриженные вечнозеленые кустики и удивительные деревья с мохнатыми стволами и пучками не опавших на зиму листьев у верхушек. "Совсем не так, как у нас" - с удивлением думала Ромашка. Этот город показался ей очень и очень красивым - красивые растения, красивые заборы, красивые дома за оградами. Кое-где сквозь ограду можно было видеть парки - невероятные, с дорожками, фонтанчиками, укрытыми на зиму под прозрачные купола, статуями и лавочками. Ромашка смотрела на все это, разинув рот и широко распахнув глаза, и пришла в полнейший восторг, когда весь отряд завернул в открытые ворота к шикарному пятиэтажному дому. Надпись над воротами гласила: "Дом отдыха "Голубой залив".

Дорожка, усыпанная круглыми камушками, шуршала под ногами. Ромашке захотелось приотстать немного, чтобы разглядеть парк, но отряд прошел без остановки к парадному входу. Девушка вместе со всеми поднялась на крыльцо и, войдя в холл дома отдыха, остановилась как вкопанная. Такого великолепия она еще не видела! Высокие окна с тяжелыми портьерами, матово поблескивающими в свете хрустальных люстр, колонны под мрамор, лепнина на стенах, мебель резная с позолоченными завитками...

Тур тронул ее за локоть:

- Пойдем, Ромашка.

Девушка нехотя сдвинулась с места и пошла вслед за названным братом по широкой лестнице, не переставая вертеть головой, дивясь пышности и красоте этого сказочного дома.

Люди, которые ходили по дому, совершенно не подходили по внешнему виду к изысканному интерьеру - это Ромашка заметила сразу. А после подумала, что и она сама, и ее спутники тоже смотрятся здесь пришельцами из другого мира. Их усадили в просторной столовой, накормили вкусным обедом. Возможно ранее, когда в "Голубом заливе" отдыхали богатые господа, меню также было куда более изысканным и разнообразным, сейчас же всем досталось по порции каши с мясом и хлеба с чаем. Но и этой пищи хватило, чтобы девушка почувствовала себя сытой. Тур ненадолго отлучился после еды, оставив сестру на Мирослава, а когда вернулся, предложил девушке пойти вместе с ним к родителям Димки.

- Надо же матери весточку передать, что жив мол и здоров, - сказал Тур, и Ромашка с охотой согласилась.

Пошли втроем. Сначала двигались по широкой улице, по обеим сторонам которой возвышались высокие заборы, а сквозь ворота виднелись красивейшие парки, потом Тур завернул в проулок и повел их меж глухих каменных стен. По пути им пришлось пролезть через недавно проделанную дыру в решетке, закрывающей неширокий проход. Когда стены закончились, Ромашка увидела узенькую улочку, вдоль которой ютились стенка к стенке маленькие домики с пристройками с боков, сверху и даже иногда спереди. Со вторых этажей, которые выглядели совершенно самостоятельными жилыми помещениями, спускались лесенки с перилами. На дороге валялся мусор, дети в заношенной обуви, едва спасающей от холода остывшей за зиму земли, перелатаных штанах и не раз штопаных свитерах, смотрели на незнакомцев с опаской. Улица имела небольшой уклон в сторону моря, и Тур пошел вниз по улице, а за ним и Мирослав с Ромашкой. Вскоре Тур остановился возле кучки - иначе и не скажешь - настроенных друг на друга хибарок, ощетинившихся торчащими со всех сторон крутыми лесенками, на которых еще и не на всех имелись перила. Богатырь немного неуверенно подошел к одной из лестниц,

когда из дверей нижнего домика, окна которого даже не поднимались над землей, выглянула маленькая старушка.

- Тебе чего? - прошепелявила она.

- Мне... - Тур растерянно почесал затылок, - Мне Анну Васильевну...

Старушка растянула высохшие губы в неприятной ухмылке:

- Анька! - неожиданно громко крикнула она, и голос ее показался Ромашке похожим на скрип железа. - Анька, тут к тебе мужик какой-то.

Дверь над лестницей приоткрылась, и оттуда вышла женщина, уже немолодая, но еще очень стройная. Видно было, что выглядит женщина старше своего настоящего возраста - тяготы жизни прибавили ей морщин, но лицо сохранило следы былой красоты. Женщина молча посмотрела на Тура, потом пристально оглядела и Мирослава с Ромашкой, замерших чуть позади.

- Мужа нету, - коротко сказала она.

- Мы к вам пришли, - начал было Тур, но тут же злорадно захихикала старушка.

- Ишь ты, новый хахаль, что ли? Да не сам пришел, вон - с компанией!

Женщина нахмурилась, но старушка этого видеть не могла.

- Надо же, только муж за порог - уже привела! Средь бела дня! Сынок мой вон работает, рук не покладая, а ты полюбовников в дом водишь - одного за другим, меня, старой, уже и не стесняешься!

Голос старушки теперь был злым, а Ромашка вдруг поняла, что эта старушка - не иначе как Димкина бабушка, и девушке стало вовсе неуютно. Тур же покраснел до корней рыжих волос и смущенно разглядывал теперь неровные камни мостовой.

- Мы это... от Димки весточку передать, - негромко сказал он. Старушка его не услышала - она все еще сыпала обвинениями в адрес невестки и незваных гостей, которые почему-то вызывали у нее резкую антипатию, но мать Димки вдруг побледнела, на миг прижала руки к груди, а потом коротко бросила: "Поднимайтесь".

Тур пошел первым. Он все еще не поднимал головы. За ним по скрипучим ступенькам шла Ромашка, последним - Мирослав. Мать Димки встретила их наверху, в тесной комнатке, служившей одновременно и кухней, и столовой, и гостиной, и детской спальней,

закрыла за гостями дверь и, молитвенно сложив руки, полными надежды глазами смотрела на Тура. Тот молчал, а женщина, испугавшись этого молчания, покачнулась и спросила едва слышно:

- Живой?

Тур, наконец, опомнился:

- Живой, живой, конечно. Все с ним в порядке, жив, здоров, живет у нас...

И замолчал, потому что Димкина мать с тихим стоном покачнулась и едва не упала. Тур придержал ее под руки и помог присесть на лавку.

Женщина долго расспрашивала их о сыне, все жалела, что повидать его не сможет, а только, когда предложил Тур привезти Димку в город, резко отказалась:

- Не надо. Хорошо ему у вас - пускай живет. А здесь - неизвестно как оно еще будет.

Порядки в приморском городе менялись постепенно, но неотвратимо, однако привыкшие ожидать перемен только к худшему, люди никому и ничему давно уже не верили.

Димкина мать еще долго расспрашивала бы о сыне, да только гостям ее пора было уходить. Тур и Мирослав с Ромашкой спустились по лесенке и, провожаемые выкриками старушки, снова выглянувшей на улицу, пошли по дороге, но не обратно, а вниз, к морю. У всех троих на душе было как-то нехорошо.

На набережной народу было совсем немного. Вернее, не так много, как обычно бывает в курортном городе по вечерам. Последние месяцы торговцам сувенирами и сладостями некому было продавать свою продукцию. Сначала люди боялись, что теперь им придется голодать, но после оказалось, что без работы не останется никто: необходимо переоборудовать заводы, очистить море, перестроить город - и везде нужны сильные рабочие руки и умные головы. И вот на набережной работа шла полным ходом - разбирали стену.

Сначала Ромашка не поняла, что это стена - она увидела море, спокойное голубое море. Радостно всплеснув руками, девушка побежала к нему, но вдруг остановилась, упершись в высокую гладкую стену. Казалось, что стена стеклянная. Ромашка прильнула к стеклу,

глядя на воду, потом оглянулась на своих спутников и растерянно замерла - оба смотрели на нее с непонятным сожалением.

- Это не стекло, Ромашка, - тихо сказал Тур. - Это экран.

Руки девушки скользнули по гладкой поверхности экрана. Она разочарованно поглядела на изображение, такое реалистичное, что вот ни за что не поверишь, будто все видимое не находится по ту сторону стены. Ромашка вздохнула и оглянулась, а увидев, что метрах в трехстах участок стены уже разобран, поспешила туда.

Знакомый гнилостный запах перекрывался другими запахами - где-то воняла помойка, где-то готовилось что-то весьма ароматное. Девушка, не глядя больше по сторонам, подошла к краю стены и замерла. Картина, открывшаяся перед нею, не была неожиданной - подобное Ромашка уже видела в тот день, когда познакомилась с Димкой и Туром, - но от этого пейзаж не становился менее удручающим. Девушка постояла некоторое время на краю закованного в бетон берега, вздохнула и, опустив голову, медленно побрела по дороге. "А я-то думала, что вот, наконец, увижу море... Настоящее море, такое, как на картинах. Нет, конечно, всего за полгода море не могло измениться, но ведь его уже начали чистить? Надеюсь..."

- Ромашка!

Она остановилась и обернулась.

- Я узнал, где может находиться твоя тетя, - сказал Мирослав. - Завтра мы уедем, так что лучше пойти туда прямо сейчас.

Девушка кивнула, почему-то больше не ощущая особенного энтузиазма перед встречей с единственной своей родственницей.

Они снова вышли в район богатых домов и ухоженных парков, но Ромашку больше не радовала пышная красота. Она еще помнила решетку, через дыру в которой они пролезли, чтобы попасть из одного района в другой. "Когда-то эта решетка была целой. Может, ее еще и охраняли".

С парадного входа подошли к высокому зданию гостиницы "Жемчужина". Пока Мирослав что-то объяснял дежурному, девушка поглядывала на людей, которые то и дело ходили через холл. Это все были горожане, ее земляки, те, кого успели увести в катакомбы, кому повезло переждать землетрясение в безопасности, но тем не менее

многие все же потеряли друзей и знакомых, кто-то сожалел о потерянном имуществе, кто-то - о всей прежней жизни.

Лифт открылся, и Ромашка, глядя через весь холл, узнала в молодой рыжеволосой женщине свою тетю Полиану. Девушка сорвалась с места и побежала к ней. Мирослав и Тур - оба встрепенулись и переглянулись радостно, когда раздался ее голос:

- Тетя! Тетя Полиана!

- Ромашка! Ты? Неужели? - тетушка обняла девушку, что-то еще прощебетала ласково, потом примолкла. Подождала, пока Ромашка поднимет голову, и спросила:

- Ты где была?

- Я... - девушка вдруг обнаружила, что ей снова трудно говорить.

- Мы тебе звонили-звонили, а ты все трубку не брала, - сокрушалась тетя. - Знаешь, мы тогда решили, что ты погибла, к тому же вся полиция города искала тебя...

Ромашка непонимающе моргнула:

- Как? Почему искала?

- Ну как же! Ведь сказали, что тебя похитил тот самый маньяк... помнишь, которого летом ловили? Его ведь так и не поймали... Тот самый, что твою подругу убил, Дельфину, кажется. К нам полиция приходила, спрашивали о тебе. Ты знаешь, я так перепугалась!

Тетя еще что-то взволнованно говорила, а Ромашка замерла, совершенно растерявшись. Она-то забыла, что Мирослава обвинили в ее похищении, но вот что на него еще и убийство Дельфины повесили... Хотя, чему удивляться? Правда, теперь объяснить тете, что к чему, будет еще сложнее.

- Тетя Полиана, знаешь, я... - начала было Ромашка, но тетя вдруг вздрогнула и резко замолчала. Лицо женщины словно окаменело, испуганные глаза смотрели куда-то Ромашке за спину. И, надо сказать, испуг был не только на лице Ромашкиной тети - многие, находящиеся в холле люди, замолкали и замирали, дружно глядя на одного человека.

- Это он, - прошептала тетя. - Ромашка, это он!

У Ромашки ни за что бы не хватило фантазии представить Мирослава в роли маньяка-убийцы, но у собравшихся в холле гостиницы горожан, похоже, с фантазией дело обстояло куда лучше. Мирослав очень обрадовался, услышав впервые за несколько дней Ромашкин голос, и потому только сейчас вспомнил, что его лицо

многим здесь знакомо - больше месяца фотографию чужака не только показывали на всех телеканалах - его портреты висели даже на стенах и столбах. И вот теперь люди смотрели на него со страхом, не зная, чего ожидать от столь ужасного человека, да еще огромная фигура Тура поистине устрашающе возвышалась за его спиной.

Руки тети Полианы задрожали, а глаза неотрывно смотрели на мужчину с седыми волосами и светло-серыми глазами. Выглядел этот человек очень удивленным.

- Здравствуйте, - сказал он, подходя ближе. Ромашка почувствовала, как тетя вздрогнула и, наверное, убежала бы, если б объятия племянницы не стали крепче. - Вы ведь уже видели меня. Помните, в городе, три дня назад?

- Н-нет! - запинаясь произнесла тетя Полиана.

- Как же? - Мирослав недоуменно нахмурился. - Я еще сказал, что знаю вашу племянницу, Ромашку.

- Не помню такого! - возразила тетя, но потом, наморщив лобик, пробормотала неуверенно: - Ах, да... Кажется, что-то такое было, но я тогда так испугалась, вокруг творилось нечто страшное... я даже не обратила внимания, кто это ко мне подошел! Но как же...

Вцепившись обеими руками в Ромашку, тетя Полиана сделала шаг назад, опасливо глядя на Мирослава, потом взгляд ее метнулся к столику дежурного, затем женщина скользнула взглядом по внушительной фигуре Тура, медленно перевела дыхание и прошептала:

- Не подходи!

Это относилось к Мирославу.

- Тетя Полиана, - попробовала вступиться Ромашка, - он никакой не преступник!

- Как это? - строго спросила тетя. - Да его же полиция искала, весь город прочесывали, и ты... ты, Ромашка! Почему ты его защищаешь? Чем он тебе угрожал?

Мирослав огляделся, посмотрел на Ромашку, потом на Тура, сильнее нахмурил брови. Он знал, что лучше всего ему сейчас уйти, но не настолько доверял горожанам, чтобы оставить девушку, пусть и под защитой Тура.

- Ничем. Тетя, поверь, он вовсе не маньяк и не убийца!

А люди смотрели на чужака по-прежнему со страхом - еще бы, ведь за плечом у него висел самый настоящий автомат. И вскоре Ромашка заметила, что горожане понемногу расходятся, стремясь покинуть помещение как можно менее заметно. Тетя Полиана тоже с удовольствием бы ушла, да только чужак стоял уж больно близко и смотрел в упор - тут не сбежишь.

- Пойдемте куда-нибудь, - неуверенно предложила Ромашка.

Естественно, с места никто не сдвинулся. Тогда девушка освободилась из объятий тети, но тут же взяла ее за руку, потом второй рукой поймала ладонь Мирослава. Тетя при этом вздрогнула и даже сделала движение, будто собиралась высвободить свою руку, которую крепко держала племянница.

- Пойдемте, - снова сказала Ромашка, на этот раз настойчивей. - Тетя Полиана, а где здесь можно поговорить?

К себе, в ту комнату, где временно обитала ее семья, тетя Полиана их не повела, поэтому они просто нашли диванчик в закутке коридора. Ромашка с тетей сели на диван, Тур опустился в кресло, а Мирослав остался стоять, лишь прислонился спиной к стене. Тетя косилась на него неприязненно и с опаской.

- Тетя Полиана, он не преступник. Он мой друг.

- Твой друг? - удивилась тетя. - Убийца? Ромашка, ведь твоя подруга...

- Дельфина погибла вовсе не по его вине, - тихо сказала девушка. - Наоборот, он пытался спасти и ее, и меня.

- Но ведь его искала полиция!

- Тетя Полиана, я сама была в полиции, - вздохнула Ромашка. - Меня допрашивали, потом отправили в психушку. Мирослав спас меня оттуда и помог выбраться из города.

Тетя покачала головой, рыжие кудряшки запрыгали у ее висков:

- Что ты такое говоришь, Ромашка! Покинуть город? И где же ты жила? Здесь, в приморье?

- Нет. Не здесь.

- А где? В каком городе?

- Мы жили не в городе. Мы шли через лес, через горы, я видела хутор, на котором родилась моя бабушка, потом мы пришли в поселок, очень красивый. Там много ручьев, река, лес...

- Этого не может быть!

Женщина закрыла лицо руками, тонкие бледные пальцы ее дрожали.

- Я раньше тоже думала, что не может, - прошептала Ромашка.

Тетя Полиана убрала руки, подняла голову. Взгляд ее уперся в лицо Мирослава, и тот не отвел глаз - ответил женщине прямым, открытым взглядом.

- Так ты говоришь, Ромашка, он друг? - тихо спросила тетя. - Тогда почему он одет как чужак?

- Он... он действительно не здешний.

- Да? - тонкие брови молодой женщины сдвинулись к переносице, глаза гневно сверкнули. - Так это вы разрушили город?

Вопрос был обращен к Мирославу, и он ответил коротко:

- Мы.

Тетя Полиана еще несколько секунд сверлила его ненавидящим взглядом, затем повернулась к Ромашке:

- Ну вот, а ты говоришь - не убийца!

Молчание длилось долго. Ромашка понимала: все разговоры о том, что другого выхода не было, что города угрожали существованию природы вообще, что с правительством пытались договориться уже долго, но безуспешно, что на самом деле их жизнь в городе напоминала заточение в тюрьме, где каждый только мнит себя свободным, а на деле ограничен не только и даже не столько стеной, сколько собственным невежеством, неведением, незнанием... все эти разговоры сейчас не к месту. Разве можно объяснить потерявшему свой дом человеку, что дом этот был плохой, неправильный, опасный даже? Вот Ромашка и молчала. И остальные молчали.

- Значит, ты с ними, Ромашка? - спросила, наконец, тетя.

Отвечать было трудно - была б ее воля, девушка вообще бы не раскрывала рта, но надо было дать ответ. Ромашка глухо и с усилием произнесла единственное слово:

- Да.

Произнесла и замерла в напряженном ожидании. Вот бы тетя сейчас обняла ее, как делала это когда-то давно... Тогда Ромашка, не оправившись еще после потери брата, считала заботливую доброту материной сестры надоедливой, а сейчас - сейчас совсем другое дело!

Но разве можно было надеяться на понимание, когда Ромашка даже самой себе порой казалась предательницей?

Тетя Полиана вздохнула и положила тонкую руку девушке на плечо:

- Эх ты, Машка-Ромашка...

Девушка прижалась к тетиному боку, опасаясь, как бы та не убрала руки.

- Ну, рассказывай, - сказала тетя.

Ромашка обрадовалась, что ее все-таки выслушают, и принялась пересказывать тете все, что произошло с того дня, как Дельфина у нее в квартире зашивала рану подобранного на улице незнакомца. Тетя слушала внимательно, не перебивая и ни о чем не переспрашивая - просто слушала. И на Тура с Мирославом теперь обращала внимания не больше, чем на мебель, топорно сделанную и абсолютно неинтересную.

Наверное, тетя просто не хотела обижать Ромашку, но на самом деле не слишком ей поверила - несмотря на ласковые слова, Ромашка почувствовала некоторую холодность и отчужденность. После того, как девушка закончила свой не слишком подробный за неимением времени рассказ, тетя Полиана спросила, не останется ли Ромашка с ними. Спросила без особого энтузиазма, и девушка отрицательно покачала головой. Тетя в нескольких словах рассказала, как ее мужа кто-то предупредил о землетрясении всего за час, и они едва успели собрать кое-какие вещи, как знакомый мужа пришел за ними и повел через подвалы и тоннели в подземные убежища, где уже было много народу. В этих убежищах они и просидели несколько дней, а потом их вывели наверх. Да, действительно, тетя вспомнила, что какой-то человек говорил ей что-то о Ромашке, но женщина не запомнила его. Она смотрела на разрушенный родной город и не была способна не то что здраво рассуждать, но и вообще понимать, что происходит. Потом оказалось, что город разрушили какие-то чужаки, потому что он, видите ли, чем-то им мешал.

- Город не им мешал, - попыталась спорить Ромашка. - Мы отравляли природу вокруг себя, и скоро это должно было привести к катастрофе. Возможно, мы бы и сами такого не пережили...

Тетя лишь передернула плечами.

- Если уж такие умные, могли бы что-нибудь другое придумать. Так нет же. Ну, ломать - не стоить, это ясно, - протянула она. За последний час тетя Полиана впервые взглянула на чужаков. - Что ж, если вы и не были убийцами, теперь вы ими стали.

Она вздохнула, поднялась с дивана.

- Ты, Ромашка, будь осторожна, - тихо сказала тетя. - Если что - мы с мужем всегда тебя примем как дочь.

Девушка кивнула. Горло сжалось, и ответных слов у нее не нашлось.

Темнело. Холода не ощущалось, но ночная прохлада уже давала о себе знать. Девушка спустилась по ступенькам, медленно прошла по дорожке парка, ведущей в калитке. Гостиница "Жемчужина" осталась позади, и тетя Полиана тоже навсегда осталась в прежней жизни, куда больше не было возврата.

В шикарных апартаментах "Голубого залива", наверное, впервые расположились столь необычные постояльцы. Они жили по десять человек в одном двухкомнатном номере "люкс", и в уютных покоях, где бывали богатейшие люди ближайших городов, чувствовали себя не совсем комфортно. До самого вечера мужчины из Вестового и Гористого ходили по городу да еще помогали технику подгонять и составлять в колонну. Как объяснил девушке Мирослав, техника нужна была в основном чтобы разгрести заводы и призаводские склады, потому как утечка отравляющих веществ все еще наблюдалась, и значит оставалась необходимость поиска ее источника.

Колонна покидала приморский город рано утром, и потому накануне ночью все старались выспаться как следует. В номере, где находилась Ромашка, мужчины улеглись вповалку на полу - кровать показалась им просто чудовищно мягкой, а диванчик - узким и коротким. В результате Ромашка устроилась на широченной кровати в гордом одиночестве, а на полу, на мягком ковре лежали Тур, Мирослав и Светел, да еще один парень из Гористого. Девушка очень долго не могла заснуть. В конце концов, Ромашка осторожно откинула одеяло и спустила ноги на пол. Стараясь не шуметь, она крадучись прошла к двери мимо спящих людей и вышла в другую комнату. Там тоже все спали. Входная дверь открылась с легким щелчком, Ромашка на

секунду замерла, прислушиваясь, потом вышла, прикрыв дверь за собой, и облегченно перевела дыхание - кажется, она никого и не разбудила.

Девушка прошла по длинному коридору и оказалась в холле у лифта. Здесь было светло - круглая с почти незаметной щербинкой луна заглядывала в огромное, во всю стену, окно, перед которым стоял мягкий диван. Ромашка забралась на диван с ногами и принялась смотреть в окно.

С третьего этажа видно было немного - лишь парк и несколько таких же пансионатов, но зато над приморским городом зонтом раскинулось настоящее звездное небо. Ромашка подтянула колени к груди и долго смотрела на луну, хотя много раз видела ее в Вестовом - там и луна, и звезды казались ближе. Ей хотелось плакать громко и навзрыд, хотелось с того самого момента, как тетя Полиана зашла в лифт и махнула Ромашке на прощание рукой, но теперь слез не было. Ромашка неподвижно сидела, задумчиво глядя в окно, и лишь вздрогнула от неожиданности, когда кто-то облокотился сзади о спинку дивана. Она настороженно замерла, ожидая, пока человек, стоящий за диваном, заговорит - поднять лицо и посмотреть, кто это пришел, Ромашка почему-то не решалась.

Но человек молчал. Ромашка осторожно повернула голову и встретила взгляд светлых глаз Мирослава. Уголки его губ чуть приподнялись, но улыбка получилась невеселой. Ромашка отвернулась.

- Прости меня, Ромашка, - тихо сказал Мирослав. - Если бы я мог что-то изменить...

Девушка легко покачала головой. Она не считала, что Мирослав чем-то перед нею виноват. Просто так получилось, что волей обстоятельств она, Ромашка, оказалась по одну сторону баррикад, а все жители ее родного города - по другую. Так получилось... И Ромашка, даже если бы появилась у нее возможность повернуть время вспять, все равно ничего бы не смогла изменить - она точно так же привела бы домой раненного незнакомца, а после Мирослав точно так же спас бы от хулиганов девушку, еще не зная, что, в каком-то смысле, отдает долг спасенной жизни. Вот разве что Дельфина... Возможно, Ромашке удалось бы в тот вечер убедить подругу не ходить на свидание с Китом, который даже не удосуживался провожать свою девушку до дому.

- Что же делать? - прошептала Ромашка.

На самом деле ее губы лишь почти беззвучно шевельнулись, но Мирослав насторожился. Девушка обернулась к нему и повторила свой вопрос:

- Что же мне теперь делать?

Говорить ей было сложно, будто что-то мешало, сдавливая горло.

- Я уж боялся, что ты снова будешь молчать, - произнес Мирослав, протянул руку, которая нерешительно замерла возле Ромашкиного плеча, потом все же опустилась, и девушка почувствовала успокаивающе-ласковое прикосновение. И, как это обычно бывает, от такого проявления участия Ромашка почувствовала себя еще более несчастной.

- Я совсем запуталась, - пожаловалась она. - Что мне делать, Мирослав, скажи? Даже тетя Полиана не понимает, почему я с вами, значит, и остальные не поймут!

- Ты права, Ромашка, многие не поймут. Наверное, до тех пор, пока не окажутся на твоем месте.

- Что ты имеешь в виду? - удивилась девушка.

- Ты сама говорила когда-то, что мое желание спасти ваш город от уничтожения, мягко говоря, странно, учитывая, как со мной этот город обошелся. Но я всего лишь был объявлен вне закона, а тебе досталось куда больше.

- Но я вовсе не хотела мстить городу за это! - возмутилась Ромашка.

- А ведь именно это многие бы и поняли, - усмехнулся Мирослав. - Ты знаешь, Ромашка, время все расставит по местам. Обязательно. Да, кстати, тетя ведь тебе поверила, разве нет?

- Не знаю, - пожала плечами девушка. - Мне почему-то показалось, что не совсем. Но вот почему?

Ромашка задумалась ненадолго, потом негромко принялась излагать свои рассуждения. Голос ее все еще оставался глухим и прерывистым.

- По телевизору сказали, что ты - преступник, убийца, а еще полиция сообщила тете, будто ты убил Дельфину и похитил меня. И им тетя поверила, потому что полиция - это все-таки полиция, а телевизор - это... ну, в общем, не знаю почему, но телевизору все верят. И если там говорят одно, а я говорю - что все совсем наоборот, то

поверят скорее не мне. Вот и тетя не поверила, хотя я сказала ей правду, и, к тому же, я ведь ее родная племянница. Кажется, тетя Полиана решила, будто ты меня запугал, и поэтому я говорю совсем не то, что есть на самом деле. Хотя... - Ромашка посмотрела в лицо Мирослава и хмыкнула, - хотя заподозрить в тебе маньяка-убийцу - это, по-моему, сложновато.

На губах Мирослава на миг появилась улыбка, но тут же исчезла.

- А ведь у меня, Ромашка, действительно руки в крови, и даже не по локоть, - глухо сказал он.

Девушка испуганно моргнула и приоткрыла рот. Мирослав стоял, облокотясь локтями о спинку дивана, сплетя пальцы рук. Брови его сдвинулись к переносице, и светлые глаза чуть поблескивали в темноте.

- Твоя тетя не первая назвала меня убийцей. За последнее время, наверное, каждый из наших услышал подобное в свой адрес.

- Но ведь вы же наоборот, спасали людей, - произнесла девушка, и тут же замолчала, вспомнив, что во время землетрясения очень многие погибли, и те, кто выжил, вполне могли не досчитаться не только знакомых и друзей, но и родственников. "А если бы тетиного мужа не предупредили, что тогда? Как бы я тогда вела себя, что думала? Как бы смогла жить дальше?" -девушка вдруг ощутила страх, заставивший ее тело внезапно затрястись, словно в лихорадке.

- Ромашка, ты что? - испугался Мирослав. Он быстро обошел диван, опустился рядом с девушкой, схватил ее за плечи.

- Н-нет, ничего, п-просто... просто... - пробормотала она, но договорить не смогла - тряхнула головой, отгоняя жуткие мысли. Глубоко вздохнула. Взволнованное лицо Мирослава вдруг оказалось так близко, что Ромашка вспыхнула и смущенно опустила глаза. Он и сам отчего-то смутился, его руки соскользнули с Ромашкиных плеч. Поставив локти на колени, Мирослав подпер руками подбородок и словно застыл, глядя в огромное окно. Ромашка украдкой смотрела на длинную змею светлых волос, спускавшуюся по его спине много ниже лопаток, потом глаза ее начали понемногу закрываться. Девушка сонно вздохнула, Мирослав обернулся, выпрямился.

- Ромашка, да ты ведь спишь...

Ромашка откинулась на спинку дивана, и голова ее опустилась на заботливо подставленное плечо.

Проснулась Ромашка рано утром от громкого возгласа:

- Ромашка, вставай!

Это кричал Тур. Все уже попросыпались и быстро встали, только девушка, недовольно морщась, не спешила открывать глаза. Она сладко потянулась на мягкой постели, потом, что-то вспомнив, удивленно встрепенулась и, проморгавшись, приподняла тяжелые со сна веки. Она совершенно не помнила, как добралась сюда вечером, вернее ночью, после разговора в холле. "А может, мне все приснилось?" - спросила она себя. И быстро поправив одежду да проведя пятерней по спутавшимся волосам, вышла в гостиную. Она терпеливо дождалась, пока все девять человек, что находились в этом же помещении, умоются и выйдут, потому как ни за что не хотела упускать возможности как следует вымыться. Правда, Тур предупредил, что надо спешить, но Ромашке хватило пятнадцати минут, чтобы окончательно проснуться, выкупаться и вновь почувствовать себя человеком. Тур поджидал ее, а вот Мирослава не было - ушел вместе с остальными. Девушка немного расстроилась по этому поводу, но решила, что все равно увидит его за завтраком в столовой.

Так и вышло. Мирослав ни словом не намекнул о ночном разговоре, и Ромашка уже начала думать, что ей, и правда, приснилось. После всем отрядом направились к окраине города, где уже готовая к отправлению стояла колонна различной техники и платформ с укрепленными на них громоздкими инструментами. Названный брат подсадил Ромашку на платформу, сам забрался наверх. Вскоре колонна тронулась. Вооруженные и готовые в случае чего отбивать любую атаку, воины внимательно смотрели по сторонам, управляли же машинами городские - чуть больше десяти человек. Колонна быстро двигалась по дороге, и Ромашке приходилось придерживать шапку, чтобы порывами налетающего ветра ее не сдуло с головы.

- Не замерзнешь? - забеспокоился Тур.

Ромашка отрицательно покачала головой и только выше подняла воротник.

Спрятавшись от остальных за ящик с инструментами, Ромашка видела неподалеку лишь названного брата, молодого Светела да

Мирослава. Ехали долго, но девушка не скучала. Она лишь пару раз оглянулась на южный город, но смотреть назад ей мешал огромный экскаватор, возвышающийся позади платформы. Зато можно было крутить головой, глядя по сторонам, что Ромашка и делала с особенным удовольствием. Где-то неподалеку отсюда, только чуть восточнее, они шли с Мирославом летом на помощь Туру. Теперь пейзаж изменился, приобрел совершенно другие оттенки и акценты: на лугах лежал снег, и солнце, где-то над Рубежным выползавшее из-за горизонта, заставляло блестеть и переливаться перламутром этот белоснежный ковер, из-под которого торчали темные проволоки сухой травы и неаккуратные метлы кустарников.

- Эх, хорошая погодка, - услышала девушка довольный бас названного брата. - А у нас, в Вестовом, сейчас как красиво! Родна замерзла, Димка, небось, на коньках учится с другими мальчишками вместе, в снежки играет. А мать моя сорочку новую вышивает или шерсть прядет, а может тебе, Ромашка, платье шьет.

Тур вздохнул. "Скучает, - подумала Ромашка. - По дому скучает, по матери, по младшему брату - Димке. Может и еще по ком, да только не говорит". Мысль о том, что ее названный брат может скучать и по какой-нибудь девушке из Вестового или соседних поселений показалась Ромашке интересной, и девушка перебрала в уме всех знакомых девушек, гадая, какая из них могла бы Туру понравиться. Это не мешало наслаждаться пейзажем, малость однообразным, но для Ромашки, только полгода назад покинувшей пределы закрытого от всего внешнего мира города, все новое было в радость.

Прошло больше пяти часов, когда снова стало теплее, снег под колесами постепенно сменился грязной кашицей, а потом и вовсе исчез. Колонна въехала в мертвую зону и взяла немного левее. Еще час ушел на то, чтобы, обогнув город с запада, подобраться к заводу. По расчищенному специально для техники небольшому участку дороги, колонна вплотную подъехала к тому месту, где раньше был завод, и остановилась. Оставив два десятка человек охранять технику, отряд направился в лагерь.

Глава 32

Два дня по возвращении из южного города прошли в напряженной работе на развалинах старого завода. Чужакам помогали городские. Еще городские раскопали продовольственные склады, и только удивлялись, когда на добытую еду чужаки морщились и смотрели с необъяснимой жалостью.

- Разве это еда? - говорили они. - Это так - набор химикатов.

Однако запасы продовольствия у чужаков уже подходили к концу, и городские посмеивались про себя, что скоро этим умникам придется перейти на нормальную пищу, привычную для любого горожанина. Да не тут-то было - на третий день воевода Бравлин объявил, что войско уходит.

Этому известию Ромашка обрадовалась несказанно. Надо же, а она и не подозревала, как соскучилась по Вестовому! "Ура! Скоро мы будем дома!" - ликовала Ромашка, не замечая, что мысленно уже называет поселок на берегу Родны своим домом.

В городе решили оставить сотню человек под командованием лесичанского воеводы - помогать на раскопках, очищать ров. Весной эти люди постараются засадить доставленными с берегов Родны саженцами часть мертвой земли, помогут устроиться тем, кто захочет остаться вблизи города и жить на природе, обосновать свой хутор. А также, возможно, договорятся и с хуторянами, что живут у подножия Рубежного - может, захотят принять к себе новых людей?

Накануне вечером Бравлин собрал совещание. Кроме воевод, там присутствовали все те, кто обучался у мудрейших. Тур к таковым не относился, поэтому он сидел с девушкой у костра, глядя на пляшущие языки пламени. И мыслями он, как, впрочем, и Ромашка, был уже в Вестовом.

Совет, что собрался перед шатром главнокомандующего, долго не расходился, но вот, наконец, неторопливым шагом подошел к Туру с Ромашкой молодой Светел, потом девушка увидела и Мирослава. Вид у него был задумчивый и, как показалось Ромашке, невеселый.

- Ну, что там? - спросил Тур друга, когда тот присел неподалеку.

- Ничего особенного, - сказал Мирослав. - В основном решали, что будут делать те, кто останется в городе, как помочь городским, особенно в приморье - там сейчас многовато людей, а городок небольшой. Хорошо, что теперь много пустых зданий и свободной земли...

- Понятно, - Тур поднялся на ноги. - Ну тогда пойдемте-ка спать. Завтра ведь рано выходим.

Мирослав не шевельнулся. Он все также смотрел на огонь.

- Я остаюсь в городе, Тур, - произнес он.

Голос его прозвучал спокойно и почти безразлично, и возможно потому Ромашка даже не сразу осознала смысл сказанных слов.

- Остаешься? - потрясенно переспросил Тур. - Почему?

- Так решили на совете, - ответил Мирослав.

Ромашка молчала - а что она могла сказать? Не ей оспаривать решение совета, не ей предлагать это сделать Мирославу, не ей... И все же в голове не укладывалось - как же так: они уходят, а Мирослав остается?

Воевода Вояр шел мимо, но вдруг повернулся и приблизился к их костру. Увидев отца, Мирослав выпрямился. Воевода смотрел, как показалось Ромашке, сердито.

- Ты не доволен решением совета? - негромко спросил он сына.

Мирослав явно не знал, что ответить на такой вопрос. Конечно, он был не рад тому, что придется остаться в городе, но ни в коем случае не собирался возражать.

- Почему же? - в голосе Мирослава прозвучало недоумение. - Я с ним полностью согласен.

- Тогда почему ты не вызвался добровольно, как лесичанский Зорян или его брат? - спросил воевода, внимательно глядя на сына. - Остальные тоже остаются в городе не по своему желанию, но никто так явно не выказывает свое недовольство.

Смерив сына строгим взглядом, воевода развернулся и пошел быстрыми, широкими шагами через лагерь. Мирослав же остался стоять почти неподвижно, глаза его смотрели прямо перед собой, скулы напряглись. Всем, кто сидел рядом, у костра - Тур с Ромашкой, Светел, Невзор и еще несколько человек - было тоже немного не по себе. Все, кроме девушки и ее названного брата, поспешили отвести

взгляды от замершей фигуры Воярова сына, но было ведь ясно - они слышали каждое слово воеводы. И Мирослав это знал. Ромашка чувствовала, что сейчас ему, наверное, очень хочется развернуться и уйти подальше отсюда, но вместо этого Мирослав снова присел у огня. Лицо его словно окаменело, и взгляд застыл, отражая пламенные отсветы костра.

И почти сразу же все, кто находился поблизости, по очереди принялись вставать, желать оставшимся доброй ночи и уходить под полог шкуряного шатра. Вскоре у костра остались они втроем - девушка, ее брат и сын воеводы из Вестового. Тур подобрался поближе к другу и присел на корточки.

- Слушай, а что там у вас на совете произошло? Чего это воевода вдруг?..

Мирослав повернулся, посмотрел сначала на Тура, потом на Ромашку.

- Когда спросили, кто сам хочет остаться в городе, руку подняли только Зорян лесичанский и его младший брат. Остальных назначили воеводы.

- Погоди-ка, - перебил его Тур. - Но ведь еще утром сказали, кто останется.

- Не всем, Тур. На совете решали, кому оставаться из тех, кто в обучении у мудрейших. Нас выбрали пятнадцать человек.

- Так ведь вызвались только двое, остальных назначили, как и тебя! - пробасил Тур. - Отчего же воевода сердится?

- Отец прав. Я прожил здесь год, - ответил Мирослав. - Должен был сам сообразить.

- Ну так... А разве ты сказал, что недоволен решением совета?

- Нет.

- Тогда почему... - Тур пожал плечами. Он все равно не понял причину, по которой воевода отчитал сына, да еще и не наедине, а в присутствии других воинов. Ромашка же недоумевала, почему после столь несправедливых, на ее взгляд, слов, Мирослав считает себя не в праве обижаться на отца.

После нескольких минут напряженного молчания Тур буркнул: "Ладно, пойдемте спать". Его послушали, и вскоре Ромашка лежала, завернувшись в шкуры, и глядя на профиль Мирослава, что смотрел вверх, подложив под голову руки. Потом он повернул голову, и

Ромашка увидела, как едва заметно поблескивают в темноте его глаза. Она глубоко вздохнула и решилась, наконец, спросить:

- А вы надолго остаетесь?

- Не знаю пока, - шепотом ответил он. - Может на месяца два или три.

Наверняка отчаяние отразилось на лице девушки столь явственно, что Мирослав даже в темноте это заметил.

- Ты чего, Ромашка?

Она не ответила, просто продолжала смотреть на него. Глаза девушки щипало от подступивших слез - Ромашка даже представить себе не могла, что вот так вдруг придется попрощаться с любимым и не на неделю-две, а на несколько месяцев. И ведь как прощаться - почти без слов, когда и времени для разговора уже нет, да и сказать-то нечего, кроме одного-единственного слова: "люблю".

Мирослав тоже смотрел молча, потом протянул руку. Ромашка моргнула, посмотрела в его открытую ладонь, и нерешительно вложила в нее свою, узкую с тоненькими пальчиками. Пальцы Мирослава сжали ее запястье: не больно, но крепко.

- Ты знаешь, Ромашка... - он замолчал, потом произнес: - После посевной, если я к тому времени не вернусь, напомни Туру, чтобы отвез тебя в Родень, к Любомире.

Ромашка кивнула в ответ. Она не хотела засыпать, но веки вскоре стали тяжелеть, и девушка прикрыла глаза. Ромашка собиралась просто лежать, чувствуя, как Мирослав держит ее за руку, но очень скоро уснула.

Утром Ромашку разбудил брат. Девушка умылась, спрятавшись за широкой бетонной плитой, и вышла оттуда, когда мужчины уже сворачивали шатры. Она долго искала глазами Мирослава, с которым ей предстояло проститься надолго, но увидев, что он занят, решила не отвлекать. Ко всему прочему девушка заметила неподалеку воеводу Вояра, а зная, что отец Мирослава относится к ней без особой симпатии, не захотела давать ему новый повод для недовольства.

Когда все вещи были собраны, воевода Бравлин дал приказ выходить, и у Ромашки опять не оказалось времени, чтобы как следует попрощаться с Мирославом. Он подошел в последний момент,

пожелал им счастливого пути и с улыбкой принял ответные пожелания, а напоследок сказал Ромашке:

- Слушайся Тура и тетушку Звану, и из дома больше не убегай.

Потом девушка с Туром пошли вместе со всеми к окраине города. Ромашке все хотелось обернуться, и перед тем, как покинуть территорию бывшего парка, она таки посмотрела через плечо. Мирослав улыбнулся и махнул ей рукой, а Ромашка с тяжелым сердцем ответила ему тем же.

Глава 33

Снег блестел под ярким солнцем, лыжи скользили весело и легко. Пологой дорогой войско спустилось с Соколиного перевала, и теперь приближалось к Вестовому. Сначала показалась из-за холма крыша поселковой школы, а потом воины увидели спускающиеся почти к самому берегу Родны аккуратненькие домики поселян.

- Вот мы и дома! - улыбнулся Тур.

Ромашка вглядывалась в лица встречающих - высматривала среди них тетушку Звану, Димку, Веселинку. Мать Тура она увидела почти сразу - та стояла в теплом платке, подняв к лицу руки. Мгновенно Ромашка ощутила себя виноватой - ведь ушла без спросу, заставила поволноваться так по-доброму принявшую ее в свою семью женщину. Рядом с тетушкой Званой девушка заметила мать Мирослава - та уже нашла взглядом своего мужа и ждала, пока войско подойдет ближе, пока воевода сможет наконец обнять жену. По тому, что в лице Любимы не было страха и растерянности, Ромашка поняла, что поселян предупредили, кто останется в городе. Оттого Любима и не искала в толпе своего сына - знала, что не найдет.

Встреча была бурной, радостной: тетушка Звана плакала, Димка прыгал от радости вокруг Тура и девушки. Потом все жители Вестового разошлись по домам, а воеводы, все, кроме Вояра, повели отряды дальше - в Долину Ручьев, в Гористое, в Лесичанск. Бравлин же со своими бойцами отправился в Родень. Увидев среди роднянских темную фигуру Сивера, Ромашка в который раз удивилась: почему его тоже не оставили в городе?

Оставшаяся часть дня и весь вечер, как и следовало ожидать, прошли в разговорах - тетушка Звана и Димка все расспрашивали Тура с Ромашкой. Уж и стемнело, а лучина еще долго горела в кованом светце на столе. Ромашка больше отмалчивалась, а Тур говорил и говорил, и девушка вслушивалась в его слова, будто бы снова переживая все то, что произошло с нею во время похода. И уж в который раз гадала о том, как же там сейчас в городе без них, все ли спокойно?

Почему-то Ромашка думала, что после похода в город все изменится, но жизнь в Вестовом текла по-старому, лишь на посиделках девушки расспрашивали молодых парней о походе, о городах, и те отвечали на вопросы, рассказывали, смягчая тона и опуская подробности, могущие смутить или расстроить нежных, выросших в любви и заботе девушек. И который раз Ромашка рассуждала про себя, что совершенно зря длиннокосым поселянкам не рассказывают всего, но мужчины были другого мнения, и девушка, конечно же, не высказывала своего несогласия. Ее-то как раз никто не расспрашивал, так что и наболтать лишнего она не могла. Вообще Ромашка заметила, что остальные девушки, которые раньше дружелюбно к ней относились, теперь смотрят как-то странно. Она не могла понять - отчего, да Веселинка объяснила:

- Они думают, что ты в поход за Мирославом пошла. Я-то знаю, почему ты так поступила, но остальные... Да и Людка их науськала, наговорила всякого. Я уж пыталась с нею спорить, но почему-то ей верят больше. К тому же все они считают, что ты неправильно поступила, что пошла вслед за войском.

Неправильно... Так думали не только бывшие приятельницы Ромашки, но и все взрослые женщины, без исключения, и мужчины тоже. Только тетушка Звана ее понимала, хотя и не одобряла опрометчивого поступка, да Веселинка... "По крайней мере, у меня есть одна верная подруга" - размышляла Ромашка, в то время как Веселинка сидела рядом с нею на лавке у стены, с вызовом глядя на каждого, кто приближался к Ромашке, готовая, в случае чего, встать на защиту. И Ромашка была бесконечно благодарна ей за понимание и заступничество - с Веселинкой она не чувствовала себя такой одинокой среди девчат. К тому же на посиделках почти постоянно теперь присутствовали мужчины, среди которых был и Тур, и молодой Невзор. Да и Димка тоже сидел тихонько возле названного брата, слушая в который раз рассказы воинов.

А вот днем, когда молодежь затевала игры в снегу, Ромашка в них не участвовала - там уж ни Тур, ни Веселинка не могли ее оградить от обидных слов, которые бросала ей ревнивая Людмила, от хихиканий и насмешек, и девушка чаще сидела дома, под окошком, шила или

вышивала, и думала все о том, как там сейчас Мирослав, все ли у него хорошо.

Прошло недели две с того дня, как войско под командованием Бравлина перешло через Соколиный перевал, направляясь обратно, к родным поселениям. Ромашка, как и обычно, сидела за вышивкой, когда с улицы вошла тетушка Звана, сняла теплый платок и принялась расстегивать тулуп.

- Вояр с Любимой к старейшине пошли. Не иначе как за новостями.

Девушка встрепенулась, но плечи ее тут же поникли: к отцу и матери Мирослава она не пойдет спрашивать, а как иначе можно узнать, что передали из города? "У старейшины спрошу" - решила для себя Ромашка, и с того момента не столько вышивала, сколько в окно погладывала, поджидая, пока родители Мирослава вернутся от старейшины домой. Где-то через полчаса она заметила Вояра и Любиму, идущих по заснеженной улице к дому у реки, и начала потихоньку собираться.

Тетушка Звана за сборами наблюдала, потом сказала:

- С тобой пойду.

Легкие пушинки снега кружились перед глазами и падали на плечи, на руки. Вокруг - сияющая белизна, среди которой темнеют бревенчатые избы да широкие стволы старых деревьев. Дом старейшины, с запорошенной снегом крышей, стоял на окраине, и подходя ближе, Ромашка стремительно теряла уверенность. Не то, чтобы она побаивалась старейшину Светозара, но девушка совершенно не представляла, как обратится к нему с вопросом о сыне воеводы Вояра. "Почему у родителей его не узнала?" - спросит старейшина, и что тогда ей отвечать?

Потому шла Ромашка все медленнее и медленнее, а мать Тура ее не торопила. Они были уже недалеко от цели, когда из дома старейшины вышел человек в темном тулупе и черной меховой шапке. Ромашка не сразу узнала его, но едва поняла, кого видит, прибавила шагу.

- Сивер! - окликнула девушка, и человек обернулся. Хмуро поглядел на спешащую к нему Ромашку, потом заметил позади нее

тетушку Звану, и лицо его стало несколько приветливей.

- Сивер, здравствуй! Как хорошо, что я тебя встретила! - на одном дыхании выпалила девушка, на что Сивер недовольно буркнул "Здравствуй", и замолчал. Тетушка Звана была еще далеко, потому, наверное, Сивер и не хотел растрачивать без того мизерный запас доброжелательности на Ромашку.

- Я слышала, у старейшины новости есть из города, - осторожно начала девушка. Сивер даже не кивнул - просто угрюмо смотрел на нее, ожидая продолжения. Наверное, в другое время такая реакция, вернее полнейшее отсутствие реакции, обескуражила бы Ромашку, но не сейчас: девушка решительно была настроена узнать у Сивера все, что ему известно, а потому и обошлась без намеков и предисловий:

- Расскажи мне, пожалуйста, что там. Тебе ведь старейшина сказал, да?

Неизвестно, ответил бы Сивер Ромашке или нет, но как раз в это время подошла тетушка Звана и с теплой улыбкой остановилась за спиной девушки. С нею Сивер поздоровался вежливо.

- Здравствуй, здравствуй, - улыбнулась мать Тура. - Мы к старейшине за новостями шли, но уж раз тебя встретили, так наверное не будем старейшину Светозара нашего беспокоить.

Сивер нахмурил темные брови, уже понимая, что ему не отвертеться от расспросов.

- Да там нечего рассказывать, - пробормотал он. - Все у них хорошо. Пару раз стычки были с городскими - там несколько человек украли оружие и беспорядки учиняли. Но обошлось без крови - наши все живы, здоровы.

Ромашка и тетушка Звана слушали, затаив дыхание, и вздохнули облегченно, когда Сивер сказал, что живы. И тут же принялись благодарить его наперебой. Напоследок, когда Сивер решил, что может уже уйти, тетушка Звана сказала ему:

- Ты если что узнаешь - передай нам, будь добр.

Сивер согласно кивнул.

Звонкие ручьи бежали по бороздкам в черной земле, все еще укрытой кое-где потемневшим снегом. Кругом - грязь, слякоть - неизменные спутники начала весны. Зато солнце светит уже не по-

зимнему, да воробьи чирикают куда веселее, и от этого легче и теплее становится на сердце.

Обутый в высокие сапоги, Сивер шел по грязной улице, шел медленно, неторопливо, словно еще сомневаясь - а туда ли идет? Спустившись с крыльца дома старейшины Светозара, Сивер сразу вспомнил просьбу тетушки Званы, и направлялся теперь по улице к ее дому. Идти туда ему не то чтобы не хотелось - Сивер и сам понять не мог, отчего ноги все норовят свернуть в сторону, но раз уж пообещал...

Сивер поднялся на крыльцо и постучал. Дверь открылась почти сразу же, и на пороге появилась Ромашка в вышитой сорочке, поверх которой была надета вязаная безрукавка серой шерсти, перехваченная на талии плетеным пояском с деревянными бусинами. Серые глаза Ромашки уставились на Сивера с испугом.

- Сивер? - вопросительно произнесла она, словно не веря собственным глазам.

- Здравствуй, - ответил Сивер, и девушка, тут же смутившись собственной невежливости, поздоровалась с ним и пригласила войти. Сивер снял шапку, вытер подошвы сапог о подстеленную рогожку и переступил порог. Огляделся и понял, что кроме Ромашки в доме никого нет.

- Ты одна? - напрямую спросил он.

- Да, - кивнула девушка. - Тетушка Звана к соседке вышла, а Тур с Димкой у кузнеца - что-то им там надо.

- Ну, - Сивер нахмурился, - тогда я попозже зайду.

Он уж собирался выйти, но Ромашка остановила его вопросом:

- Так ты к тетушке Зване пришел? Ты погоди, я ее позову!

Девушка вскочила в валенки и, сдернув тулупчик с крючка, принялась его на себя надевать.

- Я новости передать зашел, - объяснил Сивер.

Ромашка замерла, тулупчик так и остался не застегнутым.

- Что-то случилось? - тихо, осипшим вдруг голосом прошептала она.

- Да нет, ничего не случилось, - пожал плечами Сивер. - Просто просила меня тетушка Звана, чтобы если будут новости - передал. Вот я и зашел.

- А-а-а... - протянула Ромашка, одновременно переводя дыхание. Видно, и правда напугалась. Девушка глубоко вздохнула и, бросив

Сиверу: "Я сейчас, подожди минутку" - выскочила на улицу.

Сивер остался ждать. Он снял тулуп, повесил его на крючок и, поколебавшись недолго, прошел и сел на лавку у стола. В горнице было чисто, прибрано, от прикрытой вышитым полотенцем глубокой глиняной миски вкусно пахло пирогами. На лавке под окном лежала спешно брошенная вышивка - льняная сорочка с уже изукрашенным ярко-красным орнаментом подолом и воротом. На рукаве же Ромашка, по-видимому, только начала вышивать, и ткань была натянута на деревянные пяльцы. Сивер поднялся с лавки и подошел к окну, склонился над вышивкой, разглядывая узоры. "Неплохо, - сказал он сам себе. - Совсем не плохо". Быть может, вышивки Ромашки уступали работам других девушек, которые вышивать учатся с самого детства, но для новичка, впервые взявшегося за пяльцы меньше года назад, девушка делала серьезные успехи. По крайней мере, украшенную ее вышивкой сорочку можно было без стеснения носить.

Внезапно внимание Сивера привлекла маленькая, узкая полоска ткани, на которой он приметил легко угадываемые в вышитых узорах обереги. Ему было интересно рассмотреть ленточку поближе, но не решился трогать - даже если Ромашка так неосторожно оставила свою работу на лавке, лучше не прикасаться, ведь кто знает, для чего и кого она предназначена? Вдруг чужие руки нарушат волшебство так искусно и заботливо созданного оберега?

"Может, лента для волос? Только знаки на ней не женские... Для Тура или Димки? Ну, это вряд ли. А может просто тренировалась?" Присмотревшись к вышитой ленточке, Сивер подумал, что не стала бы девушка просто ради обучения вышивать такие знаки. Тетушка Звана, что учила Ромашку рукоделию, обязательно объяснила бы, что к чему. "Таки для кого-то вышила" - заключил Сивер, и даже приблизительно догадывался, для кого, но отчего-то подобные догадки его не радовали.

Едва Сивер вновь присел на лавку, дверь отворилась. Тетушка Звана радостно поприветствовала гостя, тут же предложила ему пирогов с чаем да сказала Ромашке на стол накрыть. Девушка молча поставила кипятиться воду и выставила на середину столешницы миску с пирогами.

Сивер наблюдал за этим несколько смущенно. "Всего-то зашел пару слов передать, а тут" - думал он, глядя на радостную суету вокруг незваного гостя, коим он и являлся. Понимая, что расспрашивать его

не будут - накормят сначала досыта и напоят, Сивер решил все-таки поскорее рассказать все, что узнал от старейшины, да постараться не надолго задержаться в этом доме. Правда, уходить ему не хотелось, но Сивер считал, что и так учинил достаточно переполоха.

- Светел деду своему передал, чтобы саженцы уже везли - у них там теплеет быстрее, чем здесь, так что скоро начнут на пустыре деревца высаживать вместе с городскими, теми, кто остался. Несколько семей на хуторе живут - их приняли хорошо, дома строить помогают. Вот так. А утечки все нашли и перекрыли, так что через несколько лет, возможно, всю мертвую зону и засадят.

- Ну и хорошо, - одобрила тетушка Звана. - И что городские помогают - тоже правильно: сами натворили, вот теперь пусть и работают, жить учатся по-человечески!

Ромашка же молчала. "Ждет, чтобы я про Воярова сына рассказал" - решил Сивер. Но даже если бы он и хотел передать девушке весточку от Мирослава - все равно не смог бы: старейшина Светозар ничего конкретно о сыне воеводы не сказал. "А ведь старейшина родителям Мирослава весточки от него передает. Что ж Ромашка у них не спросит?" - этот вопрос показался самому Сиверу интересным, но раз уж даже тетушка Звана предпочитала расспрашивать его, Сивера, а не Любиму, мать Мирослава, значит, были на то причины. А может, на самом деле, не ради Мирослава интересовались мать Тура и ее приемная дочь новостями из города? Этого Сивер уж никак наверняка знать не мог.

Он честно рассказал все, что узнал от старейшины, а напоследок сказал:

- Вроде как обещали до посевной вернуться.

Но до посевной оставалось еще почти два месяца. Сивер заметил, как вспыхнули радостью и тут же погасли серые глаза городской Ромашки.

Дней через десять Сивер вновь приехал в Вестовое к тамошнему старейшине. И снова зашел к тетушке Зване с Ромашкой, новости передать. От угощения он отказался, но совсем не потому, что Тур был дома - Сивер и сам толком не знал, почему: ведь хотелось остаться ненадолго, посидеть за столом в гостеприимном доме, но... Не более

пяти минут Сивер делился новостями из города, а потом попрощался быстро и вышел.

После того, как стаял снег, легкие заморозки еще пару раз прихватывали землю - зима все еще напоминала о себе коркой льда на лужах и пронизывающим холодным ветром, но вот уже несколько дней погода стояла солнечная, ясная. Кое-где пробивалась уже зеленая травка, в воздухе звенел веселый щебет, небо сияло голубизной. Сивер то и дело ловил себя на том, что начинает поддаваться настроению окружающей природы и улыбается непонятно чему. Он вспомнил, как тетушка Звана с Ромашкой уговаривали его посидеть с ними за столом, и улыбка стала шире. "Вот дурак так дурак, - сказал Сивер сам себе. - Это ведь они не тебе радуются". Но, сколько Сивер не убеждал себя, что привечают его в доме тетушки Званы только из-за новостей, которые приносит он от старейшины, подобное самовнушение не помогало, и настроение по-прежнему оставалось приподнятым.

Родна разлилась и в низине, у Долины Ручьев, вышла из берегов, затопив луга. В Вестовом же вода не добралась даже до дома родителей Мирослава, только поднялась высоко, и если раньше от обрыва до воды оставалось еще около метра, то теперь вода стояла вровень с высоким берегом. Ромашка прогуливалась по берегу реки, стараясь, правда, не приближаться к дому воеводы - чувствовала, что родители Мирослава не рады будут ее видеть. Почему так получилось - Ромашка не знала наверняка, но одна догадка у нее была. "Все дело в том, что я - городская" - думала девушка.

Она видела, как с крыльца дома воеводы сошла белокосая Людмила и неторопливо пошла по дороге, плавно покачивая бедрами. Увидев Ромашку, Людмила самодовольно улыбнулась и тут же отвернулась, прошла мимо соперницы, не поздоровавшись. Ромашка лишь пожала плечами. Людмила свернула на улочку, ведущую вверх от реки, а Ромашка неторопливо шла себе дальше, вдыхая аромат весны. Девушка вышла на мост, постояла некоторое время, глядя, как несет прошлогодние былинки быстрая вода, и перешла на другой берег.

Лес еще не оделся листвой, потому казался прозрачным, особенно вблизи дороги, что вела от Вестового к Родню. Услышав стук копыт, Ромашка насторожилась, а потом разглядела, что по дороге приближается всадник. Сначала девушка видела его темную фигуру

сквозь просветы меж деревьев, а потом гнедой жеребец вынырнул из-за поворота дороги, и Ромашка узнала верхового - это был Сивер. Девушка посторонилась с дороги, но всадник неожиданно осадил гнедого рядом с нею и соскочил на землю.

- Гуляешь? - хмуро спросил он вместо приветствия.

Ромашка кивнула.

- Тур где? Дома?

Девушка удивленно моргнула и снова кивнула.

- А зачем тебе Тур?

- Поговорить надо, - нехотя ответил Сивер. Смерил ее взглядом из-под косматых бровей и, вновь вскочил в седло.

- Шла бы домой, - бросил он и тут же тронул пятками бока гнедого. Ромашка растерянно и немного испуганно смотрела ему вслед, а, опомнившись, заспешила к дому.

Конечно же, Сивер успел намного раньше девушки. Когда Ромашка ступила через порог, то с удивлением увидела, что и Сивер, и Тур, и тетушка Звана сидят за столом. Видимо, они что-то обсуждали, но лишь вошла Ромашка - примолкли, а девушка замерла, вглядываясь в их лица и гадая, уж не принес ли Сивер плохих вестей.

- Сивер говорит, тебя Любомира к себе зовет, - сказала тетушка Звана.

Едва осмыслив услышанное, Ромашка выдохнула, чувствуя облегчение. И не сразу смогла хоть что-нибудь сказать в ответ.

- Любомира говорила, что после посевной... - наконец произнесла Ромашка.

- Наверное, решила пораньше начать занятия, - ответила мать Тура.

Ромашка все еще стояла у двери, осмысливая услышанное. Наверное, молчание затянулось надолго, потому что Тур спросил:

- Так что, поедешь?

Ромашка обвела взглядом лица присутствующих - тетушка Звана и Тур ожидали ее ответа, Сивер на девушку не смотрел - хмурился, глядя в столешницу.

- Поеду, - твердо сказала Ромашка.

Глава 34

Раннее утро дышало холодом, и на молодой траве еще не высохла роса. На дороге от Соколиного перевала показался отряд из ста человек под командованием лесичанского воеводы. Мужчины быстро шли по влажной от вчерашнего дождя земле, вглядываясь в утренний туман, капельками воды повисший над холмами.

- Вон уже школу видно, - тихо, словно сам себе, сказал молодой Светел.

Мирослав тоже смотрел туда, на бревенчатое здание, пока пустующее - слишком рано, уроки еще не начались. А когда отряд обогнул холм, все Вестовое открылось его взгляду, и Мирослав сразу нашел глазами родительский дом, а потом - дом Тура. Еще не рассеялись серые сумерки, и на подворьях было пусто, но там, за бревенчатыми стенами, за занавешенными окнами, поселяне уже просыпались, готовились к новому дню. Бодро кричали петухи, и кое-где отзывались мычаньем коровы.

Возле школы Светел и Мирослав простились с лесичанским воеводой и вместе направились к дому старейшины. Светозар встретил обоих теплым приветствием и не задержал надолго. Мирослав успел увидеть, как Малина, младшая дочка старейшины, бросилась обнимать сына, а сам пошел по пустынной улице вниз, к реке, туда, где стоял дом его родителей.

А на дворе перед домом все было по-старому, ничего не изменилось. Все так же плотно утоптана дорожка, все так же стоит среди молодой травы широкий чурбан для колки дров. Мирослав задержался перед ступенькой, огляделся, бросил взгляд на занавешенные окна, и лишь после этого взошел на родное крыльцо и постучал.

Мать открыла дверь сразу же.

- Сынок!

Она долго-долго гладила ладонями его лицо, плечи, волосы, целовала, проливая слезы, отец же стоял поодаль, хмурил светлые брови, отчего-то не торопясь приветствовать сына. Обнимая плачущую

от счастья мать, Мирослав встретился взглядом с глазами отца - такими же светлыми, как и его собственные, и что-то кольнуло в сердце... Знать не переменил отец мнения о своем непутевом сыне, все так же не считает его достойным, все так же холоден и неприветлив. Мирослав опустил глаза - в отчем доме он вдруг почувствовал себя неуютно.

- Не плач, мама, - тихо сказал он.

Любима подняла влажные от слез глаза, поглядела в лицо сына, потом быстрым жестом смахнула с ресниц соленые капли.

- Что ж это я... Ты, верно, устал с дороги, проголодался.

Улыбнувшись сыну, Любима тут же принялась накрывать на стол, а Вояр все так же стоял неподвижно, скрестив на груди руки.

- Здравствуй, отец, - сказал Мирослав. На миг ему показалось, что воевода не ответит.

- Здравствуй, - произнес Вояр. В голосе его не было ни тепла, ни радости.

Мирослав, чуть поколебавшись, нагнулся и положил на пол возле лавки свою дорожную сумку.

- Иди сюда, сынок, садись, садись, Мирославушка мой, - мать подхватила его под локоть и подвела к столу. - Вояр, и ты садись. Чего стоишь?

Поставив перед Мирославом полную миску борща, Любима и сама опустилась на лавку, напротив сына, глядя счастливыми глазами на его такое родное и любимое лицо. Воевода медленно подошел к столу и сел. Мирослав снова посмотрел на отца и, опустив глаза, нахмурился. Он действительно был голоден, и аромат материной стряпни будоражил аппетит, да только под грозным взглядом отца кусок в горло не лез. Но маму расстраивать не хотелось, поэтому Мирослав принялся за еду.

Вояр смотрел на сына, чувствуя легкое раздражение от того, что Мирослав, несмотря на явно заметную неловкость, все так же делает вид, будто не видит направленного на него взгляда отца, все так же спокойно ведет себя, будто бы кроме Любимы и нет никого в горнице. Хотя с отцом и поздоровался, как положено.

Воевода уже давно не находил с сыном общего языка - с того самого момента, как Мирослав выступил на Совете против

уничтожения городов. Да и, правду сказать, не особенно-то старался Вояр понять мотивы его странного поступка. Кому, как не Мирославу, первому сделать шаг навстречу, понять и принять точку зрения отца? "Я понимаю, отец, просто я думаю, что должен быть и другой выход". Наивно. По-мальчишески наивно и глупо. Тогда воевода очень рассердился на сына и подробно объяснил ему, почему подобные рассуждения не только неправильны, но еще и опасны. После того, как вернулся последний из добровольцев и огласил на Совете, что города готовятся к войне, Мирослав сказал: "Ты был прав, отец". Слишком поздно он это признал, слишком поздно - Вояр уже знал, что из его сына никогда не получится настоящего воина. "Ты был прав, отец. Теперь у нас действительно нет другого выхода"...

Битва у Долины Ручьев могла бы многое расставить по местам, но этого не случилось. Воевода не знал, что произошло с его сыном, он не видел его во время боя, да и позже не мог понять, почему Мирослав с легкими на первый взгляд ранениями несколько дней пролежал пластом, не имея сил на то, чтобы подняться. Воевода случайно зашел в гостевой дом, где находились раненые, когда мать Тура с Сивером спасали жизнь его сына. Тогда-то Сивер и рассказал Вояру о том, что произошло во время битвы. Но, что бы не услышал воевода на рассвете, стоя над почти безжизненным телом Мирослава, сказанных им сыну накануне слов уже не воротишь, а слова были резкие, хотя с оглядкой на присутствие посторонних воевода Вояр и не сказал все, что думал. В первый же вечер после возвращения в Вестовое Мирослав напрямую спросил: "Скажи, отец, ты считаешь меня трусом?"

С того вечера они с Мирославом почти не разговаривали. Сыновнюю почтительность никто не отменял, и Мирослав по-прежнему оставался предельно учтив, но спокойная вежливость его порою казалась Вояру верхом двуличия: то, что Мирослав действительно считает себя не вправе сердиться на отца или обижаться на него, воеводе почему-то и в голову не приходило. И потому, даже после рассказанного Сивером, воевода так и не смог пересмотреть своего отношения к собственному сыну. К тому же Мирослав постоянно предоставлял отцу новые поводы для недовольства: взять, хотя бы, эту его дружбу с городской девчонкой Ромашкой. "Уж не жениться ли он на ней собрался? - в который раз

спрашивал себя Вояр, замечая сына в обществе этой девушки. - С него станется..." А когда та самая Ромашка пошла следом за войском? Этот поступок сам по себе, безусловно, заслуживал всяческого осуждения, да ко всему прочему воевода знал, что на самом деле Ромашка пошла за его сыном. И это снова характеризовало и ее, и Мирослава не с самой лучшей стороны.

Мирослав скоро заметил, что его мать то и дело тревожно поглядывает на отца. "Вояр, Вояр, что ты..." шепотом говорила она, но воевода лишь раз ответил ей взглядом. Мирослав же сделал вид, будто не слышит и не видит ничего. Спокойно доел, отставил пустую тарелку, поднял глаза на мать.

- Ну, рассказывай, сынок, рассказывай, - попросила Любима. Она, ясное дело, чувствовала, как нарастает напряжение между мужем и сыном, сидящими друг напротив друга за столом, и старалась как-то разрядить обстановку. Да только говорить Мирославу отчего-то не хотелось.

- Мне и рассказать нечего, мама, - ответил он. - Мы разгребали склады, потом перекапывали землю, садили деревья. Вот и все.

- А нам говорили, что городские украли у вас оружие и напали, - покачала головой Любима.

- Было такое. Но это всего несколько человек. Остальные, наоборот, помогали нам.

- Да как же, - проворчал воевода, потом добавил громко. - От городских только и стоит ждать ножа в спину.

- Это не так, - мягко ответил Мирослав. - Среди горожан много хороших людей. Еще в то время, когда я жил в городе, они очень помогли нам с Ромашкой.

- Ну вот, опять, - недовольно произнес воевода. Ему было неприятно даже слышать имя городской девчонки. Но прежде, чем Мирослав успел хоть что-то возразить, Любима вмешалась, попыталась перевести разговор на нейтральную тему.

- А у нас тут все по-старому. Да, я-то недавно, дней пять назад, к тетушке твоей ездила, к Дарине - у нее двойня родилась. Девочки две. До чего пригожие, обе на одно лицо, и обе в матушку. А старший сын ее вроде как жениться надумал, девку себе нашел красивую да работящую. Дарина говорит - рукодельница знатная. Она и сама рада,

что сынок себе такую женку выбрал. Что еще нового? К посевной вот готовимся. Хорошо, что ты вернулся, сынок, вовремя.

Любима замолчала, посмотрела на хмурое лицо сына.

- Ты устал, поди, - заволновалась она. - Может, отдохнешь, поспишь немного?

- Нет, мама. Спасибо. Я не устал.

Он все еще сидел за столом. Чувствовал - не хочет мать его пока от себя отпускать. Соскучилась ведь - почитай, полгода сына не видела, ну или около того. Глядит - не наглядится. И причитает тихонько, едва слышно, заботливым, материнским взглядом ощупывая его осунувшееся лицо и худощавую фигуру. Молоко перед ним поставила - парное, с первыми петухами надоенное - специально, для сыночка любимого. Мирослав сделал глоток из кружки и вытер губы - тяжелый взгляд отца не давал покоя.

- А Людмила, соседки нашей дочка, заходила давеча, о тебе спрашивала, - вдруг, словно вспомнив о чем-то, сказала мать. - Она-то едва ли не каждый день узнавала, нет ли новостей. Я ей сказала, что старейшина велел вас сегодня ждать, так что, может, зайдет поздороваться.

Мирослав кивнул, скорее в знак того, что услышал, но матери того показалось мало.

- Хорошая девушка эта Людмила, добрая, заботливая, да рукодельница какая. Ты подумай, Мирослав, подумай. Может, и посватаешься...

Ответить Мирослав не успел.

- Да не будет он думать, - раздался голос отца. - Видала же, с кем он ходит по вечерам? С городской девчонкой, которую летом с собой привел. Может, ты еще и посвататься к ней решил, да жениться без родительского благословения? Да только вряд ли теперь это у тебя получится.

Метнув взгляд на отца, Мирослав снова посмотрел на мать. Та покачала головой, вздохнула и произнесла:

- Не дождалась тебя Ромашка.

Парное молоко в кружке медленно остывало, а пальцы Мирослава все еще охватывали обожженную глину с разноцветным узором по ободку. Под пристальным взглядом сына Любима поспешно объяснила:

- Как войско из похода вернулось, так в дом их Сивер роднянский и зачастил. Недели не проходит, чтобы его на пороге не видели.

- Значит, по делу, - твердо сказал Мирослав.

- Ох, не знаю, не знаю. Звана-то его не спроста привечает, на чай приглашает да угощает - видно, присматривается, как к будущему зятю. Да и с самого возвращения ни разу Ромашка твоя не зашла, не спросила - как дела, какие новости. А Людмила-то заходила, волновалась. Видно сразу, любит тебя, по-настоящему любит. А городская - ну что с нее возьмешь! У них ведь и воспитание другое, и...

- Не надо, мама, - перебил ее сын.

- Что ты, Любима, ему говоришь! Разве ж ему понять, - вмешался воевода. - Не видишь что ли, сын наш уж и уважать себя перестал, да и семью свою, родителей своих ни во что не ставит. Слова твои ему в одно ухо влетают, в другое... Видать, совсем забыл, с кем мы век назад воевали, да и этой зимой чьи города разрушали. Забыл? Того и гляди, брататься с врагами начнешь!

Мирослав резко поднял голову и уперся взглядом в жесткое лицо отца. И медленно, без спешки, поднялся из-за стола. Виски его горели, но лицо оставалось спокойным, только в глазах появилось что-то новое, сразу же воеводе не понравившееся. "За что, отец? За что называешь меня предателем?" Вслух Мирослав этого так и не спросил - просто смотрел на отца, в то время как незаслуженная обида жгла изнутри сильнее любого пламени, мешая думать.

- Ох, ну что ж это такое, - горестно всплеснула руками Любима. - Вояр, что же ты... Мирослав!

Она подошла к сыну, обняла его за плечи, пытаясь вновь усадить на лавку, да только Мирослав остался стоять.

- Молчишь? - грозно спросил воевода.

Под его строгим, осуждающим взглядом сын подошел к двери, наклонился, поднял дорожную сумку и, закинув на плечо, вышел, бросив напоследок виноватый взгляд на Любиму, замершую с широко распахнутыми глазами, не на шутку перепуганную и едва не плачущую. Кружка с теплым, парным молоком, так и не выпитым даже наполовину, осталась стоять на столе.

Солнце уже поднялось достаточно высоко, и на каждом подворье можно было заметить кого-то из поселян. Мирослав шел, хмурясь и

глядя себе под ноги. Сейчас он не пытался разобраться в том, что именно заставило отца бросить ему в лицо подобные обвинения - для этого надо было хоть немного остыть, успокоиться, а сейчас... Сейчас Мирослав чувствовал себя так, будто его изваляли в грязи, и ощущение это заставляло самым постыдным образом прятать глаза, потому что скрыть бушевавшее внутри пламя он был бессилен. Одновременно он пытался запретить себе обижаться на отца, да только не слишком в этом преуспел.

Сперва в голове мелькнула мысль зайти к Туру, но Мирослав отогнал ее тут же - рано еще по гостям ходить. Да и Ромашка, вполне вероятно, спит еще, хотя... Помнится, она вставала, как и все поселяне, с петухами: не раз ведь, выходя с утра на укрытую росой траву, видел он ее светлую фигурку у колодца.

Пройдя по улице, Мирослав свернул на тропинку, ведущую в горы.

"Не дождалась тебя Ромашка..."

"Того и гляди, брататься с врагами начнешь!"

Ноги шли быстро, стремительно уносили его от поселка, так, словно их хозяин ожидал погони. На вершину Мирослав взошел почти бегом и остановился у края каменистого выступа, глядя на домики в долине, широкую ленту реки, серое облако леса. Отыскав взглядом родной дом на берегу, Мирослав усмехнулся горько: "Что ж это я, как дитя малое, из дому сбежал... Глупо ведь". Скинув сумку на землю, Мирослав опустился на корточки, глубоко вздохнул, пытаясь усмирить кувыркавшийся в груди комочек боли.

Как и раньше, он пытался понять отца, в который раз говорил себе: "Значит, заслужил. Значит, дал повод так о себе думать". Да только сегодня подобные размышления обрывались, вспыхивая по-детски наивным вопросом: "За что?" Но ответа на этот вопрос тоже не находилось. Анализируя собственные поступки с того самого момента, как заявил на Совете о своем несогласии с планом уничтожения городов, Мирослав, как ни старался, не находил ничего предосудительного в своих действиях. Но не мог ведь отец просто так обвинить его сначала в трусости, потом в предательстве? Значит, была за ним какая-то вина, какой-то проступок...

Хорошо, что теплый тулуп, в котором теперь было жарко, лежал, свернутый, в дорожной сумке, достаточно для этого вместительной.

Мирослав вынул его, постелил на холодный камень и сел, опершись локтями о колени и положив подбородок на сложенные руки. Ветра, трепавшего его светлые с густой проседью волосы, Мирослав не замечал. Какое-то гадкое ощущение наползало на душу... Виноват ведь, и перед матерью виноват, что вот так, не успел поздороваться - и ушел, и перед отцом виноват: узнают люди, что сын из дома ушел, толки начнутся разные, разговоры.

"Да и с самого возвращения ни разу Ромашка твоя не зашла, не спросила - как дела, какие новости".

Мирослав лег на спину, глядя, как в светлом небе, где-то очень-очень высоко, бегут облака. "Зачем же ты так, мама..."

"Не видишь что ли, сын наш уж и уважать себя перестал, да и семью свою, родителей своих ни во что не ставит".

Он снова поднялся сел, подобрал с земли камешек и, с силой размахнувшись, бросил его вниз, с обрыва. Камешек несколько раз подпрыгнул на больших валунах, потом покатился по склону. Рука Мирослава нащупала новый камень, но вместо того, чтобы отправить его вслед за предыдущим, Мирослав сжал его в кулаке, сжал изо всех сил, так, что острые грани впились в ладонь.

"В Родень пойду. К наставнику. Вот только к Туру зайду да Ромашку повидаю..."

Мирослав спустился в поселок, когда время давно перевалило за полдень, и направился сразу к дому своего друга. Только взошел на крыльцо и уже занес руку, чтобы постучать, как услышал радостный бас прямо за спиной:

- Мирослав! Вернулся!

Он едва успел обернуться, как оказался в крепких объятиях рыжего великана.

- А мы и не знали! Это ж надо!

Хлопнув друга по плечу, Тур отворил дверь.

- Ой, Мирослав! - всплеснула руками тетушка Звана, возившаяся у печи. - Когда ж это ты вернулся? Сегодня, что ли?

- Здравствуйте, тетушка Звана, - улыбнулся Мирослав. - Да, вернулся сегодня.

- Насовсем хоть? - лукаво поинтересовалась мать Тура.

- На этот раз - да, насовсем.

- Дома-то был? - осторожно спросила тетушка Звана, покосившись на дорожную сумку, что все еще висела у него на плече.

- Был, а как же. Я ведь утром вернулся, рано. Первым делом к родителям пошел. Теперь вот решил и к вам заглянуть.

Брови женщины взметнулись вверх, но недоумения своего по поводу собранной дорожной сумки за плечами гостя она не высказала вслух.

- Ну что ж ты стоишь? Садись, садись к столу. Ты обедал? Может, покормить тебя?

- Обедал, - ответил Мирослав, отмечая про себя, что теперь уже и врет почти без зазрения совести.

- Ну хоть от чая с ватрушками не откажешься, а? Ватрушки свежие, а чай-то душистый, на смородиновых листьях заваренный!

- Не откажусь...

Мирослав сел за стол. Не раз до этого принимая угощение в доме Тура, сегодня он впервые отчего-то ощущал неловкость. К тому же Ромашки все не было видно. Дверь в ее комнату приоткрыта, но там темно и тихо... Мирослав рассеянно огляделся, потом, рассудив, что девушка наверняка гуляет где-то с подружками, решил пока о ней не спрашивать.

Вскоре, словно муха на варенье, прилетел на запах свежих ватрушек маленький Димка, поздоровался с Мирославом и, усевшись за стол, тут же засыпал гостя вопросами о приморском городе. Мирослав отвечал на вопросы Димки, Тура и тетушки Званы, рассказывал о том, как ходили к хуторянам, как садили деревья вместе с городскими... долго рассказывал. Да только, когда в окошках стало темнеть, уже не сдержался и спросил:

- А где же Ромашка? Поздно ведь...

Тур удивленно выпучил глаза и тут же звонко хлопнул себя по лбу.

- Так ведь нету ее! В Родень уехала, к Любомире.

На секунду Мирослав почувствовал разочарование оттого, что сегодня девушку не увидит, но вспомнил о том, что собрался в Родень идти и даже улыбнулся: "Ничего, значит завтра увижу".

- И давно уехала? - поинтересовался он.

- Да уже недели две, а то и больше, - тетушка Звана налила в свою кружку еще немного кипятка, осторожно подула на воду. - Вон Тур

ездил к ней дней пять назад, проведать да гостинцев передать. Говорит, успехи делает наша Ромашка. Хвалит ее Любомира.

- Понятно, - негромко произнес Мирослав.

- Нам-то, помнишь, Любомира сказала, чтобы я после посевной Ромашку привез, - сказал Тур, доливая кипятку и себе. - Но передумала почему-то, Сивера за нею прислала. Вот он и передал, что Любомира Ромашку к себе ждет, а на другой день я сам ее и отвез.

Мирослав посидел еще немного, потом, спохватившись, что время уже позднее, засобирался. На поселок опускались первые сумерки, когда Мирослав попрощался с Туром на крыльце его дома и, как обычно, пошел по дороге вниз, к реке. Он не знал, был ли отец сейчас дома, и потому очень надеялся, что мать выйдет за чем-нибудь во двор: встречаться с отцом совершенно не хотелось. Но во дворе никого не оказалось, потому Мирослав, второй раз за сегодня, постучал в дверь родного дома словно гость.

И ему снова открыла мать, радостно вздохнула, увидев сына на пороге, но тут же улыбка, появившаяся было на ее красивом лице, погасла.

- Я в Родень пойду, мама. Ты не волнуйся. Наставник меня примет.

- Как в Родень? Зачем? - всплеснула руками женщина. Она быстро оглянулась туда, вглубь помещения, где Мирослав уже заметил воеводу. Вояр смотрел хмуро, но не подходил. Любима вновь поглядела на сына, отчаянно всматриваясь в его лицо, и все больше уверяясь, что это правда, и Мирослав действительно уходит.

- Что же ты, - прошептала она и замолчала. Потом вышла вместе с ним на крыльцо, закрыв за собой дверь в дом. Мирослав стоял перед нею, опустив голову, готовый к любым упрекам. Любима не стала уговаривать его остаться, не стала попрекать тем, что только вот вернулся - и снова оставляет мать.

- Тебя в дорогу собрать? - спросила она.

- Не надо, мама. У меня все есть, - Мирослав поправил ремешок сумки. - Я пойду.

Любима не сразу отпустила сына - шагнула ближе, обхватила ладонями его лицо, наклонила к себе и поцеловала, прощаясь. И потом

долго смотрела ему вслед, стоя на крыльце, смахивая платком то и дело появляющиеся на глазах слезы.

Глава 35

Несмотря на то, что накануне он не выспался, этой ночью невеселые мысли надежно отгоняли сон, и поэтому Мирослав довольно бодро зашагал по темной дороге через шуршащий голыми ветвями лес. С деревьев кричали ночные птицы, что-то шелестело в прошлогодней листве. До слуха доносился мелодичный напев Родны. Дорога на некоторое время отдалялась от реки, но потом Родна поворачивала на восток, и вскоре Мирослав снова шел по берегу, то и дело поглядывая, как в водной глади отражается луна. Шел он быстро, надеясь поспеть в Родень к утру, хотя спешить, в принципе, ему было некуда - наставник ведь не ждал его. Но зато утром, возможно, удастся Ромашку увидеть перед тем, как у нее начнутся занятия.

Ночью стало холодно, но Мирослав, быстро шагающий по дороге, этого не заметил. Ближе к рассвету он прошел поворот на Лесичанск, а вскоре услышал крики петухов, мычание коров, а потом и громкие голоса людей - звуки большого поселения, которое просыпается, готовится к началу нового дня. Когда солнце уже поднялось над лесом, Мирослав наконец увидел за расступившимся лесом огороды да бревенчатые избы. Он вышел на утоптанную улочку и направился к площади, вокруг которой стояли дома мудрейших и старейшин.

Широкая, вместительная конюшня находилась неподалеку от главной площади. Мирослав как раз проходил мимо, но остановился и прислушался - ему почудился знакомый голос. Сначала было тихо, но Мирослав подошел ближе и вскоре услышал возмущенный возглас:

- А-ну, пусти, кому говорят!

Голос Ромашки Мирослав узнал сразу и успел встревожиться еще до того, как до его слуха долетел как всегда грубоватый ответ Сивера:

- Куда я тебя, дуру, пущу! Ты и в седле-то едва держишься, а тут вон что выдумала!

- Ничего подобного. Нормально я держусь, небось, не выпаду! И гнать не буду, честное слово.

- А все равно одна ты не поедешь.

Догадавшись, о чем спор, Мирослав улыбнулся и пошел вдоль сложенной из бревен стены ко входу.

- Поеду! - упрямо заявила девушка.

Сивер на этот раз не ответил.

- Ну, тогда поехали вместе. Тетушка Звана тебе будет рада, - продолжала уговаривать Ромашка, на что ее собеседник лишь фыркнул:

- Вот еще!

Мирослав остановился у дверей. Ромашка стояла к нему спиной, держа под уздцы пегую лошадку, Сивер же хмурой тучей находился рядом, и рука его тоже держала уздечку, не позволяя Ромашке увести лошадь. Взгляд ярко-голубых глаз из-под темных бровей Сивера буравил лицо девушки, и, надо полагать, Ромашка отвечала ему не менее упрямым взглядом.

- Пешком пойду! - сказала вдруг Ромашка, бросила уздечку и резко повернулась. И даже успела сделать пару шагов, прежде чем удивленно замерла, глядя на знакомую фигуру, появившуюся в дверном проеме.

- Ой, - вырвалось у девушки. Она моргнула, словно проверяя - не обманывают ли ее глаза, потом резко сорвалась с места и бросилась к Мирославу с явным намерением обнять, да только передумала и остановилась перед ним, глядя счастливыми глазами и радостно улыбаясь.

- Здравствуй, Ромашка.

Девушка прищурилась, потому что из-за спины Мирослава светило солнце, неловко переступила с ноги на ногу, и по щекам ее поползли две сияющие капельки. Она словно качнулась вперед, и Мирослав сделал шаг навстречу, принимая девушку в объятия.

- Ромашка, ты чего? - тихонько спросил он.

Девушка не сразу смогла ответить.

- Я так по тебе соскучилась, - призналась она.

- Я тоже, - шепотом ответил Мирослав.

Голоса на улице стали громче, Родень просыпался, люди выходили к площади, кто-то направлялся в конюшню. Мирослав медленно отпустил Ромашку, смущенно замершую перед ним с опущенной головой. Ее пепельного цвета волосы были сплетены в

коротенькую косичку, а отдельные выбившиеся пряди легонько покачивались у висков.

- С добрым утром! - прокричал кто-то с улицы.

Обернувшись, Мирослав точно так же поприветствовал мужчину в темно-красной телогрейке, что направился к стойлам мимо хмурого Сивера. Все это время Сивер, не глядя на Ромашку и Мирослава, расчесывал пальцами светлую гриву пегой лошадки.

- Здравствуй, Сивер, - громко поздоровался Мирослав, а потом сказал Ромашке: - Пойдем...

Девушка вышла вместе с ним на залитую светом улицу. Мирослав приметил неподалеку от стен конюшни лавочку и направился туда. Все-таки он шел без остановки всю ночь и успел не только устать - его немного клонило в сон. Опустившись на лавку, Мирослав скинул на землю свою сумку и теперь неотрывно смотрел на девушку, которая сегодня отчего-то особенно смущалась под его взглядом. "Раньше такого не было" - отметил про себя Мирослав.

- Ну и куда же ты собиралась в такую рань? - с улыбкой спросил он.

- Я... я в Вестовое хотела. Вчера в Родень вернулись те, кто с тобою в городе оставался. Вот я и подумала... Я ночью ехать побоялась, думала с утра.

Мирослав лишь головой покачал.

- Эх, Ромашка, Ромашка... Надо будет Сивера поблагодарить, что не отпустил тебя.

Наверняка Ромашка была с ним не согласна, но вместо того, чтобы возражать, спросила:

- А ты как сюда добрался?

- Пешком.

- Пешком? - удивилась девушка. - Так ты всю ночь шел?

Мирослав кивнул.

- Устал, наверное...

- Ничего. Сейчас вот с наставником переговорю, а после и отдохну немного.

Мужчина в красной телогрейке вывел из конюшни красавца-гнедого, вскочил в седло, и, махнув рукой Мирославу, тронул пятками бока жеребца. Гнедой неторопливо зарысил по дороге.

- Когда у тебя занятия начинаются? Не опоздаешь? - спросил Мирослав.

- Не опоздаю, - ответила Ромашка. - У меня еще минут десять есть, так что успею...

- Неужели ты, Ромашка, собиралась в Вестовое, не предупредив Любомиру?

- Конечно, нет! - возмутилась девушка. - Я записку оставила... Ой! - Ромашка вскочила с лавки, подняла к лицу руки. - Я совсем забыла! Ведь записка-то на видном месте, если Любомира ее прочтет...

Мирослав протянул руку и легонько сжал пальцы, на миг коснувшиеся его ладони.

- Ты беги. После занятий встретимся. Ты ведь у Любомиры живешь, да? Я зайду. Беги.

Улыбнувшись ему напоследок, Ромашка быстро побежала по улице. Короткая косичка раскачивалась, словно маятник. Вскоре девушка повернула и скрылась из виду, а Мирослав еще некоторое время с улыбкой смотрел ей вслед, потом поднялся, подхватил сумку и пошел в ту же сторону. На полдороги его нагнал Сивер. Он никак не заявил о своем присутствии - Мирослав просто услышал, что Сивер роднянский идет рядом.

- Спасибо тебе, Сивер, что Ромашку не отпустил, - сказал Мирослав.

- Не за что, - буркнул Сивер. - Не хватало еще, чтобы она себе шею свернула.

Двухэтажный бревенчатый дом, в котором старейший занимался со своими учениками, возвышался за площадью. Практически напротив него можно было увидеть избу с резным крылечком - именно там сейчас находилась Ромашка. "Надеюсь, Любомира не слишком на нее рассердилась, - подумал Мирослав, хорошо представляя себе, какова будет реакция мудрейшей на Ромашкину записку. - Может, Ромашка все-таки успела свою записку спрятать".

Голос Сивера отвлек его от размышлений:

- А ты чего приехал? Вроде наставник тебя не вызывал.

Ни отвечать правду, ни врать Мирослав не захотел, потому он лишь пожал плечами.

Наставник принял его радушно и тут же отправил завтракать. Правда, потом пришлось рассказать ему обо всем, но долго расспрашивать своего ученика старейший не стал. После разговора Мирослав устроился на деревянном полу в комнатке второго этажа, где обычно ночевал, приезжая в Родень, подложил под голову свернутый тулуп и закрыл глаза.

Проснулся он, когда лучи заходящего солнца окрасили пол в малиновые тона. Мирослав не сразу понял, где он и почему, хотя обычно ему не требовалось времени, чтобы собраться с мыслями после сна. Вспомнив обо всем, что произошло за последние двое суток, он нахмурился, потер ладонью лоб, потом встал, пригладил руками волосы, потуже затянув на них кожаный ремешок. "Ромашка ждет" - подумалось ему. Мирослав выглянул в окно - за лугом начинался лес, где-то далеко-далеко поднимались вершины гор, за которые медленно прятался раскаленный солнечный диск. Сообразив, что проспал целый день, Мирослав покинул комнату, быстро спустился вниз, умылся и вышел на улицу.

Девушка и правда его ждала. Она сидела у крыльца дома Любомиры, но лишь заметила его - тут же встала и улыбнулась. Одета Ромашка была в теплую свитку с длинным рукавом поверх платья, из-под подола выглядывали ножки в шерстяных чулочках и сшитых Туром мягких туфельках. Мирослав сразу заметил, что девушка что-то прячет в кулачке, но спрашивать не стал.

Ромашка пошла ему навстречу. Остальные ученицы Любомиры - четыре молоденькие девушки - с любопытством смотрели ей вслед.

- Ну как, не ругала тебя Любомира? - спросил Мирослав, когда девушка подошла ближе.

Ромашка отрицательно покачала головой и тихо сказала:

- Пойдем.

Полноводная Родна поблескивала в закатных лучах, когда Мирослав с Ромашкой вышли на ее лесистый берег и присели на широкий ствол поваленного дерева, спрятавшись за пригорком от прохладного вечернего ветерка. Сначала оба молчали, потом Ромашка спросила:

- Что там, в городе?

Мирослав уже несколько раз рассказывал о том, что происходило после ухода армии Бравлина, но для Ромашки его рассказ был действительно важен, потому он снова начал рассказывать о хуторянах, о посадке деревьев, о том, как помогали городские...

- Мирослав, - вдруг тихо перебила его Ромашка. - Скажи, у тебя что-то случилось?

Его брови удивленно взметнулись вверх, потом нахмурились.

- Ты, если не хочешь, не говори, - поспешно добавила девушка.

- С отцом не поладил, - сказал Мирослав. Помолчал немного и предложил: - Ты лучше расскажи, Ромашка, как обучение твое идет.

- Туговато идет, - улыбнулась девушка, радуясь возможности отвлечь Мирослава от невеселых мыслей. - Правда, Любомира меня хвалит, но результаты у меня не ахти какие.

- Просто так мудрейшая хвалить не будет, - возразил Мирослав.

Девушка пожала плечами.

- Наверное...

- Ты даже не сомневайся, Ромашка, - уверил ее Мирослав. - Раз хвалит, значит, есть за что.

Ромашка хмыкнула недоверчиво, но слова Мирослава все же придали ей уверенности.

- Тебе ведь и так многому пришлось учиться.

- Это верно, - девушка вдруг тихонько засмеялась. - Ты знаешь, - сказала она, - я раньше просто в ужасе была от того, сколькому мне надо будет научиться. Я имею в виду не у Любомиры, а вообще. У вас вон каждая девушка с детства учится шить и вышивать, еду готовить, а я... Телефон починить - пожалуйста, проводку поменять - пожалуйста, контакты на микросхеме перепаять - тоже пожалуйста. На мастера-то денег не было... А тут все, что я умею, оказалось бесполезно, абсолютно бесполезно. Но, честно говоря, я даже рада, что так получилось. Разве я могла когда-нибудь подумать, что сама смогу сшить себе одежду или...

Ромашка замолчала, потом протянула Мирославу руку, и на ладони ее он увидел вышитую ленточку, которую до того девушка прятала в кулачке.

- Это тебе.

Мирослав медленно и осторожно поднял ленточку с ее ладони, внимательно посмотрел на узор. Ромашка напряженно ждала, что же

он скажет - понравится ему подарок или нет, но Мирослав молча смотрел на вышитую полоску ткани, потом поднял руки и, пропустив ленту под стянутыми ремнем волосами, завязал узелком. И лишь потом произнес каким-то странным голосом, будто говорить ему было трудно:

- Спасибо.

Они еще долго сидели молча на бревне, и Ромашка все гадала, понравился Мирославу ее подарок или нет. Конечно, он был очень скромным - подумаешь, всего-то ленточка для волос, пусть даже вышитая не простыми знаками, а оберегами. "Наверное, все-таки понравился" - подумала Ромашка, когда Мирослав поднял руку и прикоснулся к ленточке, словно проверяя, крепко ли завязал.

Глава 36

Размеренные весенние дни, согретые лучами яркого солнца, были почти полностью заняты учебой. До обеда Ромашка, вместе с остальными ученицами, слушала мудрейшую, и часто занятия эти проходили под открытым небом, посреди зеленеющего луга или в лесу. После, когда наступал ее черед, девушка беседовала с Любомирой наедине, задавая ей все новые и новые вопросы. Во второй половине дня Ромашка занималась сама, в одиночестве, и только к вечеру выходила во двор и привычно искала глазами Мирослава. Чаще всего он ждал ее, стоя под раскидистой старой яблоней, на которой из набухших почек уже показались нежные краюшки молодых листочков. Они встречались и шли вместе к реке, долго ходили по берегу, и Ромашка все рассказывала о своем обучении, а Мирослав - о городах. Его наставник получал новости со всех городов, и потому Мирославу каждый день было что рассказать Ромашке. Вышитая девушкой ленточка теперь постоянно красовалась в его волосах, заменив кожаный ремешок. Каждый раз, замечая эту ленточку, Ромашка чувствовала, как теплая волна согревает ей сердце.

Частенько выдавалась у нее свободная минутка и днем, тогда Ромашка выходила на широкое крыльцо, садилась на ступеньку в окружении остальных учениц, которые были все младше самой Ромашки, и рассказывала им о городе, о музее, о походе. На занятиях Ромашка чувствовала их превосходство над собой, но вот когда девушки усаживались в круг и смотрели на нее внимательно, приоткрывая рты, бывшая жительница города в кои-то веки ощущала, что может кое в чем дать фору поселянкам. Иногда во время этих минут отдыха видела Ромашка и Сивера. Он редко здоровался вслух, проходя мимо дома Любомиры, только кивал издалека, едва заметно, но пару раз останавливался, прислушивался.

Однажды утром в Родень прибыли корабли из Камы. По такому случаю занятия были отменены, и все ученицы Любомиры выбежали на берег. Не подходя близко, туда, где встречали гостей старейшины,

они смотрели издалека на высокие расписные борта, на белые паруса, с которых сияло нарисованное на ткани лучистое солнце. В обед Любомира отпустила девушек погулять, и те снова оказались на берегу.

Гости из Камы не все находились в домах у старейшин, некоторые остались на кораблях, кто-то пошел прогуляться по берегам Родны. Молодые парни весело улыбались здешним девушкам, а девушки переговаривались и щебетали, словно согретые весной пичужки, только Ромашка отошла ото всех, присела на бревнышко, кем-то к берегу прикаченное. Оставаясь в стороне от всеобщего веселья, она любовалась камскими кораблями, что словно яркие диковинные птицы присели на воду посреди широкого разлива реки.

А на следующий день Ромашка снова вышла на берег, примостилась на том же бревнышке, и, разложив на коленях берестяной лист, принялась рисовать. То, что у нее получалось, девушке не нравилось совершенно - вместо того, чтобы походить на птиц, корабли на ее бледном наброске выглядели совершенно неживыми, и даже какими-то ненастоящими. Но Любомира наказала зазря бересту не расходовать, а потому девушка сосредоточенно пыталась как-то исправить собственную работу прежде, чем попробовать разукрасить, и не сразу заметила, что за нею наблюдают. Когда же все-таки Ромашка обернулась, то увидела, что через ее плечо заглядывает черноволосый Сивер. И вздохнула - ей рисунок не нравился, и показывать она его вовсе никому не собиралась.

- Что-то не получается, - извиняющимся тоном сказала девушка.

Сивер пожал плечами, посмотрел на корабли, потом снова на Ромашкин рисунок, и заключил:

- Неплохо.

Девушка недоверчиво усмехнулась.

- А мне не нравится, - заявила она.

Сивер задумался, провел пятерней по и без того взлохмаченным волосам, потом осторожно протянул руку.

- Вот тут бы подправить немного, - сказал он, очерчивая пальцем линию борта. - Изгиб не тот.

- Верно, - согласилась Ромашка. Она поспешила сделать так, как посоветовал Сивер - вроде стало лучше.

- Спасибо, - поблагодарила девушка. Она еще какое-то время осторожно подтирала неверные линии, рисовала новые, пачкая пальцы черным угольком, после взялась разукрашивать. Сивер сидел на корточках рядом, глядя, как она рисует, потом ушел. Когда - Ромашка не заметила, занятая своим делом.

Гости не задержались надолго и через пару дней покинули Родень, но Ромашка все еще непроизвольно улыбалась, вспоминая, как развернулись широкие крылья парусов, как плывущей стаей скрылись за излучиной диковинные камские корабли. Теперь о них напоминал лишь рисунок, лежащий у Ромашки на столе и являющийся предметом восхищения всех учениц Любомиры. Сама наставница его тоже похвалила, указав, однако, некоторые ошибки и оплошности, допущенные юной художницей.

А еще к Любомире в обучение прислали двух сестричек-близняшек. После обеда девушки все вместе вышли во двор и уселись под старой яблоней, но на этот раз не слушать Ромашкины рассказы, а знакомиться с новенькими. Они весело щебетали, но вдруг одна из новеньких примолкла, удивленно и даже слегка испуганно уставившись на хмурого дядьку, остановившегося неподалеку. Ромашка же не испугалась, наоборот - обрадовалась и даже подошла к нему.

- Здравствуй, Сивер, - сказала она.

Сивер тоже поздоровался и тут же спросил:

- Дорисовала?

Девушка кивнула.

- Покажи.

Ромашка убежала в дом, и меньше чем через минуту вынесла рисунок. Лицо Сивера было непроницаемо, потому девушка не смогла бы понять, нравится ему или нет, если бы в конце концов Сивер не подытожил свои размышления:

- Красиво.

Вечером же Ромашка показала свой рисунок Мирославу. Днем Мирослав не приходил - сын воеводы теперь так же усиленно занимался с наставником, наверстывая упущенное время, которое провел в походах, - потому видела его девушка только по вечерам, но зато каждый день, без исключения.

За неделю до начала посевной все готовились к традиционному празднику, на который в назначенный день собиралась под присмотром старших молодежь из близлежащих поселков в Долину Ручьев. На покрытых свежей травой лугах зацветали одуванчики, маленькими солнышками радуя глаз. Скоро, очень скоро эти солнышки букетиками нарвут молодые девушки и сплетут венки, которые подарят парням - тому, кто приглянется больше всех. И уж если венок будет принят, то вполне возможно, что скоро к родителям девушки пожалуют сваты. Ромашка об этом празднике лишь мельком слышала, но передумать успела много - и как венок сплетет, и как Мирославу подарит... Хотя последнее пугало девушку несказанно - это ведь все равно что подойти и первой в любви признаться! Но разве не знает о ней Мирослав всего с того самого момента, как теплым летним вечером на берегу Родны Тур объяснил ему, почему Ромашка отказалась стать его, Мирослава, сестрой? Знает. А только если вдруг венок принять не захочет, значит, рухнут все надежды Ромашки, исчезнут, словно смытые прибойной волной следы на песке.

В один из ярких весенних дней они встретились под яблоней, так же, как и обычно, и направились к реке.

- Меня Любомира домой отпускает, - сказала Ромашка. - Говорит, через три дня праздник, и лучше мне вернуться в Вестовое, подготовиться, да тетушке Зване помочь. Так что утром я уеду. У соседки Любомиры гостит старшая дочь с семьей. Завтра они домой поедут, в Долину Ручьев, заодно и меня подвезут.

Серые глаза Ромашки вопросительно посмотрели на Мирослава:

- А ты с нами поедешь?

- Нет, Ромашка, я попозже буду.

Девушка нахмурилась - ей оставалось лишь надеяться, что он все-таки приедет. Хотя, возможно Мирослав не хочет встречаться с отцом? Может, они настолько сильно поссорились? Этого Ромашка не знала, как не знала и всех подробностей отношений воеводы с сыном. Когда-то Мирослав сказал, что отец считает его трусом, и Ромашка никогда бы не решилась расспросить Мирослава хотя бы почему. Правда, как ей казалось, Мирослав и сам этого не знал.

Наутро Ромашка быстро попрощалась с Любомирой, с ученицами мудрейшей и села в повозку Люта и Веры из Долины Ручьев, где,

кроме мужа с женой, находилось еще двое маленьких темноволосых мальчиков. Вскоре повозка неторопливо покатила по дороге вдоль реки, оставляя позади и Родень, и Мирослава, вышедшего проводить девушку. "И снова мы даже не простились как следует, - думала Ромашка, и тут же утешала себя: - Так ведь это всего на несколько дней. Даже меньше". Но зная, что жизнь часто бывает непредсказуема, Ромашка почему-то вновь ожидала подвоха.

В последние дни у Мирослава действительно было много дел - наставник поручил ему приглядывать за новыми учениками, помогать им, и Мирослав полностью отдавался этому занятию. К тому же с наступлением тепла надо было подправить крышу и стены двухэтажного дома для занятий, резьбу над крыльцом, подновить краску на ставнях, с которых улыбалось искусно вырезанное, подкрашенное красным и желтым, лучистое солнце. Всем этим занимались сейчас в основном Мирослав и Сивер: первый был здесь вынужденным гостем, которому в настоящий момент больше некуда было податься, второй жил тут постоянно - другого дома у Сивера пока не было.

Накануне праздника, на который жители Вестового и многие роднянцы собирались отправиться в Долину Ручьев, Сивер нашел Мирослава во дворе - сын воеводы подкрашивал ставни. Сейчас он как раз засунул за ухо тонкую кисточку с красной краской на ворсе, а широкой зарисовывал солнечный диск ярким желтым цветом.

- Ты домой-то собираешься? - угрюмо поинтересовался Сивер.

Мирослав оглянулся и улыбнулся. Видимо, настроение у него было хорошее.

- Собираюсь.

- А на праздник?

- И на праздник.

Мирослав вынул из-за уха кисть и аккуратно обвел круг тонкой красной полосой.

- А ты? - спросил он, снова оборачиваясь к Сиверу.

Сивер повел плечами и сел на лавку неподалеку. Сегодня он чистил и натачивал лопаты, плуги да бороны, что находились в хозяйстве у старейшего, и вроде не устал, а настроение отчего-то было совсем никудышнее.

- Я тут останусь, - ответил Сивер. - А ты езжай лучше сейчас, а-то еще разберут всех лошадей - как потом доберешься?

- Я уже договорился - подвезут, - ответил Мирослав.

- Смотри, - хмыкнул Сивер. Поглядел в яркое, теплое небо и почувствовал, что эта радостная голубизна в белоснежных пушинках облачков необъяснимым образом его раздражает. Как и довольная улыбка на безмятежном лице собеседника.

- Завтра, значит, поедешь? - глухо протянул Сивер и зачем-то озвучил вдруг пришедшую ему в голову мысль: - Снова-таки с отцом не поладил...

Мирослав обернулся и внимательно посмотрел на Сивера вмиг посерьезневшими глазами. "Ну, ясно ведь, не мое это дело, - Сивер поморщился, недовольный самим собой. - Чего, спрашивается, лезу?" А его собеседник отвернулся и вновь принялся разукрашивать солнце на ставнях, да только уже без прежнего энтузиазма.

- Почему ты так решил? - спросил он.

- Как сказать, - Сивер пожал плечами. Он отчего-то ощущал себя виноватым, и только потому соизволил дать ответ: - Дома ведь давно не был, а как вернулся - так на следующий же день сюда пришел. И больше домой не ездил.

Ответ был принят. Мирослав кивнул, давая понять, что услышал слова Сивера, провел последнюю полосу красной кистью и, подхватив баночки с красками, ушел.

"Теперь, небось, будет думать, кто еще кроме меня догадывается, почему это сын воеводы домой не спешит, а постоянно в Родне находится, - вздохнул Сивер, глядя вслед своему вроде бы недругу с непонятным сожалением. - Ну да на этот счет ему волноваться не стоит - не все ведь таки проницательные, как, например, я. Остальные-то решили, что он тут из-за Ромашки".

Сивер тоже поднялся с лавки и пошел в дом. У него было чем заняться до захода солнца - вот уже несколько дней Сивер в свободное время делал корабль. Нет, конечно же, не настоящий, не такой, на котором можно плавать самому, а небольшую - всего-то в локоть длиной, - но искусно выполненную копию самого красивого из камских кораблей. С чего бы это ему понадобилось делать подобную совершенно бесполезную - разве что ребятне подарить - вещь? На этот вопрос Сивер и сам не мог, а вернее не хотел отвечать. Корабль был

уже почти готов - только вот завершить резьбу на корме да мачту поставить и парус... На парусе, наверное, лучше всего солнце нарисовать, но вот как раз рисовать Сивер не умел. "Ничего. Солнце она и сама нарисует" - мелькнула мысль, и рука с резцом на мгновение замерла. Сивер вздохнул - все-таки приходилось признаться хотя бы самому себе, что с самого начала он собирался этот корабль подарить. И не кому-нибудь, а городской Ромашке, которая до недавнего времени вообще не видела кораблей.

Мирослав вошел без стука - в доме наставника не принято было стучать в дверь - и тут же уставился на деревянный кораблик. Улыбнулся.

- Тебя наставник к себе зовет, - сказал он.

Чувствуя, как подступает волной раздражение на так некстати появившегося Мирослава, Сивер встал и подошел к двери. Теперь ему оставалось только надеяться, что Мирослав не спросит, для кого он мастерит эту игрушку - такие вещи для себя обычно не делают, только на подарок. Мирослав и не спросил.

Привычка вставать вместе с солнцем у многих поселян вырабатывалась с раннего детства. Вот так и Мирослав открыл глаза, едва только погасли звезды, и первые солнечные лучи осветили серое небо. Спустился вниз, умылся, потом вернулся в свою комнатку, подхватил дорожную сумку и вышел на двор.

Возле конюшен уже собралось несколько семей, но старый Ветин с сыном, невесткой и внучками уже ждал его у дороги. Запряженные в повозку две рыжие лошадки фыркали и трясли гривами, готовые отправиться в неблизкий путь.

Внучек у старого Ветина было трое. Старшая из них, красивая молодая девушка, изредка смущенно поглядывала на Мирослава и Зоряна, еще одного попутчика. Младшие же - смешливые девчушки со звонкими, как колокольчики весенней капели, голосами, ничуть не стеснялись посторонних мужчин и почти всю дорогу требовали рассказывать им сказки.

- Цыть, малышня! - прикрикивал на них отец и, добродушно улыбаясь, рассказывал Зоряну и Мирославу: - Они нас с женой уже умучили - все просят рассказать им что-нибудь новое, интересное, да

чтобы про страны далекие, про края неведомые. А мы-то и не путешествовали вовсе - разве что от Родня до Дубнянки, да в Каму разок съездили. Я тогда девочек с собой брал - ох им и понравилось! Теперь все мечтают сами по миру поездить, посмотреть, как в других землях люди живут.

Девчушки все не унимались, но после полудня их сморило, и любопытные щебетуньи улеглись рядышком и уснули. Как раз проезжали Вестовое...

Людей в поселке было немного - видимо, все, кто желал попасть на праздник, уже выехали в Долину Ручьев. Мирослав нашел взглядом отчий дом на берегу Родны и долго смотрел - не появился ли во дворе его мать. Но крыльца от дороги видно не было, а возле дома так никто и не показался. "Может, тоже уехали?" - подумал Мирослав. Дом Тура едва-едва было видно за деревьями, но уж тетушка Звана наверняка позаботилась, чтобы ее дети - и родной сын, и приемные - попали в Долину Ручьев как раз к началу празднества. А вот Ветин, кажется, не слишком торопился, и старшая из его внучек начала уже волноваться, тихонько шептала матери что, мол, опоздаем. И хотя по всем прикидкам повозка старого Ветина должна была достигнуть Долины Ручьев как раз ко времени, у Мирослава появилось стойкое предчувствие, что они, и в самом деле, опоздают. Ему-то, в отличие от молоденькой светлокосой девушки, волноваться было бы нечего, если б Мирослав не знал, что Ромашка будет ждать его. Ждать, опасаясь, что он может и не приехать.

Когда послышался негромкий треск и повозку тряхнуло, а потом накренило вбок, Мирослав не слишком удивился. До Гористого было еще минут пять-десять ходу, и он сам вызвался сходить в поселок да принести все, необходимое для починки.

Ветер, колыхавший укрытые молодыми листьями ветви, сегодня улегся, и с самого утра в Долине Ручьев погода стояла ясная, солнечная, воздух был тих, и лишь изредка легкая рябь тревожила широкие разливы. Когда время перевалило за полдень, люди стали собираться поближе к берегу Родны, сложили ветки для костра, вынесли длинные деревянные скамьи да подкатили бревна, чтобы было где присесть. В радостных хлопотах как-то не сразу заметили, что солнце уже приблизилось к горным вершинам, и наступил вечер.

Кто знает, что добавляла в чистую, взятую из ручья воду бабушка-ведунья, да только срезанные под полуденным солнцем яркие желтые одуванчики не потемнели и не закрылись. Девушки разобрали их и, уложив букеты на подолы платьев, сплели каждая по венку. К тому времени уже все парни и молодые неженатые мужчины из ближайших поселков собрались там же, на зеленом берегу в Долине Ручьев, и, изредка переговариваясь и озорно поблескивая глазами, наблюдали за девушками, ждали...

Сердце Ромашки подпрыгивало каждый раз, когда кто-то называл ее по имени - все казалось, что это Мирослав наконец приехал. Но его по-прежнему не было видно, и девушка с каждой минутой все отчаянней надеялась, что вот-вот он появится, и все меньше верила, что надежда эта осуществится. "Может, наставник его из Родня не отпустил? Или в пути задержался? Всякое ведь может случиться" - так уговаривала себя Ромашка, слушая веселую музыку и смех, глядя, как девушки подходят к своим избранникам, скромно потупив глаза, как парни наклоняются, и им на головы опускаются ярко-желтые венки. Некоторые девушки не решаются подойти первыми, и тогда парни сами шутливым тоном просят подарить венок. Чаще всего девушки соглашаются.

- Да приедет он, точно приедет, - успокаивающе пробасил Тур. Он тоже вглядывался в мелькание нарядных вышитых сорочек и девичьих платьев, вглядывался так же внимательно, как и Ромашка. Наверняка волновался.

Веселинка тоже пока никому венка не подарила. "Наверное, ждет кого-то, как и я? Или попросту не решилась?" - гадала Ромашка, пока ее подруга неторопливо приближалась с венком в руках, опустив глаза. "Расстроилась, наверное" - заключила Ромашка, взволнованно глядя на подругу. Та остановилась в шаге от Ромашки и подняла лицо - щеки Веселинки горели, словно их натерли свежим бураком. И смотрела она вовсе не на Ромашку.

- Это тебе, - едва слышно произнесла Веселинка, смущенно глядя на Ромашкиного названного брата.

Тур тоже вдруг покраснел и растерянно замер, уставившись на желтый венчик в девичьих руках. Руки Веселинки дрогнули, и

потрясенная Ромашка поняла, что еще секунда - девушка не выдержит и убежит, решив, что Тур отказался принять ее подарок.

Не говоря ни слова, рыжий великан протянул руки, намереваясь принять венок, но передумал и наклонился. Веселинка удивленно моргнула, словно еще не веря собственным глазам, потом медленно и осторожно опустила венок на голову Тура. И улыбнулась, а когда Тур выпрямился и смущенно ответил на ее улыбку, звонко рассмеялась, и в ее смехе Ромашке послышалось облегчение. Но тут Веселинка снова замолчала, и Ромашка, понимая, что становится третьей лишней, тихонько отошла. Тур и Веселинка все еще молча смотрели друг на друга, когда девушка отвернулась и пошла по мягкой траве туда, где журчала Родна.

- Мирослав!

Мать окликнула его в тот момент, когда Мирослав уже разглядел вдалеке широкую фигуру Тура. Обернувшись, Мирослав увидел спешащую к нему Любиму, позади которой, застенчиво улыбаясь, шла соседская Люда. Отца поблизости видно не было.

- Здравствуй, мама.

- Сынок, здравствуй! Что же ты так поздно? Праздник-то давно начался, вон все уже веселятся.

- В пути у телеги ось надломилась, пришлось ненадолго остановиться, - объяснил Мирослав.

Мать вздохнула и грустно улыбнулась.

- Как ты, сынок. Как живешь?

После того, как сын ответил на все ее вопросы, Любима помолчала немного, глядя на Мирослава, и сказала негромко:

- Как давно я тебя не видела... Может, поговоришь с отцом, а, сынок? Негоже ведь так, поселился в Родне у наставника, словно нет у тебя родного, отчего дома. Сегодня, все-таки, праздник, вдруг и помиритесь.

Мирослав молча покачал головой и оглянулся, снова пытаясь найти глазами Ромашку или хотя бы ее названного брата. На этот раз не получилось.

- Ищешь кого? - спросила мать. Ее проницательный взгляд лучше любых слов мог сказать, что Любима точно знает, кого пытается разглядеть ее сын. А еще Мирослав понял: мать очень надеется, что он

не спросит ее про Ромашку. Отвечать ему не пришлось - звучный девичий голос позвал его по имени:

- Мирослав!

Это Людмила подошла, поздоровалась, потупила на миг ореховые глаза. Венка своего она еще никому не подарила: может ждала, что избранник первым подойдет или попросит... Над этим Мирослав не стал размышлять. Он ответил на приветствие и снова обернулся к матери.

- Я пойду, мама.

- Куда? - растерянно спросила мать. - Мирослав, неужели Ромашку городскую ищешь?

Он кивнул, не заметив, как побелело и вытянулось при этом лицо соседки Люды. Мать не стала его задерживать, только глаза воеводиной жены были теперь совсем печальными.

А Мирослав пошел к реке, туда, где шумно веселилась молодежь, где особенно звонко звучала музыка и песни. Тура он увидел издалека, а рядом с ним - довольную Веселинку: они стояли под раскидистой шелковицей, держась за руки и, кажется, не замечали никого и ничего вокруг. Мирослав не удивился, лишь улыбнулся и подумал, что не будет им мешать, к тому же в поле его зрения как раз попала удаляющаяся вдоль речного берега светлая девичья фигурка. В сумерках невозможно было бы сказать наверняка, кто это, но ни у кого из поселянок не могло быть такой короткой косички.

Прежде, чем Мирослав смог приблизиться и убедиться, что это действительно Ромашка, девушка скрылась из виду за растущими у воды абрикосами. Ее светлое платье мелькнуло и исчезло среди окутанных сумраком ветвей. Мирослав прибавил шагу, и вскоре сам оказался в абрикосовой роще. Он шел тихо, как привык ходить по лесу во время охоты, и наверное потому, когда извилистая тропка вывела его к берегу, стоящая на пригорке девушка не услышала его шагов. Так и есть, Ромашка... Голова чуть опущена, словно девушка крепко о чем-то задумалась, плечи поникли.

"Неужели из-за меня? Прости меня, Ромашка, прости"

Внезапно Мирослав услышал ее голос, в котором прозвучала горькая обида:

- Глупый, глупый венок!

Девушка взмахнула рукой, и колечко желтых цветов мелькнуло в воздухе и мягко шлепнулось на воду. Несколько секунд Мирослав смотрел, как покачиваются на поверхности Родны сплетенные в венок одуванчики, потом бросился вперед, на ходу снимая через голову вышитую рубаху.

Услышав быстрые шаги за спиной, Ромашка поспешила обернуться, но не успела - мимо нее пронесся человек и, сбросив на ходу рубаху, с разбега прыгнул в воду. Потрясенная Ромашка застыла на берегу, взволнованно подняв руки к груди.

Мирослав вынырнул как раз под Ромашкиным венком - случайно это у него получилось или нет, девушка не поняла. Улыбнувшись ей, Мирослав погреб к берегу. Выбравшийся из-под воды недалеко от все еще не пришедшей в себя Ромашки, он снял мокрый и совершенно жалкий на вид венок с головы, причем снял с явным сожалением.

- Зачем же так, - в голосе прозвучал укор, однако взгляд Мирослава показался Ромашке виноватым. - Для кого плела, Ромашка?

Девушка опустила глаза: надо же, ведь всего-то немного не дождалась. И теперь ее и без того не особо ценный подарок превратился в почти бесформенное нечто. Но Мирослав не спешил возвращать его девушке, и, к тому же, он все-таки пришел...

Мирослав стоял перед нею с промокшим венком в руках, полотняные штаны липли к телу, а с волос ручейками стекала вода и бежала по лицу и плечам. Ромашка рассеянно подумала, что, должно быть, вода в Родне еще холодная. Она молчала, упорно не желая отвечать на вопрос - разве не знал Мирослав, для кого? Разве мог сомневаться?

Он улыбнулся.

- Подаришь его мне?

Девушка хотела кивнуть, но взгляд ее снова упал на венок, который после купания в речной воде выглядел далеко не лучшим образом, и Ромашка смущенно прошептала:

- Он мокрый. И некрасивый.

Мирослав повел плечами, будто желал сказать, что все это - совершенно незначительные мелочи.

- Так подаришь?

Ромашка вздохнула и, наконец, согласно кивнула. Мирослав сам опустил мокрые одуванчики себе на голову и улыбнулся.

- Прости меня, Ромашка. Я задержался в дороге.

- Ничего. Не страшно, - пролепетала девушка в ответ.

Чуть нахмурившись, Мирослав вытер ладонью лоб, по которому ползли капельки воды, бросил взгляд на лежащую в траве рубаху.

- Ты же замерзнешь, - заволновалась Ромашка. Она наклонилась, подняла рубаху, но замерла нерешительно, соображая, что на мокром теле ткань тоже вымокнет и не будет греть.

- Не замерзну, - ответил Мирослав, подошел ближе, заглядывая в лицо Ромашке. - Скажи, Ромашка, для кого ты венок плела? Для меня?

Ромашка ответила на его взгляд и, не выдержала, рассмеялась.

- А у тебя есть другие предположения? - поинтересовалась она.

Ее невинный вопрос почему-то озадачил Мирослава, отчего девушке вдруг стало совсем весело. Быть может, это давало о себе знать нервное напряжение сегодняшнего дня, наконец отпустившее душу, но Ромашка над этим не задумывалась. А Мирослав упрямо ждал ответа, хотя, с точки зрения девушки, он был очевиден.

- Для тебя, - сказала Ромашка со вздохом и - словно кто-то отпустил вдруг натянутую струну - как-то сразу стало вдруг легко и спокойно.

- Спасибо, - тихо ответил Мирослав. Он все еще внимательно, очень внимательно смотрел ей в лицо, потом взял из Ромашкиных рук свою рубаху и осторожно надел, стараясь не промочить ткань волосами, с которых все еще капала вода, и не уронить венок. Теперь Ромашка могла до стежка разглядеть вышитый узор на его вороте, и девушка так и делала - смотрела на вышивку, не решаясь поднять глаза.

- Пойдешь за меня?

- Что? - не поняла Ромашка. Она вопросительно посмотрела в светлые глаза Мирослава и вдруг сообразила, что означал его вопрос. Ей стало жарко.

- Ромашка...

Она молчала. Упрямо молчала, пытаясь хотя бы собраться с мыслями, но мысли путались, мешали одна другой. Почему-то сразу вспомнилась Злата - не та заплаканная девушка, что приехала вместе с матерью, братишкой и дедом в Вестовое, а светлокосая красавица,

которая встретила Мирослава в Долине Ручьев, танцевала на обжинках с васильками в волосах... и Ромашка вдруг поняла, что именно ее пугает: по сравнению со Златой она чувствовала себя почти лягушонком, да к тому же Мирослав ведь никогда не говорил ей о любви. Ни разу. И даже не намекнул.

- А разве ты меня любишь? - спросила девушка и затаила дыхание, ожидая ответа.

- Люблю, - лицо Мирослава было совершенно серьезным. Он смотрел прямо в широко открытые глаза девушки, не отводя взгляда. - Люблю. Неужели ты этого не знала, Ромашка?

Она одновременно покачала головой и пожала плечами. Что Ромашка хотела этим сказать - она и сама толком не поняла. А вот Мирослав, кажется, понял, потому что обнял Ромашку, прижал к груди, осторожно, стараясь не намочить ее одежду, потому что под прохладным ветерком девушка вполне могла и простудиться. Но Ромашка уперлась ладошками и чуть отстранилась.

- Не знала, - сказала девушка. - Правда, любишь?

- Правда, - он поднял руку, провел по ее волосам, уводя от лица пепельно-русую прядь. - Ты знаешь, Ромашка, я уже и не представляю, как смог бы жить без тебя.

Щеки девушки вспыхнули, и она поспешила спрятать лицо. Значит, мечты все-таки сбываются? Ромашка боялась в это поверить, но Мирослав был рядом, его руки гладили девушку по спине нежно, ласково, а с ее желтого венка на лицо Мирослава все еще стекала прозрачными капельками вода. Когда одна из таких капелек упала на висок девушки, она подняла голову, и не сразу поняла, почему Мирослав тут же встревожено нахмурился. Лишь потом почувствовала, что по ее лицу тоже бегут капли, только совсем другие, соленые, как морская вода.

Две светлые фигуры медленно шли вдоль реки. Любима узнала своего сына сразу же, несмотря на сгустившиеся сумерки, рассеиваемые лишь пламенем высоких костров. Городская Ромашка держала его за руку. Они подошли и присели на бревнышко недалеко от огня, и тут Любима заметила, что на голове ее сына - венок, а одежда вроде бы влажная, да и волосы за спиной висят мокрой сосулькой. Ромашка жалась к нему, словно это ей было холодно, а

Мирослав обнимал девушку за плечи, что-то ей говорил и улыбался. Потом оба молча смотрели на огонь. "Прав был Вояр, женится наш Мирослав на городской Ромашке" - вздохнула Любима и огляделась. Звана, давняя подруга, стояла с остальными женщинами неподалеку. После того, как приемная дочь Званы ушла вслед за войском Бравлина в поход к городам, Любима перестала общаться с подругой, а вот теперь чувствовала, что придется им поговорить, да поговорить серьезно. "Звана-то всегда рукодельницей была, да и хозяйка она хорошая - может, успела чему городскую девушку научить? Что ж, расспрошу... Может, не так уж это и плохо, если Мирослав городскую в жены возьмет? Все одно ведь, упрямый, не отступится. Вот только Вояр..."

Вояр подошел к жене, остановился. Проследив за его взглядом, Любима вздохнула, тронула мужа за плечо.

- Вояр, ну не серчай так. Кто знает, может оно и к лучшему. Девочка-то ведь ему жизнь спасла. Человек, стало быть, хороший...

Словно почувствовав направленный на него взгляд отца, Мирослав поднял голову, поглядел в их сторону и снова обернулся к Ромашке. Они сидели голова к голове, на лицах играли отблески костра, рука городской Ромашки - в руке Мирослава.

- Нет, - хмуро сказал воевода. - Чужая она, не наша.

- Ну почему же чужая? Звана ее удочерила, - возразила Любима, да как-то неуверенно.

Воевода не ответил - просто отошел, и Любима проводила его печальным, растерянным взглядом.

Глава 37

Ласковое солнце освещало хилые деревца городского парка. Вернее, бывшего городского парка, потому что теперь вокруг ровной площадки, где чудом уцелели квелые ростки у пруда, на добрый десяток километров вокруг остались лишь руины - разрушенные стены, останки зданий, бетон и арматура. Кое-где сохранились еще следы прошлой жизни в виде обломков мебели, которая не пошла на костры зимой и не была утащена кем-то из запасливых горожан на новое место. Аттракционы грудой металлолома лежали на асфальте, а одна детская карусель, несмотря на окружающий ее хаос, даже сохранилась полностью и выглядела вполне пригодной для эксплуатации... если бы, конечно, удалось заново провести к ней электричество. Последний месяц весны украсил деревья в парке белыми цветами, которые осыпались на траву легкими хлопьями лепестков - маленький оазис в самом центре железобетонной пустыни.

А за городом, меньше чем в пяти километрах от стены и опустевшего рва, из скудной земли торчали молодые саженцы. Они еще неуверенно чувствовали себя здесь, на этой неблагодатной почве, и выглядели, несмотря на щедрое удобрение, куда слабее своих братьев и сестер, оставшихся расти в лесах у полноводной Родны. Многим из них не суждено было пережить это лето. Но стоило лишь раз взглянуть на прозрачную дымку свежих зеленых листочков - и становилось понятно, что со временем мертвой земли не будет, а на пустыре зазеленеют деревца, превращая недавнюю безжизненную зону вокруг города в благодатную рощу, где через год-другой не побоятся гнездиться птицы. А редколесье, что тянется от самого Рубежного хребта, возможно, вскоре перестанет быть таким бедным на дичь.

Больше чем в трехстах километрах к югу от городских развалин небольшой приморский городок гудел голосами людей, моторами грузовиков и подъемных кранов. В последние месяцы город напоминал большую стройку - здания пансионатов и гостиниц срочно переоборудовали под жилые дома. Стена на набережной больше не

закрывала от взгляда зеленоватую жижу, что плавно колыхалась под закованными в бетон берегами, но зато теперь можно было увидеть, как на горизонте ясно-голубое небо постепенно переходит, почти сливаясь, в такого же цвета спокойную морскую гладь.

А в густом лесу, у подножия Рубежного хребта, жил своей жизнью небольшой хуторок. Недавно здесь появились новые дома, и хуторяне сперва настороженно приглядывались к чужакам, потом все же приняли их в свою дружную общину, помогли обустроиться, завести хозяйство - в общем, сделали все, чтобы пришельцы со временем привыкли к условиям новой жизни. Поначалу городские держались вместе испуганной кучкой, слегка побаиваясь и не доверяя хуторянам, потом почувствовали себя свободнее и принимали помощь и советы без прежнего смущения.

А помощь нужна была многим. Старушка-лекарка все качала головой, глядя на хилых и немощных на ее взгляд горожан, отпаивала их целебными отварами, дивясь про себя, как же они в городе-то и без природных лекарств не повымирали все. Особенное удивление у нее вызывал немолодой уже человек, который пришел на хутор вместе с молодежью без семьи, без родных. Когда старушка узнала, сколько ему лет - она очень удивилась - выглядел этот человек куда старше. Он говорил, что преподавал в университете, обучал молодых людей разным наукам, но теперь же он сам был похож на маленького мальчика, который впервые в жизни ступил за порог и удивился: как же огромен и прекрасен мир. Поначалу пожилой преподаватель много болел и выжил, наверное, только благодаря заботе старой женщины, но весь последний месяц, едва только по-настоящему теплыми стали солнечные лучи, он не засиживался в доме, постоянно уходил куда-нибудь на целый день и, возвращаясь к вечеру, помогал по хозяйству, чем мог, лекарке, а после сидел на крыльце ее дома, слушая трели соловья, наблюдая, как носятся над домами маленькие черные тени летучих мышей и улыбался, улыбался как ребенок...

Старые яблони медленно роняли в траву нежно-розовые лепестки. Недалеко от берега Родны старейшина Светозар разрешил строить новый дом, и теперь каждый день с самого утра на краю поселка слышен был стук топоров и визг пил - обстругали, очистили от коры

круглые бревна и сложили из них на пустыре первый венец небольшой четырехстенки, потом второй, третий...

Рядом с мужчинами работали и мальчишки - проворные и любопытные, они помогали страшим, заодно и приглядываясь, что и как делается, постигая на будущее полезную науку. Димка постоянно крутился подле старшего брата, и Тур улыбался, думая о том, что мальчишка оказался понятливым и сметливым, многому научится: вон уже пытается бревна обстругивать, просит дать ему инструмент.

На примятую траву летели золотистые стружки. Эти деревянные, душистые локоны отчего-то особенно нравились Ромашке, и если получалась очень длинная, красивая стружка Тур поднимал ее и прятал в карман широких рабочих штанов, а вечером радовал ею свою младшую сестричку. Надо же, Ромашка никогда не видела, как строят дома, настоящие дома, и даже не представляла, что все это возможно сделать без подъемных кранов и машин-грузовиков, без станков и сложных приборов.

Неподалеку от Тура работал Мирослав. Это ему и Ромашке строили всем поселком избу у реки. Тур же с Веселинкой решили после свадьбы у тетушки Званы жить, и такому решению обрадовалась и мать Тура, и Димка. Веселинка тетушке Зване нравилась, и мать уже загодя готовилась к осени, по скромному мнению Тура, готовилась чересчур активно. Ведь кому-кому, а это именно подругам Ромашке и Веселинке надо было готовиться, Ромашке особенно. Ведь Веселинка-то себе приданное давно поди приготовила, а вот названная сестра Тура теперь почти весь день просиживала с иголкой в руках - все шила да вышивала. Иной раз тетушка Звана Ромашку едва ли не силой на улицу выгоняла, на солнышко, потому что девушка непременно хотела все-все успеть до осени - и рубашку свадебную, и рушники. Тур посмеивался про себя, на нее глядя: "С таким-то усердием всех наших мастериц за пояс заткнет". Если ему приходило в голову сказать что-нибудь такое вслух, Ромашка только досадливо и сердито отмахивалась, но по глазам видно было - довольна.

Работа спорилась. На месте будущей избы вырыли и укрепили подпол, перенесли с пустыря да уложили на дубовые подвалки первый венец, первые бревна для будущих стен. Рядом выпиливали доски для пола, потолка и внутренних стенок. И погода словно вздумала помочь строителям - ни дождика, ни холода, ни ненастья - все ясные дни,

солнечные, теплые. В один из таких дней Тур и приметил, что по поселковой улице идет к ним сам воевода Вояр. Негромко окликнув друга, Тур сообщил ему:

- Вон отец твой.

Мирослав глянул на дорогу и нахмурил светлые брови. Потом, отложив инструмент, неторопливо пошел туда, где неподалеку от шумной стройки остановился воевода.

На ходу отряхивая руки от древесной пыли, Мирослав прошел мимо занятых работой мужчин и встал у протоптанной к месту будущего дома тропинки.

- Здравствуй, отец.

Воевода хмурился, и со стороны могло показаться, что он чем-то недоволен. Мирослав не обратил на это внимания - уже привык, что не всегда сведенные к переносице брови означают гнев или недовольство.

- Здравствуй, - ответил воевода, помолчал немного, глядя куда-то за спину сына, и произнес: - Хорошее место для дома выбрали.

- Хорошее, - подтвердил Мирослав, и тоже оглянулся, окинул взглядом шумную стройку, улыбнулся, представив, что скоро на этом самом месте будет стоять его дом. Его и Ромашки. Он снова повернулся к отцу. Прекрасно представляя себе, насколько трудно было воеводе первым подойти к сыну, Мирослав не ждал от него слов примирения - нет, конечно же. Но одно то, что отец пришел сюда, на стройку, заговорил с ним - уже значило очень и очень много.

Думать о том, изменил ли Вояр свое мнение о сыне или просто решил примириться, дабы не расстраивать жену, Мирослав не стал - еще успеется. Да и вряд ли такой человек, как воевода Вояр из Вестового, стал бы делать что-то неправильное с его точки зрения, даже ради Любимы.

- Ты где теперь живешь?

- У Светела, - сказал Мирослав. Тур хотел было пригласить друга пока пожить у него, да Мирослав отказался - из-за Ромашки: негоже жениху и невесте под одной крышей жить, да еще и перед самой свадьбой. Конечно, всякое в жизни случается, но если уж Светел сам предложил пока Мирославу пожить у него, значит не стоит лишний раз смущать Ромашку. Хотя девушка, кажется, расстроилась, когда Тур сказал ей, что Мирослав во время постройки дома будет жить не у них.

Вернуться к родителям Мирослав не мог да пока и не хотел. Даже если б воевода вдруг пригласил его домой - отказался бы. Вояр это, по-видимому, понимал, потому о возвращении Мирослава домой не говорил. Спросил вместо этого:

- Женишься, значит?

- Да.

- На Ромашке?

Получив снова утвердительный ответ, воевода произнес:

- Ну что ж, мастера здесь собрались хорошие - быстро дом построите.

И, развернувшись, ушел. Мирослав некоторое время задумчиво смотрел в землю, потом вернулся к прерванной работе. На вопрос Тура "что там?" - лишь повел плечами, но вслух ничего не сказал.

Весь день Мирослав мысленно возвращался к короткому визиту отца, пытаясь понять, что бы значили его слова. Гадать пришлось недолго - наутро Вояр как-то незаметно появился среди остальных и принялся помогать в постройке.

- Воевода пришел, - сообщил Димка, первее Тура и Мирослава углядевший Вояра неподалеку за обтесыванием бревен. На этот раз Мирослав не стал подходить или оборачиваться - лишь улыбнулся и продолжал работать.

Дом действительно построили быстро - и месяца не прошло, как стояла изба готовая. А еще раньше, чем сложили кровлю из промоченных глиняным раствором снопов, перебрался в недостроенный дом Мирослав и ночевал теперь там. И Ромашка, и Тур с Димкой часто засиживались у бревенчатой стены, глядя, как неподалеку серебрится речка. Работы для Мирослава еще оставалось много - рамы сбить, окна поставить, крыльцо смастерить да украсить резьбой, а еще печника пригласить, чтобы печь сложил да трубу над крышей вывел. Вот завьется веселый дымок - тогда уж, пожалуй, можно будет считать, что строительство дома окончено.

Печник приехал из Родня и работал несколько дней. А после в готовый принять новоселов дом Мирослав принес маленького котенка, пушистого, бело-серого, с большущими внимательными глазами. Котенок смело обошел весь дом, поглядел по углам и, при первой же

возможности забрался на руки к Ромашке, взволнованно наблюдавшей за прогулкой хвостатого малыша.

Лето близилось к середине. Постепенно волнения, бушевавшие в душе Ромашки в связи с предстоящей свадьбой, немного поутихли. Девушка бегала с подругами к Родне - на разлив, подальше от поселка, и плескалась вместе со всеми в прозрачной, чистой воде. Поначалу тетушка Звана не пускала Ромашку к реке купаться, но Тур вызвался научить девушку плавать, и справился с этой задачей ровно настолько, чтобы Ромашка могла держаться на воде, медленно выгребая "по-собачьи" и поднимая фонтаны брызг. Дальше уже Ромашку учила Веселинка.

Обучение у Любомиры Ромашка тоже не забросила - она часто уезжала в Родень и жила там дней пять кряду, стремясь получить как можно больше знаний, чтобы после уже дома заниматься самой. Успехи Ромашки были пока невелики - она все еще не могла передавать мысленно и простейшие сигналы, но зато руки ее научились усмирять боль. Самой, собственными руками свести, например, синяк или снять опухоль от ушиба - без лекарства, без компрессов и примочек, - это Ромашка воспринимала уже почти как чудо, хотя, в сущности, подобное могли очень и очень многие.

Однажды, во время такого пятидневного визита в Родень, Ромашка сидела с другими ученицами под старой яблоней у дома Любомиры. Ее негромко окликнули по имени и, обернувшись, девушка увидела Сивера с большим свертком в руках. Она подошла и поздоровалась.

- Держи вот, - сказал Сивер и протянул ей сверток.

Ромашка удивленно подставила руки, и ее пальцы нащупали под тканью что-то твердое странной формы.

- Что это?

- Да так... - Сивер провел пятерней по смолянисто-черным волосам и кашлянул. Как показалось Ромашке - смущенно.

- Можно развернуть?

Он кивнул. Девушка присела, осторожно поставила сверток на траву и принялась разворачивать. Когда ее взгляду предстал искусно вырезанный из дерева корабль - совсем как те, что приплывали из Камы, - Ромашка не сдержала восхищенного возгласа:

- Какая красота!

Осторожно водя пальцами по резным бортам, трогая ростру на носу корабля, выполненную в виде диковинного зверя, Ромашка рассматривала неожиданный подарок, все больше и больше изумляясь мастерству, с которым он был исполнен.

- Неужели это ты сделал? Как красиво... Это правда мне?

- Тебе.

- А... - Ромашка подняла глаза, и на лице ее отразилось недоумение. - А почему?

Сивер пожал плечами.

- Говорят, замуж выходишь.

- Так то еще когда, - улыбнулась девушка.

- Ну, - снова пожатие плечами, - тогда это - просто так. Просто подарок.

- Спасибо, - растерянно пробормотала Ромашка.

Сивер хмыкнул. На девушку он не смотрел, вернее, не смотрел ей в лицо - взгляд голубых глаз был прикован к пальцами Ромашки, поглаживающим светлое дерево. Ромашка тоже опустила глаза. Ей казалось, что надо что-то сказать, но как-то слова не находились. Потом вспомнила, что тетушка Звана про Сивера спрашивала.

- Тебя в Вестовом давно не видели, - сказала Ромашка.

В это время к Ромашке подошли две близняшки - ученицы Любомиры - и с любопытством разглядывали корабль, а изредка косились опасливо на Сивера - девочки его отчего-то побаивались.

- А что мне там делать, в Вестовом-то?

- Ну... - Ромашка задумалась, и Сивер усмехнулся:

- Вот то-то же.

Он отвернулся и пошел по улице неторопливым шагом. Ромашка озадаченно смотрела ему вслед, но в это время одна из близняшек зачем-то начала дергать ее за рукав.

- А если мы с Надей попросим - сделает нам дядя Сивер такой кораблик? - шепотом спросила девочка.

- Не знаю, - ответила Ромашка и, вдруг подумав о чем-то, улыбнулась лукаво. - А попросите - тогда и узнаете.

И девочки попросили. Едва ли не дрожа от страха, прячась друг за дружку, пришли вместе с еще двумя младшими подружками к Сиверу, когда он на дворе инструменты натачивал, и попросили... Неизвестно

кто из них больше удивился такому повороту дел - девочки или сам Сивер, но, поворчав на малявок, он согласился. Правда он грозным голосом предупредил, чтобы больше к нему не ходили и работать не мешали, и тогда сделает им корабль, ну, может, не такой большой, а поменьше... Об этом довольные близняшки сообщили Ромашке через неделю, а вскоре девушка поняла, что после уроков девчонки все-таки бегают к двухэтажному дому на краю площади и, не обращая внимания на ворчание Сивера, замечательно проводят время, наблюдая, как "дядя Сивер" делает им кораблик.

Быть может, чтобы избавиться от постоянного присутствия назойливой малышни, Сивер быстро сделал им игрушки, и не одну, а целых две - для каждой из близняшек. И их подружкам еще сделать обещал. Обещал, правда, нехотя, но не обижать же детей отказом!

А дело шло к осени. На огородах и в садах зрели плоды, и в Вестовом вовсю готовились к уборке урожая. В один ясный, солнечный день, когда тетушка Звана уже поставила в печку горшок с кашей к ужину, а Ромашка сидела под окошком на лавочке, разглядывая только что оконченную вышивку на свадебной рубашке, в открытую дверь дома Туровой матери постучали. Тетушка Звана будто бы удивилась, увидев на крыльце свою подругу, которая уж давненько не заходила, и даже на улице поговорить редко останавливалась, но все-таки улыбнулась радостно и произнесла:

- А, Любима! Здравствуй. Проходи, проходи!

Ромашка невольно вздрогнула и подняла взгляд. Мать Мирослава вошла в горницу, огляделась, наткнувшись на Ромашку взглядом, чуть нахмурила тонкие темные брови.

- Здравствуй, Звана и ты, Ромашка... - помолчала немного и добавила. - Мне бы, Звана, с тобою поговорить надобно.

Тетушка Звана обернулась к девушке, и Ромашка поняла, что женщинам надо наедине пообщаться. Она осторожно сложила рубашку, которая все еще была в ее руках, положила на лавку и вышла, чуть притворив за собою дверь.

Сидя на завалинке под стенкой, девушка смотрела в светлое небо сквозь листья старой вишни, с которой только вчера они с Димкой собирали в корзину ягоды. "Интересно, помирился Мирослав с отцом? Тур рассказывал, воевода со всеми сыну на строительстве помогал,

стало быть, помирились... А зачем, интересно, мать Мирослава сегодня пришла? Обо мне поговорить? Наверное. Иначе зачем бы им наедине понадобилось." Почему-то Ромашке было немного неприятно от того, что тетушка Звана согласилась наедине с Любимой ее, Ромашку, обсуждать. "Будто я сама про себя не расскажу!" - недоумевала девушка, но потом, подумав еще немного над этим, решила, что вернее всего хочет Любима разузнать, будет ли жена ее сына хорошей хозяйкой, много ли умеет. Ведь ни для кого не секрет, что в городе Ромашку всему необходимому для жизни в поселке научить не могли.

Вечером два дня назад из Родня пришло известие, что надобно Туру с Мирославом явиться на Совет Старейшин. Ромашку новость эта встревожила немного, но девушка знала, что война с городами окончена, что походов больше не будет, а потому незачем и волноваться. Но только на сердце было как-то неспокойно, да еще и тетушка Звана взволновалась, потому как сына ее старейшины редко к себе звали. Тур с Мирославом собрались быстро и на следующее же утро в Родень уехали, и Ромашка надеялась, что вернутся они если уж не сегодня, то хотя бы завтра - как ни странно, успела соскучиться и по Мирославу, и по названному брату своему.

Тетушка Звана выглянула на крыльцо и махнула девушке рукой:

- Поди сюда, Ромашка.

Девушка поднялась, медленнее, чем обычно, отряхнула платье и вошла в дом. Ей было отчего-то неловко, да и мать Мирослава встретила ее внимательным изучающим взглядом, а потом к тетушке Зване обернулась.

- Так мы вечером зайдем к тебе, Звана, с Вояром.

И вышла. Мать Тура проводила Любиму до порога, потом села на скамью у стола и с улыбкой поглядела на девушку, да прищурилась лукаво.

- Не иначе сватать тебя придут, честь по чести, как водится...

Ромашка лишь неопределенно повела плечами. Сказать правду, она все-таки немного побаивалась воеводу, да и относилась к нему без особой симпатии, потому и не обрадовалась, хотя и должна бы.

Вечером родители Мирослава, как и обещалось, переступили порог дома тетушка Званы и сели на длинные лавки. Любима поглядывала то на мужа, то на Ромашку, воевода хмурился и больше

разглядывал свои широкие ладони да покрытую мелкими царапинами деревянную столешницу.

- Ну что ж, Звана, - начала Любима, но не успела она закончить фразу, как входная дверь снова распахнулась.

Тур вошел и нерешительно остановился, уставившись на вечерних гостей, потом произнес:

- Здравствуйте.

И тут Ромашка, все еще сидевшая под окошком на лавочке, заметила, что за спиной ее названного брата стоит Мирослав. И тоже недоуменно хмурится.

Тур помялся на пороге, сделал шаг вперед, пропустив и Мирослава, который поздоровался, обвел взглядом всех сидящих за столом и обернулся к Ромашке. По глазам его девушка поняла - что-то случилось, плохое или нет - непонятно, но уж во всяком случае новость ее не обрадует - взгляд Мирослава говорил об этом ясно. Девушка замерла напряженно, словно натянутая струна, а Мирослав улыбнулся успокаивающе уголками губ и отвел глаза. Теперь он смотрел на родителей. Похоже, Любима заметила в его взгляде то же, что и Ромашка, и вглядывалась в лицо сына, пытаясь понять, что же произошло, какие новости привезли ее сын с Туром из Родня.

Под вопросительными взглядами матери, родителей друга и Ромашки, Тур сказал, наконец:

- Мы уезжаем завтра.

- Куда? - одновременно спросили Звана и Любима.

- В города...

- В города?

Мирослав снова смотрел на Ромашку. Удивленные глаза девушка казались неестественно большими на побледневшем лице.

- Решено собрать совет городов, и тех, кто был добровольцами, попросили на нем присутствовать, - громко сказал Мирослав. - Завтра утром мы снова в Родень, потом в Каму, а там со Святоградцами вместе поедем на совет городов.

"Как же так? Неужели снова?" - успела подумать Ромашка, когда мать Мирослава прервала молчание.

- Что ж, Звана, значит, тебе сына в дорогу собирать... Тогда, наверное, отложим-ка мы наш разговор, не будем сборам мешать.

Она поднялась вместе с Вояром и направилась к выходу. На пороге остановилась возле сына. Мирослав ночевал в новом доме, но Любима очень надеялась, что перед отъездом сын зайдет к ней.

- Я зайду, мама, только попозже, - сказал Мирослав, и Любима со вздохом кивнула. Вояр лишь глянул на сына, а перед тем как выйти из дома, обернулся, и долгим, внимательным взглядом окинул поднявшуюся с лавки Ромашку.

Ночь была тихая, лунная. Листья старой вишни едва шелестели под легким вечерним ветерком. Темнело... Ромашка сидела на завалинке, прижавшись к плечу Мирослава. Она не плакала - лишь несколько слезинок прочертили блестящие дорожки на ее щеках. "Это ненадолго, - сказал Мирослав. - Мы поедем в город, что немного севернее твоего... Совет будет длиться всего несколько дней, так что мы с Туром вернемся недели через три, а может, и того раньше. Ты слышишь, Ромашка?" Она слышала. "Неужели снова? Снова прощаться? - думала она. - Не хочу, не хочу больше". Но делать было нечего. Ромашку Мирослав не звал с собой, да и сама девушка понимала - сейчас ее помощь тетушке Зване потребуется куда больше. Девушка вздохнула и подняла голову. Мирослав смотрел на нее, серые глаза едва поблескивали в сгущающихся сумерках, светлые с сединой волосы аккуратно зачесаны назад, связаны на затылке подаренной ею вышитой ленточкой.

- Я буду ждать тебя, - прошептала Ромашка.

Мирослав не ответил, лишь улыбнулся и ласково провел ладонью по ее волосам.

- Я присмотрю за домом, - сказала девушка, а вспомнив забавную мордочку котенка, добавила: - и Тишку буду кормить. Ты только возвращайся скорей...

Ранним утром, когда лишь крики первых петухов пронеслись над поселком, приветствуя рождающийся день, по деревянному мосту через Родну проскакали две лошадки - пегая и гнедая, со всадниками на спинах. Один всадник был широкоплечий рыжий великан с ярко-голубыми глазами, второй - худощавый, со светлыми с сильной проседью волосами, собранными вышитой ленточкой в хвост на затылке. Родители обоих путников вышли проводить их к берегу, но,

едва лошади тронулись, медленно развернулись и пошли по домам. И только двое остались на берегу: невысокая девушка с коротенькой - едва до середины лопаток - косичкой, и смуглый от летнего загара мальчик лет одиннадцати. Они все смотрели и смотрели вслед скрывшимся за поворотом дороги всадникам, пока стук копыт не затих вдали. А внизу, под берегом, качая в легкой ряби отражение неба и леса, несла свои воды Родна.

Эпилог

Над зелеными холмами, над лесами, едва тронутыми кистью осени, над серебристыми лентами рек и ручейков плыло в ясном небе синее крыло параплана. Любопытные птицы иногда принимали летательный аппарат за своего диковинного собрата, и тогда некоторое время летели рядом, удивленно переговариваясь, потому что большая синяя птица под крылом своим несла людей. Сделав небольшой круг над разлившейся до самого горизонта голубой равниной моря, параплан начал снижаться. Он приземлился на укрытом невысокой травой каменистом берегу. Едва освободившись от ремней, девушка с заплетенными в косичку пепельно-русыми волосами побежала к воде. Молодой мужчина - ее спутник - последовал за ней.

Вода с негромким шелестом ворочала мелкую гальку. Косые лучи клонящегося к закату солнца не просвечивали бирюзу моря до дна, но на мелководье было видно камни под водой и - кое где - поросли пушистых темно-зеленых водорослей, которые качались в такт прибоя.

Ромашка подошла к самой воде, тронула пальцами подбежавшую к берегу волну с белоснежными барашками пены - словно погладила.

"Так вот ты какое - море..."

Море... Ромашка узнавала его, хотя и не видела ни ярких изумрудных волн, ни солнечной или лунной дорожки на водной глади, как на любимых картинах, но это все равно было море, и оно оказалось действительно прекрасным и... и таким живым!

Над головой кричали чайки. Несколько белокрылых птиц опустились на берег неподалеку от людей и деловито разгребали гальку крепкими клювами в поисках какого-нибудь лакомства. В воде

изредка мелькали коричневатые спинки рыб. Море пахло. Пахло приятно солью и чем-то еще непонятным, неведомым, но почему-то таким знакомым, словно здесь, на берегу, под голоса чаек и шепот воды пробуждалась память далеких предков. Разувшись, Ромашка подкатила штаны и осторожно встала на мокрую, холодную гальку. В следующий миг вода накрыла ее ступни, но девушка не вздрогнула, осталась стоять на месте - она знакомилась с морем, а море знакомилось с ней.

И все-таки ногам было неуютно в холодной воде. Ромашка отошла назад, на сухие камни, и села. Рядом - она слышала - опустился на гальку Мирослав. Он молчал, и девушка тоже молчала. Сейчас Ромашка чувствовала себя, наверное, самым счастливым человеком на свете, потому что ведь далеко не у каждого сбываются в жизни все мечты, а вот у Ромашки, кажется, сбылись. Рядом с нею был Мирослав - человек, так негаданно встреченный ею на улицах большого города. А море... море, ее детская мечта, которую Ромашка пронесла через всю жизнь, море, которое она видела сначала только на картинах в музее, а потом - у приморского города, превращенным в огромное зловонное болото, море, которое снилось ей, которое девушка не осмеливалась даже нарисовать, но представляла себе так ясно и красочно - море разливалось перед нею до самого горизонта, поблескивая отраженными лучами солнца. Оно разговаривало с нею, оно пело, жило своей жизнью, таинственной и волшебной.

Солнце спряталось за горизонт, а в небе зажглись огоньки звезд, которые нигде не бывают такими яркими и близкими, как на морском берегу. Мягко светила луна, и горизонт, постепенно растворяясь в жидком серебре ее света, казался теперь вполне достижимым.

На отполированной волнами гальке все так же сидели два человека, только теперь молодой мужчина со светлыми волосами крепко прижимал девушку к себе, чтобы не дать ей замерзнуть под прохладным ветерком, и кутал ее в свою куртку. Он ждал, что после долгого дня девушку смотрит сон, но не тут-то было. Широко открытыми глазами она смотрела на море.